

ВЕРНОР ВИНДЖ

Конец радуг

3 1
4 0
2 8
5 6
0 7
1 8
3 2
6 4

SCIENCE FICTION

БЕРНОР ВИНДЖ

VERNOR VINGE

Rainbows End

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Coe)-44
В48

Vernor Vinge
RAINBOWS END

Перевод с английского М.Б. Левина

Оформление А.А. Кудрявцева

Компьютерный дизайн С.В. Шумина

Печатается с разрешения издательства
St. Martin's Press, LLC. и Permissions & Rights Ltd.

Подписано в печать 07.05.08. Формат 84х108 1/32.
Усл. печ. л. 23,52. Тираж 4000 экз. Заказ № 1296.

Виндж, В.

**В48 Конец радуг : [фантаст. роман] / Вернор Виндж; пер. с англ.
М.Б. Левина. — М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2008. — 446, [2] с.**

ISBN 978-5-17-044901-9 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 978-5-9713-6100-8 (ООО Издательство «АСТ МОСКВА»)

...Близкое будущее.

Эра расцвета нанотехнологий и генной инженерии.

Эпоха хрупкого равновесия, установившегося наконец между новыми
«хозяевами мира» — гигантскими сверхдержавами.

Но теперь это равновесие вот-вот рухнет...

В секретных американских лабораториях разрабатывается уникальный
вирус, позволяющий зомбировать миллионы людей.

Правда ли это?

Расследование начинают трое агентов спецслужб Индоевропейского
альянса...

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Coe)-44

© Vernor Vinge, 2006

© Перевод. М.Б. Левин, 2007

© ООО Издательство «АСТ МОСКВА», 2008

*Интернет-средствам познания,
изменяющим нашу жизнь:
Wikipedia, Google, eBay
и прочим представителям этого славного рода —
нынешним и будущим —
посвящается.*

100

101

102

103

104

105

106

107

108

109

110

111

Пролог

СЛЕПАЯ УДАЧА И ПРОЗОРЛИВАЯ МЫСЛЬ

Первый случай слепой удачи явился в маске общественно-го недоумения, выраженного Европейскому центру защиты от болезней. Двадцать третьего июля школьники из Алжира заявили, что по Средиземноморью распространяется эпидемия респираторного заболевания. В основе заявления лежал интеллектуальный анализ данных по антителам от систем массовой рассылки в Алжире и Неаполе.

ЦЗБ не стал сразу давать комментарии, но не прошло и трех часов, как хоббисты здравоохранения опубликовали аналогичные результаты по другим городам, приложив карты заражения. Эпидемия продолжалась уже не меньше недели, начавшись, вероятно, в Центральной Африке, вне зоны наблюдений хоббистов.

К тому времени, когда ЦЗБ составил заявление для общественности, болезнь уже была обнаружена в Индии и в Северной Америке. Хуже того, один журналист из Сиэтла выделил и определил инфекционный агент, который оказался псевдомимивирусом. Более неприятного поворота дела пиарщики не могли себе и представить: в конце десятых годов ЦЗБ оправдывал свой раздутый бюджет блестящей защитой от культа Ново-

го Восхода. Чума Восхода была вторым по значимости ужасом того десятилетия, и только руководство ЦЗБ смогло предотвратить распространение несчастья по всему миру.

Возбудителем Чумы Восхода был псевдомимивирус.

В ЦЗБ оставались еще грамотные люди — те самые специалисты, что спасли мир в 2017 году, и с вопросом 23 июля они разобрались быстро. Департамент по связи с общественностью теперь мог слепить более или менее точное заявление: да, этот псевдомимивирус ушел от стандартных протоколов уведомления. Причина заключается всего лишь в программной ошибке сайта Центра «Текущие события». Да, действительно, вирус этот может быть производным от Чумы Восхода. Денатурированные штаммы исходного вируса, оптимизированные по летальности, продолжают проявляться в мире как постоянное добавление к фоновому шуму биосферы. Их уже замечали в текущем году, один — всего пять дней назад, 18 июля. Более того (здесь к пиарщикам вернулся их обычный напор), *все* такие случаи были субклиническими, без проявления каких-либо симптомов. У псевдомимивирусов — огромный геном (ну, для вирусов огромный, для всего остального — очень маленький). Культ Нового Восхода преобразовал этот геном в швейцарский перочинный ножик, где есть инструмент борьбы против любой защиты. Но без такой оптимизации псевдомимивирусы — всего лишь здоровенные мешки с мусором ДНК. «В заключение ЦЗБ приносит свои извинения за небрежность, проявленную в том, что общественность не была информирована об этом рутинном событии».

Прошла неделя. Две недели. Случаев обнаружения данного организма более не отмечалось. Наблюдения за антителами показали, что эпидемия не вышла за пределы Средиземноморья. Сообщение ЦЗБ о случайном выбросе было абсолютно правдивым. Выражение «субклиническая эпидемия респираторного заболевания» — почти терминологическое противоречие, если ни одна жертва из тысячи даже не чихнула, а вирус странствует по миру, чуть ли не побираясь милостыней.

Объяснения ЦЗБ были приняты. Хоббисты здравоохранения спекулировали на рутинном событии.

На самом деле в версии ЦЗБ был только один прокол, да и тот успешно избежал внимания публики: отсутствие объявления о вирусе не было связано с неразберихой на публичном сайте. Это был глюк в только что модернизированной внутренней системе оповещения Центра, и ответственные специалисты так же остались в неведении о событии, как и широкая общественность. И тех, и других всколыхнули хоббисты.

Во внутренних кругах разведки ЕС служили люди, которые таких ляпов не прощают: люди, воюющие с террором каждый день. Люди, о величайших успехах которых никто никогда не услышит, а их провалы были бы похлеще Чумы Восхода.

Естественно, что эти люди были и параноидальны, и одержимы. Совет Разведки ЕС назначил одного из лучших своих агентов, молодого немца по имени Гюнберк Браун, проследить за проводимой по-тихому реорганизацией ЦЗБ. В тех департаментах разведки, где Брауна знали, он был даже знаменит — как одержимый среди одержимых. Как бы там ни было, он и его люди быстренько отладили структуру внутренней отчетности ЦЗБ, а потом предприняли реорганизацию работы всего Центра, которая затянулась на полгода и состояла из внезапных «учебных тревог», причем угрозы и вводные данные были настолько неожиданны, что эпидемиологи себе такого и вообразить не могли.

В ЦЗБ эти «тревоги» стали пыткой для неумелых и откровением — для талантливых. Но режим учебных тревог продержался меньше двух месяцев и закончился одной рекламой на футбольном матче.

Первая отборочная встреча чемпионата мира «Греция — Пакистан» состоялась 20 сентября в Лахоре. Встречи Греции с Пакистаном имели свою традицию — или, быть может, спонсоры были старомодны, но, как бы там ни было, реклама там делалась вслепую, в стиле двадцатого века. Крутили ролики, где каждое объявление мог видеть любой. Продавали рекламное место и на внутренних заграждениях стадиона, но даже эта реклама не имела целевого зрителя.

На матче произошло примечательнейшее событие (даже два, если учесть, что Греция выиграла). После первого тайма

была показана тридцатисекундная реклама медовой нуги. Через час несколько самостоятельных аналитиков рынка отметили резкий взлет продаж нуги, начавшийся через три минуты после рекламы. Единственный ролик окупился сторицей. Это казалось сном — по крайней мере для тех, кто повернут на искусстве маркетинга. Весь остаток дня эти миллионы обсуждали невероятное событие. Рекламный ролик разбирали по косточкам. Ничем не примечательная штучка оказалась вполне достойна той третьесортной компании, что ее снимала. Существенно, что там не было никакого воздействия на подсознательном уровне (хотя именно его и мечтали найти все, кто его изучал). Время ожидания и крутизна всплеска совсем не походили на обычную реакцию на рекламу. Через несколько часов все вменяемые участники согласились, что Чудо Медовой Нуги — мираж такого рода, который возникает при современных возможностях раскапывания данных: если наблюдать за триллионом событий, то совпадения, случающиеся раз на миллион, будут достаточно заметны. К концу дня шум стих сам собой, оставив в море общественной жизни слабую рябь.

Но не все наблюдатели утратили интерес к событию. Гюнберк Браун, как почти все представители внутренних кругов Разведки ЕС, питал огромное (да нет, скажем откровенно: *патническое*) уважение к мощи анализа открытых данных. Одна из его групп заметила Чудо Медовой Нуги. Рассмотрела обсуждение. Да, действительно, это явление было почти наверняка чудом. И все же оставались еще дополнительные вопросы, которые можно было задать; среди них — и вопросы, на которые правительства умели отвечать профессионально.

Вот здесь и проявилась во второй раз слепая удача. Брауну стукнуло в голову устроить учебную тревогу: аналитикам ЦЗБ поручили исследовать значение Чуда Медовой Нуги для *здравоохранения*. Каково бы ни было практическое содержание этой загадки, Центру пришлось поупражняться в проведении тайного и срочного исследования в реальном времени. Это казалось не большим идиотизмом, чем все предыдущие учения, а к тому моменту самые умелые специалисты ЦЗБ в подобных развлекениях поднаторели здорово. Они быстро сгенерировали

тысячу гипотез и наваяли с полмиллиона тестов — семена деревьев поиска для данного исследования.

За следующие два дня аналитики ЦЗБ прошлись по этим деревьям, расширяя и обрезая побеги — постоянно со статистическими ограничениями; такая работа может породить куда больше миражей, чем снилось хоббистам маркетинга. Только список тем заполнил бы древнюю телефонную книгу. Вот основные, расположенные должным образом для создания драматического эффекта:

Между всплеском спроса и рекламой медовой нуги связи нет. Это заключение было выведено не из теоретического анализа: в ЦЗБ показали тот самый ролик небольшой группе. Точно так же испытали все другие рекламные объявления, демонстрировавшиеся в перерыве. Один из роликов — реклама службы знакомств, показанный в сокращении, — вызвал спорадический интерес к нуге (этот ролик был насыщен графическими элементами и демонстрировался на отвлекающем фоне муарового пересечения линий). Далее по дереву тестирования ролик службы знакомств был прокручен перед различными специализированными аудиториями. В частности, он не возымел выраженного действия на лиц с антителами к псевдомимивирусу 23 июля.

Ролик службы знакомств провоцировал влечение к нуге, когда его показывали лицам, зараженным более ранним псевдомимивирусом 18 июля, о котором ЦЗБ оповестил всех должным образом.

В детстве Гюнберк Браун часто мечтал, как в прежние времена он бы предотвратил бомбежку Дрездена, остановил нацистов, не дав им построить лагеря смерти, или не допустил бы, чтобы Сталин выморил голодом Украину. В те далекие дни, когда он не мог влиять на политику государств, маленький Гюнберк представлял себе, что мог бы сделать 7 декабря 1941 года на радарном форпосте на Гавайях или как агент американского ФБР в августе 2001 года.

Наверное, все мальчишки проходят через эту стадию, не зная исторического контекста, просто мечтая быть героем-спасителем.

Но, читая этот последний доклад, Браун понимал, что оказался в гуще событий, сравнимых по масштабу с его детскими

фантазиями. Псевдомимивирус 18 июля и реклама на футбольном матче вместе составляли невероятно точно построенный тест, испытание новой концепции оружия. Если такое оружие будет развернуто, по сравнению с ним Чума Восхода покажется просто дурацкой игрушкой. Как минимум — биологическое оружие станет наносить столь же точные и внезапные удары, как пули и бомбы: исподволь заразить население случайно распространяющейся болезнью, совершенно необнаружимой, а потом — бах! — слепота, увечье, смерть, единичные — от электронного письма, или миллиардами — от широкоэвещательного сообщения, причем все это настолько быстро, что не успеют никакие «защитные меры».

Будь Браун человеком из ЦЗБ, такое открытие дало бы сигнал тревоги всем организациям здравоохранения Индо-Европейского Альянса, а также Центру по борьбе с заболеваниями в Америке и Центру профилактики заболеваний в Китае.

Но Гюнберк Браун не был эпидемиологом. Он был сотрудником тайной службы — слишком параноидальным, даже для этой работы. Учения проводились под его личным контролем, и сделать так, чтобы новость не распространилась, ему было просто. Тем временем он задействовал своих людей в Разведке ЕС и Индо-Европейском Альянсе. Через несколько часов он уже всю работу в нескольких проектах.

Браун привлек лучшего эксперта по культам в индо-европейской разведке и вывалил ей все факты. Добрался до сведений военной разведки Альянса по Центральной Африке и государствам-изгоям на периферии современного мира. Нашлись четкие указания на происхождение псевдомимивируса 18 июля. Эти исследования уже не были биологическими, но аналитики Брауна очень походили на лучших аналитиков ЦЗБ, только они были умнее, их было больше и у них были куда более глубокие источники. И даже при этом им все-таки повезло: за следующие три дня они смогли сложить два и два (и еще два, и еще два, и еще два...) Так что в конце работы Гюнберк Браун уже имел достаточно четкое понимание, кто стоит за этим испытанием оружия.

И впервые в жизни Гюнберку стало по-настоящему страшно.

МИСТЕР КРОЛИК ПОСЕЩАЕТ БАРСЕЛОНУ

В разведке Индо-Европейского Альянса имелась горсточка служебных суперзвезд, таких, каким был в Разведке ЕС Гюнберк Браун. Личности их, стоило надеяться, не известны широкой публике, или же сведения о них звучали противоречиво. У этих суперзвезд были собственные герои. В частности, когда люди вроде Гюнберка Брауна сталкивались с самыми отчаянными проблемами, существовало такое место, где им могли помочь — один департамент в Разведуправлении Индии. На схеме организации РУИ он отсутствовал, задачи его не определялись — в основном это были те задачи, которые начальник считал подходящими. Начальником был индеец, известный (тем немногим, которым он был известен) под именем Альфред Ваз.

Браун представил Вазу свое ужасающее открытие. Поначалу старик казался так же ошарашен, как и сам Браун. Но Ваз умел решать проблемы.

— Когда есть достаточно людей нужной квалификации, — сказал он, — решить можно почти любую проблему. Дайте мне несколько дней, посмотрим, что удастся накопать.

В центре Барселоны через три дня

Кролик запрыгнул на свободный плетеный стул, оттуда на середину стола и устроился между чашами и солонкой с перечницей. Прикосновением к остроконечной шляпе он приветствовал сперва Альфреда Ваза, потом Гюнберка Брауна и Кейко Мицури.

— Так это с вами я договаривался!

В общем, кролик как кролик.

Альфред провел руку через изображение — просто чтобы подчеркнуть собственную вещественность.

— Мы действительно те, с кем вы договаривались.

— Гм! — Кролик опустил зад на стол и вытянул из-за солонки с перечницей чашечку с блюдцем. Налил себе в чашку пару капель, как раз дополна, и сделал глоток. — Я весь внимание.

В подтверждение этого заявления он шевельнул длинными ушами.

Гюнберк Браун бросил на зверька долгий взгляд через стол. Сам он был столь же эфемерен, как и кролик, но изображению придавал суровую серьезность, вполне отвечающую его истинной личности. Альфреду показалось, что в лице младшего коллеги выразилось некоторое разочарование. И действительно, секунду спустя он получил сминг — беззвучное сообщение:

Браун --> Мицури, Вазу: <sm> И это — лучшее, что вы смогли привлечь, Альфред? </sm>

Альфред не ответил прямо. Вместо этого повернулся к сидящему на столе созданию:

— Милости просим в Барселону, мистер Кролик. — Он повел рукой в сторону башен Саграда-Фамилья, устремляющихся вверх на той стороне улицы. Собор лучше всего было видно без виртуальных излишеств: причудливая архитектура Гауди и без того превосходит воображение современных модернизаторов. — Вы догадываетесь, почему мы выбрали для нашей встречи это место?

Кролик прихлебывал чай. Взгляд его очень не по-кроличьи скользил по шумной толпе, фланировавшей мимо столов, изучал одежду и проекции туристов и местных.

— Не потому ли, что Барселона — город красоты и причуды, один из немногих великих городов двадцатого века, чье обаяние сохранилось в современном мире? Не потому ли, что на этой стороне вы и ваши родственники идете сейчас экзотическим маршрутом по парку Гуэль, списав расходы на представительство? — Он посмотрел на Брауна и на Кейко Мицури. Та была под явной личиной, слегка похожа на «Обнаженную» Марселя Дюшана, созданную из подвижного комплекса хрустальных плоскостей. Кролик пожал плечами: — А может быть, потому, что вы двое отсюда за тысячи километров.

Кейко засмеялась.

— Не будьте столь нерешительны, — произнесла она с полнотой синтезированным произношением. — Мне как раз очень хорошо в парке Гуэль — ощущать реальность своими настоящими руками.

Мицури --> Брауну, Вазу: <sm> На самом деле я у себя в офисе, люблюсь луной над Токийским заливом. </sm>

Кролик продолжал говорить, не догадываясь об обмене сообщениями:

— Без разницы. Как бы там ни было, причины для встречи именно здесь таковы: Барселона имеет весьма прямые связи с местами, откуда вы на самом деле явились, и современные системы безопасности, чтобы скрыть, что мы говорим. Самое же главное, что здесь есть законы, запрещающие общественности и полиции вынюхивать... если, конечно, вынюхивает не разведка ЕС.

Мицури --> Брауну, Вазу: <sm> Ну, на одну треть догадка правильна. </sm>

Браун --> Мицури, Вазу: <sm> И сам мистер Кролик тоже откуда-то издалека. </sm>

Оценка расстояния, данная службами ЕС в реальном времени, висела над головой зверька: семьдесят пять процентов вероятности, что разум, скрывшийся за образом кролика, находится в Северной Америке.

Альфред наклонился к кролику и улыбнулся. Присутствуя физически, Ваз подвергался некоторым ограничениям, но имел и преимущества.

— Нет, мы не тайная полиция. И — да, мы хотели иметь защищенную связь несколько более... личную, чем беззвучные сообщения. — Он похлопал себя по груди. — В частности, меня вы здесь видите во плоти. Это способствует доверию. — *А тебе дает массу ложных следов.* Ваз махнул официанту и заказал бокал «Риохи». Потом, повернувшись к кролику на скатерти, продолжал: — За последние месяцы я слышал от вас много хвастливых заявлений, мистер Кролик. Точно так же хвастаются и другие, но у вас есть подтверждения, которые трудно добыть. Ваши способности гарантируют разные люди с выдающейся репутацией.

Кролик сразу стал горд собой. Он был очень манерный кролик — физический реализм среди его приоритетов не значился.

— Разумеется, у меня хорошие рекомендации. По любой проблеме: политической, военной, научной, художественной, любовной — удовлетворите мои условия, и я дам решение.

Мицури --> Брауну, Вазу: <sm> Давайте, Альфред. </sm>

Браун --> Мицури, Вазу: <sm> Да, разумеется. Только с минимальной версией, конечно. Ничего больше, пока не увидим результаты, которых сами добиться не могли бы. </sm>

Альфред кивнул, будто сам себе.

— Наши проблемы не имеют ничего общего ни с войной, ни с политикой, мистер Кролик. У нас лишь некоторые научные интересы.

Кролик помахал ушами:

— Так в чем дело? Закиньте ваши вопросы на форумы. Результаты будут практически не хуже моих и почти столь же быстро. И уж точно в тысячу раз дешевле.

Принесли вино. Ваз по всем правилам продегустировал букет. Посмотрел на ту сторону улицы. Прием заказов на физические туры по Саграда-Фамилья был прекращен, но возле входа в собор еще стояла очередь — люди надеялись на лишние билеты. Это лишний раз доказывало, что самые важные вещи — те, которые можно потрогать. Он оглянулся на серого кролика.

— У нас не такие проблемы, которые можно решить привлечением нескольких тысяч аналитиков. Наши вопросы тре-

буют серьезной... гм... экспериментальной работы. Часть ее уже сделана, многое осталось сделать. В общем и целом по масштабу наш проект соответствовал бы правительственной программе крэш-тестов.

Кролик осклабился, показывая желтые резцы.

— Ага? Правительственная программа крэш-тестов? Глупости двадцатого века. Рыночный спрос всегда эффективнее. Надо только заставить рынок на себя работать.

— Может быть. Но нам нужно... — Самое противное, что даже легенда прикрытия звучала очень опасно. — Нам нужна, гм, административная власть над большой физической лабораторией.

Кролик застыл и на миг показался обычным травоядным, которого вдруг выхватил из темноты яркий свет.

— Да? И что же за лаборатория?

— Глобально интегрированная, науки о жизни.

— Так-так-так. — Кролик сел, продолжая разговаривать сам с собой — хотелось надеяться, что больше ни с кем. Разведка ЕС дала вероятность шестьдесят пять процентов, что Кролик не передает никому картинку, и девяносто пять процентов, что он не является орудием Китая или США. Родная организация Альфреда в Индии была еще больше уверена в этих предположениях.

Кролик поставил чашку.

— Я заинтригован. Итак, это работа не по добыванию информации. Вы действительно хотите, чтобы я взял под контроль крупное сооружение.

— Всего лишь на короткий срок, — сказал Гюнберк.

— Безразлично. Что ж, вы обратились к тому, кому надо. — Нос кролика дернулся. — Уверен, что возможности вам известны. В Европе имеется россыпь хороших учреждений, но ни одно не универсально — и сейчас они плетутся в хвосте своих аналогов в США и Китае.

Ваз не стал кивать, но кролик был прав. Во всем мире есть блестящие исследователи, но мало где имеются хорошие лаборатории по работе с данными. В двадцатом веке техническое превосходство больших лабораторий могло держаться тридцать

лет. В нынешние времена все меняется быстрее, но Европа малость поотстала. Комплекс в Бхопале был несколько более интегрирован, зато отставал по микроавтоматике. И может пройти еще несколько лет, пока США и Китай утратят свои передовые позиции.

Кролик пробормотал про себя:

— Хм-хм... Значит, либо лаборатории в Вухане, либо в Южной Калифорнии. Конечно, я могу творить чудеса и с теми, и с этими.

Либо это была ложь, либо люди Альфреда неверно оценили милого пушистого друга.

— Мы бы предпочли биотехнологический комплекс в Сан-Диего. — Объяснение, естественно, у Альфреда было готово: — Мы уже несколько месяцев приглядываемся к этим лабораториям. И знаем, что у них есть нужные нам ресурсы.

На самом деле именно на Сан-Диего были направлены страшные подозрения Гюнберка Брауна.

— А что вы конкретно планируете?

Гюнберк мрачно улыбнулся:

— Давайте будем действовать поэтапно, мистер Кролик. На первый этап мы отводим срок в тридцать дней. Нам хотелось бы получить от вас обзор системы безопасности лабораторий Сан-Диего. А самое важное — нам нужны убедительные доказательства, что вы способны обеспечить группу местных для выполнения физических действий в лабораториях и в их окрестности.

— Тогда ладно. Приступаю немедленно. — Кролик поднял глаза к небу. — Совершенно ясно, что вы ищете расходного игрока, который будет прикрытием вашей операции от американцев. О'кей. Я могу быть посредником. Но предупреждаю: мои услуги очень дороги. И я приду получить свою плату.

Кейко засмеялась:

— Нет нужды в таких театральных словах, мистер Кролик. Ваше прославленное искусство нам известно.

— Вот именно! Но пока что вы в него не верите. Сейчас я уйду, поразнюхаю малость вокруг Сан-Диего и вернусь к вам через пару недель. У меня тогда будет что вам показать, а самое

главное — я напрягу свое невероятное воображение, чтобы назвать сумму первого платежа в этом поэтапном плане мистера Так-Похожего-На-Немца.

Он чуть мотнул головой в сторону Гюнберка.

Мицури и Браун излучали доброжелательное молчание, разговор продолжил Альфред:

— Тогда и поболтаем. И помните, пожалуйста, что сейчас нам нужен только обзор. Мы хотим знать, кого вы можете завербовать и как использовать.

Кролик тронул лапой нос.

— Я буду сама осмотрительность. Я всегда знаю больше, чем говорю. Но вам троим необходимо поработать над образами. Мистер Так-Похожий-На-Немца — устаревший стереотип. А вы, сеньора, у вас этот импрессионистский портрет все скрывает — и все выдает. Кого может заинтересовать лабораторный комплекс Сан-Диего? Кого? А вы... — Кролик повернулся к Вазу. — Вы отлично скрываете колумбийский акцент, но он слышен.

Зверек засмеялся и спрыгнул со стола.

— До скорого!

Альфред откинулся на спинку стула, провожая взглядом серую фигурку, вилившую среди обуви прохожих. Наверное, у нее было фестивальное разрешение, поскольку прохожие ее, судя по всему, видели. Не было «пуф!» или просто исчезновения. Кролик, оставаясь видимым, прошел еще метров двадцать по Каррер де Сардиния, потом нырнул в переулок и совершенно естественным образом скрылся из глаз.

Три агента посидели еще мгновение в явно понимающем молчании. Гюнберк наклонился над своим виртуальным вином, Ваз попилвал реальную «Риоху» и любовался ходульными куклами, установленными для дневного парада. Все трое отлично вписывались в пеструю туристскую суматоху возле Саграда-Фамилья — только обычно туристы, которые платят за сиденье в кафе на Сардиния, присутствуют более чем на одну треть.

— Он и правда ушел, — сказал Гюнберк, хотя необходимости в этом не было: все видели анализ сигналов ЕС.

Прошло еще несколько секунд. Разведуправления Японии и Индии тоже подтвердили: кролик остался неопознанным.

— Что ж, уже кое-что, — сказала Кейко. — Ушел он чисто. Я думаю, вполне годится в посредники.

Гюнберк устало пожал плечами:

— Наверное. До чего противный тип! Клише дилетанта столетней давности, возрождающееся с каждой новой технологией. Спорить могу, что ему четырнадцать лет, и он отчаянно хочет покрасоваться. — Он глянул на Ваза. — Ничего лучшего не нашли, Альфред?

— Репутация у него вполне подлинная, Гюнберк. Он руководил почти такими же сложными проектами, как мы для него планируем.

— Исследовательскими проектами. Может быть, он хороший — как это называется? — ткач гениального. А нам нужно нечто более... оперативное.

— Ну, он точно взял все следы, которые мы ему дали.

Имелись в виду акцент Альфреда и сетевые факты, размещенные вокруг исходной Кейко.

— Ach ja, — сказал Гюнберк и неожиданно улыбнулся. — Несколько даже обидно, что когда я был просто самим собой, меня обвинили в переигрывании. Итак, теперь мистер Кролик считает, что мы — латиноамериканские наркобароны.

Шевелящийся хрустальный туман, бывший образом Кейко, вроде бы улыбнулся.

— В некотором смысле это даже правдоподобнее, чем правда.

Последние лет десять звезда наследников нарковойн закатилась: доступ к кайфу и погружению стал столь широким, что то, чего так и не смогла сделать сила, сделала конкуренция. Но богатство наркобаронов по-прежнему превосходило самые смелые мечты некоторых малых стран. У тех, что скрывались в государствах-неудачниках, могло хватить безумия сделать то, на что сегодня намекали эти трое.

— Этого кролика можно держать в руках, тут я согласен, — сказал Гюнберк. — А хватит ли у него умения для того, что нам нужно? Куда менее вероятно.

— Засомневался насчет нашего маленького предприятия, Гюнберк?

Это прозвучал настоящий голос Кейко. Говорила она небрежно, но Альфред знал, что у нее тоже нехорошие предчувствия.

— Конечно, — ответил Гюнберк. Минуту помолчал. — Вот смотри: террор с помощью технических неожиданностей — это величайшая угроза выживанию рода человеческого. Великие державы — мы, Китай, Штаты — живут уже некоторое время в мире. В основном потому, что мы осознаем опасность и сдерживаем все остальные страны. А сейчас мы узнаем, что американцы...

— Мы пока еще не знаем, что это американцы, Гюнберк, — сказала Кейко. — Лаборатории Сан-Диего работают с учеными всего мира.

— Это да. И еще неделю назад я так же сомневался, как и ты. Но сейчас... ты вспомни: это испытание оружия — шедевр маскировки. Нам невероятно повезло, что мы его заметили. Это испытание — плод терпения и профессионализма на уровне великой державы: у великих держав есть инерция и бюрократическая осторожность. Полевые испытания необходимо проводить во внешнем мире, но вести разработку оружия они станут только в своей лаборатории.

Кейко издала звук далеких серебряных колокольчиков:

— Но зачем великой державе планировать революцию в средствах доставки эпидемии? Что ей за выгода?

Гюнберк кивнул:

— Да, в такой формулировке это имеет смысл для секты, но не для сверхдержавы. Сперва мой вывод казался мне кошмаром, лишенным логики. Но мои аналитики возвращались к этому вопросу снова и снова. И пришли к заключению, что симптом медовой нуги не был просто стендовым испытанием смертельной болезни. Всего лишь одна из существенных характеристик испытания — да. Цель противника масштабнее, чем немедленный удар биологического оружия. Они близки к получению эффективной технологии ТДМВ.

Кейко молчала. Даже ее хрустальные плоскости застыли. ТДМВ. Термин из научной фантастики исхода прошлого столетия. «Ты-Должен-Мне-Верить». То есть — управление разумом. Слабые, социальные формы ТДМВ были двигателем всей человеческой истории. И более ста лет возможность *неодолимого* убеждения была темой академических исследований. Последние тридцать лет она стала реальной технической целью. И последние десять лет некоторая ее версия стала осуществимой в хорошо контролируемых лабораторных условиях.

Кристаллы шевельнулись. Альфред понял, что Кейко смотрит на него.

— Это возможно, Альфред?

— Боюсь, что да. Мои люди изучили доклад. Гюнберку невероятно повезло, поскольку на самом деле испытывались одновременно *два* радикальных новшества. Принуждение Медовой Нуги было куда более прецизионным, чем требовалось бы для испытания удаленного запуска болезни. Преступники знали, что они кодируют, — вспомни ролик прикрытия для нуги. Мои аналитики считают, что противник может добиться высокого семантического контроля в ближайший год.

— Черт побери, — вздохнула Кейко. — Всю жизнь воюю с сектами, и думала, что великие державы в такое невероятное зло не полезут... но вот это — это показывает, что я ошиблась.

Гюнберк кивнул.

— Если мы правы насчет этих лабораторий и не сможем... разобраться с ними, это может стать концом истории. Концом всего, ради чего когда-либо велась борьба добра со злом. — Он резко встряхнулся, возвращаясь к практическим вопросам. — А все, что мы можем, — это действовать посредством дурацкого кролика.

— Я проследил его биографию, Роберт, — негромко возразил Альфред. — Думаю, он в состоянии сделать то, что нам надо — так или иначе. Он даст нам информацию изнутри или устроит там неплохой хаос — который к нам *не приведет*, — чтобы любое зло стало очевидным. Если оправдается худшее, у нас

будет достаточно доказательств, чтобы мы и Китай — и даже непричастные силы в США — могли это искоренить.

Атаки подавления на территории великой державы — редкость, но прецеденты бывали.

Все трое ненадолго замолчали, и звуки дневного фестиваля понеслись вокруг Ваза. Столько лет он уже не был в Барселоне... Наконец Гюнберк нехотя кивнул.

— Я дам своему начальству рекомендацию продолжать.

На той стороне стола призматическая Кейко замерцала и зазеленела. По образованию Мицури была социологом. Ее группы аналитиков серьезно занимались психологией и социальными институтами — в отличие от групп, работавших на Альфреда или Гюнберка. Она, возможно, могла бы найти вариант, который пропустили эти двое. Наконец она сказала:

— В американской разведке есть много приличных людей. Мне не нравится действовать за их спиной, однако ситуация экстраординарная. У меня есть полномочия действовать в рамках плана «Кролик», — она на секунду замолчала, — но с одной оговоркой. Гюнберк опасается, что наша ошибка — в использовании недостаточно компетентного агента. Альфред лучше изучил Кролика и считает, что он как раз на должном уровне. А что, если ошибаетесь вы оба?

Гюнберк глянул на нее, как громом пораженный.

— Черт! — воскликнул он.

Альфред догадался, что между ними прошел очень быстрый обмен сообщениями.

Призмы будто кивнули.

— Да. Что, если Кролик намного более компетентен, чем мы думаем? В этом маловероятном случае Кролик может перехватить нашу операцию или даже вступить в союз с нашим гипотетическим противником. Поэтому в случае продолжения операции нам необходимо иметь планы прекращения и отмены на каждом этапе деятельности Кролика. Если он станет серьезной угрозой, мы должны быть готовы обратиться к американцам. Согласны?

— Да.

— Конечно.

* * *

Кейко и Гюнберк посидели еще несколько минут, но реальный стол в кафе на Сардиния в разгар фестиваля — неподходящее место для виртуальных туристов. Официант то и дело возвращался, интересуясь, не нужно ли чего-нибудь Альфреду. За аренду стола на троих было заплачено, но толпы реальных людей ждали свободных мест.

Поэтому его коллеги из Европы и Японии отбыли. Гюнберку еще надо было подтягивать много концов: аккуратно прикрыть исследования в ЦЗБ, тщательно выложить дезинформацию, скрывая положение вещей и от врага, и от хоббистов безопасности. А тем временем в Токио Кейко, быть может, не будет спать, раздумывая над ловушками Кролика.

Ваз пока остался, допивая вино. Забавно, как быстро сжалось пространство его стола, приняв семью туристов из Северной Африки. Альфред привык, что виртуальные артефакты меняются в мгновение ока, но умелый ресторатор умеет ничуть не хуже работать с реальным пространством, если это пахнет деньгами.

Из всех городов Европы Альфред больше всего любил Барселону. Кролик насчет этого города прав, но время ли сейчас быть обыкновенным туристом? Да, время. Считайте, что у него ежегодный отпуск.

Альфред встал, поклонился соседям по столу, оставил плату и чаевые. На улице толпа стала еще гуще, среди туристов танцевали люди на ходулях. Входа в Саграда-Фамилья не было видно, но рекламная вывеска объявляла о следующей экскурсии через девяносто минут.

Где же провести время? А! На горе Монтжуик.

Он свернул в переулок. Когда он вышел на той стороне, толпа поредела... и к нему подъехал туристский автомобильчик. Альфред сел в одиночную пассажирскую кабинку и отпустил мысли на волю. Крепость Монтжуик не была самой замечательной в Европе, но он ее давно не видел. Как и ее товарки, эта крепость была свидетельством ушедших времен, когда революции в технике разрушения разворачивались десятилетиями, и

еще нельзя было совершить массовое убийство простым нажатием кнопки.

Автомобиль выехал из восьмиугольных городских кварталов бассейна Барселоны и устремился вверх, зацепившись за держак фуникулера, быстро ползущего по склону горы Монтжуик. Для этой автоматики не нужно было системы переключающихся дорог. Позади на много миль тянулся город. А впереди с гребня холма открывалось Средиземное море — синее, в дымке, мирное.

Альфред вышел, и автомобильчик развернулся на кругу, направляясь к тросовой дороге, которая поведет его следующего клиента в полет через гавань.

Альфред стоял именно на том месте, которое заказал себе в меню туриста, именно там, где пушки двадцатого столетия торчали из бойниц. Хотя эти орудия никогда не использовались, они были вполне настоящими. За отдельную плату можно было потрогать стволы и войти в бастион. А после заката здесь разыгрывали инсценировку битвы.

Ваз подошел к каменному барьеру и посмотрел вниз. Если заблокировать все фантазии для туристов, можно было бы увидеть грузовой порт почти в двухстах метрах внизу на расстоянии километра. Это было скопление контейнеров, грохочущих по рельсам во все стороны, — хаос. Если вызвать правительственные полномочия, можно было бы увидеть потоки грузов, даже сертификаты безопасности, гарантирующие — в результате проверки утвержденными физическими и криптографическими методами, — что ни один из этих десятиметровых ящиков не содержит атомную, бактериологическую или радиационную бомбу. Система была очень эффективная — та же, что действует для тяжелых грузов повсюду в цивилизованном мире. Она явилась результатом десятков лет страха, изменения отношения к неприкосновенности частной жизни и к свободе, к техническому прогрессу. Современные системы безопасности почти всегда эффективны. Уже пять лет как не погиб ни один большой город. С каждым годом рос цивилизованный мир, и возможности беззакония и нищеты ужимались. Многие полагали, что мир становится безопаснее.

Кейко, Гюнберк и — конечно же — Альфред знали, что этот оптимизм в основе своей неверен.

Альфред посмотрел на гавань, на башни за гаванью. Им здесь не было в последний раз, когда он приезжал в Барселону. Цивилизованный мир был куда богаче, чем мечталось ему в юности. В восьмидесятых — девяностых годах правители современных государств сообразили, что успех определяется не наличием больших армий, не благоприятными налогами, не природными ресурсами и даже не передовой индустрией. В современном мире ключ к успеху — иметь наибольшую возможную популяцию образованных людей и предоставлять этим сотням миллионам творческих личностей разумную свободу.

Но эта утопия — бег с Черной Королевой, где надо мчаться изо всех сил, чтобы оставаться на месте. Гонка с вымиранием.

В двадцатом веке лишь у нескольких стран хватило бы силы уничтожить мир. Род человеческий выжил в основном благодаря чистой удаче. На исходе века уже виделось время, когда уничтожить цивилизацию смогли бы десятки полтора стран, но к тому времени великие державы малость набрались здравого смысла. Ни одно национальное государство не было настолько безумным, чтобы грохнуть весь мир, а с немногими варварскими «разбирались», и если надо, то методами, от которых потом земля в темноте светилась.

К десятым годам технология массового убийства стала доступной региональным и расовым экстремистским группам. Но случилась череда счастливых чудес — некоторые организовал сам Альфред, — и недовольным народам были доставлены строго по адресу легитимные бедствия.

Сейчас технология Большого Террора стала столь дешевой, что ею могли овладеть секты и небольшие уголовные банды. И здесь величайшим экспертом была Кейко Мицури. Ее работа была скрыта покрывалом легенд, внедрялась дезинформация, но Кейко спасла миллионы жизней.

А бег с Черной Королевой продолжался. При всей своей безобидности восхитительная творческая способность человечества продолжала порождать непредвиденные последствия. Примерно с десятков направлений исследований могли в конце кон-

цов дать разрушающее мир оружие в руки любому, кто встал сегодня не с той ноги.

Альфред вернулся к ближайшей пушке, взмахом руки заплатил за право потрогать, потом прислонился к теплому металлу, созерцая синюю средиземноморскую дымку и представляя себе времена попроще.

Бедный Гюнберк. Истину он понял с точностью до наоборот. Эффективная технология ТДМВ не была бы концом всему. В хороших руках эта технология будет единственным, что может разрешить парадокс современности, направить творческий потенциал человечества так, чтобы при этом не погиб мир. На самом деле это единственная надежда человечества выжить в двадцать первом веке. *И в Сан-Диего я уже так близок к успеху!*

Три года назад он протолкнул этот проект в биолaborатории. Настоящего прорыва удалось добиться где-то чуть больше года назад. Испытание на футбольном матче показало пригодность системы доставки. Еще год-другой — и будет разработан семантический контроль более высокого уровня. Тогда он сможет управлять всеми, кто рядом с ним. Что куда важнее, новый вирус можно будет распространить среди всего населения и организовать несколько повсеместно просматриваемых передач. Тогда власть будет у него в руках. Впервые в истории мир окажется под присмотром взрослого.

Таков был план, которому сейчас из-за чудовишной неудачи грозит провал. *Но следует учесть хорошую сторону: Гюнберк с его проблемой пришел ко мне!* Альфред затратил на поиски Кролика невероятные усилия. Этот друг был явно неопытен, и еще — был именно таким эгоцентричным дураком, каким его считал Гюнберк. Успехи Кролика с трудом достигали того уровня, чтобы он был приемлемым. Управлять Кроликом они смогут. *Я смогу.* Изнутри лабораторий Альфред скормит Кролику именно ту дезинформацию, которая будет нужна. И ни Кролик, ни коллеги Альфреда в Индо-Европейском Альянсе знать не будут, что их одурачили. А потом Альфред без помех продолжит работу над тем, что может оказаться лучшим — и последним — шансом мира на выживание.

Он поднялся на орудийную башенку полюбоваться деталями. Туристическая комиссия Барселоны потратила на восстановление этих предметов приличные деньги. В потешной битве сегодня вечером, вплетенные в физическую реальность, они вполне произведут впечатление. Альфред глянул на свой мумбайский график — и позволил себе задержаться в Барселоне еще на несколько часов.

02

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Роберту Гу полагалось умереть, и он это знал. Хорошо знал. Он умирал уже очень давно, даже не помнил точно сколько. В нескончаемом настоящем он видел лишь размытые блики. Но это было не важно, потому что Лена приглушила свет настолько, что и смотреть было не на что. И звуки: он уже какое-то время носил эти штуки в ушах, но они были чертовски сложны, к тому же все время терялись или портились, и избавиться от них было благом. Из оставшихся звуков он различал неясное бормотание; иногда Лена его упрекала, толкая и тыча пальцами. Боже мой, она в сортир за ним ходила. А он единственное, чего хотел — это домой. Лена ему не позволяла такую простую вещь... если это на самом деле Лена. Кто бы это ни был — все равно неприятный тип.

Я же просто хочу домой...

И все-таки до конца он не умер. Свет теперь часто бывал поярче, хотя и размытый, как всегда. Вокруг — люди и голоса, высокие, он их еще по дому помнил. И говорили так, будто ожидали, что их поймут.

Раньше было лучше, когда были одни только блики и бормотание. А теперь все болело. Случались долгие поездки к док-

тору, а потом все болело еще сильнее. Какой-то тип еще, который говорил, что он — его сын, и еще говорил, что *сейчас* он дома. Иногда его выкатывали наружу — ощутить на лице солнечный свет и послушать птиц. Нет, это никак не мог быть дом — свой дом Роберт Гу помнил. Там снег на высоких горах, его видно с заднего двора у родителей. Бишоп, штат Калифорния, США. Вот там — да, а это совсем не то.

Но хоть тут и не дом, а сестренка его здесь была. Кара Гу раньше была здесь, когда все было темно и неразборчиво, но только она всегда держалась так, что ее не было видно. А сейчас по-другому. Сперва он узнал ее высокий звенящий голос, как те колокольчики, которые мать вешала на веранде, и их колебал ветер. Наконец, как-то в патио он сидел, ощущая солнце ярче и теплее, чем было уже давно. И даже размытые контуры стали резче и обрели цвет. И голос Кары его спрашивал все время «Роберт то» да «Роберт се», и потом...

— Роберт, ты не хочешь, я тебя повожу немного вокруг?

— Чего?

Язык неповоротливый, голос хриплый. Тут до него дошло, что со всем этим бормотанием и темнотой он, наверное, уже давно ничего не говорил. И что-то еще более странное — тоже дошло.

— Кто ты такая?

На миг наступило молчание, то ли вопрос дурацкий, то ли задавался уже сто раз.

— Роберт, я Мири. Я твоя вну...

Он дернул рукой, насколько смог.

— Ближе подойди. Не вижу.

Пятно шевельнулось прямо перед ним, среди солнечного света. Нет, это не намек на присутствие чего-то у него за плечом, не воспоминание. Пятно превратилось в лицо, в нескольких дюймах перед глазами: прямые черные волосы, круглое личико — оно ему улыбалось, будто он самый классный парень в мире. Действительно она, сестренка.

Роберт протянул руку — и рука у нее тоже была теплой.

— Ой, Кара, как я рад тебя видеть!

Он был не дома, но, может быть, близко к тому. И на миг успокоился.

— Я... я тоже тебя рада видеть, Роберт. Хочешь, я тебя покаताю вокруг дома?

— Да, хорошо бы.

А дальше все пошло быстро. Кара что-то сделала, и кресло вроде бы повернулось. Снова стало темно и мрачно. Они были в доме, и она суетилась, как всегда — на этот раз искала ему шляпу. Но все равно дразнилась, как когда спрашивала, не надо ли ему в туалет. Роберт ощущал, что где-то здесь — тот самый тип, что назвался его сыном, и на все это смотрит.

А потом они выехали — из входной двери, что ли? — и наружу. Кара шла рядом с креслом, пока они двигались по пустой улице, обсаженной высокими тонкими деревьями... пальмами, вот как они называются. Это не Бишоп. Но ведь она — Кара Гу, хотя очень, очень хорошо себя ведет. Маленькая Кара хорошая была девочка, но быть хорошей она умела недолго, а потом придумывала какую-нибудь совершенно дьявольскую каверзу, и он гонялся за ней по всему дому. Роберт улыбнулся про себя и подумал, сколько на этот раз продержится ангельское состояние. Может, она думает, что он болен. Он попытался повернуться в кресле — безуспешно. Да, может, он действительно болен.

— Вот смотри, мы живем на Онор-Корт. А вот там — дом Смитсонов. Они месяц назад переехали с Гуама. Боб думает, что они выращивают пять... ой, про это я говорить не должна. А здесь живет бойфренд командира базы, в доме на углу. Я спорить могу, что они еще в этом году поженятся. А это ребята из школы, с которыми я сейчас говорить не хочу.

Кресло Роберта резко повернулось и поехало в боковой переулок.

— Эй!

Роберт снова безуспешно попытался повернуться. Может, эти ребята — его друзья! Все-таки Кара сыграла над ним шутку. Он сгорбился. Пахло медом. Над головой нависали кусты. Дома превратились в зеленовато-серые пятна.

— Экскурсия! — буркнул он. — Ни хрена не могу разглядеть. Кресло резко замедлило ход.

— Правда? — Эта мерзавка разве что не фыркнула. — Ты не волнуйся, Роберт! Есть отличные приборы, которые поправят тебе глаза.

Черт бы тебя побрал!

— Пара очков отлично мне их поправит, Кара...

Может, она их спрятала?

Что-то было такое в дневном свете, в сухом ветре на улицах... как бы эти улицы ни назывались. И он задумался, с чего это он сидит привязанный к инвалидному креслу.

Они прошли еще пару кварталов, и Кара все время квохтала над ним, как наседка.

— Роберт, тебе не жарко? Может быть, убрать одеяло? Роберт, тебе солнце голову напечет. Давай я тебе поправлю шапочку.

Потом на какое-то время дома кончились. Кажется, кресло выехало на край длинного склона. Кара говорила, что они смотрят на горы — но Роберт видел только размытую линию коричневого и вылинявшего охряного. Ничего похожего на горы, держащие на плечах небо над Бишопом, штат Калифорния, США.

А потом они снова оказались в помещении — в доме, откуда выехали. И кругом стало темно и мрачно, как всегда — огни в комнате глотала темнота. И веселого голоса Кары уже не слышно — она сказала, что пошла в школу. А Роберту в школу не надо, да. Этот тип его кормит — все еще твердит, что он сын Роберта. А сам такой здоровенный. Потом снова унижительная процедура в уборной — скорее допрос в полиции, чем поход к унитазу.

Наконец-то Роберт остался один, в темноте. У этих людей даже телевизора нету. Только тишина, да еще тусклый и далекий электрический свет.

Мне бы надо хотеть спать.

У него было смутное воспоминание о ночах, уходящих в годы, о легкой дреме сразу после ужина. А потом — пробужде-

ние, когда идешь через незнакомые комнаты и ищешь свой дом. И ссоры с Леной. А сегодня... сегодня не так. Он все еще не спит. Сегодня он думает о вещах, которые только что случились. Может быть, потому, что он уже на пути домой. *Кара*. Значит, она не нашла дом его родителей на Кромби-стрит, и спальню, где окно выходило на старую сосну с хижинкой, которую он сам построил в ветвях. Но Кара тоже была частью дома, и она здесь.

Он долго сидел, мысли его двигались медленно, со скрипом. На той стороне комнаты одинокая лампочка, как вихрик света. А у стены, едва заметный, сидит тот тип. Он с кем-то говорит, но Роберт не видит с кем.

Не обращая на типа внимания, Роберт задумался и вскоре припомнил что-то очень неприятное, страшное. Кара Гу умерла в 2006 году. А до этого они много лет не обменялись ни словом.

И умерла Кара в возрасте пятидесяти одного года.

Уэст-Фоллбрук в начале века был приятным местечком. И деловым тоже. Расположенный прямо рядом с Кэмп-Пендльтоном, он был самой большой колонией гражданских. Здесь росло новое поколение морских пехотинцев... и доводилась до ума война нового поколения. Роберт Гу-младший застал лишь хвост этой горячки, приехал тогда, когда американцев китайского происхождения снова стали назначать на ответственные офицерские должности. Великие, горькие и сладкие дни.

Сейчас город вырос, но морская пехота занимала в нем куда меньше места. Военная жизнь стала более сложной. Между мелкими войнами у подполковника Гу сформировалось мнение, что Уэст-Фоллбрук — отличное место, чтобы растить дочь.

— Я все равно думаю, что Мири не должна называть его Робертом.

Элис Гу подняла глаза от работы:

— Дорогой, мы это уже обсуждали. Именно так мы ее воспитывали. Мы для нее «Боб» и «Элис», а не «ма» или «па» или

какие там еще глупости теперь приняты. А Роберт — «Роберт», а не «дедушка».

Подполковник Элис Гонг Гу — круглолицая коротышка, и выражение лица у нее всегда — кроме моментов крайнего напряжения — очень материнское. Она была номером первым при выпуске из Аннаполиса — а в те времена маленький рост, круглое лицо и женственный вид считались существенными минусами для карьеры. Сейчас она могла бы быть генералом, если бы высшее командование не нашло для нее более важного и опасного занятия. Чем, собственно, и объяснялись некоторые ее странные идеи, но не эта: Элис всегда настаивала, чтобы Мири обращалась к родителям просто как к приятелям.

— Слушай, Элис, я же не возражал, чтобы она нас называла по именам. Придет время, когда наш маленький генерал будет не только любить нас, но и сравняется с нами рангом или даже будет нам начальником. Но моего старика это путает. — Боб ткнул пальцем туда, где сидел Роберт-старший, бессмысленно тарашась. — Вспомни, как сегодня себя вел папа. Как он аж просветлел! Он думает, что Мири — это моя тетя Кара, да еще когда они были детьми!

Элис ответила не сразу. Там, где она сейчас находилась, было позднее утро. Солнце играло у нее за спиной на воде гавани. Она осуществляла поддержку делегации США в Джакарте. Индонезия вступала в Индо-Европейский Альянс, а Япония уже была членом этого клуба с неудачным названием. Ходила шутка, что индоевропейцы вскоре окружают мир. Было время, когда Китай и США не сочли бы это шуткой, но мир изменился. И Китай, и США вполне устраивал такой ход событий. Это оставляло им больше времени заниматься реальными проблемами.

Элис глянула в сторону, кивнула кому-то в ответ на представление, засмеялась удачному замечанию. Шла она рядом с какими-то важными типами, все время болтая по-индонезийски, по-китайски на мандаринском диалекте, на упрощенном английском, из чего Боб мог разобрать только английские слова.

2- Конец радуэ

ва. Потом она снова оказалась одна. Элис слегка наклонилась к нему и улыбнулась во весь рот.

— Так это же отлично! — сказала она. — Ведь твой отец уже много лет был вне любого рационального дискурса? И вдруг оживился настолько, что ему даже понравилось! Ты радоваться должен. Дальше будет только лучше. Ты вернул отца обратно!

— ...Да.

Вчера он рассчитался с последней из домашних сиделок. Отец должен быстро пойти на поправку. Единственная причина, что он еще в инвалидном кресле, — врачи хотят удостовериться, что регенерация костей закончена, и только потом выпустить его на свободу.

Элис увидела выражение его лица и чуть склонила голову набок:

— Дрейфишь?

Он посмотрел на отца. До операции в Парагвае оставались считанные недели. Операция под прикрытием на краю света. Перспектива начинала казаться почти заманчивой.

— Может быть.

— Так позволь действовать нашему маленькому генералу и не тревожься. — Она обернулась и помахала кому-то, кого Боб не видела. — Ой...

Изображение, мигнув, исчезло. Остались только беззвучные сообщения.

Элис --> Бобу: <sm> Должна бежать. Я уже даю отчет госсекретарю Мартинеса, а местные обычаи *не одобряют* разделения времени. </sm>

Боб еще посидел в затихшей гостиной. Мири была наверху, занималась. На улице день клонился к вечеру. Мирное время. В детстве такое бывало, когда отец вытаскивал книгу стихов, и папа, мама и маленький Бобби читали вслух. На самом деле Боб даже испытывал ностальгию по тем вечерам. Он оглянулся на отца.

— Папа?

Ответа не последовало. Боб наклонился вперед и сделал робкую попытку крикнуть:

— Па, тебе тут света достаточно? Я могу сделать намного ярче!

Старик рассеянно покачал головой. Возможно, он даже понял вопрос, но ничем этого не проявил. Он просто сидел, скособочившись, правой рукой механически потирая левое запястье. И все же это серьезное улучшение. Роберт Гу-старший исхудал до восьмидесяти фунтов, превратился почти в растение, когда медицинская школа Калифорнийского университета Сан-Франциско взяла его на новое лечение. И оказалось, что курс этой клиники против болезни Альцгеймера помогает там, где годы традиционного лечения ничего не дали.

Боб выполнил несколько мелких поручений для базы, проверил еще раз планы готовящейся операции в Парагвае... потом несколько минут просто смотрел на отца.

Я не всегда тебя ненавижу.

В детстве он никогда не испытывал ненависти к своему старику. Возможно, это и неудивительно — ребенку мало с чем есть сравнивать. Роберт был строг и требователен, это малыш Бобби ясно понимал. Потому что хотя Роберт-старший часто и громогласно обвинял себя в том, что он пренебрегает отцовскими обязанностями, это иногда противоречило тому, что видел Боб в домах своих друзей. Но он никогда не считал, что его угнетают.

И когда мама ушла от папы, это тоже не настроило Боба против старика. Лена Гу вытерпела годы тонких издевательств и больше терпеть не могла, просто маленький Бобби этого не замечал. И лишь потом в разговоре с тетей Карой он понял, насколько хуже Роберт обращался с другими, чем с ним, Бобом.

Для подполковника Роберта Гу-младшего это должно было быть веселое время. Его отец, один из самых любимых поэтов Америки, возвращался после долгого пребывания в чертогах долины смертной тени. Боб окинул долгим взглядом спокойное, умиротворенное лицо Роберта. Будь это кино, то только вестерн, а название — «Возвращение Мерзавца».

03

МИННОЕ ПОЛЕ НЕБЕС

— Глаза... глаза *пенятся!*

— Это не должно быть больно. Вам разве больно?

— Нет... — Но свет был так ярок, что огненные цвета Роберт различал даже в тени. — Немного размыто, но так хорошо я не видел уже... — он не знал сколько, само время стало тьмой, — ...долгие годы.

Женский голос отозвался у него за плечом:

— Вас неделю держали на медиаторах сетчатки, Роберт. Сегодня мы решили, что уже есть работающая популяция клеток, и потому их включили.

И другой женский голос:

— А размытость зрения мы еще легче можем вылечить. Рид?

— Да, доктор. — Этот голос донесся из пятна, похожего на человека, прямо перед Робертом. Пятно пододвинулось ближе. — Я вам надену это на глаза, Роберт. Будет небольшое онемение.

Большие осторожные руки надели Роберту на лицо очки. Хотя бы это знакомо, очки ему подбирали. Но тут лицо онемело, и невозможно стало закрыть глаза.

— Расслабьтесь и смотрите вперед.

Расслабиться, конечно, можно, а вот насчет смотреть вперед — просто другого выбора не остается. А потом... Бог ты мой, это было как смотреть картинку на по-настоящему медленном компьютере — размытые контуры собираются в линии, все более тонкие и четкие. Роберт готов был бы отдернуться, но онемение захватило шею и плечи.

— Карта клеток в сетчатке правого глаза выглядит прилично. Делаем левую.

Прошло несколько секунд, и произошло второе чудо.

Человек, сидящий перед Робертом, снял «очки» с его головы. На пожилом лице играла улыбка. Одет он был в хлопчато-

бумажную рубашку. На кармане вышивка: «Ассистент врача Рид Вебер». *Я каждую нить вижу!* Роберт посмотрел поверх плеча ассистента. Стены клиники были слегка не в фокусе — может быть, на улице придется носить очки. От этой мысли он засмеялся. А потом узнал картины на стенах. Это не клиника. На стенах висели каллиграфические надписи, которые покупала Лена для их общего дома в Пало-Альто.

Где я?

В комнате — камин, скользящая стеклянная дверь, открытая, за дверью лужайка. Ни одной книги не видно — здесь он никогда не жил. Онемение в плечах почти прошло. Роберт огляделся. Два женских голоса — они ни с чем видимым не сочтались. Но Рид Вебер был не единственным в комнате человеком. Еще один стоял слева — крупный такой, руки в боки, и улыбка во все лицо. Они с Робертом встретились взглядами, и улыбка исчезла. Человек кивнул и сказал:

— Привет, пап.

— Здравствуй, Боб.

Не то чтобы вдруг вернулась память, скорее он отметил очевидный факт. Боб вырос.

— Мы потом поговорим, па. Когда доктор Акино и ее команда с тобой закончат.

Он кивнул куда-то в воздух за правым плечом Роберта и вышел.

А воздух сказал:

— На самом деле, Роберт, мы, в общем, все сделали, что на сегодня намечали. В ближайшие недели вам еще многое предстоит, но это уже будет не так хаотично — станем продвигаться постепенно. И следить, не возникнут ли какие-нибудь проблемы.

Роберт притворился, будто что-то видит в воздухе.

— Хорошо. До встречи.

Он услышал дружелюбный смех.

— Вот именно! Рид вам поможет.

Рид Вебер кивнул, и у Роберта возникло чувство, что они с Вебером действительно в комнате одни. Ассистент врача паковал очки и прочее разбросанное оборудование. В основном —

какие-то пластиковые коробочки, совершенно прозаические, если не считать чуда, которое они сотворили. Заметив взгляд Роберта, Вебер улыбнулся:

— Мои простенькие инструменты. По-настоящему интересны те медприборы и машины, что плавают у вас внутри. — Он сгрузил остатки своих кирпичиков и поднял глаза на Роберта. — А вы везунчик, вы это знаете?

Я теперь в свете дня, а раньше была сплошная ночь. Интересно, где Лена?

Но вслух он спросил другое:

— О чем вы?

— Вы подцепили именно те болезни, которые надо! — Вебер засмеялся. — Современная медицина — что-то вроде минного поля, созданного на небесах. Мы много чего умеем лечить: Альцгеймера, например, хотя здесь вы едва успели на поезд. Альцгеймер был и у вас, и у меня: у меня — обыкновенный, вылеченный на ранней стадии. Но многое другое столь же фатально или ведет к увечьям, как и раньше. Мы по-прежнему мало что можем сделать с инсультами. Есть неизлечимые виды рака. Есть формы остеопороза столь же грозные, как были всегда. Но ваши главные болезни оказались как раз те, которые мы умеем лечить на раз. Кости у вас теперь не хуже, чем у пятидесятилетнего. Сегодня мы вылечили глаза. Где-то через неделю укрепим периферическую нервную систему. — Вебер снова засмеялся. — Знаете, у вас даже кожа и жировая прослойка отзываются на лечение Венна-Курасавы. Разве что один из тысячи может вот так не нарваться на мину на этом небесном поле. Вы даже выглядеть будете намного моложе.

— В следующий раз, когда придете, я буду играть в видеоигры.

— А! — Вебер полез в мешок со своими инструментами и вытащил сложенную бумажку. — Чуть не забыл.

Роберт взял бумагу и развернул полностью. Оказалось, это целый лист. С фирменным штампом. Наверху — логотип и красиво написанные слова: «Клиника Крика, гериатрическое отделение». Дальше был многоуровневый список, и главные ка-

тегории такие: «Microsoft Family», «Great Wall Linux» и «Eiphamy Lite».

— В конце концов вы придете к «Eiphamy Lite», но пока что укажите тип компьютера, с которым вы лучше всего знакомы.

Подпункты под «Microsoft Family» — названия майкрософтовских систем аж до самых восьмидесятых годов. Роберт неуверенно смотрел на список.

— Роберт? Вы... вы знаете, что такое компьютер?

— Да. — Стоило об этом подумать, память вернулась тут же. — Но я всегда сильно отставал. Свой первый компьютер я купил в 2000 году.

А то уже весь факультет английской литературы на него наезжал, что он е-мейлы не читает.

— Ух ты! Ну ладно, с его помощью вы можете имитировать любой из старых стилей. Просто положите эту страничку на подлокотник кресла. Ваш сын установил в комнате проигрывание аудио, но почти всюду достаточно коснуться пальцами страницы, чтобы услышать выход.

Роберт наклонился, чтобы рассмотреть страницу поближе. Она не светилась, у нее не было даже стеклянного блеска компьютерного экрана. Просто обыкновенный лист бумаги высокого качества.

Рид показал на строки списка:

— Нажмите пункт меню, который соответствует вашей любимой системе.

Роберт пожал плечами. Факультет год от года модернизировал системы, но... но сейчас он нажал пальцем строчку, где было написано «WinME».

Никакой паузы, никакой задержки на загрузку, которая ему вспомнилась — просто в воздухе зазвенел надоедливый знакомый мотив. Казалось, звук идет отовсюду, а не от листа бумаги. Страница заиграла цветами, на ней появились значки. На Роберта накатила ностальгия от воспоминания о многих неприятных часах, проведенных перед светящимися экранами компьютеров.

— Хороший выбор, — улыбнулся Рид. — WinME давно уже предоставляется без выкрутасов. Вот если бы вы выбрали «Эпифанию», пришлось бы продираться через джунгли лицензий... О'кей, а остальное — почти точно так же, как вы помните. Клиника Крика даже некоторые современные службы отфильтровала так, чтобы они выглядели, как сайты в браузере. Не так удобно, как, скажем, то, чем привыкли пользоваться ваш сын и я, зато не будет мороки с «невидимыми голосами». Если захотите, увидите Рейчел и доктора Акино прямо на этой странице. Не тушуйтесь, Роберт.

Роберт слушал эту смесь устарелого жаргона и технических терминов, жизнерадостность и структуру фраз, которые вполне могли наводить на мысль о сарказме. Когда-то этого было бы вполне достаточно, чтобы он точно откалибровал собеседника. Но сейчас, едва выйдя из сенильного мрака, он не мог быть уверен. И потому он решил слегка прозондировать:

— Так я теперь снова совсем молод?

Рид отодвинулся и негромко засмеялся.

— Хотел бы я это сказать, Роберт. Вам семьдесят пять лет, а у тела имеется куда больше способов выйти из строя, чем случилось нашим докторам медицины. Но я занимаюсь вашим случаем уже полгода. В общем, вы воскресли из мертвых. Вы почти избавились от Альцгеймера. И теперь имеет смысл испробовать другие методы лечения. Вас ждут определенные сюрпризы, в основном приятные. Так что не берите в голову, плывите по течению. Вот, например: я заметил, что вы узнали своего сына только сейчас.

— Д-да.

— Я тут был всего неделю назад. Вы его не узнавали.

Странное чувство — заглядывать в мрак прошлого, но...

— Да. Я знал, что у меня не может быть сына. Я был слишком молод. Я только хотел домой, к родителям, в Бишоп. И даже сейчас мне странно видеть, что Боб такой взрослый... — Тут на него обрушились последствия этой мысли: — Значит, мои родители умерли...

Рид кивнул:

— Боюсь, что да, Роберт. Вам еще предстоит вспомнить целую жизнь.

— Как лоскутное одеяло? Или сперва самые ранние воспоминания? Или я в какой-то точке застряну, и...

— На это вам лучше ответят доктора. — Рид замаялся. — Послушайте, Роберт. Вы же были профессором?

Я был поэтом!

Но вряд ли Рид воспринял бы это звание как более высокое.

— Да. Заслуженным профессором в отставке. Английский язык и литература. В Стэнфорде.

— Ну, о'кей. Значит, вы умный мужик. Вам много чего предстоит выучить, но я спорю, что вы снова станете умным. И не паникуйте, если не можете чего-нибудь вспомнить. Но и не слишком напирайте. Наши врачи практически каждый день будут восстанавливать какую-нибудь дополнительную способность — теоретически считается, что так для вас менее травматично. И не важно, правда это или нет, главное — держать хвост пистолетом. У вас же здесь любящая семья.

Лена. Роберт на миг опустил голову. Не возврат в детство, но что-то вроде второго шанса. Если он вернулся из глубин Альцгеймера, если, если, если... то у него может быть еще лет двадцать впереди, чтобы вернуть то, что он потерял. Итак, две цели: стихи и...

— Лена.

— Что вы говорите, сэр? — наклонился к нему Рид.

Роберт поднял глаза:

— Моя жена... то есть бывшая жена. — Он попытался вспомнить больше. — А вот чего я точно никогда не вспомню — это что было после того, как у меня шарики за ролики заехали.

— Я ж говорил, не берите в голову.

— Помню, что был женат на Лене, и мы воспитывали Бобби. И много лет назад разошлись. А потом... Я помню, что она была со мной, когда Альцгеймер меня гасил уже всерьез. Сейчас ее снова нет. Где она, Рид?

Рид сморщился и наклонился, чтобы застегнуть сумку со своим снаряжением.

— Мне очень жаль, Роберт... ее не стало два года назад. — Он поднялся, легонько потрепал Роберта по плечу. — А знаете, мы сегодня отлично продвинулись. Теперь извините, мне пора.

В прежней жизни Роберт Гу обращал на технические штучки еще меньше внимания, чем на текущие события. Природа человеческая неизменна, и работа поэта — выделить и проявить эту неизменную суть. А теперь... что ж... *Я вернулся из мертвых!* Значит, *есть* что-то новое под солнцем, проявление технологии слишком велико, чтобы его игнорировать. Жизнь дает ему новый шанс — шанс продолжить свою деятельность. И как он будет ее продолжать — очевидно. «Тайны возраста». Он пять лет потратил на песни из этого цикла — такие стихи, как «Тайны детства», «Тайны юных любовников», «Тайны стариков». Но «Тайны умирающих» — форменная фальшивка, написанная до того, как он стал умирать по-настоящему, пусть даже люди считали, что это самая глубокая песнь цикла. А теперь... да, теперь будет новое: «Тайны того, кто вернулся». Раз придут мысли, то придут и стихи.

Теперь он каждый день обнаруживал в себе перемены, и прежние барьеры внезапно рушились. Он легко принял совет Рида Вебера терпеливо переносить ограничения. Столько всего менялось, и все к лучшему. Однажды он снова встал и пошел, пусть даже вихляясь и пошатываясь. В первый день он упал три раза, и все три раза легко вскакивал на ноги.

— Главное, не падайте на голову, профессор, тогда все будет хорошо, — говорил Рид.

Но походка улучшалась постоянно. И теперь, когда он уже видел — по-настоящему *видел*, он смог что-то делать руками. Не надо было шарить в темноте. Он никогда не осознавал, как важно для координации зрение. Есть несчетное количество способов, которыми предметы могут лгать, путаться, прятаться в трехмерном пространстве, и без зрения их поиски тщетны.

Но уже не для меня. Уже нет.

А еще через два дня...

...он играл в пинг-понг с внучкой. Стол этот он помнил. Он купил этот стол для маленького Бобби тридцать лет назад. И

даже помнил, как Боб избавил его от этого стола, покидая наконец дом в Пало-Альто.

Мири осторожно отбивала удары, шарик летал высоко и медленно. Роберт дергался вперед-назад: видеть шарик — не проблема. Но надо было бить осторожно, чтобы шарик не улетал вверх. Так они и играли — очень осторожно, пока Мири не довела счет до пятнадцать—одиннадцать. И тут Роберт набрал пять очков подряд — каждый удар был как судорога, но почему-то белый пластиковый шар пулей улетал к дальнему концу стола.

— Роберт! Да ты же меня просто дурачил!

Бедная пухлая Мири бегала от угла к углу, пытаясь угнаться за ударами. Роберт не подкручивал, но и она тоже играла не очень хорошо. Семнадцать—пятнадцать, восемнадцать, девятнадцать. Потом его мощные удары перестали идти, снова пришлось делать те же неверные движения, и Мири оказалась беспощадной. Она взяла шесть очков подряд — и выиграла.

И тут же побежала вокруг стола обнимать деда.

— Потрясающе! Но больше ты меня не обманешь.

Не было смысла говорить ей то, что сказала Акино: восстановление нервной системы может иногда давать всплеск. Вполне может оказаться, что у него будут реакции спортсмена, хотя вероятнее, что координация останется на среднем уровне.

Забавно, как он отмечал дни недели. Они перестали быть важны еще до того, как он впал в слабоумие. Но сейчас по выходным внучка целый день была с ним.

— А какая была бабушка Кара? — спросила она как-то воскресным утром.

— Она была очень на тебя похожа, Мири.

И девушка вдруг улыбнулась — широко и гордо. Роберт подумал, что именно это она и хотела услышать. *Но это правда, только Кара никогда не была толстой.* Мири очень напоминала Кару в том предподростковом возрасте, когда обожание героя — старшего брата — сменилось другими интересами. Можно сказать, что личность Мири, как у Кары, но в чем-то больше. Мири была талантлива — возможно, даже талантливее своей двою-

родной бабки. И Мири уже достигла той крайней независимости и духовной уверенности, что была у Кары. *Я помню эту постоянную надменность*, подумал Роберт. Она вызывала у него неимоверное раздражение, и именно это разбросало их в стороны.

Иногда к Мири приходили друзья и подруги. В этом возрасте и в эту эпоху парни и девушки общались практически без разбора. Еще несколько лет — и они даже по мышечной силе не слишком будут различаться. Мири любила играть в пинг-понг парами.

Он не мог сдержать улыбки, видя, как она командует друзьями. Она организовала турнир, и хотя была скрупулезно честной, играла она *на выигрыш*. Если ее сторона проигрывала, девушка решительно выпячивала подбородок, в глазах появлялась сталь. Потом она без возражений признавала свои ошибки, как и критиковала своих партнеров.

И даже когда ее друзья не присутствовали физически, они часто бывали рядом — невидимые сущности, как врачи Роберта. Мири ходила по двору, разговаривая и споря с отсутствующими партнерами — пародия на сотово-телефонную невежливость, которую Роберт запомнил по последним годам в Стэнфорде.

А еще были долгие периоды молчания — ничего подобного он о Каре вспомнить не мог. Мири тихо раскачивалась на качелях, повешенных на ветке большого дерева во дворе. Так могло продолжаться часами, и говорила она редко — причем в пустой воздух. Глаза ее будто смотрели куда-то за много миль отсюда. Если он спрашивал, что она делает, Мири вздрагивала, смеялась и говорила, что она «учится». Роберту Гу это очень напоминало какой-то губительный гипноз.

По будням Мири была в школе: каждое утро подкатывал лимузин, как раз когда она была готова выходить. Боб уехал, обещал вернуться «где-то через недельку». Элис каждый день проводила какое-то время дома, но явно пребывала не в лучшем настроении. Иногда он встречался с ней за завтраком, а чаще его невестка возвращалась из Кэмп-Пендльтона во вто-

рой половине дня. После возвращения с базы она бывала особенно раздражительна.

Если не считать сеансов терапии с Ридом Вебером, Роберт был в основном предоставлен сам себе. Он бродил по дому, нашел какие-то из своих старых книг в картонных коробках в подвале. Других книг в доме почти не было. Практически неграмотная семья. Конечно, Мири хвасталась, что многие книги становятся видимы, когда ты хочешь их видеть, но это только половина правды. Бумага-браузер, которую дал ему Рид, умела искать книги в онлайн, но читать их на этом единственном листе казалось каким-то неприличным кропотливым занятием.

Впрочем, листок был примечательный. Он даже поддерживал телеконференции: доктор Акино и далекие психотерапевты перестали быть невидимыми голосами. И этот веб-браузер очень походил на те, что он помнил, хотя многие сайты не отображались как следует. И Гугль до сих пор работал. Роберт задал для поиска Лену Ллевелин Гу. Конечно, информации о ней оказалось много — Лена была доктором медицины и довольно хорошо известна в узких профессиональных кругах. Она действительно умерла пару лет назад. Подробности были просто набором противоречий — что-то совпадало с тем, что говорил Боб, что-то нет. Все эти чертовы Друзья Приватности. Трудно было вообразить себе таких негодяев, изо всех сил старающихся подорвать возможности поиска в сети. «Милосердие ванда-ла» — так они себя называли.

В конце концов он вышел на «Новости дня». Мир остался тем же, что и был — бардаком. В этом месяце — полицейская акция в Парагвае. Подробности в осмысленную картину не складывались. Что еще за «лунные фабы» и почему США желали помочь местной полиции их прикрыть? Но картина в целом была более знакомой. Силы вторжения искали Оружие Массового Поражения. Сегодня обнаружили атомные бомбы, спрятанные под сиротским приютом. На фотографиях — трущобы и бедняки, оборванные дети, играющие в загадочные игры. От этого окружающее запустение казалось нереальным. И еще был случайно попавший, почти одинокий с виду солдат.

Спорить могу, что Боб сейчас там, подумал он. И не в первый — и даже не в тысячный — раз он задумался, как мог его сын выбрать такую отвратительную тупиковую профессию.

Иногда по вечерам проходила совместная трапеза: Элис, Роберт и Мири. Элис явно нравилось готовить, хотя сегодня у нее был такой вид, будто она не спала пару ночей.

Роберт слонялся возле кухни, глядя, как мать с дочерью вынимают из холодильника подносы.

— Мы такое называли «ужин из телевизора», — заметил он.

На самом деле все это имело вид и структуру деликатесов. Для Роберта, впрочем, на вкус все напоминало месиво, но Рид сказал, что просто у него вкусовые сосочки на девяносто пять процентов мертвы.

Мири приостановилась — это с ней часто бывало, когда Роберт говорил что-нибудь такое, чего она раньше не слышала. Но ответ, как всегда, был полон уверенности:

— Ну, это куда лучше, чем мусорная еда по рецептам из телевизора. Тут можно смешивать и сопоставлять разные части. — Она показала на немаркированные контейнеры, шипящие в... в общем, это выглядело как микроволновка. — Смотри, у меня получилось мороженое, а у Элис... воздушное черничное желе. Вау, Элис!

Элис слегка улыбнулась:

— Я поделюсь. Ладно, понесли в столовую.

Нести пришлось вдвоем, зато второго рейса не понадобилось. Еду поставили на длинный обеденный стол. Камчатная скатерть с затейливым узором казалась каждый вечер другой, но сам стол был знакомый, тоже из прошлой жизни. Присутствие Лены по-прежнему ощущалось повсюду.

Роберт сел рядом с Мири.

— Знаешь, — сказал он, просто чтобы выяснить ее реакцию, — мне все это кажется слегка примитивным. Где слуги-роботы — или хотя бы просто автоматические руки, которые поставили бы телевизионный ужин в микроволновку, а потом вынули бы?

Невестка раздраженно пожала плечами:

— Там, где это имеет смысл, мы используем роботов.

Роберт помнил Элис Гонг в те времена, когда она выходила за Боба. Тогда Элис была непроницаемым дипломатом — настолько профессиональным, что почти никто и не догадывался о ее искусстве. В те дни он еще умел обращаться и со стихами, и с людьми, и воспринял Элис как интересную задачу. Но его прежняя личность не могла оставить на этой броне даже зазубринки. А эта новая Элис лишь *имитировала* самообладание прежней, причем с переменным успехом. Сегодняшний вечер был в этом смысле не из лучших.

Роберт вспомнил новости из Парагвая и ткнул наудачу:

— Волнуешься за Боба?

Она криво улыбнулась:

— Нет, у Боба все в порядке.

Мири, глянув на мать, чирикнула:

— Если хочешь видеть роботов, тебе стоит посмотреть мою коллекцию кукол.

Роботы? Куклы? Трудно доминировать над людьми, если не знаешь, о чем они говорят. Он решил отступить.

— Я в том смысле, что есть тысяча вещей, которые люди, помешанные на будущем, предсказывали сотню последних лет, а этого не случилось. Например, воздушные автомобили.

Мири подняла взгляд от дымящейся еды. В углу подноса действительно стояла чашка с мороженым.

— У нас есть воздушные такси. Это считается?

— Частично. — И тут он спросил неожиданно для себя: — А когда бы я мог такое увидеть?

Прежний Роберт отмахнулся бы от механических изобретений, как от недостойных интереса взрослого человека.

— В любой момент! Хочешь после ужина?

Последний вопрос был адресован Элис наравне с Бобом.

Теперь Элис улыбнулась более непринужденно:

— Может быть, на выходные.

Какое-то время все ели молча. *Жаль, что я не чувствую вкуса.*

Потом Элис подняла тему, которую явно приготовила заранее:

— Знаешь, Роберт, я посмотрела отчеты медиков про тебя. Ты уже почти на полных оборотах. Не думаешь о том, чтобы вернуться к профессии?

— Конечно, я об этом все время думаю. У меня есть идеи, что писать... — Он принялся экспансивно жестикулировать — и сам был поражен внезапно поднявшимся из глубины страхом. — Элис, ты не волнуйся. Я буду писать. У меня предложения работы от кучи школ по всей стране. Я вас избавлю от своего присутствия, как только твердо встану на ноги.

— Нет-нет, Роберт! — перебила Мири. — Ты можешь остаться с нами. Нам нравится, что ты здесь.

— Но пока что — не думаешь ли ты, что тебе надо быть как-то активнее? — спросила Элис.

Роберт кротко посмотрел на нее.

— Как именно?

— Ну, ты же знаешь, в следующий вторник у Рида Вебера будет с тобой последний сеанс. Уверена, что есть еще новые навыки, которыми тебе надо овладеть. Ты не думал пойти в школу? В Фэрмонте — специальные классы профессионального обучения...

Полковник Элис действовала отлично, но ей помешало, что тринадцатилетний ребенок был на стороне Роберта. Мири простонала:

— Ой-ой! Это же у нас на каникулах. Пара стариков и стадо тупоголовых подростков. Скукоти-и-иша-а...

— Мири, есть основные навыки...

— Рид Вебер уже многим его научил. А научить Роберта носить могу и я. — Она похлопала его по руке. — Роберт, ты не волнуйся. Как только научишься носить, так все что захочешь, сможешь выучить. Сейчас ты в западне — это как будто ты видишь мир через узкую щель, то, что ухватывает невооруженный глаз плюс то, что ты можешь получить от *этого*. — Она показала на волшебный лист, торчащий у него из кармана. — При небольшой тренировке ты научишься видеть и слышать не хуже других.

Элис покачала головой.

— Мири, есть множество людей, которые не носят.

— Так они не мой дедушка. — И она слегка, но вызывающе выставила подбородок. — Роберт, ты должен будешь носить. У тебя глупый вид, когда ты разгуливаешь, зажав в руке эту просмотрную страницу.

Элис хотела было возразить решительнее, но оставила эту мысль, глядя на Мири ничего не выражающим взглядом. Прочтеть его значение Роберту не удалось.

А Мири этого взгляда не заметила. Она наклонила голову и ткнула пальцем почти себе в глаз:

— Насчет контактов ты ведь уже знаешь? Хочешь покажу?

Ее рука отодвинулась от глаза — на кончике среднего пальца лежал крошечный диск, формой и размером напоминавший знакомые Роберту контактные линзы. Ничего другого он не ожидал, но... наклонился и посмотрел. И увидел, что это не прозрачная линза. В ней кружились, собирались цветные искорки.

— Я ее запустила на максимальную безопасность, иначе бы ты не увидел огней. — Линзочка затуманилась, потом стала морозно-белой. — Ой. Питание подсело. Но идею ты понял.

Девочка вставила линзу обратно в глаз и улыбнулась деду. Правый глаз у нее заволокло огромным бельмом.

— Тебе надо свежую взять, милая, — сказала Элис.

— Да нет. Сейчас согреется и до конца дня вполне будет работать. — И действительно, бельмо рассасывалось, из-под него проявлялась темно-карая радужка Мири. — Как тебе, Роберт?

Довольно грубая замена тому, что я могу делать, просто читая обзорную страницу.

— И это все?

— Ну, нет. Я думала, мы прямо сейчас можем дать тебе одну из рубашек Боба и коробку контактов. Фокус в том, чтобы научиться ими пользоваться.

Полковник Элис сказала:

— Без определенного контроля это будет как телевизор прежних времен, только куда навязчивее. Мы не хотим, чтобы тебя захватили, Роберт. Как тебе такой вариант: я найду тебе каку-ю

нибудь тренировочную одежду и коробку контактов, о которых говорила Мири, а ты тем временем подумай насчет того, чтобы походить в Фэрмонт.

Мири наклонилась вперед и улыбнулась матери:

— А спорим, он уже через неделю носить будет? И не нужна ему эта школа для дураков.

Роберт благожелательно улыбнулся через голову Мири.

Предложения о работе действительно были. Сведения о его возвращении проникли в сеть, и ему написали из двенадцати университетов. Но в пяти письмах были просто приглашения выступить, еще в трех — приглашения на семестровые мастер-классы. Остальные — от школ далеко не первого ранга. Не совсем те приветствия, которых мог бы ожидать один из «литературных гигантов века» (цитируя критиков).

Они боятся, что я все еще слабоумный.

Поэтому приглашения Роберт отложил и стал писать. Он покажет маловерным, что не утерял прежней остроты, и добьется признания, которого заслуживает.

Впрочем, на поэтическом фронте особых успехов не было. Как и на многих других фронтах. Лицо у него стало молодым, и Рид говорил, что такой полный косметический успех — редкость, что Роберт оказался идеальным объектом для «процесса Венна — Куросавы». Чудесно. Но движения оставались судорожными, а суставы все время ныли. И особо унижительно, что ночью несколько раз надо было вставать в туалет помочиться. *Это уж точно было напоминанием Рока о том, что он старик.*

Вчера Вебер приходил последний раз. У этого человека был менталитет прислужника, что вполне отвечало его роли. *Наверное, мне будет его недоставать.* И не в последнюю очередь из-за того, что каждый день теперь появится лишний пустой час.

На поэтическом фронте продвижение казалось особенно медленным.

Для Роберта сны никогда не были серьезным источником вдохновения (хотя в нескольких известных интервью он утверждал обратное). Но и попытки творчества в полном бодрствовании — последнее прибежище приземленных умов. Для Ро-

берта Гу самым творческим моментом бывало пробуждение после хорошего ночного сна, перед переходом к дневному бодрствованию. Этот момент был столь надежным источником вдохновения, что когда с писанием случались трудности, он выходил вечером пройтись по пешеходному маршруту, заполнить ум противоречиями момента... а на следующее утро спросонья пересматривал, что знал. Потом, в восприимчивой свежести нового сознания, к нему приходили ответы. В свое время в Стэнфорде он описывал этот феномен философам, служителям религий, убежденным естественникам. У них находилась сотня объяснений — от фрейдистской психологии до квантовой физики. Но объяснения не были ему важны: «переспать с этой мыслью» оставалось для Роберта действенным методом.

И теперь, выйдя после долгих лет из состояния слабоумия, он не утратил утренней остроты восприятия. Однако и его контроль над процессом был так же неточен, как и раньше. Иногда по утрам на ум приходили идеи для «Тайн того, кто вернулся» и пересмотра «Тайн умирающего». Но поэтических подробностей в этих утренних мозговых штурмах не было. Идеи — да. И концепции тоже были, детализированные до поэтических строительных блоков. Не было слов и фраз, которые преобразовали бы идеи в красоту. Возможно, тут нет ничего страшного — пока. В конце концов, заставить слова петь — чистейший, высший дар. Не следует ли ожидать, что и вернется он последним?

А тем временем утро за утром пропадало зря в ненужных озарениях. Подсознание стало предателем: его заморозило, как это все делается, захватили технологии и математика. Днем, бродя по своей обзорной странице, Роберт постоянно отвлекался на темы, не имеющие отношения к искусству. Однажды он целый день потратил на «введение в конечную геометрию для детей» — о Боже! — а на следующее утро в качестве озарения пришло решение одного из трудных упражнений.

Дни текли в гнетущей скуке, бесконечном поиске нужных слов, в попытках борьбы с манящей обзорной страницей. Вечера — в осаживании Мири и обороне от ее попыток вставить ему в глаза посторонние предметы.

И наконец-то утреннее озарение пришло на выручку. Просыпаясь навстречу дню, хладнокровно думая о своем провале, он заметил за окном зеленый можжевельник, заметил двор, окрашенный пастельными тонами. Снаружи был мир! И миллион различных перспектив, с которых его можно рассматривать. Что он делал раньше, когда на пути образовывался завал? *Делал перерыв*. Надо было заняться чем-нибудь другим, почти чем угодно. Пойти снова «в школу» — это даст избавление, в частности, от Мири. И откроет ему новые, пусть даже более узкие перспективы.

Да и Элис обрадуется.

04

ОТЛИЧНАЯ АФФИЛИАЦИЯ

Хуан Ороско любил ходить в школу с близнецами Рэднерами. Фред и Джерри — Плохое Влияние, зато лучшие геймеры, которых Хуан знал в реале.

— У нас на сегодня затеяна отличная афера, Хуан, — сказал Фред.

— Ага, — подтвердил Джерри, улыбаясь так, как всегда улыбался в тех случаях, когда готовилось что-нибудь по-настоящему смешное или противозаконное.

Они шли обычной дорогой вдоль канала для сброса паводка. Бетон высох и побелел, как кость. Канал вился по долине позади района Меситас. Холмы были покрыты хрустальной травой и мансанитой, впереди виднелась купа падуболистных дубов. А что еще могло расти в графстве Северный Сан-Диего в начале октября?

В реальном мире, по крайней мере.

Ущелье не было мертвой зоной. Вовсе нет. Служба контроля наводнений поддерживает местность в усовершенствован-

ном виде, и общедоступный слой был не хуже, чем на городских улицах.

Хуан в ответ на слова братьев только пожал плечами и повел рукой. Это было достаточным намеком для носимой «Эпифании». Наложённое изображение изменилось на мир из «Опасного знания» Гачека: мансанита перетекла в чешуйчатые шупальца. Дома по краям ущелья стали большими, сложенными из грубых бревен, с развевающимися знаменами. Впереди возвышался замок, родовое гнездо Великого Герцога Хови Финна (в реале — местного парнишки, который больше других делал для поддержки этого круга верований). Близнецов Хуан передел в кожаную броню Рыцарей Стражи.

— Эй, Джер, глянь, — излучил Хуан и стал ждать, пока близнецы перейдут на тот же вид. Он неделю тренировался, устанавливая эти визуалы.

Фред глянул, воспринимая образы, которые наколдовал Хуан.

— Старье, Хуанито. — Он посмотрел на замок на холме. — И вообще Хови Финн — дубина.

— Ну и ладно. — Хуан отпустил видение, и оно рассыпалось небрежным каскадом. Реальный мир вернулся на место — сперва пейзаж, потом небо, потом живые существа и костюмы. — А на той неделе тебе понравилось.

Когда, вспомнил Хуан, Фред и Джерри маневрировали, чтобы выпереть Великого Герцога.

Близнецы переглянулись. Хуан знал, что они обмениваются беззвучными сообщениями.

— Мы же тебе сказали, что сегодня будет другое. Мы придумали особенную штуку.

Ребята шли через рощу дубов. Если идти с дальней стороны, можно было увидеть дымку океана, а в ясный день — или если использовать Ясное Зрение — то и всю дорогу до океана. Дальше на юг тянулись жилые районы и пятно зелени, которое и было школой Фэрмонт. А на севере было самое интересное место в том округе, где жил Хуан Ороско.

Парк развлечений «Пирамид-Хилл» господствовал над окружающей его долиной. Камень, на котором он стоял, был ско-

рее остроконечным холмом, чем пирамидой, но руководство парка считало, что «пирамида» — слово более сексуальное. Когда-то здесь рос авокадовый сад, темно-зеленые деревья укрывали склоны. Невооруженный глаз по-прежнему видел множество деревьев, но были теперь и лужайки, и настоящие особняки, и пусковая установка. И много чего еще. «Пирамид-Хилл» утверждал, что здесь самый длинный полет свободного падения во всей Калифорнии.

Близнецы смотрели на Хуана и скалились.

— Как ты насчет «Возвращения мелового периода»?

Менеджеры «Пирамид-Хилла» точно знали, сколько брать за различные уровни ощущений. Самые нижние — очень дешевые, «настоящее ощущение» — на верхнем пределе.

— Слушай, это слишком дорого.

— Конечно. Если платить.

— Ребята, а вам не надо сегодня представлять проект перед классом?

Урок труда был сегодня первым.

— Это еще в Ванкувере, — сказал Джерри.

— Ты за нас не беспокойся. — Фред посмотрел вверх, как-то одновременно и молитвенно, и самодовольно. — ЮПИ/Экспресс все сделает, и как раз вовремя.

— Тогда ладно. Только так, чтобы нам не влетело.

«Влетело» — вот главная отрицательная сторона общения с Рэднерами. Пару недель назад близнецы показали ему, как переделать новый велик, купленный на «Wiki Bay», и чтобы его не отозвали по нарушению безопасности. У Хуана в руках оказалось отличное оружие для боевых искусств — и велосипед, который почти невозможно было развернуть. Мама удовольствия не выразила.

— Не дрейфь, Хуан.

Они свернули от берега канала и направились по узкой тропе вдоль северного края «Пирамид-Хилл». Это было далеко от любого входа, но дядя у близнецов работал в Службе контроля наводнений, а потому у них имелся доступ к поддержке изображений на сооружениях СКН, каковым доступом они сейчас поделились с Хуаном. Почва под ногами сделалась полупроз-

рачной. На глубине пятнадцати футов была видна схема, представляющая десятидюймовый выпускной туннель. Тут и там стояли указатели на местные записи обслуживания. Джерри и Фред уже пользовались как-то этим всезнанием, и их никто не поймал. На схему накладывался вид слегка фиолетовый для солнечного дня, показывающий слепые пятна связи и активные высокоскоростные ссылки.

Близнецы остановились у края поляны, Фред глянул на Джерри:

— Ай-ай-ай, стыд и позор Службе Контроля. На тридцать футов — нигде нет узла локалайзера.

— Точно, Джер. Тут что угодно может случиться.

Без полной сети локалайзеров узлы не могли точно знать, где находятся они и где их соседи. Скоростную лазерную связь установить было невозможно, а выход низкоскоростного сенсора размывался по всему ландшафту. Внешний мир получал лишь смазанную картину местности.

Ребята вышли на поляну и оказались в глубине слепого пятна сети, но отсюда невооруженным глазом открывался вид на холм, на местность, которая наверняка должна была находиться внутри «Пирамид-Хилла». Если пойти дальше, парк начнет начислять плату.

Однако близнецы не смотрели в сторону парка. Джерри подошел к небольшому деревцу и, сощурился, смерил его взглядом.

— На самом деле это интересное место. Тут пытались исправить покрытие с помощью воздушной камеры. — Он ткнул в сторону ветвей и дал пинг. Служебный вид выдал лишь слабый сигнал возврата, сообщение об ошибке. — Это уже не узел, а экскремент сети.

Хуан пожал плечами:

— Разрыв к вечеру починят.

В сумерках, когда аэроботы порхают по ущельям, заменяя узлы тут и там.

— А почему нам не помочь родному графству и не починить его прямо сейчас?

Джерри достал зеленоватый предмет размером с большой палец и протянул Хуану.

Из вершины предмета торчали три плавника антенны. Типичный аварийный узел; с уборкой сдохших было больше возни, чем с птичьим пометом.

— Ты эту штуку обратил? — На узле было написано BreakIns-R-U, но в реальной жизни обратить сеть куда сложнее, чем в играх. — А где коды доступа взял?

— Дядя Дон бывает небрежен. — Джерри показал на устройство: — Все права загружены. К сожалению, в самом узком месте узел еще жив. — Он показал наверх, в ветви молодого деревца. — Ты достаточно маленький, чтобы туда залезть, Хуан. Поднимись и сшиби этот узел.

— Гм!

— Да не дрейфы! Внутренняя безопасность не заметит.

На самом-то деле Департамент внутренней безопасности заметит почти наверняка, по крайней мере когда залатают сеть локалайзеров. Но и почти наверняка никого это не тронет. Логика ДВБ защита глубоко во всей аппаратуре. «Все видеть, все знать» — такой у них девиз, но то, что они видят и знают, оставляют для собственного употребления. Известно их упорное нежелание делиться со всякими правоохранителями.

Хуан сошел со слепого пятна и глянул на вид Департамента Шерифа. На местность вокруг «Пирамид-Хилла» приходилась своя доля арестов, в основном за наркоту — препараты, расширяющие сознание... но поблизости уже ничего не происходило несколько недель.

— О'кей.

Хуан вернулся к дереву и влез футов на десять, туда, где расходились ветви. Старый узел висел на сгнившей липучке, Хуан выбил его, и близнецы устроили ему падение на камень. Хуан спустился. Несколько секунд все смотрели диагностику. Фиолетовые туманы сделались резче, превратились в светлые пятна — узлы соображали, где они и где их обращенный собрат, координируясь друг с другом для полного включения. Теперь стала доступной лазерная маршрутизация от точки к точке, и

видны были метки собственности вдоль всей границы «Пирамид-Хилла».

— Ха! — сказал Фред, и близнецы зашагали вверх к этой границе. — Пошли, Хуан. Мы отмаркированы как служащие округа. И лучше нам здесь не застревать слишком долго.

В «Пирамид-Хилле» имелась аппаратура истинных ощущений самых последних моделей — не просто фантомы, нарисованные контактными линзами на глазном дне. В «Пирамид-Хилле» были игры, где можно кататься на скучи-сальсипуэдах или воровать яйца хищных динозавров, а были игры, где теплые пушистые зверушки танцевали и резвились у твоих ног, прося, чтобы их взяли на ручки. Если отключить все игровые виды, можно наблюдать, как другие игроки бредут по лесам своих собственных миров. Каким-то образом Парк не давал им наткнуться друг на друга.

В «Возвращении мелового периода» звук установки свободного падения был замаскирован под гром. Деревья превращались в башни огромных гинкго, и в их чаще оставались непроницаемые для взора уголки. Хуан много играл в чисто визуальное «Возвращение»: лицом к лицу — с близнецами, и в виртуале с другими по всему миру. Это, надо сказать, приятных воспоминаний не оставило. За последнюю неделю его уже «убили и съели» три раза. Игра была суровая, вкладываться надо было как следует, иначе каждый раз будут убивать и съедать. И потому Хуан вступил в Гильдию Фантастов — ну, как юниор-соискатель, конечно. Надеялся, что это прибавит ему умения. Он уже даже спроектировал для «Возвращения» один вид. Ящеры получились быстрые. Мелкие, не привлекающие внимания самых яростных критиков. На близнецов они впечатления не произвели, хотя своих вариантов у братьев не было.

Шагая по лесу гинкго, он выискивал глазами в нижних ветвях тварей с мощными зубастыми челюстями — такая штука его и слопала в понедельник. А во вторник его свалила какая-то древняя болезнь.

Пока что все выглядело вполне безопасным, но не было и следа его собственного вклада. Зверьки размножались быстро

и умели адаптироваться к среде по размеру, так куда же девались эти мелкие гады? Он вздохнул. Надо будет как-нибудь проверить другие игровые сайты. Может быть, в Казахстане они выросли здоровенные. А сегодня и здесь — nada*.

Хуан топал через Парк, слегка обескураженный, но пока что не съеденный. Близнецы приняли форму стандартных для игры велоцерапторов и наслаждались жизнью — игровые роботы «Пирамид-Хилла» были как раз дичью размером с кур.

Ящер-Джерри глянул через плечо на Хуана:

— А где твой зверь?

Хуан животную форму принимать не стал.

— Я — путешественник по времени, — ответил он. Это был допустимый вид, введенный еще в первом выпуске игры.

Фред сверкнул полной пастью зубов:

— Да нет, где те твари, что ты на той неделе изобрел?

— Не знаю.

— Скорее всего их слопали критики, — предположил Джерри, и оба брата фыркнули по-крокодильи. — Бросил бы ты творить, Хуан, очков на этом не заработаешь. Плюнь и используй что есть хорошего.

Он проиллюстрировал свои слова футбольным ударом по чему-то, шмыгнувшему через дорогу. Это принесло ему много классических очков и несколько захватывающих моментов бойни. Фред присоединился к брату, и красное расплескалось повсюду.

Что-то в этой дичи казалось знакомым. Создание было молодое, разумно выглядело... да это же новорожденный из проекта Хуана! А если так, то и мамочка где-то рядом.

— Знаете, я думаю... — начал Хуан.

— ПРОБЛЕМА В ТОМ, ЧТО НИКТО ИЗ ВАС ВООБЩЕ НЕДУМАЕТ.

Отличный компьютерный звук — как если сунуть голову между древними стереоколонками. Мальчики слишком поздно увидели, что стволы деревьев у них за спиной растут из когтистых лап длиной в ярд. Мамаша. Сверху десятидюймовыми каплями текла слюна.

* ничего (исп.).

Конструкция Хуана в максимальном своем размере.

— Шш... — начал Фред, и это было его последнее шипение в образе велоцераптора. Из-за водопада слюны сквозь кроны гинкго опустилась зубастая голова и проглотила Фреда так, что остались торчать только задние когти. Пару секунд чудовище жевало и чавкало. Поляну заполнил хруст костей.

— Ой!

Монстр распахнул пасть и в ужасе стал блевать. И это было хорошо — Хуан на миг переключился на вид реальности: среди дымящихся останков своего хищника стоял Фред. Рубашка выбилась из штанов, с головы до пят покрыт слизью. Настоящей вонючей слизью. За которую и платят деньги.

Чудовище было одним из самых больших механических устройств Парка — представитель нового вида, созданного Хуаном.

Трое мальчишек смотрели в его пасть.

— Хватит с вас истинных ощущений? — спросила тварь, горячо дыша гнилым мясом.

Им хватало. Фред шагнул назад и чуть не поскользнулся в гущу.

— Покойный Фред Рэднер только что потерял полную телегу очков, — монстр мотнул мордой размером с грузовик, — а мне все еще жрать охота. Предлагаю вам уйти из Парка с максимально возможной скоростью.

Ребята попятились, не сводя глаз с зубов чудовища. Близнецы повернулись и бросились бежать, Хуан, как всегда, на секунду отстал.

Что-то вроде огромной руки схватило его сзади.

— А к тебе у меня еще есть дело. — Чудовище взрыкивало на каждом слове сквозь стиснутые клыки. — Сядь. Поболтаем.

¡Caray! Вот уж не поперло!*

И тут он вспомнил, что именно Хуан Ороско лазил на дерево переделывать логику входа Парка. Этому кретину Хуану Ороско никакого невезения не надо, собственной дурости хватит. А близнецы смылись.

* Черт побери! (исп.)

Но когда «пасть» усадила его, и он обернулся, чудовище никуда не делось — не превратилось в охранника Парка. Может, это действительно персонаж из «Возвращения»? Хуан слегка отодвинулся в сторону, пытаясь ускользнуть от нависшего взгляда. Это же всего лишь игра. Он вполне может уйти пешком от четырехэтажного ящера. Конечно, подобный поступок полностью подорвет его кредит в «Возвращении мелового периода», может быть, его окатит той же вонючей слизью. А если Большой Ящер к своей роли относится серьезно, это повредит ему и в других играх. Ладно, пусть так. Хуан сел спиной к ближайшему гинкго. Значит, он еще раз опоздает, все равно его положение в школе уже ничем не ухудшишь.

А ящер устроился поудобнее, сдвинув в сторону дымящийся труп раптора Фреда Рэднера. Потом опустил голову к земле и посмотрел на Хуана в упор. Глаза, голова, цвет — все было как в исходном проекте Хуана, и движения этого игрока производили впечатление. Судя по шрамам, он немало повоевал в горячих точках «Возвращения мелового периода».

Хуан заставил себя приветливо улыбнуться:

— Так тебе моя конструкция нравится?

Ящер сверкнул клыками длиной в ярд:

— Я бывал и похуже.

Зверь сдвинул параметры игры, вытащил параметры уровня критика. Крутой игрок — может, даже крекер! Между ним и Хуаном лежал на земле мертвый и рассеченный пример создания Хуана. Большой Ящер двинул его передней лапой.

— Текстура кожи взята из библиотеки примеров Гильдии Фантастов. Цветовая схема — штамп. Клетчатый килт — это было бы прикольно, если бы не было полностью взято из объявлений «Эпифани Нау».

Хуан подобрал колени к подбородку. Та же фигня, что приходилось слушать в школе.

— Я беру из лучшего.

Ящер хмыкнул — рычащий гул эхом отдавался в голове у Хуана.

— Для твоих учителей это проканает. Им приходится жрать любой мусор, что вы им скармливаете — пока школу не окон-

чите и вас не выставят на улицу. Так себе дизайн. Кое-что заимствовано, в основном потому, что механизмы хорошие. Но если говорить о настоящем качестве — не тянет.

Тварь потянулась, сверкнув боевыми шрамами.

— Я и другие вещи делаю.

— Ага, и если никогда их не выпустишь, с ними тоже провалишься.

Вот это был пункт, который сильнее всего тревожил Хуана Ороско. Все больше и больше было похоже, что он кончит как отец — только может еще и никогда не получить работу, с которой его выставят! «Старайся изо всех сил» — таков был девиз школы Фэрмонт. Однако стараться изо всех сил — только начало. Даже если стараешься, все равно можешь отстать.

Но в таких вещах Хуан не собирался исповедоваться другому геймеру. Он сердито глянул на шелки желтых глаз, и вдруг допер, что этот тип — в отличие от учителей — не получает платы за то, чтобы быть добрым. И слишком много он тратит времени, чтобы просто оттоптаться на чужом самолюбии. *Значит, он в самом деле от меня чего-то хочет!*

— И ты можешь что-то предложить, о Могучий Виртуальный Ящер?

— Это... тоже может быть. Я занимаюсь не только «Возвращением». Как ты насчет аффилированного участия в небольшом проекте?

Никто никогда не предлагал Хуану аффилированного участия в чем бы то ни было, кроме местных игр. Его губы дернулись в деланном презрении:

— Аффилированное участие? Процент от процента от... чего? Ты насколько низко в цепочке?

Ящер пожал плечами — раздался треск деревьев, которые он при этом зацепил.

— Я думаю, что очень, очень низко. Так оно всегда с аффилиацией. Но я могу платить настоящие деньги за каждый ответ, который перепасую наверх.

И зверь назвал цифру. Этого хватило бы, чтобы целый год ежедневно кататься на свободном падении. Платежный сер-

тификат поплыл между ними в воздухе, показывая названную сумму и график премий.

Хуану доводилось играть в финансовые игры.

— Вдвое против этого, или дела не будет.

Тут он заметил секции подписчиков, где суммы были не видны. Быть может, потому, что все, кого он рекрутирует, получают куда больше.

— Договорились! — сказал Ящер, пока Хуан не успел повысить цену.

Хуан был уверен, что Ящер улыбается!

— О'кей, так чего ты хочешь?

И почему ты думаешь, что такой дурень, как я, может тебе что-то дать?

— Ты учишься в Фэрмонте?

— Ты и сам знаешь.

— Странное место, правда? — Хуан не ответил, но ящер будто и не ждал. — Можешь мне поверить, странное. Большинство школ, даже частных, не проводит занятия учеников из образовательной программы для взрослых совместно с детьми.

— Ага, профессиональное обучение. Старперам оно не нравится. И нам тоже не нравится.

— Так вот, задание от моих работодателей — порыскать вокруг этих стариков. Подружиться с ними.

Ой! Но Хуан снова глянул на платежный сертификат. Он казался действительным. Содержание его было сложнее, чем хотелось бы Хуану, но гарантировал его Банк Америки.

— С кем конкретно?

— А, в том-то и проблема. Тот, кто аффилировал меня, — человек уклончивый. Мы просто собираем информацию. В основном потому, что некоторые из этих... граждан старшего возраста были важными шишками.

— А если они были такими важными, то что они сейчас делают в нашей школе?

Это был тот самый вопрос, который задавали все школьники.

— Причин много, Хуан. Некоторые из них просто одиночки. Другие по уши в долгах, и им надо сообразить, как зарабо-

тать на жизнь в современной экономике. Есть и такие, у которых мало что есть, кроме здорового тела и кучи старых воспоминаний. Эти могут быть очень желчными.

— Ага. И как я должен с такими людьми подружиться?

— Если хочешь получить деньги, найдешь как. Как бы там ни было, а критерии поиска существуют.

Большой Яшер переслал ему документ. Хуан просмотрел верхний слой.

— Тут накрывает широкую площадь.

Отставные политики Сан-Дисго, биологи, родители лиц, в настоящий момент работающих в этих категориях...

— В ссылках — квалификаторы. Твоя работа — заинтересовать определенных людей в моей цепочке аффилиаций.

— Я... я как-то не очень умею народ уговаривать.

Особенно такой народ.

— Сдрейфил? Тогда ходи бедняком.

Хуан минуту помолчал. Отец никогда не взял бы такую работу. Наконец он сказал:

— О'кей, вступаю в твоё дело.

— Мне не надо, чтобы ты делал что-нибудь, что считаешь не...

— Я сказал, беру работу!

— О'кей! Тогда вот что я тебе дам для начала. В документе имеется контактная информация. — Тварь встала на ноги, и голос зазвучал откуда-то сверху. — В «Пирамид-Хилле» мы больше не встречаемся.

— Мне подходит.

Хуан встал, и не мог удержаться, чтобы не шлепнуть тварь по могучему хвосту, спускаясь с холма.

Близнецы его далеко опередили и стояли на футбольном поле на той стороне кампуса. Проходя по дорожке, Хуан ухватил вьюпойнт на трибунах и дал братьям пинг. Фред помахал рукой, но рубашка у него была все еще слишком слизистой, чтобы держать связь. Джерри смотрел вверх, откуда в его протянутые руки падал пакет от ЮПИ/Экспресс, и как раз вовремя. Близнецы разрывали пакет еще по дороге к тенту магазина.

К сожалению, первый урок у Хуана был в конце дальнего крыла. Он побежал через газон, привязав зрение к неулучшенной реальности: сегодня дома были в основном трехэтажные. Серые стены — как игральные карты, выстроенные в ряд.

Внутри он уже не мог выбирать вид самостоятельно. По утрам администрация школы требовала, чтобы на всех стенах демонстрировали «Новости Фэрмонта». Трое ребят из школы «Гувер» выиграли стипендию IBM. Аплодисменты — хотя Гувер был незаслуженно облаканным соперником Фэрмонта — частная школа, управляемая факультетом математического образования университета Сан-Диего. Этим трем молодым гениям оплатят университетское образования до самого диплома, пусть они даже дня не проработают в IBM. *Ну и подумаешь*, решил Хуан, успокаивая сам себя. Может, когда-нибудь эти ребята сильно разбогатеют, но процент от их профессионально нажитых состояний всегда будет возвращаться в IBM.

Он рассеянно брел по зеленым стрелочкам-указателям... и вдруг заметил, что поднялся на два лестничных пролета. Со вчерашнего дня администрация школы все поменяла. Ну и конечно, стрелочки для него тоже обновили. Это хорошо, что он не обратил внимания.

Хуан тихо вошел в класс и сел.

Миз Чамлиг уже начала урок.

«Поиск и анализ» был ее коньком. Она вела куда более сжатую версию этого курса в «Гувере», но ходили хорошо документированные слухи, что там миз Чамлиг не вытянула. И потому факультет перевел ее в Фэрмонт. Хуану она даже нравилась — тоже ведь неудачница.

— Есть множество различных умений, — говорила она. — Иногда лучшее решение — это скооперироваться с другими людьми и вместе найти решение.

Ученики кивали. Быть координатором. Самые большие деньги и самая большая слава. Но они знали, к чему клонит Чамлиг. Она оглядела класс, кивнула, показывая, что поняла их.

— Вы все, к сожалению, хотите быть агентами верхнего уровня?

— Кто-нибудь из нас им будет.

Это заявил один из участников взрослой программы. Уинстон Блаунт по возрасту годился Хуану в деды. И когда у него случалось плохое настроение, он любил веселить народ, доставая миз Чамлиг.

Преподавательница «Поиска и анализа» улыбнулась в ответ:

— Это так же вероятно, как стать звездой бейсбола в высшей лиге. Чистый «агент-координатор» — редкий тип, декан Блаунт.

— Некоторые из нас должны быть администраторами.

— Э-гм! — Чамлиг на миг приняла скорбный вид, как человек, ищущий слова для сообщения печальной вести. — Административная работа сильно изменилась, декан Блаунт.

Уинстон Блаунт устроился на стуле поудобнее.

— О'кей, значит, придется выучить некоторые новые приемы.

— Да-да. — Миз Чамлиг обвела взглядом класс. — Это важный момент. Поиск и анализ, которым посвящен наш курс, — сердце экономики. Как потребителям, поиск и анализ нам нужны очевидным образом. В современном мире почти на любой должности мы зарабатываем себе на жизнь поиском и анализом. Но в конце концов нам необходимы и кое-какие знания.

— Вы про те курсы, что мы кое-как сдали на «С»?

Голос раздался с галерки — наверное, говорил кто-то из физически отсутствующих.

Чамлиг вздохнула.

— Да. Не давайте этим навыкам угаснуть. Вас им научили. Используйте их. Улучшайте их. Это можно сделать с помощью особой формы преданализа, которую я называю «изучение».

Одна из учениц подняла руку — действительно подняла руку. Настолько она была старой.

— Да, доктор Сянь?

— Я знаю, что вы правы. Но... — Женщина оглядела класс. С виду она была возраста Чамлиг, и далеко не так стара, как

Уинстон Блаунт. А глаза — слегка испуганные. — Но одни успевают лучше, другие хуже. Я далеко не так способна, как была когда-то. А может быть, просто другие способнее... Что будет, если мы станем стараться изо всех сил, а этого окажется мало?

Чамлиг замялась. *Интересно, что она ответит!* — подумал Хуан.

— Эта проблема касается всех, доктор Сянь. Провидение каждому из нас сдает карты, с которыми мы вступаем в игру. В вашем случае вам сдали новые карты и позволили начать жизнь заново. — Она посмотрела на всех, сидящих в классе. — Некоторые из вас считают, что в этой жизни им сдали только двойки и тройки.

В передних рядах сидели несколько по-настоящему усердных учеников, ненамного старше Хуана. Они носили, но своих носимых чувствовать не умели и никогда не знали ансамблевого кодирования. Пока Чамлиг говорила, видно было, как они шевелят пальцами, вводя для поиска слова «двойки» и «тройки».

— Но у меня есть теория жизни, — продолжала Чамлиг, — и она взята прямо из игры: «Всегда существует иной подход». У вас, у каждого из вас, есть свой собственный джокер. Разыграйте их. Найдите то, что делает вас отличными от других, лучше других. Потому что такое есть всегда, надо только найти его. И тогда вы сможете давать свои ответы другим, и другие будут рваться давать ответы вам. Короче говоря, синтетическая прозорливость сама по себе не приходит. Нет, вы сами должны ее создать.

Она помолчала в нерешительности, глядя на свои невидимые записки, и заговорила нормальным, не ораторским голосом:

— Вот так складывается картина в целом. Сегодня мы будем говорить о формировании решений путем сопоставления ответов. Как и всегда, будем искать правильные вопросы.

Хуану нравилось сидеть у внешней стены, особенно когда урок проходил на третьем этаже. Можно было чувствовать, как покачивается стена, когда здание сохраняет равновесие. Ма от

таких штук нервничала реально: «На секунду система даст сбой, и все рассыплется!» — жаловалась она на родительском собрании. С другой стороны, конструкции карточных домиков дешёвые, а сильное землетрясение могли выдержать так же легко, как утренный ветерок.

Он отвалился от стены и стал слушать Чамлиг. Вот почему в школе заставляли почти на все уроки являться лично: хоть какое-то внимание уделишь просто потому, что некуда деваться из реального класса с реальным учителем. Рисунки Чамлиг плавали в воздухе над головой. Она владела вниманием класса: почти никаких нахальных рисуночков к ее графике по краям не приделали.

Какое-то время Хуан тоже смотрел и слушал — нет, правда слушал. Группы поиска ответов — ансербоарды — могли давать хорошие результаты, причем обычно при нулевых затратах. Не надо никакой аффилиации, просто родственные умы, разбивающие проблему. Но если ты не родственный ум? Скажем, ты участвуешь в группе по генетике. Тогда, если для тебя транскрипция — это вид перевода, то за месяцы никуда не продвнешься.

Хуан отстроился от училки и побрел по классу от व्यюпойнта к व्यюпойнту. Некоторые ученики сделали свои व्यюпойнты общедоступными, но в основном это были случайные камеры. В паузах между прыжками он проглядел документ-задание Большого Ящера. На самом деле рептилию интересовали не только старперы, в списке фигурировали и обычные ученики. Эта аффилиация должна была быть широка, как Калифорнийская Лотерея.

Он запустил несколько фоновых проверок. Как большинство ребят, Хуан много информации держал в носимых, и такой вот поиск вполне мог провести почти незаметно. Во внешний мир выходить почти не пришлось, кроме случаев, когда требовалось использовать какой-нибудь сайт, о котором говорила Чамлиг: она отлично умела выдергивать ментально отсутствующих. Но Хуан владел ансамблевым кодированием не хуже, и одеждой управлял едва заметными жестами и указаниями глаз на меню. Когда взор учительницы падал на него,

он радостно улыбался и проигрывал последние несколько секунд ее речи.

А старики... грамотное старицье здесь бы ни за что не оказалось. Те все были богатыми и знаменитыми — именно они владели почти всем реальным миром. Здесь, в «обучении для взрослых», собрались бывшие. Они просачивались в Фэрмонт в течение всего семестра: больницы для стариков отказывались их выписывать к началу занятий. Они утверждали, что граждане старшего возраста — «социально зрелые» и вполне смогут справиться с путаницей появления среди семестра.

Хуан переводил взгляд с лица на лицо, сопоставляя их с общедоступными записями: Уинстон Блаунт. Прокишшая каша, а не человек. Медицинская переподготовка — лотерея. Одно она лечит, другое не может. И у каждого свое. Уинстон Блаунт в эту лотерею не выиграл.

Сейчас старик усердно шурился, пытаясь следить за примером коллективного поиска ответов, который описывала Чамлиг — некоторые предметы он изучал на тех же уроках, что и Хуан. Его медицинской карты Хуан видеть не мог, но предположил, что с разумом у старика, в общем, в порядке: он соображал не хуже некоторых ребят из класса. А когда-то, давным-давно, был он важным деятелем в университете Сан-Диего. Давно это было.

Ладно, вставим его в список интересующих.

Теперь — Сю Сянь. Докторская степень по физике, докторская степень по электротехнике, лауреат премии Президента за достижения в компьютерной безопасности за 2010 год. Список достижений — почти на нобелевском уровне. Доктор Сянь сидела, сгорбившись, глядя прямо на стол перед собой. Она пыталась угнаться за изложением, пользуясь всего лишь *обзорной страницей!* Бедная дама. Но наверняка у нее окажутся связи.

Чамлиг все еще распространялась, как оформлять результаты в вопросы, не замечая отсутствия Хуана.

Кто следующий? Роберт Гу. На миг Хуану показалось, что он взял не тот вьюпойнт. Он покосился вправо, где сидели развалины из «обучения взрослых». Роберт Гу, докторская степень

по литературоведению. Поэт. Он сидел с этими клячами, но выглядел не старше семнадцати лет! Хуан снова прикинулся, будто внимает миз Чамлиг, а сам взял крупный план новичка. Гу был худой, почти тощий, и высокий. Кожа гладкая, без пятен. Но вид у него был такой, будто он потеет. Хуан рискнул заглянуть наружу, в медицинские справочники. Ага! Симптомы лечения Венна—Курсавы. Доктор Роберт Гу оказался счастливым, одним на тысячу, кто полностью отзывается на магию омоложения. С другой стороны, Хуану показалось, что на этом его везение и кончилось. Доктор Гу был совершенно непингабелен. На столе у него лежала смятая обзорная страница, но он ею не пользовался. Много лет назад этот человек был куда известнее, чем Сю Сянь, но сейчас он куда больший неудачник... А что такое «Деконструктивный ревизионизм»? Ага, ну точно не из списка Большого Ящера. Хуан отправил имя в мусорную корзину. Стоп, погоди-ка, он еще не проверил семейные связи Гу. Он дал запрос — и вдруг беззвучное сообщение огненными буквами повисло у него перед глазами:

Чамлиг --> Ороско: <sm> Ты целый день играешь в игрушки, Хуан! Если не хочешь следить за уроком, можешь отказаться от курса! </sm>

Ороско --> Чамлиг: <sm> Простите! Я больше не буду! </sm>

Он тут же приостановил запрос, прервал сеанс внешней связи и повторил последние несколько минут ее речи, отчаянно стараясь их отрезюмировать. Обычно Чамлиг задавала каверзные вопросы, но сегодня она впервые одернула его смингом.

И что самое интересное, сделала это в краткой паузе, когда все остальные думали, будто она просто глядит в свои записки. Теперь Хуан смотрел на нее с возросшим уважением.

— Ты не думаешь, что слегка пережал с мальчишкой?

Кролик сегодня пробовал новую внешность на основе классических иллюстраций к «Алисе в стране чудес», дополненных гравировальными штрихами. Эффект на трехмерном теле получался дурацкий.

На Большого Ящера это не произвело впечатления.

— Тебе там делать нечего. Хуан мой непосредственный аффилиат, а не твой.

— Тебе не кажется, что ты слишком чувствителен? Я просто проверяю на местах глубину моей аффилиации.

— Ну так не лезь. Хуану эти уроки нужны.

— Разумеется, я разделяю твои благородные мотивы. — Кролик осклабился ящерице самым жульническим образом. — Но ты его отрезал как раз тогда, когда он глядел на нечто, особо для меня интересное. Я тебе дал превосходнейшую аффилиацию. И если хочешь, чтобы я и дальше тебя поддерживал, будь добр сотрудничать.

— Слушай, ты! Я хочу, чтобы мальчик искал сам, но чтобы ему при этом влетело, мне не надо.

Голос ящерицы замер, и Кролик подумал, не решила ли Чамлиг все-таки передумать. Впрочем, не важно. Кролик развлекался, распространяясь по общественной сцене Южной Калифорнии. Рано или поздно он сообразит, с чем все-таки связана порученная ему работа.

05

«БАС» ДОКТОРА СЯНЬ

Урок труда — самый любимый урок Хуана Ороско. Мастерская — как призовая игра, где можно потрогать реальные устройства, подключаться к ним. Такие штуки, за которые в «Пирамид-Хилл» надо платить деньги. А мистер Уильямс — это вам не миз Чамлиг. Он позволял ученикам следовать собственным склонностям, но никогда не нудил потом, что ты ничего не сделал. Однако получить «А» у Рона Уильямса практически невозможно — он был на удивление старомоден.

Для Хуана урок труда был еще и самой удачной возможностью продвинуться с проектом Большого Ящера, по крайней

мере — со старперами и фриками, помешанными на своей «прайвеси». Он бродил вокруг большой палатки устройств с видом последнего идиота. В дипломатических играх Хуан никогда не преуспевал, а сейчас ему приходилось охмурять стариков. Или хотя бы пытаться.

Сю Сянь действительно оказалась приятной дамой, но сейчас она сидела за стендом аппаратуры и читала свою обзорную страницу. Перед ней лежал список деталей, отформатированный как печатный каталог.

— Когда-то я эти штуки знала, — сказала она. — Посмотри вот на это. — Она показала на раздел своих музейных страниц. Там было написано: «Безопасная аппаратная среда Сянь». — Вот эту систему я проектировала.

Хуан только подал реплику:

— Вы — специалист мирового класса, доктор Сянь.

— Да, но... я даже принципов этих новых компонентов не понимаю. Они больше похожи на дерьмо, чем на уважающие себя оптические полупроводники. — Сянь стала читать описание продукта и запнулась на третьей строке. — Что такое избыточное заграждение?

— А! — Он просмотрел тему, увидел указатели в джунгли понятий, лежащих в основе. — Вам не нужно знать про «избыточное заграждение», мэм. Для этого курса — не нужно. — Он показал на описание продукта на обзорной странице у Сянь. Изображение лежало камнем, не отвечая на его жест. — Перейдите на несколько страниц вперед, и там вы найдете то, что у нас в классе доступно. Смотрите в разделе... — ну и противно же формулировать навигацию словами! — ...в разделе «развлекательные функциональные композиции», и оттуда дальше. — Хуан показал, как с помощью визуальной страницы идентифицировать локальные детали. — Все понимать для этого не нужно.

— А! — Несколько секунд она поиграла с возможностями, потом загрузила с полдюжины компонентов. — Это как в детстве: делать, не понимая.

Но потом доктор Сянь стала складывать детали конструктора, и у нее получалось отлично, когда Хуан показал ей, как

находить спецификации интерфейсов. Некоторые описания вызывали у нее смех.

— Сортировщики, сдвигатели. Полупроводниковые роботы. Ей-богу, я бы из этого могла резак сделать.

— Я этого не вижу. — *Резак?* — Вы не волнуйтесь, вы ничего не испортите.

Не совсем правда, но почти. Хуан сидел и смотрел, сделал пару предложений, хотя на самом деле не очень понимал, что она задумала. Но достаточно, чтобы установить раппорт. Он поставил птичку в своем дипломатическом списке и перешел к следующему этапу.

— Доктор Сянь, а вы поддерживаете связь с вашими друзьями в «Интеле»?

— Это было давно. Я ушла в отставку в 2010 году. А во время войны я даже работу консультанта получить не могла. Просто чувствовала, как ржавеют мои умения.

— Альцгеймер?

Он знал, что Сю Сянь *намного* старше, чем выглядит, даже старше Уинстона Блаунта.

Сянь помолчала, и Хуан на миг испугался, что он ее всерьез рассердил. Но она всего лишь тихо и грустно засмеялась:

— Нет, не Альцгеймер, не слабоумие. Вы... вообще сегодняшние люди просто не знают, что это значит — быть старой.

— Я знаю! И мои дедушки и бабушки еще живы. И у меня есть прадед в Пуэбла. Он много играет в гольф. А прабабка — вот у нее слабоумие, знаете, из тех, что до сих пор лечить не умеют.

На самом деле прабабушка выглядела не старше доктора Сянь, и все считали, что ей здорово повезло. Но в конечном счете это значило только одно: она живет достаточно долго, чтобы нажить что-то такое, чего точно не умеют лечить.

Доктор Сянь только покачала головой.

— Даже в мои времена не все становились сенильными — в том смысле, в котором вы это понимаете. Я просто отстала в своей профессии. Моя возлюбленная умерла. Какое-то время мне было все равно. У меня сил не было переживать. — Она посмотрела на устройство, которое пыталась собрать. — Сей-

час у меня сил не меньше, чем когда мне было шестьдесят. Может быть, даже остался тот же природный ум. — Она хлопнула ладонью по столу. — А гожусь я только, чтобы играть в кубики «Лего»!

Казалось, она вот-вот заплачет прямо посреди урока. Хуан посканировал вокруг — никто, кажется, не смотрел. Он потянулся, чтобы взять Сянь за руку.

Он не дал ей ответа — миз Чамлиг сказала бы, что он не дал правильного вопроса.

Осталось проверить еще нескольких: например, Уинстона Блаунта. Не джекпот, конечно, но наверняка для Большого Ящера он чего-то стоит. На уроке труда Блаунт просто сидел в тени навеса, таращась в пространство. Носить-то он носил, но на сообщения не откликался. Хуан дождался, пока Уинстон удалится на очередной перерыв на кофе, подошел бочком и сел рядом с Блаунтом. Да, этот мужик и *выглядел* старым. Хуан даже не мог точно сказать, где он сейчас плавает по сети, но это явно не имело отношения к уроку. Заметно было, что Блаунт вообще уроком не интересуется и в гробу его видал. После нескольких минут молчания Хуан сообразил, что общение его не интересует тоже.

Вот так оно с ним и говорить. Вроде как монстров глушить. Хуан наложил на этого типа образ шута, и вдруг оказалось, что вполне можно начать разговор.

— Дескан Блаунт, так как вам нравится урок труда?

Древние глаза повернулись к нему.

— Мне на него в высшей степени наплевать, мистер Ороско.
Она!

Гм. Много чего было об Уинстоне Блаунте в доступных записях, даже корреспонденция какой-то давнишней группы новостей. Это всегда удобно в общении со взрослыми, если хочешь привлечь... гм... внимание.

К счастью, Блаунт продолжал говорить сам по себе.

— Я не такой, как некоторые здесь. Я никогда не был сенильным. По моим правам я вообще не должен бы здесь быть.

— По правам?

Может, он заработает себе очки, изображая древнюю психиатрическую программу?

— Да. Я был деканом факультета искусств и литературы весь 2012 год. И должен был стать главой университета Сан-Диего. А вместо того меня выпихнули в отставку.

Все это Хуан знал.

— Но вы... вы же не выучились носить...

Блаунт сощурился.

— Я принципиально никогда не носил. Я считал, что носить — это унижительная фантазия. — Он пожал плечами. — Да, я был не прав. И дорого заплатил за ошибку. Но положение переменялось. — Глаза его нехорошо заблестели. — Я проучился четыре семестра на этом «Образовании для взрослых», и теперь мое резюме уже в эфире.

— Вы должны знать много влиятельных людей.

— Конечно. Успех моего начинания — всего лишь вопрос времени.

— А знаете, мистер декан... я мог бы помочь. Нет, погодите — я не имею в виду «лично я». Но у меня есть аффилиация, которая могла бы вас заинтересовать.

— Да?

Похоже было, он знал, что такое аффилиация. Хуан объяснил предложение Большого Ящера.

— Так что здесь могут быть какие-то реальные деньги.

Он показал платежные сертификаты, гадая, сколько увидит декан.

Блаунт прищурился — несомненно, пытаясь разобрать сертификаты в форме, которую мог бы заверить Банк Америки. Секунду спустя он кивнул, не просветив Хуана насчет цифр.

— Но деньги — это не все, особенно в моей ситуации.

— Ну, я ручаюсь, что тот, кто за этими сертификатами стоит, имеет не один подход. Может быть, вы сможете получить конверсию в виде какой-то помощи. В смысле, в пересчете на то, что *вам* будет нужно.

— Верно.

Они поговорили еще несколько минут, пока не стало слишком оживленно. Некоторые из проектов мастерской уже показывали результаты. Не менее двух групп создали мобильные узлы, роевые устройства. По всему классу порхали крошечные бумажные крылышки. Другой рой копошился в траве, всползал по ножкам столов и стульев. Он не касался одежды, но был чертовски близок к навязчивости. Хуан отмахнулся от некоторых, но остальные продолжали лезть.

Ороско --> Блаунту: <sm> Вам мои сообщения видны? </sm>

— Видны, конечно, — ответил старик.

Значит, вопреки утверждениям Блаунта о его успехах сминговать он не умел, даже отстукивая пальцем, как обычно делают взрослые.

Как бы там ни было, урок уже почти кончился. Хуанглянул на выпирающую ткань тента. Он был несколько обескуражен: обошел почти всех, кто был в списке, и лучшим оказался Уинстон Блаунт — человек, который даже сминговать не умеет!

— О'кей. Значит, вы имейте в виду мое предложение, декан Блаунт. И не забудьте: мне разрешено привлечь лишь ограниченное число людей. — Блаунт на эту болтовню продавца ответил сдержанной улыбкой. — Я тем временем проверю другие возможности.

И Хуан кивнул в сторону этого жутковатого новичка, Роберта Гу.

Уинстон Блаунт не проследил взгляд Хуана, но видно было, что куда-то глаза отвел. На миг кожа на его лице будто натянулась, но улыбка тут же возвратилась.

— Помилуй, Господи, вашу душу, мистер Ороско.

Случай побеседовать с Робертом Гу Хуану представился только в пятницу, после *другого* урока миз Чамлиг. Творческая композиция — самый тяжелый момент учебной недели. Чамлиг не была требовательна к изобразительным средствам, но от учеников требовалось встать и исполнить свое сочинение. Смотреть, как лажают другие, было противно, и уж совсем

невыносимо — выступать самому. Очередь определяла миз Чамлиг, и обычно Хуан больше ни о чем не думал. Сегодня, к счастью, другие заботы вытеснили привычную панику.

Хуан прокрался в задние ряды и притаился, исподтишка глядя на остальных. Что неожиданно, Уинстон Блаунт был на месте — этот урок он прогуливал не реже, чем уроки труда. *Но он клянул на мое предложение.* Счет Ящера показывал, что старик сделал первый шаг к подписанию.

На противоположной стороне класса бродил по сети Роберт Гу, пользуясь обзорной страницей. Казалось, даже это для него тяжкий труд. Но выяснилось, что Гу — член семьи одного морского пехотинца, и когда Хуан просмотрел все инструкции по аффилиации, он увидел, что это *большой* плюс. Если он сможет заинтересовать аффилиацией Роберта Гу, то выйдет на верхний уровень бонуса.

Его мысли прервал голос Чамлиг:

— Нет добровольцев выступить первым? Ну, что ж...

Она глянула куда-то в пространство и повернулась к Хуану.
¡Caray!

06

КАК МНОГО ТЕХНОЛОГИИ, КАК МАЛО ТАЛАНТА!

Урок «Творческой композиции» Чамлиг оказался самым неприятным впечатлением от первой недели Роберта Гу в Фэрмонте. Роберт слишком хорошо помнил свои детские школьные годы. В 1965 учиться в школе было просто, если не считать математики и естественных наук, на которые ему так и так было наплевать. Вообще он почти никогда не делал никаких домашних заданий. Но стихи, которые он писал, почти без умственных усилий, были совсем иным миром, нежели тот, который

знали его бедные учителя. Они почитали за честь находиться в его присутствии — и не ошибались.

А в этом дивном новом мире он мог видеть только долю тех «композиций», что ученики будто бы создавали, и не сомневался, что они очень мало могли оценить его работу.

Роберт сидел за крайним столом, рисуя каракули на своей обзорной странице. Как всегда, дети сидели в классе слева, а участники «образования для взрослых» — справа. Неудачники. Он знал уже нескольких из них, с Сянь даже разговаривал. Она говорила, что ей придется, наверное, бросить уроки композиции у Чамлиг — духу не хватает выступать перед всеми. Единственный ее талант — это техника, причем устаревшая, но у нее хотя бы хватало ума понять, что она в этой жизни неудачница. Не то что Уинстон Блаунт, самый большой неудачник из всех. Иногда, замечая на себе взгляды Уинни, Роберт мысленно улыбался.

А миз Чамлиг перед классом заманивала первого выступающего.

— Я знаю, что ты тренировался, Хуан. Покажи нам, что ты можешь.

Хуан встал и вышел на центральный помост. Тот самый мальчишка, что болтал со взрослыми учениками на уроке труда. Роберт помнил его серьезное поведение коммивояжера. С виду мальчик уровня ниже среднего, из тех, которых школа во времена Роберта выпускала только для проформы. Но здесь, в двадцать первом веке, некомпетентность оправданием не являлась: кажется, у Чамлиг были серьезные ожидания. Мальчишка помялся, потом начал размахивать руками без видимого эффекта.

— Не знаю, миз Чамлиг. Оно еще... ну, не совсем готово.

Миз Чамлиг терпеливо кивнула и жестом предложила ему продолжать.

— О'кей.

Мальчик прищурился и стал еще более хаотично размахивать руками. Это не был танец, и мальчик ничего не говорил, но Чамлиг сидела, опершись на стол, и кивала. Почти весь класс

смотрел на мима с таким же вниманием, и Роберт замстил, что они кивают, будто в ритм музыки.

Фигня какая-то. Чушь невидимая. Роберт глянул на свой магический листок и поиграл с выбором местного браузера. Единственное, что он помнил, — «Интернет эксплорер», но здесь были выпадающие списки, которые позволяли «Выбрать вид». Ага, наложения. Он вбил название: «Хуан Ороско выступает». Первое наложение выглядело как граффити с грубыми комментариями по поводу выступления Хуана. Такие записки когда-то тайком передавали по классу под партами. Он выбрал второй вид. Ага. Здесь парнишка стоял на концертной эстраде, окна у него за спиной открывались на огромный город, видный будто с высокой башни. Роберт задержал руку над краем страницы и услышал звук. Он был металлический и слабый по сравнению с комнатным звуком дома, но... да, это была музыка. Почти Вагнер, только выродившийся во что-то вроде маршевой песни. В окне на странице у Роберта вокруг изображения мальчишки сложились радуги. При каждом движении его рук возникали какие-то белые пушистые зверушки — хорьки, что ли? Теперь все дети в классе смеялись, и Хуан тоже смеялся, но руками размахивал совершенно отчаянно. Хорьки покрыли пол, плечом к плечу, музыка сходила с ума. Зверьки сливались в снежный покров, кружились миниатюрными смерчами. Мальчик замедлил ритм, звук стал похож на колыбельную. Снег блеснул, испарялся, исчезал, музыка затихала. Теперь браузер Роберта показывал все того же совершенно не волшебного ребенка, стоявшего перед классом.

Сверстники Хуана вежливо заплотировали. Один или двое зевнули.

— Очень хорошо, Хуан! — сказала миз Чамлиг.

Впечатление — не хуже, чем от любого рекламного ролика, которые Роберт видел в двадцатом веке. В то же время представление было по сути своей несогласованно — просто свалка спецэффектов. Полно технологии и ни на грош таланта.

Чамлиг стала рассказывать классу о компонентах работы Ороско, осторожно спрашивая мальчика, как он собирается развивать свое сочинение, предлагая взять в соавторы (соавторы!) других учеников, чтобы добавить к композиции слова.

Роберт подозрительно оглядел комнату. Открытые окна выходили на желто-коричневые осенние склоны Северного графства. Повсюду сияло солнце, слабый ветерок доносил запах жимолости. Слышались голоса детей, играющих в дальнем конце лужайки. Интерьер класса — простая пластиковая конструкция, лишенная какой бы то ни было эстетической ценности. Да, учиться было легко, но могло стать до отупения скучно. Пришлось перечитать собственное стихотворение на эту тему: вынужденное заключение. Бесконечные дни сидеть тихо и слушать нудную речь, а снаружи ждет целый мир.

Почти все ученики смотрели примерно в сторону Чамлиг. Искусственное изображение? Но когда эта женщина задавала кому-нибудь из детей неожиданный вопрос, ученик давал ответ по делу, хотя и с запинкой.

Потом, куда быстрее, чем он мог себе представить, преподавательница сказала:

— ...рано сегодня заканчиваем, то у нас есть время только еще на одну презентацию.

Что это она говорит, черт возьми?

А Чамлиг смотрела прямо на него.

— Пожалуйста, представьте нам вашу композицию, профессор Гу.

Хуан брел к своему месту, едва ли слыша разбор Чамлиг. Она всегда на публике критиковала мягко, но вокруг него слышались одни только плохие отзывы. Лишь близнецы Рэднеры запостили что-то приятное. Кто-то похожий на кролика скалился ему с галерки. *Кто это такой?* Хуан отвернулся и тяжело шлепнулся на сиденье.

— ...то у нас есть время только еще на одну презентацию, — закончила свою речь Чамлиг. — Пожалуйста, представьте нам вашу композицию, профессор Гу.

Хуан глянул туда, где сидел Гу. Что за презентацию может сотворить этот тип?

Роберта Гу, казалось, интересовал тот же вопрос.

— У меня ведь ничего нет такого, что данный класс мог бы... оценить. Я не создаю аудиовизуальных представлений.

Чамлиг жизнерадостно улыбнулась. Когда она так улыбалась Хуану, он знал, что никакие отговорки не пройдут.

— Бросьте, профессор Гу! Вы же были... вы же поэт!

— Разумеется.

— И я дала задание.

Гу выглядел молодо, но когда он склонил голову набок и смерил взглядом миз Чамлиг, в его глазах была колоссальная сила. *Ух ты, если бы я только умел так посмотреть, когда Чамлиг меня вытаскивает!* Молодой старик помолчал немного и спокойно ответил:

— Я написал небольшую вещь, но, как я уже сказал, это совершенно не похоже на... — он оглядел класс, на миг задержав пронзительный взгляд на Хуане, — на изображение и звук, которых от меня, по-видимому, ожидают.

Миз Чамлиг жестом попросила его выйти вперед.

— Ваши слова прекрасно всех устроят. Пожалуйста, подойдите сюда.

Гу встал и сошел по ступеням. Двигался он быстро, но несколько судорожно. Записки-сплетни запорхали по рядам, но через минуту внимание класса сосредоточилось, как всегда требовала миз Чамлиг.

Она отступила в сторону, и Роберт Гу повернулся лицом к классу. Конечно, он не мог вызвать дисплей слов. Но он и на свою обзорную страницу смотреть не стал. Он посмотрел прямо на аудиторию и объявил:

— Стихотворение. Триста слов. Я расскажу вам о земле Северного графства, как она есть, здесь и там.

Рука его дернулась в сторону открытого окна.

А потом он просто... стал говорить. Без спецэффектов, без плывущих в воздухе слов. Это не могло быть стихотворение, потому что голос его не изменился. Роберт Гу просто говорил о

луйайке, что окружала школу, о крошечных косилках, что кружили и кружили по ней. О запахе травы, как он выжимает влагу из утра. Как принимает склон холма ноги, бегущие вниз, к ручью за оградой. То, что ты видишь каждый день — по крайней мере когда не используешь наложения, чтобы увидеть другие места.

А потом Хуан перестал различать слова. Он *видел*, он был там. Сознание его плыло над долиной, скользило над руслом ручья, почти до самого «Пирамид-Хилла»... Внезапно Роберт Гу замолчал, и Хуана вышвырнуло обратно в реальность, в задний ряд класса, где шел урок композиции миз Чамлиг. Несколько секунд он сидел оглушенный. Слова. Всего лишь слова, и все. Но они сделали куда больше визуальных конструкций. Больше, чем тактильные, гаптические программы. Даже чувствовался запах сухого камыша над ручьем.

Какое-то время все молчали. Миз Чамлиг смотрела стеклянными глазами. То ли находилась под впечатлением, то ли плавала по сети.

Но тут с той стороны, где сидели старперы, воспарила классическая Надутая Птица. Она спикировала через весь класс и выложила приличный кусок мокрого помета прямо на Роберта Гу. Фред и Джер разразились хохотом, и мгновение спустя смеялся весь класс.

Конечно, Роберт Гу этого спецэффекта не видел. Секунду он глядел недоуменно, потом сердито посмотрел на Рэднеров.

— Класс, к порядку!

Миз Чамлиг разозлилась не на шутку. Смех тут же смолк, сменившись вежливыми аплодисментами. Чамлиг послушала минуту, потом опустила руки. Хуан ошутил, как она сканирует всех. Обычно она не обращала внимания на граффити, но сегодня искала кого-нибудь для распятия. Ее взгляд остановился там, где сидели старперы, и вид у нее был несколько удивленный.

— Очень хорошо, Роберт. Это все, на что у нас сегодня хватило времени. Класс, домашнее задание для каждого — совместной работой улучшить то, что вы уже сделали. Перед

нашей следующей встречей пришлите мне составы групп и план игры.

Унизительные Подробности будут в письме к тому времени, как они придут домой.

Тут прозвенел звонок — на самом деле его включила Чамлиг. Когда Хуан поднялся со стула, он оказался в хвосте бешеного потока, летящего к двери. Он был еще слегка ошалелый от той странной формы *виртуально* виртуальной реальности, что создал Роберт Гу.

Оставшийся позади Гу наконец сообразил, что урок окончен. Он тоже выйдет через несколько секунд. *Это мой шанс заговорить с ним для Ящера.* А может быть, и не только. Хуан вспоминал волшебные слова старика. Может быть, может быть, они станут работать вместе. Все ржали над Робертом Гу. Но до того, как запустили Надутую Птицу, до того, как все заржали, Хуан Ороско ощутил благоговейное молчание класса. *И он это сделал одними только словами...*

Когда Роберт вышел и встал перед классом, он больше был раздражен, чем нервничал. Он ошеломлял студентов тридцать лет подряд. И сейчас ошеломит стихами, которые сочинил на сегодня. Он обернулся, посмотрел на класс.

— Стихотворение. Триста слов. Я расскажу вам о земле Северного графства, как она есть, здесь и там.

Стихотворение было пасторальным клише, написанным накануне вечером по воспоминаниям о Сан-Диего и виденному по пути в Фэрмонт. Но на несколько минут его слова захватили аудиторию, как бывало в прежние дни.

Когда он закончил, настал момент абсолютной тишины. Какие впечатлительные дети! Он оглядел взрослых из образовательной программы, заметил кривую, враждебную улыбку Уинстона Блаунта. *Такой же завистник, как и был, Уинни?*

А потом заржала пара олухов в первом ряду. От этого по классу разбежались смешки.

— Класс, к порядку! — Чамлиг вышла вперед, и заанодировали все, даже Блаунт.

Чамлиг сказала еще несколько слов. Потом прозвенел звонок, и ученики бросились к дверям. Он направился за ними.

— А, Роберт! — окликнула его миз Чамлиг. — Пожалуйста, задержитесь ненадолго. Этот звонок звенит не для вас. — Она улыбнулась, явно довольная своей литературной аллюзией. — Так красиво было ваше стихотворение... я хотела бы принести вам извинения за поведение класса. Они не имели права выкладывать... — Она сделала жест рукой в воздухе у него над головой.

— Что?

— Ничего. Боюсь, это не слишком способный класс. — Она посмотрела на него испытующе: — Трудно поверить, что вам семьдесят лет. Современная медицина творит чудеса. У меня были ученики старшего возраста, и я понимаю ваши проблемы.

— Ах, понимаете?

— Все, что вы делаете в этом классе, идет на пользу другим. Я надеюсь, что вы останетесь и им поможете. Они могут у вас многому научиться, а вы у них — тем навыкам, которые делают этот мир для вас удобнее.

Роберт улыбнулся в ответ. Кретины вроде Луиз Чамлиг будут всегда. К счастью, она тут же нашла другую тему.

— Ой! Посмотрите, который час! Мне уже пора начинать урок удаленного поиска. Прошу меня извинить.

Чамлиг повернулась и, выйдя на середину комнаты, ткнула рукой в воздух:

— Здравствуйте! Санди, перестань играть с единорогами!

Роберт вытаращился на пустой класс, на женщину, разговаривающую сама с собой. Так много технологии...

На улице ученики разошлись. Роберт остался обдумывать свою новую встречу с «академической жизнью». Могло быть и хуже. Это стихотворение — более чем хорошее для этих людей. Аплодировал даже Уинни Блаунт. Произвести впечатление на человека, который тебя ненавидит, всегда в какой-то степени триумф.

— Мистер Гу?

Голос прозвучал просительно. Роберт вздрогнул. Тот самый мальчик, Ороско, притаившийся за дверью класса.

— Привет! — сказал он и выдал мальцу великодушную улыбку.

Возможно, слишком великодушную. Ороско вышел из тени и зашагал рядом с ним.

— Я... я хотел сказать, что ваше стихотворение просто чудесно!

— Вы слишком добры.

Мальчик показал рукой на залитую солнцем лужайку.

— У меня было такое чувство, будто я в самом деле там, бегаю на солнце. И все это без гаптики, без контактов или носимых. — Его взгляд уперся в лицо Роберта — и ушел в сторону. Это было выражение почтения, которое могло бы что-то значить, если бы сам говоривший представлял хоть какую-то ценность. — Я готов спорить, что вы не хуже любого из самых лучших рекламщиков.

— Я тоже готов спорить.

Мальчик на мгновение смутился.

— Я заметил, что вы не носите. И мог бы в этом вам помочь. Может быть, мы могли бы составить команду. Вы мне со словами помогли бы работать... — Еще один быстрый взгляд на Роберта, и остальное мальчишка просто выпалил: — Мы могли бы друг другу помочь, и еще я мог бы вам одно дело предложить. Это может быть куча денег. Ваш друг мистер Блаунт уже записался.

Еще шагов десять они прошли молча.

— Так, профессор Гу, что вы скажете?

Роберт добросердечно улыбнулся Хуану, мальчишка прося, и тогда Роберт ответил:

— Ну, молодой человек, я скажу, что раньше ударит мороз в аду, чем я вступлю в одну команду со старым дураком вроде Уинстона Блаунта — или с молодым дураком вроде вас.

Бэмс!

Мальчишка отшатнулся, как от удара в лицо. Роберт пошел дальше, улыбаясь. Мелочь, конечно, но, как и стихотворение — это только начало.

07

**ИНЦИДЕНТ
С ЭЗРОЙ ПАУНДОМ**

В утренних озарениях Роберта была и плохая сторона. Иногда он просыпался не с грандиозным решением, а с жутким осознанием, что проблема реальная, непосредственная и явно неразрешимая. Это была не тревожная одержимость, а форма защитного творчества. Иногда угроза оказывалась полностью неожиданной, но чаще это было ранее известное неудобство, ставшее вдруг смертельно серьезным. Такой панический приступ обычно вел к реальным решениям, как когда он изъял из печати свое первое стихотворение, спрятав от публики его наивность и поверхностность.

Очень редко случалось, что новая проблема действительно неразрешима, и остается только трепыхаться в приближении неминуемой катастрофы.

Вчера вечером, уходя с презентации в Фэрмонте, он чувствовал себя отлично. На мелкоту он произвел впечатление, да и на таких, как Уинстон Блаунт — более утонченная разновидность дураков, — тоже. *Жизнь налаживается, я возвращаюсь.* Роберт за ужином витал в облаках, отключившись от назойливой Мири, которая все приставала к нему насчет того, как она может ему помочь. Боб до сих пор не вернулся. Роберт, не напрягаясь, донимал Элис вопросами о последних днях Лены. Она его не звала перед концом? Кто был на ее похоронах? Элис казалась терпеливее обычного, но все равно — не очень обильный источник информации.

С этими вопросами он и ушел спать.

А проснулся с готовым планом поиска ответов. Когда Боб вернется, они поговорят о Лене чистосердечно. Какие-то ответы Боб ему даст. А остальные... на уроках «поиска и анализа» Чамлиг упоминала «Друзей приватности». Есть методы проникнуть сквозь ложь. Роберт все лучше и лучше овладевал методи-

кой поиска и анализа. Так или иначе, а пропавшее из памяти время с Леной он восстановит.

Это были хорошие новости. Плохие всплыли, когда он лежал, дремал и планировал, как ему превратить технологии в прожектор поиска Лены... Плохие новости — абсолютная, нутряная уверенность, которая заменила смутное беспокойство ранних дней. *Вчера мои стихи произвели впечатление на сосунков.* Тут нечему радоваться, и дурак он, что позволил этой радости согреть себя хоть на миг. Любое приятное тепло должно было тут же схлынуть, когда этот Хуан Как-Его-Бишь объявил, что Роберт талантлив, как рекламщик-копирайтер. *О Господи!*

Но Уинстон Блаунт аплодировал небольшому этюду Роберта. Уинстон Блаунт, который наверняка разбирается достаточно, чтобы судить. И здесь утреннее озарение Роберта подставило ему аплодирующего Уинни, размеренный ритм рук, улыбку на его физиономии. Это не взгляд врага, превзойденного и пораженного. Никогда бы в прежние дни Роберт это за такой взгляд не принял. Нет, Уинни над ним *издевался*. Уинстон Блаунт говорил ему то, что он и сам должен был знать с самого начала. Его стишок навынос — дерьмо и годится только для публики, которая привыкла жрать дерьмо. Роберт долго лежал неподвижно, стон застрял в горле — он вспоминал банальные слова стихотворения.

Вот это и было гениальным озарением в темноте раннего утра — вывод, которого он избегал каждый день с тех самых пор, как восстал из мертвых. *Я утратил музыку слов.*

Каждый день на него накатывали идеи, но ни одной стихотворной строчки. Он говорил себе, что его гений вернется вместе с другими умениями, что он возвращается медленно, небольшими стихами — и все это был мираж. Сейчас он уже понял, что это мираж. Внутри он мертв, его дар превратился в ничто, оставив случайные механические курьезы.

Это мы еще посмотрим!

Он скатился с кровати и пошел в ванную. Воздух был прохладен и недвижим. Роберт выглянул из полуоткрытого окна ванной в садик, на кривые хвойные деревья, на пустую улицу

Боб и Элис отвели ему комнату наверху. Приятно было снова бегать вверх и вниз по лестницам.

На самом деле ничего в его проблемах не изменилось. У него не было новых доказательств, что увечье его неизлечимо. Просто вдруг — с полной определенностью Утреннего Наития — он в этом уверился. *Но черт побери, ведь может же быть хоть раз, что я паникую без оснований!* Может быть, одержимость смертью Лены навалилась на него, и теперь он всюду видит смерть?

Да. Никаких проблем. Никакой проблемы нет.

Утро он провел в панической ярости, пытаясь самому себе доказать, что может писать. Единственной бумагой у него была эта страница, и когда он на ней что-нибудь писал, каракули превращались в аккуратные строчки ровного шрифта. В прошедшие дни это раздражало, но не настолько, чтобы заставить искать настоящую бумагу. Сегодня... сегодня он видел, как из его слов высасывают душу прежде, чем он заставит их петь! Окончательная победа автоматике над творческой мыслью. Все на свете вне пределов досягаемости его руки. Вот что мешает ему воссоединиться со своим талантом! И во всем доме — ни одной настоящей книги, созданной из бумаги и чернил.

Ага. Он побежал в подвал, вытащил плесневеющую картонную коробку — одну из тех, что Боб привез из Пало-Альто. И там, внутри, были настоящие книги. В детстве Роберт просто целое лето жил на диване в гостиной. Телевизора не было, но каждый день он приносил домой новую стопку книг из библиотеки. В те годы летом, лежа на софе, он проглатывал легкомысленный мусор и глубокую мудрость — и больше узнавал об истине, чем за весь школьный год. Может быть, там он и научился заставлять слова петь.

Книги в основном оказались никчемными. Каталоги тех времен, когда Стэнфорд еще не перешел полностью на онлайн. Материалы, отксеренные для студентов.

Но — да, несколько сборников стихов. До слез мало, и последние десять лет их читали только чешуйницы. Роберт встал и

установил на коробки, стоящие в темной глубине подвала. Конечно, там должны быть еще книги, пусть даже выбранныеслепым случаем после того, как Боб продал дом в Пало-Альто. Он посмотрел на книгу у себя в руках. Киплинг. Духоподъемная джингоистская музыка, черт бы ее побрал. *Но это уже начало.* Это тебе не библиотека, плавающая в киберпространстве, это можно подержать в руках. Он сел на коробки и начал читать, стараясь опережать слова, стараясь вспомнить, стараясь *творить* — то, что должно быть продолжением стиха.

Прошел час. Два. Он едва заметил, когда Элис пришла позвать его на ланч, и нетерпеливо от нее отмахнулся. Тут было гораздо более важное. Он открыл новые коробки. В некоторых оказалось барахло Боба и Элис, еще более бессодержательное, чем то, что они привезли из Пало-Альто. Но он нашел еще с десяток книг стихов. И кое-какие... кое-какие были хороши.

День клонился к вечеру. Роберт все еще мог наслаждаться поэзией, но это было одновременно и страдание. *Я не могу написать ни толики хороших стихов, кроме того, что удастся вспомнить.* Им овладевал панический страх. Наконец Роберт встал и запустил в стену томиком Эзры Паунда. Корешок старой книги треснул, и она распростерлась на полу, как порванная бумажная бабочка. Мгновение Роберт тарасился на нее. Никогда в жизни он еще не рвал книги, будь это даже самые мерзкие в мире строки. Он подошел, опустился на пол возле обрывков.

Как раз этот момент выбрала Мири, чтобы сбежать вприпрыжку по лестнице.

— Роберт! Элис разрешила мне вызвать воздушное такси! Куда ты хочешь поехать?

Слова были шумом, скребущим открытую рану отчаяния. Роберт подобрал книгу и мотнул головой.

— Нет.

Поди прочь.

— Не поняла. А зачем ты здесь копаешься? То, что тебе нужно, можно найти куда проще.

Роберт встал. Его пальцы пытались снова сложить Эзру Паунда. Глаза отыскиали Мири. Теперь он обратил на нее внимание. Улыбается, и так в себе уверена, в самом своем командир-

ском настроении. И сейчас она не поняла, что значит огонь в его глазах.

— Это как, Мири?

— Дело в том, что нельзя рассматривать сразу все, что вокруг нас. Вот почему ты сюда спустился, да? Ты получаешься как ребенок — но это хорошо, *хорошо!* Взрослые — вроде Элис и Боба, — у них куча неправильных привычек, которые им мешают. А ты начинаешь почти заново. И тебе легко будет научиться новому. Но не на этих уроках для тупиц, да? Давай я тебя научу носить.

Те же самые надоедливые приставания, но сейчас она думает, что нашла новый подход.

На этот раз Роберт не собирался ей спускать. Он шагнул к ней.

— Так ты за мной следила? — произнес он ласково, собираясь для того, что хотел сделать.

— Ну, только в общем. Я...

Роберт еще раз шагнул к ней и ткнул изувеченной книгой ей почти в лицо.

— Ты слышала про этого поэта?

Мири прищурилась, разглядывая порванную обложку:

— Эз... а, Эзра Паунд? Ну... да, я читала. Давай я тебя покажу, Роберт! — Она поискала взглядом, увидела обзорную страницу на картонном ящике, взяла ее в руки, и страница ожила. Побежали заглавия, песни, эссе — и даже, Боже упаси, последние критики из бессмысленных глубин двадцать первого века. — Но смотреть на этой странице — это как через замочную скважину, Роберт. Я тебе могу показать, как увидеть это прямо вокруг себя, вместе с...

— Хватит! — Роберт понизил голос до спокойного, острого, подчеркнуто разумного. — Ты дура. Ты ничего не понимаешь, и думаешь, что можешь руководить моей жизнью, как помыкаешь своими подружками?

Мири отступила на шаг. Она была потрясена, но в словах это пока не выразилось.

— Да, Элис тоже говорит, что я слишком люблю командовать...

Роберт сделал еще шаг вперед, и Мири оказалась прижата к лестнице.

— Ты всю свою жизнь играешь в видеоигры, убеждаешь себя и своих друзей, что чего-то стоишь, но ты — всего лишь безделушка. И ручаюсь, у твоих родителей хватает глупости говорить тебе, какая ты умная. Но знаешь, что я тебе скажу? Не очень красиво стараться быть главной, когда ты — всего лишь толстая безмозглая девчонка!

— Я...

Мири поднесла руку ко рту, глаза у нее широко раскрылись. Она неуклюже шагнула назад, вверх по лестнице. Теперь его слова попадали в цель. Прямо на глазах с нее сползал лоск самоуверенности и назойливой жизнерадостности. Роберт не отступал:

— Я, я, я! Вот это и все, о чем думает твой мелкий эгоцентричный умишко, иначе ты бы сама не вынесла своей никчемности. Но впредь подумай об этом, если еще когда-нибудь захочешь командовать *мною*.

Слезы выступили у нее на глазах. Она повернулась, понеслась вверх по лестнице, и шаги ее звучали не с гулкой силой детского топота, а осторожно — как будто она вообще боялась напомнить о своем существовании.

Роберт постоял минуту, глядя на пустую лестницу. Как будто стоишь на дне колодца, а наверху клочок дня.

Он вспомнил. Было время, когда ему было пятнадцать, а сестре Каре около десяти, и тогда она стала независимой и невыносимой. У Роберта были тогда свои проблемы — совершенно пустячные с высоты теперешних семидесяти пяти, но тогда очень значимые. И он, раздолбав невесть откуда возникшее самлюбие сестрицы, заставив ее понять, как мало значит она в общем ходе вещей, испытал колоссальный прилив радости.

Роберт смотрел вверх, на клочок дня, и ждал прилива.

Боб Гу освободился после доклада об операции в субботу к вечеру. Он чувствовал себя виноватым, что не следил за событиями дома, но парагвайская операция поглощала все внимание полностью. Ну, это, конечно, попытка оправдания, но все равно правда. Под взятым в заложники сиротским при-

ютом лежали атомные снаряды. Там, в Асунсьоне, он заглянул в бездну.

И потому лишь приехав домой, он узнал *местные* плохие новости.

Дочь была уже слишком большой и взрослой, чтобы сидеть у него на коленях, но она сидела рядом на софе и позволяла держать себя за руки. Элис сидела с другой стороны, вид у нее был спокойный, но Боб знал, что она вне себя. Последствия обучения плюс эта домашняя проблема оказались чуть ли не выше ее сил.

Так что он с опозданием взялся за свои семейные обязанности.

— Ты ничего плохого не сделала, Мири.

Она покачала головой. Под глазами у нее легли темные круги. Элис сказала, что девочка только час назад перестала плакать.

— Я хотела ему помочь, а...

Фраза повисла в воздухе. В голосе Мири не было и тени той уверенности, что вырастала в ней последние два-три года. *Черт бы побрал!* Уголком глаза Боб видел, что отец все еще сидит, запершись в комнате наверху, и доволен, вывалив свою кучу дерьма на всех. Ладно, зайти к папочке — следующий пункт повестки дня. Старика ждет сюрприз.

А пока что надо исправить более серьезную вещь.

— Я знаю, Мири, что ты пыталась. И я думаю, ты дедушке много в чем помогла за то время, что он с нами живет. — *Если бы не это, старик до сих пор бы искал свое место в мире.* — Ты помнишь, мы с тобой говорили, когда дедушка приехал? Он не всегда бывает приятным человеком.

Только когда ему что-нибудь надо, или он тебе хочет подставить ножку — тогда он кого угодно способен очаровать.

— П-помню.

— То, что он говорит, когда хочет тебя задеть, не имеет никакого отношения к тому, какая ты на самом деле: хорошая или плохая, умная или глупая.

— Н-но... может, я была слишком настойчива. Ты его не видел сегодня утром, Боб, — он был такой печальный! Он думал, что я не вижу, но я заметила. У него пульс сильно участился.

ся, он так боится, что не может больше писать! И он страдает без бабушки — без Лены. И я тоже. Но я...

— Не твоя работа — решать его проблемы, Мири. — Он посмотрел на Элис поверх головы дочери. — Это моя работа, и я ее запустил. А твоя работа — в Фэрмонте.

— Ну, я понимаю...

— О'кей. Вот смотри: пока не появился дедушка, ты только и думала, что о школе. О ней, о своих друзьях, о своем проекте. Ты разве мне не говорила, что собираешься его переделать к Хэллоуину?

На лице Мири мелькнул блик прежнего энтузиазма.

— Ага. Мы выяснили предысторию по всему Спилбергу-Роулинг. Аннет собирается...

— Вот это, и твоя учеба — вот на чем тебе надо сосредоточиться. Это и есть твоя работа, детка.

— А Роберт?

А Роберт пусть проваливает к черту.

— Я с ним поговорю. Думаю, ты права, что у него есть проблема. Но иногда, знаешь... ну, когда вырастешь, сама поймешь. Некоторые люди создают себе проблемы сами. И все время ранят самих себя и окружающих. В таких случаях надо не давать себя впутывать.

Мири опустила голову; вид у нее был печальный. А потом она посмотрела на отца — знакомым упрямым взглядом.

— С другими — может быть. А это *мой* дедушка.

08

ВНУТРИ НЕТ ДЕТАЛЕЙ, ОБСЛУЖИВАЕМЫХ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕМ

После той примечательной субботы Роберт Гу намного меньше времени проводил в доме своего сына. Спал в той же комнате наверху. Иногда даже ел в столовой. Мири всегда отсутствовала.

Элис была бесстрашна, как камень. Когда присутствовал Боб, радушия было еще меньше. Роберт проживал заемное время, и это не имело отношения к состоянию его здоровья.

Он шатался по пустым классам в школе, читая из своих старых книг. Он путешествовал по сети более обычного. Чамлиг показала ему некоторые современные утилиты, скрытые в обзорной странице — утилиты, которые даже притвориться не могли бы программами из WinME.

И он ездил по городу. Для того, чтобы поиграть с современными автоматическими машинами и посмотреть, во что превратился Сан-Диего. Все те же скучные расползающиеся пригороды. Но Роберт открыл, что его новая, изувеченная личность любит всякие приспособления. В эти дни повсюду попадались загадочные машины. Они скрывались в стенах, прятались в деревьях, даже валялись на лужайках. Работали они беззвучно, почти невидимо, двадцать четыре часа в сутки. И он гадал, где же это кончается.

Однажды после школы Роберт заехал далеко в Восточное графство, миновав бесконечные однообразные пригороды. Дома не стали реже, пока он не углубился в горы. Но в двадцати милях за Эль-Кайоном он нашел между домами просвет, который выглядел как театр военных действий. Из домов, расположенных за несколько сот ярдов от хайвея, вылетали султаны пыли. Опустив стекло, Роберт услышал что-то вроде артиллерийской пальбы. Вдоль высокой ограды шла дорога и висел ржавый знак «ЮПИ/Экспресс»-что-то-там-такое.

А потом этот странный полигон остался сзади.

Хайвей превратился в длинный прямой подъем, где-то за четыре тысячи футов, и уходил все дальше и дальше между двумя съездами с шоссе. Машина медленно набирала скорость. Как показывал неуклюжий дисплей в виде приборной доски, который Роберт нашел в папке WinME с играми, машина шла быстрее ста двадцати миль в час. Камни и кусты по обочинам дороги сливались в мелькающие полосы, окно само по себе закрылось. Машины с ручным управлением на правых полосах остались позади, как будто они просто стояли. *Когда-нибудь мне надо будет заново научиться водить.*

Потом он оказался на гребне. Машина замедлила ход, беря повороты на скорости всего пятьдесят миль в час. Он вспомнил, как ездил по этой дороге с Леной, даже не по этой, а по куда меньшему хайвею 8, году, может быть, в 1970-м. Лена Ллевелин была впервые в Калифорнии, впервые в США. Ее ошеломили масштабы этой страны в сравнении с родной Британией. Она тогда была так открыта, так доверчива. Это было еще до того, как она решила специализироваться по психиатрии.

Залитые вылинявшей зеленью холмы стояли нагромождением закругленных валунов. Ниже и вдаль уходила бескрайняя пустыня. Роберт спустился с гор, свернул с хайвея 8 и медленно поехал по старым пустынным дорогам в парк штата «Анна Боррего». На гребне гряды остались последние пригороды. Здесь все было так, как в те времена, когда Роберт только пошел в школу — и как веками до того.

На второстепенных дорогах хватало дорожных знаков. Некоторые поржавели и погнулись, но это были настоящие знаки. Он повернулся, чтобы рассмотреть пробитый пулями знак остановки, оставшийся позади. Красиво. Чуть дальше ему встретилась пыльная тропа, идущая через бесконечную пустыню. Автомобиль уперся и отказался съезжать на нес.

— Простите, сэр, эта дорога мне неизвестна, и я вижу, что у вас нет водительских прав.

— Ха! Если так, пройдусь пешком.

Как ни странно, на это возражений не последовало. Роберт открыл дверцу и вышел на дневной ветерок. Он чувствовал, как готовится к работе его дух, он видел сквозь время и пространство. Колея уходила на восток, и Роберт пошел по ней. *Здесь* он хотя бы попал в естественный мир.

Нога зацепила металл. Стреляная гильза? Нет. На куске серого металла торчал тройник антенны. Роберт запустил его в кусты. Даже здесь он не вырвался из всемирной паутины. Он достал свой волшебный лист, вызвал местность. Изображение показало ему окружающий ландшафт, вид с какой-то камеры, встроенной в лист; и над каждой былинкой парили надписи:

вот это — *ambrosia dumosa*, а вон то — *encelia farinosa*. А по верху страницы текла реклама лавки сувениров парка.

Роберт нажал 411. Счетчик расходов в углу страницы замелькал со скоростью почти пять долларов в минуту. Такие деньги означали, что на том конце линии отвечает человек. Роберт обрattился к листу:

— Насколько я далеко от... — *от естественного мира*. — ...от неулучшенной местности?

Один ярлычок изменил цвет — запрос Роберта был передан на обработку. Ответил женский голос:

— Вы уже почти там, это еще... две мили в ту сторону, куда вы идете. Если позволено будет заметить, сэр, для таких запросов вам не нужен номер 411. Вы просто...

Но Роберт уже сунул страничку в карман и зашагал на восток. Его тень заметала за ним следы. Много воды утекло с тех пор, как он мог пройти пешком две мили. Даже до Альцгеймера он сделал бы это лишь в самом крайнем случае. Но сегодня он даже не запыхался, и боль в суставах была едва заметна. *Самое главное во мне сломано, а все остальное работает*. Прав был Рид Вебер — минное поле, заложенное небом. *Повезло мне немерено*.

За шумом ветра слышалось гудение раскручивающихся электромоторов — это автомобиль уезжал по своим делам. Роберт не обернулся.

Тень его удлинилась, воздух становился прохладным. Наконец-то он вернулся к началу природы. Тихий голос в ухе сказал, что он выходит из размеченной зоны парка. Далее «доступны только низкоскоростные аварийные беспроводные устройства». Роберт шел дальше, по неразмеченной девственной природе. *Значит, это сегодня самое близкое к одиночеству*. И ощущение было приятное. Холодная, ясная чистота.

На миг ему снова вспомнилась субботняя стычка с Бобом, более реальная, чем этот вечер в пустыне. Бывали времена, много лет назад, когда он явился на сына, стыдил его, что тот растрчивает свои таланты на армию. Но в субботу вечером поток ярости хлынул в другом направлении.

— Сядь! — велел выросший сын своему отцу таким тоном, какого Роберт никогда от него не слышал.

И Роберт рухнул на софу. Сын минуту возвышался над ним башней. Потом сел напротив и наклонился поближе.

— Мири не хочет рассказывать подробно, но мне ясно, что ты сегодня учинил.

— Боб, я только...

— Молчи. У моей дочки достаточно проблем, и ты ей их *сдавать не будешь!*

Он посмотрел на Роберта долгим взглядом в упор.

— Я ничего дурного не хотел, Боб. Просто у меня был плохой день... — Взглядом отстраненного наблюдателя он заметил, что *хнычет*, но перестать не мог. — Боб, где Лена?

Боб сощурился.

— Ты меня уже спрашивал. Я думал, не притворяешься ли ты... — Он пожал плечами. — А теперь мне плевать. После того, что сегодня было, я просто хочу тебя отсюда выставить, но... ты проверял свои финансы, папуля?

До этого должно было дойти.

— Да... у меня в WinME есть финансовый пакет. У меня были сбережения... в 2000 году я был мультимиллионером.

— Три кризиса назад, па. И в каждом ты угадал неверно. Теперь ты едва сертифицирован как имеющий достаточно средств к существованию. И ты очень постарался отпугнуть от себя любую социальную помощь. Налогоплательщики не очень добры к старикам, они сейчас слишком дорого стране обходятся. — Он помолчал. — А после сегодняшнего мое великодушие тоже кончилось. Мама умерла два года назад — а бросила тебя за двадцать лет до того. Но, может, тебе следует поинтересоваться еще чем-нибудь? Например, где все твои старые приятели по Стэнфорду?

— Я...

Перед взором Роберта поплыли лица. Он тридцать лет работал на факультете английской литературы Стэнфорда, лиц было много. И некоторые из них принадлежали людям на много лет моложе его. Где они теперь?

Боб кивнул в ответ на его молчание.

— Вот именно. Никто тебя не навестил, даже не позвонил никто. И я знал. Я тогда еще понял, что когда к тебе вернутся силы, ты начнешь хамить тем, кто окажется рядом — и это будет Мири. Поэтому я попытался сплавить тебя твоим старым приятелям. И знаешь что, па? Никто из них тебя знать не хотел. Но есть и новость. Тебе не придется далеко искать, если захочешь найти фэнов не меньше, чем было, — но среди них ни одного друга. — Он перевел дыхание. — Так что теперь у тебя вариантов нет. Заканчивай семестр, выучи, что сможешь. *А потом выметайся из дому.*

— А Лена? Что с Леной?

Боб покачал головой:

— Мама умерла. Тебе она была нужна только как прислуга — или когда тебе некого было пинать. Теперь уже поздно. Она умерла.

— Но...

Воспоминания сталкивались, мешали друг другу. Последние десять лет в Стэнфорде. Боллингеновская премия, Пулитцеровская. И Лены тогда *не было*, чтобы разделить его радость. Она развелась с ним примерно тогда же, когда Боб ушел в морскую пехоту. И все же...

— Ты помнишь. Лена меня отдала в этот дом призреия, в «Конец радуг». И она там *была*, когда все было плохо. Была там с Карой...

Его сестренкой, все еще десятилетней, и мертвой уже с 2006 года. Он запнулся и замолчал.

Что-то блеснуло у сына в глазах.

— Да, мама там была, и Кара тоже. Не пытайся меня устыдить, па. Я хочу, чтобы ты убрался из этого дома. Не позже, чем к концу семестра.

И это был самый длинный разговор Роберта с домашними, начиная с субботы.

Было холодно. Он ушел далеко в пустыню. Ночь уже заволокла половину неба. Звезды зависли над равниной, что тянулась без конца во все стороны. Может быть, это должна быть «Тайна того, кто вернулся»... и кому хотелось уйти снова, вечно шагать сквозь синеватые сумерки. Он прошел еще немного,

остановился возле большого шероховатого камня и уставился в ночь.

Постоял несколько минут, повернулся обратно и зашагал навстречу светлым сумеркам.

Хуану пришлось отвлечься от задания Большого Ящера: в его планы серьезно вмешалась школа. Чамлиг хотела, чтобы все закончили свои проекты, и желала видеть реальные результаты. Что хуже всего, школьный совет вдруг решил, что весь класс должен представить свои композиции в родительский вечер — вместо настоящего экзамена. Низкие оценки и недовольство Чамлиг уже само по себе было достаточно хреново, но Хуан и так знал, что он из породы неудачников. А вот публичного унижения отчаянно хотелось избежать.

Так что на какое-то время он занялся другой задачей: найти кого-то, с кем скооперироваться для урока композиции. Проблема была в том, что писать Хуан не особо умел. В математике или группах поиска ответов он соображал лучше. Миз Чамлиг твердила, что секрет успеха — «научиться задавать правильные вопросы». Но для этого, говорила она, «нужно что-то о чем-то знать». Эти мудрые заповеди плюс еще «у каждого есть свой особый талант» были на ее уроках рефреном. Но они не помогали. Может быть, лучший вариант — собрать такую большую команду неумех, чтобы все друг друга прикрывали.

Сегодня он сидел сзади возле палатки мастерской с Фредом и Джерри. Близнецы пропустили утром урок труда и решили лучше потратить остаток дня здесь, чем околачиваться в классе самоподготовки. Здесь как-то веселее. Они притворялись, будто работают над магнитным планетарием — настолько явный плагиат, что на их планах даже торчали веб-адреса источников. Почти половина класса все же что-то сделала. Летали бумажные самолетики Дорис Шлей, но как раз сегодня у ее группы открылась жуткая проблема с устойчивостью. Они не знали о неофициальном проекте Фреда и Джерри: близнецы захватили кондиционер палатки. Делая вид, что возятся со своим планетарием, они вентиляторами переворачивали самолетики Шлей.

Сю Сянь сидела, сгорбившись над транспортной доской, над которой последнее время работала. Сейчас она уже не выглядела такой растерянной и отчаявшейся, хотя и покорибила поверхность доски так, что та уже ни на что не годилась. Сидела, практически уткнувшись носом в аппаратуру. То и дело отвлекаясь, она смотрела в свою обзорную страницу, а потом возвращалась к недвижной развалине, которую создала.

Уинстон Блаунт редко бывал с тех пор, как Хуан привлек его к работе Ящера. Это Хуан воспринимал положительно: быть может, мистер Блаунт работал в рамках аффилиации.

Хуан потянулся под холодную струю от вентиляторов. Приятно. Возле внешнего выхода было жарко и шумно, но именно там сидел Роберт Гу. До того типчик смотрел, как работает доктор Сянь. Иногда казалось, что и она на него поглядывает, но более скрытно. Теперь мистер Гу в основном смотрел на круговую развязку, глядя, как подъезжают машины, принимают или выпускают пассажиров и отъезжают. Стол перед Гу был уставлен деталями конструктора и несколькими неустойчивого вида башенками. Хуан взял крупный план пары таких башенок с вьюпойнта в палатке над головой Гу. Ха! У этих приборчиков не было двигателей, даже логики управления не было.

Гу на труде облагается точно так же, как Хуан на композиции. Хуану вдруг подумалось, что он мог бы возобновить игру Ящера и еще раз попробовать найти себе кого-нибудь в команду для проекта миз Чамлиг. *Но я же пробовал его привлечь на той неделе.* Роберт Гу был лучшим писателем из всех, кого знал Хуан. Настолько хорошим, что мог убить словами. Хуан стиснул зубы и попытался забыть прошлую неделю.

А потом он подумал: *Этот человек не носит, а значит — тащится в никуда. Скучно ему, видеть, до смерти.*

Хуан подождал десять минут, но урок должен был продолжаться еще тридцать, а Рэднеры слишком сосредоточились на своей противовоздушной технике.

Джерри --> Хуану: <sm> Эй, куда ты собрался? </sm>

Хуан --> Рэднерам: <sm> Хочу еще раз попытаться привлечь Гу. Пожелайте мне удачи. </sm>

Фред --> Хуану: <sm> Так дергаться из-за оценки — это нездорово. </sm>

Хуан стал пробираться через павильон, идя вдоль лабораторных столов, будто рассматривая чужие проекты. Перед непонятным стариком он остановился. Гу повернулся к нему, и напускная непринужденность Хуана испарилась. Покрытое потом лицо Гу казалось таким же молодым, как у Фреда Рэднера. Но глаза — они смотрели прямо Хуану в душу, холодные, жестокие. На прошлой неделе этот тип казался дружелюбным — ровно до того момента, когда взрезал Хуана пополам. Все умные вступительные реплики Хуана кончились и даже тупые куда-то спрятались. Наконец он сумел показать на сумасшедшие башенки, над которыми работал Роберт Гу:

— А что это за проект?

Молодой старик продолжал смотреть на Хуана.

— Часы.

Потом он полез в ящик с деталями и уронил на крышу самой большой башни три серебряных шара.

— А!

Шары запрыгали вниз по соединяющим лестницам. Первая башня была прямо напротив Хуана. Дальше направо каждая башня была чуть пониже и посложнее предыдущей. Мистер Гу использовал большинство «классических деталей», которые держал в запасе. И это часы? Хуан попытался сопоставить их с образом различных старинных часов. Точного сходства не было, хотя у этой штуки имелись рычаги, шелкающие туда-сюда об это... как-его-гугль... анкерное колесо. А шарики, скачущие по лесенкам, — может, это как стрелки у часов.

Гу по-прежнему смотрел на Хуана.

— Но они спешат, — сказал он.

Хуан наклонился вперед, стараясь не обращать внимания на этот взгляд. Он три секунды считал движения всего агрегата — достаточно, чтобы определить стационарные точки и параметры. Имелась старая программа работы с механизмами, удобная для игр со средневековыми механическими приспособлениями; Хуан ввел в нее описание. Результаты интерпретировать было легко.

— Вам надо только сделать вот этот рычаг на четверть дюйма длиннее. — Он показал на крошечную стрелку.

— Я знаю.

Хуан поднял на него глаза.

— Но вы же не носите. Как вы догадались?

Гу пожал плечами:

— Дар от медицины.

— Отличный дар, — неуверенно заметил Хуан.

— Для чего? Чтобы делать то, что умеет теперь любой младенец?

На это у Хуана ответа не было.

— Но вы же поэт.

— И теперь еще в механике разбираюсь.

Рука Гу дернулась, круша рычаги и колеса. Детали брызнули во все стороны, некоторые сломались.

И *это* привлекло всеобщее внимание. Класс вдруг затих и засверкал смингами.

Самое время было давать отвал. Но Хуану и правда — правда-правда — нужна была помощь с творческой композицией. И он сказал:

— Но вы же до сих пор разбираетесь в словесности?

— Да, в словесности я разбираюсь. Грамматику знаю до сих пор. Могу разобрать предложение. Могу даже написать «аллилуйя» без помощи машины. Как ваше имя?

— Хуан Ороско.

— Да, помню. Что вы умеете делать хорошо, мистер Ороско?

Хуан подобрался.

— Я учусь задавать правильные вопросы.

— Ну так задайте.

— Гм! — Хуан посмотрел на другие детали, которые выбрал Гу — те, что он не использовал в часах. Поворотные механизмы, беспроводные синхронизаторы, программируемые зубчатые редукторы. И даже транспортная доска вроде той, которую испортила Сянь. — Как вышло, что из этих устройств вы ни одно не использовали? Получилось бы все куда проще.

Он ожидал, что Гу выдаст чего-нибудь Чамлиговое насчет решать проблему при ограничениях, но собеседник сердито глянул на эти компоненты.

— Потому что я не вижу, что у них внутри. Вот, смотрите! — Он подтолкнул поворотный механизм через стол. — «Внутри нет деталей, обслуживаемых пользователем». Прямо на корпусе шлепнули штамп. Сплошной черный ящик. Непроницаемая магия.

— Но вы можете заглянуть в руководства, — сказал Хуан. — Там показано внутреннее устройство.

Гу запылся. Руки его сжались в кулаки. Хуан на пару дюймов попятился.

— Вы видите внутренность этих приборов? И можете ее менять?

Хуан смотрел на сжатые кулаки. *Ей-богу, психанет сейчас!*

— Их легко можно увидеть. Почти все есть в руководстве. А чего нет, можно погуглить по номеру детали. — Выражение лица Гу заставило Хуана переключиться в ускоренный режим: — А изменить внутреннее устройство... зачастую это можно программно. А иначе можно только когда заказываешь, на этапе проектирования и изготовления. Я в том смысле, что это же просто *компоненты* — кому оно надо, их менять, когда они уже сделаны? Если не работают, как тебе надо, просто выбрасываешь и берешь другие.

— Просто компоненты? — Гу выглянул из-под края тента. По Пала-авеню ехал автомобиль, направляясь к кольцевой развязке школы. — А эти гребанные машины тоже такие?

— Угу.

Весь класс смотрел на них. Почти весь: мистер Уильямс ушел на перерыв и был вне контакта.

Мистер Гу несколько секунд дергался. Потом резко встал. Схватил Хуана за шиворот.

— Видит Бог, сейчас я проверю!

Хуан шел впереди вприпрыжку, подталкиваемый рассерженными руками Роберта Гу.

— Вскрыть автомобиль? Но зачем вам это?

— Неправильный вопрос, мальчик.

Зато они хотя бы шли *прочь* от развязки. Даже если Гу нападет на автомобиль, что он может сделать? Корпуса машин изготавливались из мусорного композита, легко утилизируемого, но достаточно прочного, чтобы выдержать лобовое столкновение на скорости пятьдесят миль в час. Хуану представились боевые лазеры и чудовищные кувалды. Но ведь это же в реальном мире!

Джерри --> Хуану: <sm> Что этот дурень затеял? </sm>

Хуан --> Рэднерам: <sm> Не знаю! </sm>

Роберт Гу привел его на ту сторону тента, где сидела Сю Сянь. Когда он подошел, единственным признаком безумия был едва заметный тик у него в лице.

— Доктор Сянь?

Сумасшедший уже говорил спокойно и дружелюбно, но Сянь все равно заметно смешалась.

— Да.

— Я люблюсь вашим проектом. Это какое-то устройство перемещения массы?

Сянь наклонилась к нему покоробленную доску.

— Да. Всего лишь игрушка, но я думала, что получу усиление эффекта, покоробив поверхность.

Кажется, разговор об устройстве отвлекал ее от жутки, которую наводил Гу.

— Просто прекрасно! — Гу был само обаяние. — Можно?

Он взял панель и стал рассматривать неровный край.

— Мне пришлось вырезать клинья, чтобы микробороздки не цеплялись.

Транспортные доски использовались для переброски грунта или небольших контейнеров. В большинстве случаев они были удобнее, чем руки-роботы, хотя впечатление производили меньшее. Мать Хуана переделала в доме кухню с помощью транспортов из искусственного мрамора, а потом все, что она хотела, оказывалось там, где должно быть — в холодильнике, на плите, на разделочной доске — именно там, где ей нужно. Обычно микробороздки не умеют передвигать предметы быстрее, чем дюйма два в секунду.

То, что говорила Сянь, дало Хуану идею. Может быть, покоробленная доска и не сломана. Он стал вводить размеры в программу механики...

Но Роберт Гу уже вроде бы знал, что может делать этот прибор.

— Можно увеличить прилагаемую силу втрое, если подрегулировать вот здесь. — Он скрутил доску, и та треснула, как трещит керамика, если ее согнуть *почти* до излома.

— Пойдите! — Сянь потянулась спасти свой проект.

— Я ее не сломал. Так даже лучше будет. Пойдемте, я вам покажу.

Говорил он открыто, дружелюбно — но уже уходил прочь.

Сянь погналась за ним, но повела себя не так, как ребенок, когда кто-нибудь схватит его вещь. Она пошла рядом с Гу, наклоняя голову, чтобы взглянуть на сломанную транспортную доску.

— Нет смысла использовать механическое преимущество с аккумуляторами, рассчитанными всего лишь...

Дальше пошла математика; Хуан просто все сохранил.

Проходя мимо Рэднеров, Гу выбросил правую руку и ухватил банку металлических бусин, которые использовали Фред и Джерри для своего планетария.

— Эй!

Братья вскочили и устремились за ним, почти ничего не говоря вслух. Ученики из «образования для взрослых» были вроде неприкасаемых. Никто к ним не лез, и они никого не трогали.

Джерри --> Хуану: <sm> Мы что-то не увидели, Хуан? </sm>

Фред --> Хуану: <sm> Да, что ты ему сказал? </sm>

Хуан сделал шаг назад и поднял руки, показывая, что он ни сном ни духом.

Почти ни сном ни духом. Проходя мимо его стола, Гу мотнул головой, показывая подбородком на вход тента.

— Ороско, пусть от вас будет польза. Добудьте мне ток в линию.

Хуан прошел вперед. В кампусе были источники переменного тока 110 вольт, хотя в основном в помещениях. Он взглядел на карту коммунального хозяйства и увидел большую стрелку, указывающую на газон. Эта розетка использовалась для питания при переконфигурации зданий, когда нужна была лишняя аудитория. И при ней имелся тридцатифутовый удлинитель. Хуан побегал туда и протянул линию по свежескошенной траве.

Теперь все ребята — кроме группы Шлей, у которой вдруг стали нормально летать самолетики, — шли из-под тента вслед за Гу и его спутниками.

Автомобиль, движущийся по развязке, плавно остановился у бордюра: миз Чамлиг вернулась с перерыва на ланч.

Роберт Гу подошел, прямо за ним с расстроенным видом спешила Сянь. Приятных звуков Гу больше не издавал. Он выхватил силовой шнур из руки Хуана и вставил в универсальный разъем доски, обойдя пакеты аккумуляторов, которые использовала Сянь. Наклонил доску, высыпал металлические бусинки Рэднеров в отверстие на верхней грани.

Чамлиг уже вышла из машины:

— Что здесь про...

— Мой проект из мастерской, Луиза. Достало меня это «внутри нет деталей, обслуживаемых пользователем». Хочется посмотреть, что же там *есть*.

Он оперся на капот машины и провел пальцами по напечатанным словам, запрещающим клиенту лезть внутрь. Дети сбились в кучку, глядя большими глазами. Хуан никогда не слышал, чтобы в Фэрмонте кто-нибудь спятил. Роберт Гу творил историю.

Старик приставил транспортную доску к автомобилю. *Где же ваш боевой лазер, мистер Супермен?* Гу посмотрел вдоль края доски, потом глянул направо, на братьев Рэднер.

— Ребята, честное слово, не стоит там стоять.

Сю Сянь отчаянно кричала на близнецов:

— Назад, назад!

А к Хуану стали приходиться совершенно невероятные ответы от программы механики, и он отпрыгнул от транспортной

доски. Роберту Гу не нужен был боевой лазер — для этой работы у него был сейчас инструмент не хуже.

Гу включил доску. Раздался звук, будто разорвали ткань, только *громко*, этаким звуком грома судьбы. В двадцати футах от машины, где только что находились Рэднеры, стояла олеандровая изгородь, некоторые ветки — толщиной с Хуанову руку. Белые цветы заплясали, как на ветру, одна из веток треснула и рухнула на тротуар.

Гу повел доской вдоль закругления автомобиля, всаживая в капот десятки металлических шариков в секунду, оставляя восьмидюймовый разрез в композите. Он повернул доску — *резак* — и прочертил угол. Лужайку возле его ног терзали невидимые рикошеты.

Меньше чем через десять секунд Гу замкнул разрез. Удаленная секция упала в темноту водительского отсека.

Гу отшвырнул изделие Сянь на траву, полез в водительский отсек и выдернул освобожденную секцию корпуса. Со стороны стоящих за его спиной детей донеслись нестройные и слегка презрительные приветственные клики.

— Ты, тупица! Там же должна была быть задвижка! Чего ты замок не выбил?

Гу будто и не слышал. Он наклонился, чтобы заглянуть внутрь. Хуан чуть придвинулся. Отсек был темен, но рассмотреть можно. Если не считать повреждений, вид у него был именно такой, как в руководстве. Несколько процессорных узлов и волокна, ведущие к другим узлам, сенсорам и эффекторам. Рулевой серводвигатель. Вдоль днища, не попавшая под рез, шина постоянного тока к левому переднему колесу. А остальное — пусто. Конденсатор и элементы питания располагались сзади.

Гу заглянул в темный отсек. Не было ни огня, ни взрыва. Даже если бы он врезался в машину сзади, предохранители не допустили бы никакого драматического финала. Но Хуан видел все больше и больше флагов ошибок. Скоро приедет мусорный фургон.

Гу опустил плечи, и Хуан посмотрел на ящики компонентов поближе. На каждом было физически отпечатано предупреждение: ВНУТРИ НЕТ ДЕТАЛЕЙ, ОБСЛУЖИВАЕМЫХ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕМ.

Старик поднялся и шагнул прочь от машины. Позади него Чамлиг и появившийся Уильямс загоняли учеников обратно в палатку. В основном ребяташки были в полном восторге от этой сумасшедшей выходки. Ни у кого из них, даже у братьев Рэднер, никогда не хватало духу устроить такой тарарам. Когда же они учиняли крупную шалость, обычно это бывало программно, как то, что кричал тот человек из толпы.

Сю Сянь подобрала свое жутковатое изделие, модифицированное Гу. Она качала головой и что-то про себя бормотала. Отключив прибор от сети, она шагнула к Роберту Гу.

— Я возражаю против присвоения вами моей игрушки! — заявила она. На ее лице застыло странное выражение. — Хотя вы улучшили ее этим добавочным перегибом. — Гу не отвечал, и она нерешительно добавила: — И я *никогда* бы не включила ее в силовую сеть!

Гу махнул рукой в сторону выпотрошенной машины:

— Русская матрешка до самой глубины. Правда, Ороско?

Хуан не стал смотреть, что такое русская матрешка.

— Да это же мусор, профессор Гу. Кому оно надо — с таким возиться?

Сю Сянь обошла вокруг, увидела пустой отсек, коробки с проштампованной надписью. Посмотрела на Гу.

— Да вы еще хуже меня, — тихо сказала она.

У Гу дернулась рука, и секунду Хуану казалось, что сейчас он ударит эту женщину.

— Ты стерва никчемная! Ты была всего лишь занюханным инженером, а сейчас даже на это тебе нужна переподготовка.

Он повернулся и пошел вдоль развязки, вниз, к Палавению.

Сянь шагнула за ним раз, другой. Из школы доносился голос Чамлиг, требующий, чтобы все вошли в здание. Хуан протянул руку, тронул Сянь за плечо:

— Доктор Сянь, мы должны вернуться.

Она не стала спорить, просто повернулась и пошла к палатке, крепко держа свою транспортную доску. Хуан шел за ней, все это время глядя на психа, который устремился в другую сторону.

* * *

Хотя Роберта Гу в кампусе уже не было, остаток дня прошел весьма интересно. Школьный совет потребовал прекращения прений... точнее, попытался потребовать. Но ему пришлось разрешить ученикам связаться с домом, и большинство детей сочло это возможностью ухватить журналистскую подработку. Хуан был достаточно близок к тому, чтобы передать несколько лучших картинок «великой разделки автомобиля»; его мама не была бы этим довольна. И еще меньше она была бы довольна, узнав, что у «психа» три общих курса с Хуаном.

Как бы то ни было, а кампус стал знаменит в Сан-Диего и за его пределами, конкурируя с миллиардом прочих курьезов дня по всей планете. Ученики из других классов прогуливали уроки, чтобы заглянуть туда. Хуан видел, как этакая пухленькая девица лично разговаривала с миз Чамлиг. Мири Гу.

К трем часам дня ажиотаж спал. Для большинства учеников это уже было после конца уроков. Рэднеровский пул ставок о наказании Гу был выкуплен какими-то ребятами из Лос-Анджелеса, в чем близнецам повезло. С немедленной славой есть та беда, что всегда может появиться что-то еще и отвлечь всеобщее внимание.

А в общем, день выдался бурный, но в каком-то смысле грустный.

Хуан был почти уже дома, когда к нему пришел телефонный звонок.

Телефонный звонок? Ну, «Эпифания» это называла «Классик ИМ Лайт». Наверное, прадедушка звонит.

— Да? — ответил он автоматически.

Вызов пришел как окно вида с синтетической камеры. Хуан смотрел вверх, в тесную комнату. Но со странной обстановкой: куча твердых копий книг в картонных ящиках. Почти весь экран занимало лицо с искаженными пропорциями. Потом вызывающий отодвинулся, и это оказался Роберт Гу со своей обзорной страницей.

— Привет.

— Здравствуйте, профессор.

В реале Роберт Гу внушал страх. На этом дешевом плоском виде он казался маленьким и пришибленным.

— Послушай, парень... — Картинка искривилась и дернулась — Гу вертел страницу в руках. Когда она успокоилась, снова его лицо заполнило экран. — Насчет того, что ты говорил на той неделе. Я думаю, что мог бы тебе помочь работать со словами.

Йесс!

— Это было бы трагически, профессор Гу.

Гу посмотрел на него недоуменно.

— В смысле, это было бы классически... классно. А я был бы рад вас научить, как носить.

Он уже думал, как будет объяснять маме.

— Ладно. — Лицо Гу отодвинулось, старик пожал плечами. — Думаю, это тоже будет неплохо. Увидимся в школе — если меня туда пустят.

09

БОТВА МОРКОВИ

Надо отдавать себе отчет: путь человека, спасающего мир, отнюдь не усеян розами.

Альфред злобно смотрел на последний доклад Гюнберка Брауна: «Секретное изучение Большого террора в Сан-Диего». Было нелегко и до того, как Гюнберк обнаружил проект ТДМВ Альберта, но после встречи в Барселоне поддерживать двойной облик с каждым днем становилось все труднее. Он никогда не думал, что Браун мог установить такое тщательное наблюдение за лабораториями в Сан-Диего. Альфреду пришлось свернуть там почти всю работу, даже отменить регулярную доставку образцов. От этого его график начал отставать на месяцы.

Единственный светлый момент был, что Гюнберк и Кейко продолжали выполнять план «Кролик». На самом деле Кролик снова проявился неделю назад с предварительным обзором и требованиями платы. Требования были смехотворны — в основном список оптовых закупок веществ, расширяющих сознание, — можно подумать, южноамериканские наркобароны представили его молодому талантливому бизнесмену. А обзор... Кролик представил список контактов в Сан-Диего и сложный план внесения аппаратуры прямого наблюдения в здания лабораторий. Гюнберк и Кейко отнеслись к этому плану с раздражением и с улыбкой соответственно, но все трое согласились, что можно привести его в действие. Американцы будут знать, что их прощупывают, но если не случится чего-нибудь действительно неприятного, операцию можно будет отрицать.

Конечно, то, что видели Гюнберк и Кейко, вещи простые. А сложные — те, которые Альфред спрятал за планом «Кролик». Когда это блестящее вторжение-инспекция завершится, не будет никаких свидетельств его исследовательской программы. Работая как пользующийся доверием руководитель операции, Альфред был уверен, что уж это-то у него получится. Будет *триумфом* оставить правдоподобные свидетельства, которые уведут этого пойнтера Гюнберка куда-нибудь на другую сторону земного шара — а деятельность Альфреда в Сан-Диего продолжится без помех. Если не выйдет, Альфреду придется восстанавливать организацию — и систему безопасности — своих исследований во второсортных лабораториях. И он потеряет год или два времени разработки.

Но столь ли важна подобная задержка? Трудную часть он уже выполнил. Тест Медовой Нуги показал, что у него есть система доставки. На самом деле псевдомимивирусы куда более устойчивы, чем полагает Гюнберк. Будь целью Альфреда Большой Террор, то он уже, можно считать, победил бы: он мог бы запустить опустошительный психоз, даже настроенный на определенные целевые группы. Способ добиться лучшего ментального контроля очевиден. Но тем временем род человечес-

кий продолжает катиться вниз по горной дороге, а за рулем никого нет. Особые Субботние Вечера, дешевые системы доставки, эпидемии — все это следующий обрыв, Следующее Колоссальное Несчастье. И что, если Следующее Колоссальное Несчастье окажется последним, фатальным Несчастьем, если человечество налетит на него раньше, чем Альфред сможет взять на себя управление?

Так что — да, надо сделать все возможное, чтобы сократить срок на несколько месяцев.

Он отодвинул доклад Гюнберка и вернулся к списку планирования того, что необходимо выполнить за те несколько часов, пока его операция не дала Гюнберку, Кейко и ему самому контроль над лабораторией в Сан-Диего.

Он был так поглощен мыслями, что едва не пропустил звук за спиной. Небольшой хлопок, шипение воздуха — типичный игровой звуковой эффект, — таким звукам здесь не место.

• Альфред вздрогнул и обернулся.

Из воздуха вырос Кролик.

— Привет! — объявил он. — Я подумал, что выскочу здесь и дам вам специальный отчет о ходе работ, а может, и попрошу помочь с некоторыми деталями.

Он улыбнулся Альфреду заячьими резцами и сел, с наслаждением грызя морковку. Сел он в большое кожаное кресло для посетителей на той стороне стола Альфреда. В кабинете Альфреда. В его внутреннем кабинете, в бомбоубежище под Мумбаем, в самом сердце Управления Внешней Разведки Индии.

Альфред командовал тайными операциями почти семьдесят лет. И уже десятки лет не был так грубо ошарашен. Это как снова стать молодым — не слишком приятное чувство. Минуту он смотрел на Кролика в упор, обдумывая ужасные следствия из факта, что это создание оказалось здесь. *Наверное, лучше всего будет сейчас это игнорировать.* И потому ответил выстрелом наугад:

— Отчет о ходе работ? Видел я ваш ход работ. И был несколько разочарован. Вы мало чего достигли...

— Это то, что вы видите.

— ...только напустили дурацкого туману и сами себе по временам мешаете. «Местные агенты», которых вы завербовали, ничего не умеют. Например... — Альфред изобразил, будто ищет записи.

Тем временем люди из аналитического ведомства индийской разведки прослеживали вторжение Кролика. Они открыли графическое окно над головой зверька. Кролик явился через роутеры на трех континентах.

— Например, — продолжал Альфред, выбирая наудачу, — вот этот ваш Уинстон Блаунт. Много лет назад он был высокопоставленным администратором в университете Сан-Диего. Но и тогда не имел личных связей с основателями биолaborаторий, а сегодня... — Он сделал жест рукой, будто выбрасывая ненужное. — У всех этих людей так мало связей с лабораторией в Сан-Диего, что я мог бы вполне оправданно спросить: что мы получаем за свои деньги?

Кролик перегнулся через стол красного дерева. Его отражение в темной полировке двигалось совершенно синхронно.

— Можете спросить. И обнаружить глубину собственного незнания. Вы-то знали, что искать, и все равно практически ничего не обнаружили. Подумайте, насколько незаметно все должно быть для американцев. Я — фантом, который выглядит как броуновский шум, пока — вуаля! — не щелкнут челюсти капкана моей операции.

По морде кролика расплылась улыбка. Длинные уши дернулись, широким жестом обводя все внутреннее святилище Альфреда.

— В очень малой степени — просто чтобы показать принцип, — эти челюсти сегодня сомкнулись на вас. Вы, японка, тот европеец — все вы думали, что меня провели. И что же осталось сегодня от вашей анонимности?

Альфред сердито глянул на зверька. Нет нужды скрывать свое огорчение. *Остается молить Бога, чтобы это было все, что он обнаружил.*

А кролик облокотился на стол Альфреда и продолжал щелкать:

— Не волнуйтесь, с вашими приятелями из японской и европейской разведки я не был так откровенен. Я решил, что их это может отпугнуть, а мне нравится проект — знакомиться с новыми людьми, овладевать новыми навыками. Ну, вы меня понимаете.

Он склонил голову набок, будто ожидая взамен некоторой доверительности.

Альфред притворился, что раздумывает, а потом рассудительно кивнул.

— Да. Зная, что наше прикрытие взломано — пусть даже столь внутренним участником, как вы, — они могли бы отменить задание. Вы поступили правильно.

Числа над ушами кролика изменились. Доступная информация о сетевых маршрутах была почти полностью фальшивой, но сетевые латентности — задержки — дали аналитикам восьмидесятипроцентную уверенность, что Кролик передает из Северной Америки. Без помощи от европейских аналитиков сигнала лучшую оценку получить было невозможно. Но меньше всего на свете Альфред хотел сообщать об этом посещении Гюнберку.

Значит, я должен обращаться с этим сукиным сыном как с уважаемым коллегой.

Альфред откинулся в кресле и попытался принять благожелательный вид.

— Ну, тогда между нами: как продвигается ваша работа?

Кролик бросил недогрызенную морковку на стол Ваза и заложил лапы за голову.

— Хе! Я почти закончил собирать группу. Файл, который вы, вероятно, смотрите, включает некоторых из них, в том числе досточтимого декана Блаунта. Почти со всеми этими людьми я в состоянии расплатиться из собственных средств. Один из них способен принять участие ради старого доброго приключения. У других побуждения таковы, что их может удовлетворить «благосостояние народов». А одна из вещей, которые есть в Индо-Европейском Альянсе, — это как раз благосостояние народов.

— В той мере, в которой это совершенно непрослеживаемо и не выглядит как благосостояние народов.

— Можете мне поверить. Если эти психи вообще о чем-то задумаются, они догадаются, что на самом деле мы — латино-американские наркобароны. Как бы там ни было, где-то через неделю я представлю вам их список пожеланий. Если все пойдет по плану, то вы получите полный доступ в биолaborатории Сан-Диего почти на четыре часа где-то в конце декабря.

— Прекрасно.

— И тогда, быть может, вы мне скажете, что вы там ищете.

— Мы думаем, что американцы там что-то затевают.

Кролик приподнял брови.

— Великая держава действует за спиной других держав?

— Такое уже бывало.

Последний раз такое было в начале века, в китайско-американском инциденте.

— Хм! — На минуту Кролик принял почти задумчивый вид. — Я верю, что вы поделитесь со мной тем, что откроете.

Альфред кивнул:

— Если мы сохраним это между нами.

На самом деле, если бы Кролик узнал о проекте ТДМВ, это придало бы понятию «худший исход» новый смысл.

К счастью, Кролик не стал развивать тему.

— Еще одно, — сказал зверек. — Один из последних контактов, интересная личность — в некотором роде куда более интересная для меня, чем все эти ваши шпионские шахер-ма-херы.

— Да?

Альфред был готов выслушать любую глупость, которую выдаст собеседник.

В воздухе повис портрет молодого китайца. Ваз проглядел приложенную биографию — нет, этот тип совсем не молод.

— Отец Боба Гу? Вы собираетесь баловаться с... — Он резко замолчал, вспомнив недавние события в Парагвае. На миг он забыл, что надо воспринимать спокойно — некоторые виды идиотизма трудно переварить. — Послушайте, эта операция должна была быть тайной. Как вы могли...

— Не беспокойтесь. К младшему у меня интерес нулевой. Просто дурацкое совпадение. Понимаете, отец Боба Гу — све-кор Элис Гу.

Гм? Альфред сообразил, что Кролик говорит об Элис Гонг. *А!* Кролик покинул территорию глупости и ушел в полное сумасшествие. Альфред утратил дар речи.

— А, так про Элис вы знаете? А вам известно, что она организует полномасштабный аудит системы безопасности лабораторий Сан-Диего? Подумайте об этом! И очень скоро американцы попросят Элис улучшить там охрану. Следить за нею — это *truy importante**, старина.

— ...Да. — ЕС и Япония выйдут из дела, если узнают, что туда поставили Элис Гонг Гу. *А Элис точно раскопает, что я там делаю в этих лабораториях.* — Так что вы предлагаете?

— Я хочу сделать так, чтобы Элис не охраняла лаборатории, когда мы туда влезем. Я уже несколько дней слежу за Гу-старшим. Но это происходит слишком медленно. Кроме того... — еще одна вызывающая зубастая улыбка, — я просто умираю от желания поговорить с этим типом напрямую. Нам нужен контакт-зомби.

Появилась еще одна картинка с биографией.

— Индеец?

— Что, тонко я работаю? Да, хотя последние два года мистер Шариф живет в США. У него нет связей с индо-европейской разведкой. Я выйду с ним на контакт как ненавязчивое облачко совпадений, каковым я и являюсь. Если американцы его идентифицируют, он будет идеальной ложной целью. Ваши европейские и японские друзья слишком трусливы, чтобы на это пойти. *У вас*, я думаю, храбрости побольше. Так что вам я подам сигнал вовремя, только прикройте меня. И держите ваших людей подальше от Шарифа — иногда это буду на самом деле я.

Долгое мгновение Ваз молчал. Он не знал, что Элис Гонг Гу готовят для аудита лабораторий Сан-Диего. Плохая новость. Очень плохая. И недостаточно, чтобы Гонг убрали на один ве-

* очень важно (*исп.*).

чер. Но тут его озарило вдохновение. Гений Элис стоил колоссальной жертвы. Он набрел на ее тайну несколько лет назад; по-своему она рисковала больше, чем когда-либо приходилось Альфреду. *И мое оружие, как бы неполно оно ни было, может установить ее намертво.* Он посмотрел на Кролика:

— Разумеется, вы будете иметь мою поддержку. И участвовать в этом должны только мы двое.

Кролик приосанился.

— Но если позволено будет предложить, — продолжал Альфред, обращаясь как коллега к коллеге, — может быть, лучше запланировать так, чтобы Элис Гу *была* на дежурстве, когда мы войдем. При должной подготовке мы сможем обратить ее присутствие в свою пользу.

— Правда? — У Кролика в буквальном смысле глаза вылезли на лоб от любопытства. — И как же?

— Через несколько дней я смогу сообщить вам детали.

Деталей на самом деле масса, но не для этих длинных ушей. Альфред уже передал спецификации задания своим внутренним группам. Сколько времени потребуется, чтобы построить псевдомимивирус, соответствующий особой слабости Элис? Каков наиболее надежный метод доставки? Косвенная инфекция здесь, пожалуй, не подойдет.

И какую придумать легенду, чтобы поверил этот мерзкий грызун?

Указанный грызун по-прежнему выжидающе глядел.

— Конечно, — добавил Ваз, — в этом деле есть аспекты, которые мне лучше оставить при себе.

— Хе! Уж конечно. Планы потрясти мир и тому подобное? Не берите в голову, меня вполне устраивает роль вашего Великого Посредника с Небес. Я буду на связи. А пока...

Кролик вдруг оказался в сером мундире, усыпанном медалями и увитом аксельбантами, и выбросил руку в гитлеровском салюте:

— Да здравствует Индо-Европейский Альянс!

С этими словами Кролик исчез, как дешевый театральный герой. Каковым он и был.

Альфред почти две минуты просидел неподвижно, не отвечая на пронзительные сигналы тревоги, гудящие по всей офисной сети, не отвечая на представляемые анализы, которые уже генерировали его люди. Он пересматривал свои приоритеты. Раньше он не знал про Элис Гонг Гу, но теперь узнал, и у него хватит времени, чтобы превратить ее присутствие в преимущество. Грустно, что придется нанести урон этой женщине, которая, по сути, сражается на его стороне, которая более кого угодно сделала для того, чтобы избавить мир от опасности.

Он заставил себя вернуться к делу. Помимо Элис, появился еще один приоритет: узнать побольше об этом кролике. В частности, как его уничтожить.

Альфред Ваз не имел официального звания в Управлении внешней разведки, но власть его там была огромной. Иначе даже при современной технике засекречивания он не мог бы скрыть свои исследовательские программы. Сейчас... визит Кролика в штаб УВР мог стать наиболее обсуждаемым провалом десятилетия — но только если о нем узнают посторонние и начнут обсуждать! Альфред использовал всю свою власть в Управлении и все тайные политические рычаги, нажитые за семьдесят лет, чтобы весть не вышла за пределы его собственных групп. Если пронюхает генеральный инспектор УВР, все планы Альфреда вскроются тут же. И печально, что его собственное правительство, вероятнее всего, сочтет его предателем, узнав о попытках спасти мир.

А потому расследование дурацкой шутки Кролика — дело деликатное. Каким-то образом этот противник проник сквозь самый защищенный изолирующий брандмауэр. Кролик даже получил поддержку локалайзеров высокого разрешения (что было очевидно по идеальному позиционированию изображения). Очевидное объяснение — Кролик сумел взломать безопасную аппаратную среду. Если так, то основы всех современных систем безопасности под подозрением, и визит Кролика — гром судьбы.

Но ведь не может быть Армагеддон объявлен каким-то дурацким кроликом?

Почти восемьдесят часов неуверенности группы сотрудников Альфреда бились над загадкой. Наконец аналитики УВР нашли истинное объяснение, такое, которое их и успокоило, и глубоко смутило: Кролик — приходится признать, с экстраординарной сообразительностью — использовал сочетание программных глюков и дурацких установок реестров: ошибки того типа, что не дают жить беспечным пользователям. Сухой остаток: Кролик куда более опасен, чем думал раньше Альфред, но он не Следующее Колоссальное Несчастье.

Ваз переживал каждый миг этой неизвестности. Однако больше всего его взбесил тот кусок морковки, что Кролик оставил у него на столе. При всей государственной мощи современной Индии у компьютерщиков УВР ушло трое суток, чтобы стереть логику, вставлявшую это изображение в сеть офиса.

10

ОТЛИЧНАЯ ТЕМА ДЛЯ ДИССЕРТАЦИИ

Дома Мири вела себя покорно, и это беспокоило Элис — несколько непоследовательно, ведь Боб не хотел, чтобы девочка в ближайшее время разговаривала с Робертом. По-любому оба они были согласны, что Роберт снова ее обидит, если представится возможность.

Ладно. Мири оставила Роберту в пользование гостиную в любой момент, когда он того пожелает. Но продолжала за ним шпионить всегда, когда это можно было делать достойно.

Вот-вот наступит Хэллоуин. Ей полагалось бы бегать по сайтам подруг, закопавшись в окончательное планирование. Они с Аннет и Полой столько труда потратили на Спилберга—Роулинг, а теперь ей это все казалось глупостью.

Мири общалась с более далекими друзьями. Родители Циня были психиатрами в Провинциальной группе здравоохранения в Хайнани. Цинь не очень хорошо владел английским, а Мири по-китайски говорила еще хуже. Впрочем, язык проблемы не составлял. Они встречались на его или на ее стороне планеты — в зависимости от того, где был день или получше погода, — и болтали на примитивном подмножестве английского, а воздух вокруг был наполнен гипотезами-предложениями переводов и картинками, заменяющими слова. Они вдвоем много вносили информации в склады ответов — это было самое «социально ответственное» из увлечений Мири.

Цинь выдвигал кучу теорий про Роберта.

— Твой дед был почти насовсем мертвый, пока его доктора не возвращали. Неудивительно, что он плохо себя чувствует.

В доказательство своего утверждения Цинь подвесил в воздухе пару академических статей. Сегодня у Циня собрались еще несколько ребят, у которых в доме были сенильные или калечные старики. Ребята в основном слушали, присутствуя в виде песчаных крабов или просто значков. Некоторые явились в человеческом облике, может быть, даже в своем реальном. Сейчас одна из них — судя по виду, лет десяти, заговорила:

— У меня двоюродная бабушка такая же. В двадцатом веке была главная бухгалтерия. — Гм, это сочетание слов не значило ничего такого, что можно было бы подумать. — А в десятые годы была вся калека. Я видела фотографии. И она была глупая и печальная. Бабушка говорила, что она была потерять хватку, а потом потерять работу.

Один из песчаных крабов попятился — проявился скрытый участник.

— И что тут нового? Мой брат весь безработный и печальный, а ему только двадцать. Очень трудно угнаться.

Десятилетняя девочка не отреагировала.

— Моя двоюродная бабушка была только старомодная. Бабушка ей нашла работу ландшафтный художник.

Девочка перешла на изображения, показав старую рекламу сотового телефона, который можно арендовать на случай, когда тебе звонят, а ты в туалете.

— Двоюродная бабушка хорошо это умела, но столько денег не зарабатывала, как раньше. А потом видеоландшафты стали не нужные. В общем, она с бабушкой прожила двенадцать лет. Похоже на то, что ты рассказываешь, Мири.

Двенадцать лет! Я бы свихнулась после года!

Она посмотрела на девочку недовольно:

— А что случилось потом?

— А потом все получилось хорошо. Мама нашла место, где лечат. Специализируется по переподготовке. Сорок восемь часов у них в клинике, и двоюродную бабушку обучили на менеджера по рекламе.

Примерно современный эквивалент «главной бухгалтерии».

Молчание. Даже некоторые крабы были слегка потрясены.

Через минуту Цинь сказал:

— Мне кажется, это похоже на СО.

— Скоростное обучение? И что, если так?

— Это незаконно, — сказала Мири. *Это такая штука, про которую мне не хотелось бы говорить.*

— Тогда это не было незаконно. И это СО было совсем не такое плохо. Тетя-бабушка живет хорошо, пока принимает обновления. И она довольная, только много плачет.

— По мне, это похоже на ментальный контроль, — сказал Цинь.

Девочка засмеялась.

— Нет, это не он. И уж ты должен был бы знать, Цинь Ли! Ты, китасц, сын родителей-психиатров. — Глаза ее плясали, высматривая что-то, чего не видели другие. — Твои родители служили в армии? Они должны знать, что такое ментальный контроль. Это то, что вы, ханьцы, на мьянманцах пробовали!

Цинь вскочил на ноги, метнул ногой кучку песка сквозь изображение девочки.

— Неправда! То есть это было год и год назад! Никто такое теперь не делает. И уж мы точно не делаем!

Мири подумала, что девочка ей не нравится. То, что она говорит — более или менее правда, но... Когда она делала работу по истории в пятом классе, Боб рассказывал про Мьянманс-

кую Реставрацию. Мири его цитировала как «анонимный источник из американской армии». Он тогда сказал то же самое, что большинство веб-сайтов. Технология ТДМВ многие годы была Самой Кошмарной Возможностью. Мьянма оказалась единственным местом, где эта технология была испытана в больших масштабах.

— Все упирается в проблему доставки, — говорил Боб. — Китайская армия обладала некоторыми новыми наркотиками, которые в лабораторных условиях были весьма убедительны. Но в полевых условиях? Китайцы половину бюджета утопили в ТДМВ и получили не больше, чем от хорошей пропагандистской кампании.

У людей был миллион лет эволюции, чтобы выработать сопротивляемость силе внушения, и никакой магией этого не одолеть!

Теперь Мири тоже встала.

— Эй! — сказала она тоном, который иногда использовала Элис. — Я сюда не о политике пришла говорить. Я ищу помощи для своего деда.

Девочка посмотрела на Мири, и на лице ее мелькнула странная улыбка. Воздух был наполнен поддержкой, единоклубной — за вычетом одного. Девочка пожала плечами.

— Я только пыталась помочь. Ладно, я буду хорошая, я вся превратилась в слух.

И она показала это графическим преувеличением, отравив себе большие кроличьи уши.

Все снова сели, повисла тишина. Мири глянула вдоль берега. Она знала, что это истинный вид, хотя никогда в Хайнане не была. Красиво, очень похоже на бухту Ла-Джолла, но только пляж был куда больше, и настоящих людей на нем тоже больше. Возле горизонта стояли три снежных вершины — айсберги на пути к прибрежным городам дальше на севере. Все как в Калифорнии.

— О'кей, — сказал Цинь. — Чем мы можем помочь Мири Гу? Но без СО, это тупик. Твой дедушка сейчас умеет что-нибудь делать хорошо?

— Ну, он всегда отлично владел словом, лучше любого, кого я знаю. У него очень плохое чувство носимого, но отличный устный счет и понимание всяких механических штук.

Это вызвало волну интереса, некоторые крабы чуть приоткрылись небольшими рассказами об арифметике.

— Но это, кажется, только вызывает у него ярость.

Она показала им историю с выпотрошенным автомобилем. Если бы Луиза Чамлиг не встала за Роберта горой, его бы исключили.

Большие уши той девочки уменьшились до нормы. Конечно, у нее было свое мнение.

— Ха! Я про него читаю, какой он был до того. У него биография уходит в двадцатый век. «Знаменитый поэт», бла-бла-бла. Но любили его только те, кто с ним не был знаком.

— Это неправда! Роберт никогда особо не переносил дураков, н-но...

И тут у нее кончился пар: она вспомнила Лену, рассказы про бабушку Кару. И вспомнила случай с Эзрой Паундом.

Цинь вкопался ногой в песок.

— Вернемся к делу. Есть ли у него друзья в школе?

— Н-нет. Его соединили с Хуаном Ороско. Этот пацан как все почти ученики профессиональных классов. Тупица.

— А друзья прежних времен? — спросила та же девочка.

Мири покачала головой. Все те, кого Роберт знал, кому помогал, когда был великим поэтом, — никто из них не поинтересовался, что с ним. Неужели дружба — вещь настолько временная?

— В классе есть другие старики, но они занимаются своими проектами. И вряд ли вообще разговаривают.

— Poiщи сходство личностей. Должны быть еще сотни людей с проблемами, дополнительными к этой. — Девочка улыбнулась. — Потом устрой им случайную встречу, понимаешь? Если твой дедушка не будет знать, что за сценой действуешь ты, он вряд ли станет плевать. — Она подняла глаза, будто внезапно ее осенило. — Да лучше того: когда-то твой дедушка вызывал серьезный интерес критиков. Спорить могу, что есть

аспиранты, которые рады были бы прислужиться ему. Ты такому аспиранту можешь продать превосходную тему для диссертации!

После встречи Мири выполнила несколько текстовых поисков. Один из учеников в классе Роберта годами его знал! Надо было ей это раньше заметить. У этих двоих столько общего! Если бы только свести их вместе... Гм. Плохо, что этот Ороско в одной команде с Робертом... Но Уинстон Блаунт занимается чем-то помимо учебы, и это включает по крайней мере еще одного человека, который в семидесятых ходил с Робертом в начальную школу.

Как бы подстроить, чтобы свести их всех вместе?

Она поискала аспирантов, которым, возможно, было бы интересно поговорить с Робертом. Она была уверена, что уж кто-кто, а дед Мири Гу не купится на дешевую лесть, но ему будет приятно встретиться с неродственником, который его уважает. И если это человек, не слишком хорошо умеющий работать с данными... ну, может, и плохо: она тогда сразу поможет.

Она провела поиск по всему миру — такие вещи обычно притягивают неграмотных пастухов, желающих выучить английский. Но на этот раз — смотри-ка — за пять минут нашла то, что нужно. Шариф жил в Орегоне — достаточно далеко, чтобы почти все контакты были виртуальными и легко регулируемые.

Мири пребывала в нерешительности. Получалось так, что все реально удачные предложения сделала та девчонка. Может быть, личина «девчонки» что-то прикрывала? Мири запустила репликацию запроса ко всем и каждому, кто мог бы дать ключи к этой личности. Но даже если девочке действительно десять лет, это ничего не доказывает. Бывают совершенно жуткие пятиклассницы.

Женщина была высокая, одета в черное.

— Я так понимаю, что вы ищите помощи.

М-да? Зульфикар Шариф поднял взгляд от лепешки с говядиной. Как она подошла, он не услышал... а потом сообразил,

что он все еще один в глубине зала кафе Орегонского университета. Он прищурился на это видение:

— Я с фантазиями дела не имею.

Сохрани меня Бог. Я, кажется, опять...

Женщина глянула на него строго. На вид — не больше тридцати, но невозможно вообразить себе ее на свидании.

— Молодой человек, я не ваша фантазия. Вам нужна помощь в поиске темы для диссертации. Я не ошибаюсь?

— О!

Зульфи Шариф не был без ума от высоких технологий, но сейчас, на втором году аспирантуры на факультете литературы Орегонского университета, он дошел до некоторой степени отчаяния. Научный руководитель не хотел помогать: профессора Блэндингз куда больше устраивало иметь постоянного бесплатного ассистента. Поэтому в январе Шариф запустил несколько пробных шаров с просьбой о помощи. Это вызвало нескончаемый поток заимствованных и любительских материалов. Энни Блэндингз очень беспокоилась, что Шарифа могут сманить какие-нибудь из предложений, пока его помешанные на компьютерах друзья не показали ему, какие могут быть от этого неприятные последствия.

Шариф отфильтровал плагиаторов и путаников-юмористов. Осталось очень мало. Вот тебе и высокие технологии! Он два семестра провел, способствуя карьере Блэндингз в Деконструктивном Ревизионизме. В оставшееся время он работал на телефоне 411 в Американской Ассоциации Поэтов и изо всех сил старался состряпать диссертацию из воздуха. В Америку он приехал, надеясь на старомодные наития в литературе, которую любил. А последнее время все чаще задумывался, не лучше ли было остаться в Калькутте.

И вот, откуда ни возмись, эта женщина. *Ответ на мои молитвы. Да, как же.*

Он жестом пригласил ее сесть — по крайней мере это поставит ее в затруднительное положение.

Но видение свое дело знало. Оно село на стул на той стороне стола, с едва заметным взаимным наложением тела и предмета мебели.

— Я на самом деле ожидал письма, — сказал он.

Женщина в черном только пожала плечами. Повелительный взгляд ее не дрогнул. Шариф помолчал и добавил:

— Да, я действительно ищу тему для диссертации. Но должен сразу сказать, мне неинтересны плагиат, мошенничество или соавторство. Если вы предлагаете что-нибудь подобное, прошу вас удалиться. Мне нужен лишь набор указаний... — *и поддержка* — ...которые хороший руководитель дает аспиранту.

Женщина улыбнулась недоброй улыбкой, и Шариф вдруг подумал, что она может быть связана с Энни Блэндингз. Старая сука даже не носила — но у нее вполне могли быть подружки, которые носят.

— Ничего незаконного, мистер Шариф. Я просто видела ваше объявление. И у меня для вас есть потрясающая возможность.

— И денег у меня тоже немного.

— Я уверена, что мы договоримся. Вам интересно?

— Ну... быть может.

Дама в черном наклонилась вперед, и даже тень ее двинулась соответственно освещению кафе. Шариф и не знал, что такая точность возможна.

— Полагаю, вам неизвестно, что Роберт Гу жив и здоров и сейчас находится в Южной Калифорнии?

— Что? Чушь! Он сто лет как умер. От него уже ничего...

Слова увяли под ее пристальным взглядом. Шариф быстро постучал по фантомной клавиатуре, вызвав стандартный поиск. С тех пор как он стал работать на службе 411, Шариф здорово научился запускать такой сверхбыстрый поиск. Результаты поплыли по крышке стола.

— Ну ладно. Он просто перестал писать... Альцгеймер... *И он вернулся?!*

— Вот именно. Это открывает определенные возможности?

— Гм... — Секунду-другую Шариф изображал рыбу в аквариуме. *Если бы я поискал нужные факты, то знал бы это еще месяц назад.* — Да, это открывает определенные возможности.

Интервью с Робертом Гу — второе место после трепы с В. Шекспиром. С небольшим отрывом второе место.

— Отлично. — Дама в черном сложила пальцы домиком. — Но тут есть сложности.

— Например?

Конечно, такая возможность не может тут же не рассыпаться прахом.

— Роберт... — Изображение женщины на миг застыло — возможно, сбой связи. — Профессор Гу никогда не выносил дураков. И это совершенно не изменилось. Я могу вам дать право доступа к его личному номеру. А заинтересовать его — уже ваша работа.

Без номера добраться до великого человека было бы очень трудно.

— Сколько? — спросил Шариф.

В студенческом кредитном союзе у него лежали двадцать тысяч долларов. Может быть, брат в Калькутте расщедрится еще на один заем.

— О, моя цена — не в долларах. Я просто прошу разрешения следить за работой, иногда внести предложение или задать вопрос.

— Но право первого использования — за мной?

— Конечно.

— Ну, я... — Шариф замялся в нерешительности. *Роберт Гу!* — О'кей, договорились.

— Очень хорошо. — Дама протянула ему руку. — Дайте мне минутку полного доступа.

«Эпифания», Правило Номер Один, которое вбивают во все инструкции: *Полный доступ — только для родителей и супругов, да и то если хотите рискнуть.* То ли тон этой женщины, то ли собственная необходимость — Шариф так и не понял, но он протянул руку и коснулся пустого воздуха. Одновременно с этим жестом он понизил уровень безопасности. Покалывание от ее пальцев, конечно, было плодом его воображения, но сейчас воздух между ними заполнился обязующими сертификатами.

Бумаги были подписаны. В воздухе остался одиночный номер. Шариф смотрел на идентификатор с внезапным благоговением.

— Так я ему просто позвоню?

Она кивнула:

— Да, сейчас у вас есть такая возможность. Но помните, что я сказала насчет его... нетерпимости к дуракам. Вы знаете его работы?

— Конечно.

— Вы ими восхищаетесь?

— Еще бы! Я честно и разумно чертовски восхищаюсь каждой из них.

Такое заявление действовало на всех преподавателей, которых знал Шариф. В данном случае оно еще и соответствовало истине.

Дама кивнула:

— Возможно, этого будет достаточно. И имейте в виду, что профессор Гу не лучшим образом себя чувствует. Он все еще оправляется после болезни. И вы можете оказаться ему полезным непосредственно.

— Если надо, я за этим человеком горшки выносить готов. Снова застывшее на мгновение лицо.

— А! Ну, думаю, этого не потребуется. Ему не хватает того, что было в прошлом. Он тоскует по тем временам, когда книги были бумажные. Помните, кирпичи такие тяжелые, которые надо было носить с собой?

Кто это создание?

Шариф кивнул:

— Я знаю, что такое... гм... физические книги. И могу показать ему много таких, причем лично. — Он уже искал услуги такси. — Замечательно. — Видение улыбнулось: — Удачи вам, мистер Шариф, — и исчезло.

Шариф просидел еще минуту, тупо глядя в пространство, где только что была женщина в черном. И тут его поглотило желание поделиться новостью. К счастью, из-за позднего времени кафе было практически пустым, а Шариф не из тех, кто умеет передавать сообщение со скоростью пришедшего капри-

за. И после первой секунды он понял, что лучше придержать язык за зубами — по крайней мере до установки контакта с Гу.

А еще...

И тут всплыли неприятные мысли. Как он мог оказаться настолько глупым, что впустил ее в носимые устройства? Он пару раз прогнал проверку целостности «Эпифании». Значки чистоты плавали в воздухе над мясной лепешкой. Эпифания говорила, что он чист. Конечно, если его полностью перепрограммировали, то именно это ему и было бы сказано. *Проклятие. Не хочу я прожаривать одежду до чистоты! Хватит одного раза!*

Тем более в данном случае. Он глянул на золотой номер: прямой идентификатор самого Роберта Гу. И если найти правильный подход, он напишет наконец диссертацию. Причем не просто ординарную, каких полно. Шариф считал Роберта Гу одним из лучших литераторов современности, наряду с Уильямсом и Чо.

А Энни Блэндингз считала Гу Богом.

11

ВВЕДЕНИЕ В ПРОЕКТ «ЛИБРАРЕОМ»

Носимые компьютеры — что за концепция? IBM PC отвечает высокой моде от «Эпифании». Роберт вообще мог бы принять свой новый гардероб за обычную одежду. Да, рубашки и штаны были не того стиля, что он любил. Вышитые узоры внутри и снаружи. Но вышивка более заметна на ощупь, чем на взгляд: Хуану Ороско пришлось показать ему специальные виды, открывающие сеть микропроцессоров и лазеров. Основную трудность составили эти чертовы контактные линзы. Их приходилось надевать каждое утро и таскать це-

лый день. В глазах постоянно что-то дергалось и мелькало. Но с практикой пришел и контроль над этим. Роберт испытал момент чистой радости, когда впервые смог настукать запрос на фантомной клавиатуре и увидеть плавающий в воздухе ответ Гугля... Ощущение *силы*, когда можешь получать ответы из воздуха.

А потом было то, что Хуан Ороско назвал «ансамблевое кодирование».

Прошла неделя. Роберт тренировался в одежде начинающего, пытаясь повторить приемы кодирования, которые показал ему Хуан. По большей части даже простейшие жесты не удавались, когда он их пробовал впервые. Но он повторял и повторял, и когда команда начинала работать, успех давал жалкий всплеск радости, а Роберт работал еще усерднее. Как мальчик с новой компьютерной игрой... или как дрессированная крыса.

Когда пришел телефонный звонок, Роберт подумал, что это у него инсульт. Замелькали перед глазами яркие пятна, зажужжал вдалеке звук. Жужжание перешло в слова: «Озззень ххотелл бы... взззять интервью... у вввас...»

Ага. Спам или репортер какой-то.

— А с чего это я буду вам интервью давать?

— Коззззоткое... ззз... вью.

— Даже короткое.

Ответ Роберта был рефлекторным. Уже много лет ему не подворачивалась возможность послать репортера подальше.

Свет по-прежнему был ослепительно бесформенным, но когда Роберт расправил воротник, голос сразу сделался четким и ясным.

— Сэр, меня зовут Шариф, Зульфикар Шариф. Это интервью для моей диссертации по английской литературе.

Роберт прищурился, пожал плечами, снова прищурился. И вдруг увидел все как следует: посетитель стоял посреди его комнаты. *Об этом надо будет сказать Хуану!* Его первый успех в трехмерном представлении и всем том, что парнишка рассказывал про рисование на сетчатке. Роберт встал и шагнул в сторону, заглядывая посетителю за спину. Такой четкий образ.

5- Конец радуг

такой реальный! Гм. И все-таки тень посетитель отбрасывал несогласованную с реальным освещением. *Интересно, это по чьей вине?*

Темнокожий гость — индеец? пакистанец? — в голосе чувствовался едва заметный южноазиатский акцент — продолжал говорить:

— Пожалуйста, сэр, не отказывайте мне! Интервью с вами сделало бы мне большую честь. Вы — достояние всего человечества.

Роберт прошелся туда-сюда перед своим посетителем. Его все еще поражал носитель сообщения.

— Всего лишь малую толику вашего драгоценного времени, сэр, — вот и все, что я прошу. И... — Он оглядел комнату Роберта, видя, наверное, все как на самом деле. У Роберта и единого шанса не было создать ложный фон. Хуан хотел вчера показать ему, как это делается, но они отвлеклись на роль Роберта в этой сделке: обучение парня английскому. Бедный малограмотный Хуан. А тут вот этот Шариф... *Интересно, что сейчас за аспиранты пошли?*

Этот конкретный аспирант нервничал все больше и больше. Его взгляд привлекло нечто за спиной у Роберта.

— О, книги! Вы один из немногих, кто еще ценит настоящее.

«Книжные шкафы» Роберта были сделаны из пластиковых дощечек и картонных коробок, но на полках стояли все книги, которые удалось спасти из подвала. Некоторые из них — Киплинга, к примеру, — он бы никогда и не подобрал в былые дни. Однако сейчас это было все, что он имеет. Он посмотрел на Шарифа:

— Конечно, ценю. А к чему вы это, мистер Шариф?

— Я просто подумал, что у нас с вами одинаковые ценности. И вы, помогая мне, способствуете этим благородным чувствам. — Он помолчал — внутренний голос, что ли, слушает? После первых уроков Хуана Роберт стал подозрителен к людям, слушающим внутренние голоса. — Может быть, мы могли бы договориться, сэр. Я почти все на свете готов отдать за несколько часов ваших мнений и воспоминаний. Был бы счастлив быть

вашим личным агентом службы 411. Я эксперт подобных услуг, сэр, я этим зарабатываю себе на обучение в Орегонском университете. Я мог бы быть вашим проводником в мире современности.

— У меня уже есть инструктор.

Бросив столь непочтительную отговорку, он вдруг ощутил удивление: в определенном смысле это было правдой. У него был Хуан.

Еще одно многозначительное молчание.

— Ах, он... — Шариф — его идеальное изображение, если не считать теней против света и ботинок, провалившихся на четверть дюйма в пол, — обошел вокруг Роберта. Чтобы ближе посмотреть на книги? Вдруг у Роберта внезапно появилось еще больше вопросов для Хуана Ороско, но Шариф продолжал говорить: — Это постоянно отпечатанные экземпляры? Не временные брошюры?

— Разумеется!

— Поразительно. Знаете... я мог бы показать вам библиотеку университета Сан-Диего.

Миллионы томов.

— Я сам могу туда пойти в любой момент.

Но пока что он не осмеливался. Роберт оглядел свою библиотечку. В средние века только богатый человек мог себе позволить столько книг. Сейчас люди с книгами опять стали редкостью. Но в УСД настоящая, физическая библиотека. И пойти туда с этим аспирантом... это было бы почти как в былые дни.

Он глянул на Шарифа:

— Когда?

— А почему бы и не сейчас?

Роберту придется известить Хуана Ороско, что сегодняшняя встреча не состоится. На миг он ощутил не свойственное ему смущение. Хуан собирался показать ему поиск взглядом, а Роберт обещал рассказать мальчику, что такое метрика стиха... Он отбросил сожаления.

— Тогда пошли, — сказал он.

* * *

Роберт взял машину до кампуса. Почему-то в машине получить четкий образ Шарифа у него не получалось. Только голос продолжал болтать, спрашивая Роберта о каждой мелочи, которая им попадалась, и предлагая мнения и факты, если Шарифу казалось, что Роберт хоть чуть-чуть в замешательстве.

Роберту уже случалось проезжать мимо окраин кампуса; сегодня он наконец увидит, во что превратился университетский городок. На выезде из Фоллбрука — все те же пригороды, обыкновенные и скучные. Но сразу на севере от кампуса начались бесконечные серо-зеленые здания. Тут и там через каньоны были переброшены закрытые мосты без окон.

— Биологические лаборатории, — пояснил Шариф бодрым голосом. — В основном они подземные.

Он передал «Эпифании» Роберта указатели на изображения и подробности. Ага. Значит, эти строения без окон без дверей — не какие-то экспериментальные общежития двадцать первого века. В них людей-то всего несколько десятков. А соединяющие коридоры — транспорт для биологических образцов.

Страшные вещи могли вызревать там, в этих зданиях и пещерах под ними — но и спасение тоже. Роберт мысленно отдал им салют. В таких местах создавалось минное поле небес, о котором говорил Рид Вебер.

Это была прихожая УСД. Роберт приготовился увидеть непостижимый футуризм: основной кампус. Машина ехала по Торри-Пайнз-роуд. Перекрестки оказались почти такими, как он помнил, только без светофоров и остановок. С непринужденным и непонятным изяществом перемежались поперечные потоки. *Надо будет когда-нибудь написать веселенькую пьеску о тайной жизни автомобилей.* Он пока ни разу не увидел, чтобы кто-то останавливался дольше, чем требуется для входа и выхода пассажиров. Там, в пустыне, его автомобиль уехал почти сразу же, высадив его. А когда он вышел к дороге, мгновенно подъехал другой. Эти машины никогда не стояли на месте. Ро-

берт представил себе, как они кружат по стране, все время маневрируя, и ни один клиент, которому они нужны, не будет ждать дольше нескольких секунд. *Но что они делают ночью, когда работы мало?* Вот это и станет основной темой. Где-нибудь есть скрытые гаражи, автомобильные парки? Гаражи нужны для ремонта — или хотя бы смены оборудования. Но, возможно, других остановок нет. Это тема и для стихов, и для фантастики: может быть, ночью, когда спрос падает, и они могли бы спать без прибыли на каком-нибудь пустыре, автомобили собираются тайно, как японские игрушки-трансформеры... чтобы превратиться в грузовики, перевозящие предметы, слишком большие для ЮПИ/Экспресс.

Как бы там ни было, а старые парковки в северной части кампуса исчезли, сменившись спортплощадками и офисными зданиями типа карточных домиков. Роберт попросил машину высадить его на краю старого кампуса, где раньше были факультеты прикладной физики и математики.

— Все совсем по-другому, даже там, где раньше стояли здания.

Открытых мест было больше, чем ему помнилось по семидесятым.

— Вы не волнуйтесь, профессор. — От Шарифа по-прежнему доходил только звук. Он как будто читал проспект. — УСД — необычный кампус, менее традиционный, чем вообще в Южной Калифорнии. Почти все здания перестроили после землетрясения в Каньоне Роз. Вот официальный вид.

Дома вдруг обрели реальность — железобетон, очень похоже на то, что он помнил.

Роберт взмахом руки убрал иллюзию — жест, которому его научил Хуан.

— Не трогайте общий вид, мистер Шариф.

— Простите.

Роберт шел по кампусу на восток, беря виды окружающей обстановки. На спортплощадках, как в семидесятых, играли в американский и европейский футбол. Роберт никогда не принимал в этом участия, но что ему нравилось в университете Сан-

Диего — студенты действительно *играли*, а не занимались этим полупрофессионально, как в других университетах.

А крупным планом... да, люди, мимо которых он проходил, выглядели вполне ordinarily. Знакомые рюкзаки, откуда торчали рукояти теннисных ракеток, как стволы винтовок.

Многие разговаривали сами с собой, иногда, жестикулируя в пустом воздухе, тыкали пальцем в невидимых собеседников. Ничего нового: фанаты сотовых телефонов всегда были любимой мозолью Роберта. Но здешний народ делал это откровеннее, чем ребята в Фэрмонте. Что-то дурацкое есть в человеке, который вдруг останавливается постучать себя пальцами по пузу, а потом говорит в пространство.

Новый, оцифрованный Роберт не мог удержаться, чтобы не подсчитывать — и вскоре заметил то, чего не заметил бы Роберт прежний: вокруг бегало много парней и девушек студенческого возраста, но очень мало людей постарше. Один из десяти выглядел по-настоящему старым — таким, каким на самом деле был Роберт. Один из трех был тощий и подвижный — штамп двадцатого века «активные граждане старшего возраста». А некоторые... он не сразу заметил тех немногих, которые были целью современной медицины. Кожа упругая, шаг уверенный — они даже выглядели почти молодыми.

А вот и самое ободряющее зрелище: пара таких болванов шла ему навстречу — и у обоих с собой книги! Роберту захотелось схватить их за руки и сплясать джигу. Но он только широко улыбнулся, проходя мимо.

Шариф согласился, что войти в обычное здание — или даже в книжный магазин кампуса — не лучший способ найти настоящие книги.

— Лучший вариант — университетская библиотека, профессор.

Роберт спускался по пологому склону. Роща эвкалиптов разрослась сильнее, чем ему помнилось. В сухих кронах над головой шелестел ветерок. Хрустели под ногами мелкие веточки и кусочки коры. Где-то впереди пел хор.

А потом среди деревьев показалась Библиотека Гайзела — не изменившаяся за все эти годы! Ну, колонны обвил плющ — но в этом ничего виртуального не было. Выйдя из-под деревьев, Роберт уставился на здание.

Снова прорезался голос Шарифа:

— Профессор, если вы возьмете правее, то дорожка придет к главному...

Эту дорогу Роберт помнил, но остановился, когда голос собеседника вдруг осекся.

— Да?

— Хм, виноват. Обход как раз слева. Главный вход перекрыла толпа певцов.

— О'кей. А что это вообще за пение?

Шариф не ответил.

Роберт пожал плечами и последовал предложению невидимого проводника, направившись вокруг северной стены здания, туда, где была нижняя парковка. Библиотека теперь возвышалась над ним. Он вспоминал звучавшую во время строительства критику: «Никому не нужная дорогостоящая безделушка», «Нас захватили космические курсанты». Здание действительно будто прилетело из глубокого космоса: шесть надземных этажей образовывали здоровенный октаэдр, одной вершиной касающийся земли и схваченный пятидесятифутовыми колоннами. Во времена Роберта здесь был бетон и стелющаяся трава. Сейчас ползучие растения поднялись выше пятого этажа, закрыв бетонные стены. Библиотека по-прежнему казалась сошедшей с небес, но теперь уже — древней горой-самоцветом, а оправа — зеленью, поддерживающей ее земли.

Голоса певцов стали громче. Казалось, поют они «Марсельзу». Но слышались и речевки, звучавшие как старые добрые студенческие протесты.

Роберт уже достаточно углубился под навес. Чтобы увидеть нижнюю сторону четвертого, пятого и шестого этажей, надо было задрать голову — там наконец-то возникал из-под плюща бетон.

Странно. Края всех этажей прямые, как всегда, но бетон исчертили хаотичные линии посветлее. И эти линии блестели на солнце серебром, втиснутым в камень.

— Шариф?

Ответа не последовало. *Надо бы поискать объяснение.* Хуан Ороско умел выполнять такой поиск почти не думая. Роберт улыбнулся: серебристые линии трещин — это могла быть какая-то игровая мистерия — и объяснение. В университете Сан-Диего существовала традиция непонятного и удивительного искусства.

Роберт направился к короткой лестнице, которая вела на погрузочную площадку — это казалось самым прямым путем в библиотеку. На стене виднелась выцветшая надпись ВХОД ТОЛЬКО ДЛЯ СОТРУДНИКОВ. Грузовая дверь задраена, но соседняя дверь, поменьше, открыта. Изнутри доносился шум вроде как дисковой пилы — столярная мастерская? Он вспомнил, что говорил Хуан насчет получения в «Эпифании» местных видов по умолчанию. Он осторожно двинул рукой. Ничего. Снова сделал жест, чуть иной: опа! Весь погрузочный ангар пестрел надписями «Посторонним находиться воспрещено». Роберт посмотрел вверх: где-то за гребнем должен быть главный вход. Эпифания показала ему розовато-лиловый нимб, пульсирующий в такт пению. На фоне музыки стали слышны слова «À bas la Bibléotome!» — «Долой Либрареом!» Сейчас слышны были и удаленные, и реальные голоса, а музыка почти перешла в какофонию.

— Что тут происходит, Шариф?

На этот раз он услышал ответ.

— Обыкновенная студенческая демонстрация. Через главный вход туда не попасть.

Он постоял минуту, любопытствуя, против чего же в нынешние времена выступают студенты. *Не важно.* Это можно будет посмотреть позже. Он подступил ближе к полуоткрытой двери, заглянул в полутемный коридор. Вопреки призрачной буре предупреждений и правил, проход ничего не загораживало. Но был странный звук, громче хора: резкое, рвущее уши рычание, перемежаемое тишиной.

Роберт шагнул в дверь.

12

**СТРАЖИ ПРОШЛОГО,
СЛУГИ БУДУЩЕГО**

С самого начала «Кабала стариков» собиралась на шестом этаже библиотеки Гайзела. Организовал все Уинстон Блаунт, попросивший об одолжении после десятилетий работы на факультете литературы и искусств. Какое-то время у него даже было очень неплохое клубное помещение в преподавательском крыле. Это было после землетрясения в Каньоне Роз, когда молодые талантливые и чуть сдвинутые энтузиасты будущего вдруг сделались осторожными со своими технологическими примочками, и площадь на этаже стала доступна всем, кто готов рискнуть.

В первое время было почти тридцать постоянных членов. Они сменялись год от года, но в основном это были преподаватели и сотрудники периода рубежа веков, почти все в отставке или на пенсии.

Шло время, «Кабала» таяла. Сам Блаунт отдалился от группы, обнаружив, что ему больше никто ничем не обязан и одолжений ни с кого не требуешь. Его планы возобновления карьеры строились вокруг Фэрмонтской программы образования для взрослых. А потом этот мальчишка Ороско случайно показал ему великолепный прямой путь: движение протеста против «Либрареома». Внутренний круг «Кабалы» для этого идеально подходит. Может быть, потому еще, что внутренний круг — все, что осталось от ее личного состава.

Том Паркер сидел прямо у остекленной стены. Они с Блаунтом вместе уставились на демонстрантов. Паркер засмеялся:

— Так что, декан, будете проповедовать перед этим хором?

Блаунт хмыкнул:

— Нет. Но они нас видят. Помашите рукой народу, Томми.

И Блаунт, гонимый собственным советом, поднял руки в благословляющем жесте над певцами у главного входа и чуть

меньшей толпой на террасе возле Змсиной тропы. На самом деле он предлагал обратиться к демонстрации. В прежние времена была у него ораторская жилка, да и сейчас он тоже был настроен критически, но его публичная ценность была нулевой. Он перешелкнул несколько изображений, паривших над толпой.

— Боже мой, масштабное событие. Даже многослойное.

Впрочем, на некоторых слоях проводились контрдемонстрации — непристойные призраки, передразнивавшие толпу. *Черт бы их побрал.* Он убрал все усиления и увидел, что Паркер усмехается, глядя на него.

— Все еще осваиваете эти контактные линзы, декан? — Он нежно погладил свой лэптоп. — Сами убедитесь, вам не переплюнуть гения мыши и клавиатуры.

Паркер пробежался пальцами по клавишам. Он проходил те же слои усиления, что Блаунт видел непосредственно контактными линзами. Том Паркер был, пожалуй, самым умным из оставшихся в «Кабале», но его безнадежно заклинило на старой технике.

— Я настроил лэптоп на выбор того, что реально важно.

На экранчике замелькали изображения. Были среди них те, что не заметил в своих контактах Уинстон Блаунт: кто-то повесил над демонстрантами нимб. Впечатляло.

А Томми все еще посмеивался:

— Вот с этим пурпурным гало не могу понять. Оно за «Либ-парсом» или против?

Сидевший рядом с Паркером Карлос Ривера оторвался от окна и потянулся.

— Против, если верить журналистам. Они говорят, что это гало — благословение тем, кто стоит на страже прошлого.

Все замолчали, продолжая смотреть. Звуки хора доносились не только через высокие стеклянные окна, но и от протестующих по всему миру. Этот комбинированный эффект был скорее символичен, нежели красив, поскольку голоса пели... несогласованно.

Мину у спустя снова заговорил Карлос Ривера:

— Почти треть физически присутствующих — не из нашего города!

Блаунт улыбнулся в ответ. Карлос Ривера был молодой человек со стороны, ветеран-инвалид. Он едва ли подходил под возрастные требования «Кабалы», но в некоторых отношениях казался едва ли не старомоднее Томми Паркера. Носил маленькие очки с толстыми стеклами по моде начала десятих годов. На всех десяти пальцах — кольца-печатки. Рубашка — одна из первых моделей, где выводились сменяющиеся картинки. Сейчас она показывала надпись черным: «Библиотекари — Стражи Прошлого, Слуги Будущего». Но самое главное было то, что Карлос Ривера входил в штат Библиотеки.

Паркер изучал цифры на лэптопе.

— Что ж, мы привлекли внимание мировой общественности. Несколько секунд назад у нас было два миллиона зрителей. И еще больше народу посмотрит потом в записи.

— А что говорит отдел университета по связи с общественностью?

Паркер что-то ввел в лэптоп.

— Молчат в тряпочку. Пиарщики вообще готовы были сделать вид, что это не событие. Но им малость досталось от прессы... — Паркер откинулся назад и перешел в режим воспоминаний. — Было время, когда я поставил бы скрытые камеры на нижних этажах. И если бы они попытались замолчать случившееся, я бы взломал сайт пиарщиков и на все их пресс-релизы наложил изображение горящих книг!

— Duí, — кивнул Ривера. — Но в наши дни это было бы трудно.

— Ага. Хуже того, это бы требовало храбрости. — Томми погладил лэптоп. — Вот она в чем, беда сегодняшних людей. Они променяли свободу на безопасность. Когда я был молод, не было такого, чтобы в каждой иконке жил коп, и не было, чтобы какой-нибудь шут гороховый собирал отчисления с каждого нажатия клавиш. В те времена не было «Безопасной Аппаратной Среды», и не требовалось десяти тысяч транзисторов, чтобы собрать триггер. Помню, в девяносто первом, когда я снес эту систему... как ее...

И он пустился излагать одну из своих историй. Бедняга Томми. Современная медицина не излечила его от потребности снова и снова пересказывать свои приключения.

Но Карлосу Ривере эти истории, очевидно, нравились. Каждый несколько секунд он кивал, жадно внимая. Блаунт порой задумывался, говорит этот энтузиазм в пользу Риверы или наоборот.

— ...так что, когда они сообразили проверить, нет ли поломки в световодах, мы уже все файлы скачали и...

Теперь же — вот чудо! — Ривера больше не слушал. Он повернулся к стеллажам, и на лице его отразилось чистейшее удивление. Он что-то быстро затарахтел по-китайски, но потом, слава богу, перешел на английский:

— В смысле, пожалуйста, подождите минутку.

— Что? — Паркер посмотрел на лэптоп. — Они что, шредеры запустили?

— Да, — ответил Ривера, — но это было несколько минут назад, пока вы говорили. А тут что-то другое. Кто-то вошел в зону погрузки.

Уинстон вскочил на ноги, насколько позволяли наполовину омоложенные суставы.

— Я думал, вы говорили, что внизу есть охранная система?

— Я тоже так думал! — Ривера тоже встал. — Могу вам показать.

В глазах Блаунта запрыгали изображения, виды с камер на северной и восточной стороне здания — больше видов, чем он мог воспринять сразу.

Блаунт отмахнулся от изображений.

— Я хочу видеть лично.

Он направился между стеллажами, Ривера следом.

— Если бы мы знали, поставили бы там своих людей.

В этом и состояла современная проблема. Охранная система настолько хороша, что, когда она сломалась, рядом не оказалось никого, чтобы этим воспользоваться! Где-то на заднем плане сознания Блаунт восхитился своими новыми приоритетами. Было время, когда декан Уинстон К. Блаунт был на стороне истеблишмента и делал все возможное, чтобы профаны

не изменили хода вещей. Теперь же... теперь, быть может, единственный способ вернуть правильный истеблишмент — это устроить нормальный бардак.

— А хор видел?

— Не знаю. Лучшие выюпойнты были изолированы.

Ривера говорил так, будто слегка запыхался.

Они обошли вокруг лифтов и комнат сотрудников, занимавших середину этажа. Теперь они двигались под прямыми углами к стеллажам. Далеко в конце рядов полок мелькнуло за окнами небо.

— Вы говорили, есть шанс, что сегодня покажется Макс Гуэртас.

— Duí. Да. Есть шанс, что он может прийти. Проект начали на этой неделе несколько библиотек, но наш университет — звезда шоу.

Гуэртас — не только деньги, стоящие за «Либрареомом». Он был еще и главным инвестором в биотехнологические лаборатории, находящиеся рядом с кампусом. Он перевернул университетскую жизнь вверх дном в безумии «Либрареома», в конце концов пропихнув проект через администрацию, которой следовало бы стоять насмерть.

Рысца Блаунта при приближении к окнам замедлилась. Кампус Университета Сан-Диего за последние двадцать—тридцать лет пережил революцию. Блестящая кампания строительства тех времен, когда он был деканом, накрылась в результате землетрясения Каньона Роз и недальновидной логики современных администраторов университета. Кампус превратился в лесистую местность редкой застройки, с домами, которые с тем же успехом могли быть сборными модулями. В некотором грустном — очень грустном — смысле они напомнили Блаунту кампус его ранних, первых школьных лет. *Мы построили здесь такую красоту, а потом позволили, чтобы оппортунизм, заочное обучение и эти чертовы лаборатории все пустили по ветру. Что пользы университету, если он приобретет пятьсот тысяч долларов, а душу свою потеряет?*

Блаунт приблизился к северо-западному окну и выглянул вниз. Шестой этаж находился на самом большом выступе зда-

ния. Видно было почти все — полоса растресканного бетона, погрузочная площадка библиотеки. И там стоял какой-то человек, настороженно оглядывающийся. Карлос Ривера догнал Блаунта, какое-то время они оба смотрели в окно. Потом Блаунт заметил, что его молодой спутник фактически смотрит через пол — он нашел несколько дополнительных камер на нижних уровнях.

— Это не Макс Гуэртас, — сказал Карлос. — Тот бы приехал с бандой лакеев.

— Да.

Но это был кто-то, кто сумел уговорить нанятых охранников Библиотеки его пропустить. Блаунт постучал по стеклу:

— Сюда смотри, негодяй!

Потрясающе, как мало можно увидеть прямо сверху. Незнакомец двигался с дерганой неуклюжестью, как восстановленный старик, не справляющийся с обновленной нервной системой... у Блаунта стало формироваться нехорошее предчувствие. Тут незнакомец посмотрел вверх. И это было для Блаунта — как увидеть прямо у своих ног большую крысу.

— Боже мой! — Странная смесь отвращения и любопытства заставила его произнести: — Приведите его сюда.

После залитой солнцем погрузочной площадки в коридоре казалось очень темно. Роберт постоял, давая глазам привыкнуть. На стенах виднелись выбоины и царапины. Пол — голый бетон. Место не для публики. Он вспомнил, как много-много лет назад он с другими студентами пробирался в служебные помещения этих зданий.

«Эпифания» развесила небольшие этикетки на дверях, на потолке и даже на трещинах стен. Они не были особо информативны — идентификационные номера да инструкции по обслуживанию — в прежние времена это написали бы маркером. Но — если бы он хотел потянуть время — можно было бы изучить эти знаки и получить информацию о здании. И были здесь еще и загадки. Большая выложенная серебром трещина в стене была маркирована надписью: *cantileverLimitCycle <1.2mm:25s.*

Роберт готов был поискать смысл надписи, как вдруг заметил дверь, декорированную большим плакатом, отсчитывавшим секунды:

00:07:03 Аппаратура Либрареома в Действии: НЕ ПОДХОДИТЬ!

Что за черт? Эта дверь тоже была открыта.

Шум дисковой пилы за дверью стал громче. Роберт прошел футов пятьдесят, мимо пластиковых контейнеров. На этикетках было написано «Сохраненные данные». А в конце, за каким-то автопогрузчиком с вилами, оказалась еще одна незапертая дверь. Теперь места пошли знакомые: нижняя площадка центральной лестницы библиотеки. Роберт посмотрел вверх, выше, еще выше в сужающийся колодец лестничных пролетов. В столбе света плавали, кружились белые хлопья. Снег? Но нет, один такой приземлился Роберту на руку. Бумага.

Рвущий визг пилы сделался громче, к нему присоединилось гудение гигантского пылесоса. Но на лестнице отзывался эхом нерегулярный шум чего-то рвущегося, бился в барабанные перепонки. Что-то в этом было знакомое, странный *уличный* шум, которому не место в помещении. Роберт пошел вверх по лестнице, останавливаясь на каждой площадке. Больше всего шума и пыли было на четвертом этаже, с этикеткой «Секция каталога PZ». Дверь открылась плавно. За ней должны были стоять полки. И любые книги, которые только можно захотеть, мили книг. Красота идей, засевавшая в засаде.

Только это ничем не напоминало полки, которые Роберту приходилось видеть. Пол был укрыт белым брезентом. В воздухе висел туман мелких обрывков. Роберт вдохнул, ощутил запахи сосновой смолы и горелого дерева — и не сразу смог остановить кашель.

Бран! До боли громко, за четыре пролета справа. Там виднелись пустые полки, обрывки бумаги и густая пыль.

Брран! Вопреки логике, узнавание порой приходит тяжело. Наконец Роберт вспомнил, что это за короткий рев. Он слышал его несколько раз, но всегда машина была на открытом воздухе.

Брррап!

Шреддер! Измельчитель древесины!

Впереди тянулись лишь пустые полки, скелеты. Роберт дошел до конца пролета и пошел на звук. В воздухе висела дымка плавающей бумажной пыли. В четвертом пролете пространство между полками заполняла пульсирующая тканая труба. Чудовищный червь был ярко освещен изнутри. На другом его конце, почти в двадцати футах, находилась пасть — источник шума. Сквозь клубящийся туман виднелись две фигуры в белом, куртки с надписью «Гуэртас. Сохранение данных». Эти двое были в респираторах и в касках. Как строители. Хотя занимались они явным и бесповоротным разрушением: попеременно хватали с полки книги и бросали их в пасть измельчителя. Сопровождающие метки составились в спокойные фразы ужаса: рычащая пасть — «индивидуальный расплетчик NaviCloud». Матерчатый туннель за ней — «фототуннель». От этого зрелища Роберт моргнул — и «Эпифания» вознаградила его за случайный жест изображением внутренности чудовища: измельченные куски книг и журналов летели по туннелю, как листья в смерче, мотаясь и вертясь. Изнутри ткань усеивали тысячи крохотных фотокамер. Обрывки фотографировались снова и снова, под всеми углами со всех ракурсов, пока разорванные листья не влетали в ящик, стоящий прямо перед Робертом. Сохраненные данные.

БРРРРАП!

Чудовище продвинулось на фут вперед, оставив за собой еще фут пустых полок. Почти пустых. Роберт шагнул в пролет, и его рука наткнулась на что-то на полке. Это не была пыль — это была половинка страницы, остаток из всех тысяч книг, уже засосанных в аппаратуру «сохранения данных». Он махнул обрывком в сторону рабочих в белом и закричал, но слова потонули в шуме измельчителя и рече вентиляторов туннеля.

Рабочие обернулись и что-то крикнули в ответ.

Если бы его не отделяло от людей в белом тело пылающего червя, Роберт мог бы на них броситься. А сейчас он только беспомощно размахивал руками.

Тут за спиной у Роберта появился третий — толстый мужик лет тридцати с чем-то, в «бермудах» и просторной черной фут-

болке. Он что-то кричал Роберту... по-китайски? И махал рукой, настойчиво приглашая обратно, к лестнице, подальше от этого кошмара.

На шестом этаже кошмара не было. Здесь все было очень похоже на то, что помнил Роберт по началу семидесятых. Человек в длинной футболке провел его через ряды полок в южное крыло здания, в читальный зал. Там под самыми окнами сидел какой-то коротышка с древним лэптопом. Он встал, всмотрелся и вдруг засмеялся, протягивая руку.

— Черт меня побери, вы же и вправду Роберт Гу!

Роберт принял протянутую руку и с минуту постоял в растерянности. Уничтожение книг внизу, загадочный человек. И сумасшедший хор. Теперь уже видны были поющие на площади.

— Ха! Ты меня не узнаешь, Роберт?

Не узнаю. У этого человека густые светлые волосы, но лицо древнее, как эти холмы. Только смех его был знаком. Незнакомец пожал плечами и предложил Роберту сесть.

— Ну, я тебя не виню, — продолжал он болтать. — А вот тебя узнать просто. Ты везунчик, Роберт, правда ведь? Кажется, лечение Венна—Курсавы на тебя подействовало стопроцентно, и кожа у тебя лучше, чем была в двадцать пять. — Старик провел рукой в пигментных пятнах по собственному лицу и печально улыбнулся. — А все остальное как? Ты малость дерганый.

— Я... остался без мозгов. Альцгеймер. Но...

— Ага, могу себе представить.

Вот эта небрежная откровенность — ее Роберт внезапно узнал. В лице незнакомца он вдруг увидел лицо первокурсника, сильно оживившего когда-то годы учебы в университете.

— Томми Паркер!

Молодой нахал, которого совершенно невозможно было осадить, фанатик информационных технологий еще до того, как школу окончил, еще до того, как появилась такая специальность. Коротышка, нетерпеливо опережавший будущее.

Томми кивнул, посмеиваясь:

— Ага, ага. Только я долго был «профессором Томасом Паркером». Знаешь, я же защищал докторскую в Массачусетском Технологическом? А потом приехал сюда и почти сорок лет преподавал. Перед тобой — Человек из Истеблишмента.

Да, что натворило время... Роберт не сразу нашел слова. *На меня это не должно действовать.* Он выглянул в окно, посмотрел на собравшуюся толпу — чтобы не смотреть на Паркера.

— Так что здесь происходит, Томми? Ты тут встал лагерем, как какой-то большой военачальник.

Паркер засмеялся и что-то набрал у себя на клавиатуре. Судя по тому, что Роберт видел на дисплее, это была какая-то древняя система, даже хуже, чем его обзорная страница — ничего похожего на то, что он мог получить от «Эпифании». Но в голосе Тома Паркера звучал энтузиазм:

— Это демонстрация протеста, которую мы организовали. Против злодейства «Либрареома». Мы не смогли остановить уничтожение, но... нет, ты посмотри! Видеокамеры показали, как ты входил. — На дисплее у Томми возникло что-то вроде телефотграфии северной части кампуса. Человек, который вполне мог быть Робертом Гу, входил через грузовой вход библиотеки. — Не знаю, как ты миновал систему безопасности, Роберт.

— Руководство тоже этим интересуется, — вставил молодой, который спас Роберта. Он сидел за передним столом и смахивал с волос и футболки бумажную перхоть. — Здравствуйте, профессор Гу. Я Карлос Ривера, работник библиотеки.

Его футболка поменяла цвет на белый, отчего бумажный мусор стал хотя бы менее заметен.

— Вы участвуете в этом разрушении?

Только теперь он вспомнил половину страницы, которую спас от измельчителя. Аккуратно положил ее на стол. На странице были слова; может быть, удастся понять, откуда они.

— Нет-нет, — успокоил его Паркер. — Карлос помогает нам. На самом деле все библиотекари возражают против уничтожения — кроме администраторов. Но теперь, когда я видел, как ты миновал охрану, я думаю, что у нас даже там есть союз-

ники. Ты человек знаменитый, Роберт. И мы можем использовать видео, которое ты снял.

— Но я... — Роберт хотел было сказать, что у него нет видеокамеры, но вспомнил о своей одежде. — О'кей, только вам придется мне показать, как его передать.

— Нет проблем... — начал Ривера.

— У тебя это дерьмо стоит, «Эпифания»? — перебил Паркер. — Ага, тогда надо будет, чтобы тебе помог кто-то из тех, кто носит. Считается, что носимые — потрясающе удобно, а на самом деле это только предлог, чтобы твоей жизнью управляли другие. Я лично держусь проверенных решений.

Он похлопал по своему лэптопу. Мелькнуло случайное воспоминание, и Роберт узнал модель. Двадцать с лишним лет назад эта машина была последним словом мощности и миниатюризации — всего восемь дюймов на десять, яркий экран миллиметровой толщины и навороченная видеокамера. А теперь... даже Роберту она казалась важничающим бегемотом. *Как эта штука вообще может общаться с современной магией?*

Паркер глянул на библиотекаря:

— Карлос, как он проник в здание?

— Wǒ bù zhīdào, — ответил Ривера.

— Карлос, ты говоришь по-китайски! — застонал Паркер.

— Ох, виноват. — Он посмотрел на Роберта. — Я во время войны был переводчиком, — сказал он, будто это все объясняло. — Профессор Паркер, я не знаю, как он вошел. Я увидел, как он спускается из Варшавски-Холла. Я использовал те же вьюпойнты, что и система охраны. Но вы сами видели: даже когда он дошел до шреддеров, никто его не остановил. — Он обернулся, с надеждой заглянув куда-то в глубь стеллажей. — Может быть, у декана есть еще люди, работающие на нас.

Из-за полку вышел старик.

— Вы же знаете, что нет никого, Карлос. — Он приблизился к окну, не глядя на Роберта. Ага, подумал Роберт, *вот где Уинни пропал последние две недели*. Несколько секунд Блаунт глядел на площадь. Наконец он сказал: — Пение прекратилось. Там знают о приходе Гу?

— Да, сэр. Мы это не публиковали на нашем видео, но вокруг полно журналистов. Его опознали не менее трех популярных изданий.

Толпа на улице издавала радостные выкрики.

Роберт попытался слегка пожать плечами, как учил Хуан, чтобы вызвать местные новости, но получил только рекламу.

А Шариф по-прежнему молчал.

Постояв с минуту, Блаунт подошел и сел во главе стола, дыша с присвистом. Он старался не смотреть на Роберта прямо, и вообще Уинни держался далеко не столь уверенно, как на уроках Чамлиг. *Сколько же времени прошло с тех пор, как мы последний раз играли в наши мелкие политические игры?* Роберт посмотрел на Блаунта, не отводя глаз. Это должно было дать «Эпифании» знак провести по нему поиск. А в прежние дни такой взгляд еще заставлял Блаунта нервничать.

— О'кей. — Блаунт кивнул Тому Паркеру. — Скажите нашим демонстрантам, чтобы заканчивали. Переходили там к интервью и высказыванию мнений.

— А что нам делать с этим Новым Поворотом Событий? — Томми ткнул пальцем в сторону Роберта.

Блаунт наконец-то обратил на него взгляд. А «Эпифания» пошла гнать информацию на его фоне: *Google BioSource: Уинстон К. Блаунт, магистр искусств, университет Сан-Диего, 1971, докторская степень по английской литературе, университет Лос-Анджелеса, 1973, доцент английской литературы, Стэнфорд, 1973—1980, профессор литературы, позднее декан факультета литературы и искусств, Сан-Диего, 1980—2012. [Библиография, речи, избранное...]*

— Ну что, Уинни? — спросил Роберт. — По-прежнему плетешь интриги и обделываешь делишки?

Блаунт побледнел, но слова для ответа выбрал очень тщательно:

— Называйте меня Уинстон или декан Блаунт. Если не трудно.

Были времена, когда он вполне пропустил бы мимо ушей «Уинни». Именно Роберт его от этого вылечил.

Несколько секунд они молча смотрели друг на друга. Наконец Блаунт спросил:

— У вас есть объяснение, как вы проникли через служебный вход?

Роберт засмеялся:

— Просто вошел. Скорее всего по чистому невежеству.

Что случилось с Зульфи Шарифом?

Томми Паркер оторвался от ноутбука.

— А вот последняя открытая информация по Роберту Гу. Он серьезно страдал болезнью Альцгеймера почти четыре года. Один из недавно вылеченных. — Томми поднял глаза на Роберта. — Послушай, старик, да ты же чуть не помер от старости, когда тебя стали лечить. С другой стороны, похоже, тебе крепко повезло с медицинской точки зрения. Так почему ты именно сегодня надумал заявиться в университет Сан-Диего?

Роберт пожал плечами. Ему самому стало странно, *насколько* ему не хочется обсуждать свои проблемы касательно Боба и Мири.

— Случайное совпадение. Пришел, потому что... потому что книги хотел посмотреть.

Блаунт улыбнулся — не слишком дружелюбно.

— Как это на тебя похоже — явиться в тот день, когда мы их начали жечь.

— Мы не жжем — измельчаем, декан Блаунт, — возразил Ривера. — И сохраняется все, кроме бумажной пыли.

Роберт посмотрел на оторванную страницу, принесенную снизу: обрывок, избежавший места последнего упокоения? Он поднял несчастную бумажку.

— Честно говоря, я не понимаю, что здесь происходит. Это вот — что? Каким безумием объяснить уничтожение книги, откуда это выдрали?

Уинни ответил не сразу — сперва жестом велел Ривере передать ему обрывок. Положив страницу на стол, он несколько секунд ее рассматривал. Едкая улыбка стала шире.

— Какая приятная ирония судьбы! Начали они с PZ, правда, Карлос?

— Du!, — неуверенно ответил Ривера.

— Вот это, — Уинни помахал страницей в воздухе, — из научно-фантастической книги! — Мрачный смешок. — Эти сукины дети фантасты получают именно то, что заслужили. Тридцать лет они держали литературное образование — и вот все, что дал им их редукионизм. Скатертью дорога!

Он смял страницу и бросил ее обратно Роберту.

Томми перехватил бумажный шарик и попытался его расправить.

— Декан, это всего лишь случайность, что первой пошла научная фантастика.

— Вообще-то, — сказал Ривера, — ходят слухи, что шреддеры начали с научной фантастики лишь потому, что меньше будет жалоб от чокнутых.

— Не важно, — ответил Томми. — По графику у них к концу дня было запланировано как следует углубиться и в другое.

Уинни подался вперед:

— Что значит «было запланировано»?

— А вы не знаете? — Паркер снова погладил лэптоп. Влюблен он, что ли, в этот старинный прибор? — У шреддеров возникли мелкие технические трудности, и они прекратили работу до конца дня. — Он осклабился. — Пресса утверждает, что «мелкие технические трудности» — это внезапное появление Роберта в разгаре работы.

Ривера задумался, в глубине толстых очков мелькнули отблески.

— Да, — сказал он. — Так что той толпе все-таки есть что праздновать.

Уинни встал, подошел к окну, вернулся, снова сел.

— Очень хорошо. Мы заслужили свою первую победу! Передайте войскам наши поздравления, Томми.

Роберт поднял руки.

— Может ли мне кто-нибудь объяснить, что это за безумие? Может, ничего и не горит, но все это мне очень напоминает «451° по Фаренгейту». Это такой научно-фантастический роман, Уинстон.

Ривера небрежно повел рукой.

— Профессор Гу, поищите по слову «Либрареом».

Роберт сделал нужные жесты руками, постучал пальцами.

Как у Хуана получается не выглядеть при этом идиотом?

— Да возьми ты мой лэптоп. А то из «Эпифании» никогда новости не вытащишь.

Уинстон Блаунт хлопнул по столу ладонью.

— Томми, пусть он это делает в свое личное время. А у нас есть серьезная работа.

— Хорошо, декан. Но Роберт изменил положение вещей, и мы можем воспользоваться его репутацией.

— Да, — кивнул Ривера. — Он лауреат практически всех литературных премий, которые есть на свете.

— Бросьте, — поморщился Блаунт. — У нас тут уже пятеро нобелевских лауреатов. По сравнению с ними Гу ничего особенного собой не представляет.

Блаунт скользнул взглядом по лицу Роберта. Пренебрежительное замечание, брошенное им, сопровождалось секундным замешательством — слишком кратким, чтобы другие заметили.

Самое важное, относящееся к Уинстону Блаунту, не присутствовало в его биографии, выданной Гуглем. Когда-то Уинни воображал себя поэтом, но поэтического дара у него не было — лишь уменис формулировать да непомерное самомнение. К тому времени, когда оба они стали младшими преподавателями в Стэнфорде, Роберта этот позер уже раздражал смертельно. Да и на заседаниях кафедры было бы невыносимо скучно, если бы не его хобби подкалывать Уинни Блаунта. Этот тип служил неистощимым источником веселья, потому что полагал, будто может переострить Роберта. Семестр за семестром их словесные дуэли становились все острее, а поражение Блаунта — все очевиднее. И делу Блаунта не способствовало, что он был лишен таланта к тому, чего хотел больше всего на свете — создать значительное литературное произведение. Небрежная кампания Роберта была опустошительна. К концу семидесятых Бедняга Уинни стал в буквальном смысле слова посмешищем всего факультета. И все, что осталось от его претензий на значительность, — это была помпезность. Он покинул Стэн-

форд, и Роберт помнил свое удовлетворение от того, что сделал миру благодеяние, когда Блаунт нашел свое место в общем ходе вещей, став администратором...

Да только, быть может, поэтом он был не хуже, чем этот новый Роберт Гу. *Интересно, знает ли об этом Уинни?*

Конечно, Томми Паркер всей подоплеки не знал. Он ответил на замечание Блаунта так, будто это всего лишь безразличная констатация факта.

— *Кое-кто* думает, что он имеет значение, декан. Тот, у кого хватило власти провести его через великолепную коммерческую систему охраны. — Он повернулся к Гу: — Давай вспомним, Роберт. Я знаю, что ты в информатике новичок, а «Эпифания» чертовски много затемняет, — но ты ничего странного сегодня не заметил? В смысле, до того, как пришел в библиотеку?

— Ну... — Он глянул вверх, в пустой воздух. Поиск в сети начал приносить результаты, тексты и картинки на тему «Проект Либрареом: спасти предысторию для сегодняшних студентов». Вот *это* действительно было странно. А в остальном... были еще плавающие огоньки, означающие разные вещи. Он попытался вспомнить объяснения Хуана. А, вот и Шариф вернулся — рубиновый значок, плавающий в углу стеллажей.

— Мне помогли. Один аспирант по имени Зульфикар Шариф.

— Ты был с ним в контакте, когда пришел к библиотеке?

— Да. Шариф думал, что я легче пройду, если не стану пробираться сквозь толпу у главного входа.

Ривера и Паркер переглянулись.

— Ты не видел ленты системы охраны? Они должны были вывести тебя в южную часть здания.

— Профессор, я думаю, вас захватили.

Паркер кивнул:

— Не бери в голову, Роберт. Такие штуки с носимыми случаются сплошь и рядом. Надо будет проследить этого твоего «Зульфикара Шарифа».

Роберт показал на рубиновый огонек.

— Я думаю, он сейчас здесь.

Очевидно, этот жест послужил для Эпифании сигналом сделать огонек общедоступным. Ривера посмотрел, куда показывал Роберт.

— Да! Видите, профессор Паркер?

Томми бросил взгляд на свой лаптоп и стал гладить тачпэд.

— Конечно, вижу. И спорить могу, он нас слушает ушами Роберта. Что скажете, если мы позовем его поболтать?

Блаунт безнадежно шурился. Очевидно, ему это рубиновое сияние заметно не было. Но все же он ответил так, будто вопрос обращен к нему:

— Да. Пригласите.

Роберт набрал обращение. Прошла секунда. Рубиновый колокольчик подлетел к концу стола — и вдруг превратился в совершенно нормальных размеров человека, смуглого, с серьезными глазами. Шариф виновато улыбнулся, прошаркал вокруг стола и «сел» в кресло на другой его стороне.

— Премного вам благодарен, что вызвали меня, профессор Гу. И — да, — кивнул он другим, — я действительно слушал, что вы говорили. Извините, у меня проблемы со связью.

— Я это называю «преимуществом невежества», — сказал Паркер.

Блаунт энергично кивнул:

— Еще бы! — Он помолчал, будто обдумывая. — А, черт, Томми, разве это важно? Все, что мы сегодня делаем, — совершенно открыто.

Томми усмехнулся.

— Верно. Но чему я за свою жизнь как следует научился — это дареному коню прежде всего смотреть в зубы. А то, бывает, он оказывается троянским. — Томми посмотрел на экран своего лаптопа. — Так вот, мистер Шариф, мне все равно, подслушивали вы или нет. Вот только скажите нам, что это вы делали с Робертом Гу? Кто-то провел его через служебный вход мимо всех охранных систем.

Шариф неуверенно улыбнулся.

— Честно говоря, меня это поразило не меньше, чем вас. Мы с профессором Гу говорили свободно, когда он приехал в кампус. Он затих, когда мы прошли вниз по склону от вашего

Варшавски-Холла. А потом без видимой причины свернул влево, и мы пришли в библиотеку с северной стороны. Дальше я увидел, как он входит в грузовой вход — и потерял связь. Не знаю, что еще я могу сказать. Система безопасности моих носимых — естественно, высшей степени. Гм. — Он на миг замялся и сменил тему: — Вы хотите сказать, что здесь все не так, как надо? Насколько я знаю, проект «Либрареом» откроет литературу прошлого всем — и быстрее, чем это мог бы сделать любой другой проект. Что тут плохого?

Последние слова были встречены полным молчанием. Уинстон Блаунт улыбнулся, сжав губы.

— Я так понимаю, что нашего сайта в сети вы не видели?

— Ну, еще пока нет. — Он помолчал; показалось, что взгляды его ушел в сторону. — О'кей, я понимаю, что вы хотите сказать. — Он улыбнулся. — Полагаю, я должен быть на вашей стороне: то, что вы делаете, сохранит за мной работу в службе 411! Видите ли, я люблю старых поэтов, но до литературы прежних времен добраться нелегко. Если вы интересуетесь литературой после 2000 года, критические источники найдутся всюду, и исследования дают *результаты*. Но для всего остального — искать надо *здесь*. — Шариф махнул рукой в сторону рядов книг, стеллажей, заполнявших шестой этаж здания. — И даже на тривиальные находки уходят несколько дней.

«Лентяй», — подумал Роберт. Интересно, насколько длинным был его энтузиазм насчет «настоящих книг»? Но эту тенденцию он заметил еще в те дни, когда преподавал. И не только студенты не хотели пачкать руки. Даже так называемые исследователи в упор не видели ничего, что бы не было доступно в онлайне.

Уинни недовольно посмотрел на аспиранта.

— Мистер Шариф, вы неверно понимаете назначение этих полок. Сюда не приходят искать точный ответ на «жгучий вопрос момента». Так не получается. За тысячи раз, что я искал в этом хранилище, редко когда я находил именно то, что искал. А знаете, что я находил? Находил книги по близким темам. Находил ответы на вопросы, которые даже и не думал задавать. Эти ответы вели меня в новых направлениях и были чуть ли не

более ценными, чем то, что я искал изначально. — Он посмотрел на Ривера: — Так, Карлос?

Ривера кивнул — без особого энтузиазма, как заметил Роберт.

Но Уинни был абсолютно прав — настолько прав, что Роберту пришлось добавить еще немного на ту же чашу весов.

— Это безумие, Шариф. Очевидно, проект «Либрареом» — это чья-то идея сфотографировать и потом оцифровать всю библиотеку. Но, — вдруг он вспомнил, как было в последние годы в Стэнфорде, — разве Гугль этого не делает и так?

— Да, — ответил Ривера. — На самом деле это был наш первый аргумент, может быть, до сих пор и лучший. Но Гуэртас — гениальный продавец, и у него есть аргументы в его пользу. То, что у него на уме, быстро и очень, очень дешево. В прошлом оцифровка не была столь глобальной или унифицированной, как будет эта. И у Гуэртаса адвокаты и программы, которые позволят ему получать микроотчисления по всем прошлым режимам копирайта — без новых разрешений.

Уинни язвительно усмехнулся.

— Настоящая причина того, что администрация на это клюнула, — деньги Гуэртаса и, быть может, реклама. Но позвольте вам сказать, мистер Шариф, что измельчение уничтожает книги. Таков сухой остаток. И останется нам бесполезная каша.

— О нет, профессор Блаунт! Прочтите обзор. Снимки из фотографического туннеля анализируются и переформатируются. Простая программная задача — переориентировать изображение, сопоставить следы разрывов и восстановить исходный текст должным образом. На самом деле — помимо механической простоты — это и есть причина для столь грубого уничтожения. Следы разрывов почти неповторимы. Ну, вообще-то это не ново. В геномике «реконструкция дробовиком» — классический метод.

— Вот как? — Роберт поднял многострадальную страницу, которую спас с полок PZ, — поднял, как какую-нибудь обмякшую жертву убийства. — И каково же должно быть совершенство программ, чтобы восстановить нечто, вырваннос из переплета и не сфотографированное?

Шариф хотел было пожать плечами, но увидел выражение лица Роберта и не стал.

— Сэр, на самом деле это не проблема. Конечно, какие-то потери будут. Даже там, где все сфотографировано должным образом, программы где-то могут сопоставить неверно. Но частота таких ошибок — не больше, чем несколько слов на миллион томов, куда лучше, чем при любом переиздании с ручной корректурой. Вот почему другие крупные библиотеки участвуют в нашем проекте — чтобы получить точную проверку.

Другие крупные библиотеки?

Роберт вдруг обнаружил, что у него отвисла челюсть. Он закрыл рот — ничего не смог сказать.

Томми тарашился в свой лэптоп.

— А вы неожиданно неплохо информированы, мистер Шариф.

— Но... но я же... ношу, — ответил молодой человек.

— Гм... И единственное, что вами движет, — это любовь к литературе.

— Да! Моя научная руководительница всю жизнь занимается «Тайнами стариков» Роберта Гу. А теперь я узнал, что великий поэт вернулся, излечился от болезни Альцгеймера! Такая возможность предоставляется раз в жизни... Послушайте, если не верите мне, посмотрите биографии в Гугле, в справочниках 411. У меня полно довольных клиентов, среди них студенты литературного отделения университета Сан-Диего — не то чтобы я им давал неэтичную помощь! Отнюдь. — Ага. Может быть, написанная за другого домашняя работа все еще «ай-ай-ай», даже в этом дивном новом мире. — Я не знаю, что сегодня произошло с профессором Гу, но не затормозило ли это проект «Либрарсом»? Разве это не то, чего бы вы хотели?

Блаунт и Ривера кивнули одновременно.

— Да, — сказал Томми. — В чем-то вы, конечно, конь.

— Я всего лишь аспирант отделения английской литературы!

Томми покачал головой.

— Вы можете быть вообще кем угодно. Можете быть вообще группой. И когда мы слышим о любви к английской лите-

ратуре, это может говорить кто-то из ее членов, кто знает поэзию. — Томми откинулся назад вместе со стулом. — Есть старая поговорка: доверие начинается с личного контакта. Никакой цепи доверия, которую можно было бы использовать, я в вашей биографии не вижу.

Шариф встал и частично прошел сквозь стол. Посмотрел вверх, размахивая над головой руками.

— Хотите лично? Это я могу сделать. Посмотрите вниз, на скамью возле дорожки.

Томми еще сильнее наклонил стул и оглянулся через плечо. Роберт подошел к окну. Толпа почти рассеялась, оставив несколько групп наиболее упорных демонстрантов. Извилистая тропа была вымощена плиткой, вилась по холму вверх, голова змеи касалась почти края террасы библиотеки. Настоящая мозаика, которой не было в годы работы Роберта в университете Сан-Диего.

— Я приехал из самого Корваллиса, чтобы увидеться с профессором Гу. Прошу вас, не отсылайте меня обратно.

Возле тропы стоял второй Зульфи Шариф, совсем уже не виртуальный. Он смотрел на них и махал рукой.

13

РОЖДЕНИЕ ШАЙКИ МИРИ

Сколько Мири себя помнит, всегда была эта проблема с бабушками и дедушками. Родители Элис — и их родители тоже — все жили в Чикаго, и никто из них не уцелел. Со стороны Боба Роберт был почти мертв, но он вернулся! Только теперь Мири боялась, что снова его теряет.

И еще была Лена.

Лена Гу была мертва только по записям. Она убедила Боба поместить эту ложь у «Друзей приватности». Она даже прика-

зала Бобу не посвящать Мири в детали. Но Боб сказал Мири, что делает. Это было разумно, потому что Мири так или иначе сама догадалась бы. А сейчас она была связана обещанием, которое дала Бобу. Она Роберту даже крошки правды не сообщила, даже когда они еще разговаривали друг с другом и он был в таком отчаянии.

Но сейчас в отчаяние впадала Мири. Лену она не видела уже пять месяцев. Она чуть не позвонила Лене после инцидента с Эзрой Паундом, но это лишь подтвердило бы мнение Лены о Роберте. Боб хотел просто не видеть проблем Роберта — трус. Элис трусихой не была, но она в эти дни была занята тренингом, и там не все получалось. *О'кей, я справлюсь сама*, решила про себя Мири. Она составила продуманный план реабилитации, работая с Зульфи Шарифом. Поначалу все шло классно. Носимые Шарифа было очень легко подчинить, у нее появился прямой доступ к Роберту. Но после поездки Роберта в университет Сан-Диего она поняла, что Шарифа использует не только она, а еще кто-то.

Самое время настало посетить Лену.

Она дождалась выходных и взяла машину до «Пирамид Хилла». По субботам там было действительно многолюдно. Боб говорил, что это ему напоминает аркадные игры его детства. В парк надо было прибыть физически, но после этого можно было играть с осязательными ощущениями в лучшие игры. Была даже экскурсия по серии казино Баха, только не для детей, которым закон не разрешал еще играть. Но для Мири было важно другое: в парке была отличная система безопасности. Даже если Роберт заинтересуется, куда она собралась, то вряд ли он сможет проследить ее до Лены.

Она сняла свой велосипед с полки в кузове машины и замаскировала под ослика. Внешность Мири выполняла в виде классики аниме: большие глаза, торчащие пряди волос и крошечный ротик. Это отпугнет любого, кто мог бы предложить вместе играть.

Своего ослика она вела по тропинке вокруг холма. Отметила маскировку аниме, чтобы посмотреть, что сегодня наи-

более популярно. Ага. В основном всякая чушь типа Скучи Сальсипуэдес, карусели да баба-яга. Год назад еще никто не слышал про скучей, а сегодня они покруче некоторых корпоративных брэндов. И даже чуть потеснили мегарелиз последней версии «Возвращения мелового периода». Сейчас здесь были сотни разных *типов* этого персонажа Скучи. Некоторые — хитро украденная интеллектуальная собственность. Остальные — из фольклора с окраин мира. Система образов очень, очень дешевая, без какого-либо творческого центра. Может, именно поэтому детишки были ее самыми большими фэнами.

Возле вершины холма ревел в небе Малый Скуч-э-маут. Звуки исходили не из мощных колонок синтезатора. Уходящий Скуч-э-маут — так сейчас представлял главный маршрут парка вид Мири. Капсула маршрута вылетала из глубины холма и достигала четырех «g» перед тем, как устремиться в небо, давая пассажирам почти минуту невесомости перед посадкой в продолжении парка. Самый зрелищный аттракцион во всей Южной Калифорнии. Сейчас друзья Мири по этому поводу фыркали («это как работать посылкой ЮПИ/Экспресс»), но когда Мири была маленькой, она не раз прыгала здесь по небу взад-вперед.

Сегодня она прошла полдороги до восточного выхода, не выбрав себе игры. Мири старательно избегала прикосновений, тем более поездок на роботах. Особенно она старалась обходить пушистых существ, которых хотелось взять на руки. Может быть, стоило купить участие в какой-нибудь игре, чтобы облегчить себе дорогу среди маркетинга соблазнов.

Она остановилась, оглядела склон холма. Много шума и деятельности, но если прислушаться, станет ясно, что дети в кустах играют в собственных вселенных, организованных так, что ни игроки, ни аппаратура друг другу не мешают. Она выбрала правильное прикрытие: классическое аниме для этих дубин слишком интеллектуально.

— В «Духов-близнецов» будешь? Для этой игры нужно только двое физических.

— Ой!

Мири едва не споткнулась о своего ослика. Резко обернулась, поставив велосипед между собою и этим голосом. Это была настоящая личность, тоже скрытая маскарадом аниме. Мири переключилась на истинный вид: *Хуан Ороско*. Вот это и называется невезением. Она даже и думать не могла, что его интересуется классика аниме.

Она обрела голос — пронзительный высокий английский, который дала ей Аннет Рассел.

— Боюсь, не сегодня. Я ищу кое-чего покруче.

Ороско — и стриженое создание, которое он представлял, — вопросительно склонили головы к плечу.

— Ты ведь Мири Гу?

Это было колоссальным нарушением этикета, но чего ожидать от четырнадцатилетнего неудачника из профкласса?

— Ну и что? Все равно не хочу.

Она повернулась и повела велосипед по дорожке. Ороско шел рядом. У него был складной велосипед, который совсем не вязался с образом.

— Ты знаешь, что мы с твоим дедушкой вместе работаем на уроках композиции у миз Чамлиг?

— Знаю. — *Вот паразит!* Если Хуан узнает, зачем Мири здесь, то и *Роберт* может узнать. — Ты за мной следишь?

— Это не против закона!

— Это невежливо.

Она не смотрела на него, просто быстро-быстро шагала по дороге.

— Я же не каждую секунду. Я только надеялся тебя здесь увидеть, а ты как раз через западные ворота... — Может, он просто поставил датчики приближения. — Понимаешь, твой дедушка старается мне помочь. Ну, в смысле, учит писать. И у меня, кажется, лучше уже получается. А я его учу носить. Только... мне его жалко. Он все время такой сердитый.

Мири продолжала шагать.

— В общем, я подумал... если бы он нашел кого-нибудь из своих старых друзей... могло бы лучше быть.

Мири резко обернулась:

— Вербовку вследишь?

— Нет! Я в смысле, у меня есть аффилиация, которая для стариков может быть полезна, но я не для того. Твой дедушка мне помог в школе, и я хочу ему тоже помочь.

Они шли вниз по холму, приближаясь к восточным воротам. Это была последняя возможность «Пирамид-Хилла» зарабатывать. Чем ближе ты к воротам, тем труднее продрагаться сквозь все поддерживаемые парком реальности. Мохнатки танцевали вокруг, просясь на руки. Настоящие механические игрушки — если их потрогать, ощутишь плюш, глубокий мех под руками и реальную тяжесть тельца. Возле ворот дирекция парка продавала этих маленьких роботов, и перед бесплатным прикосновением на прощание не могли устоять даже самые стойкие дети. Когда Мири была маленькой, она покупала примерно одну куклу в месяц. Самые любимые до сих пор играли у нее в спальне.

Она повела своего бедного ослика сквозь толпу, уклоняясь от говорящих медведей и миниатюрных Скуч-э-маутов и от реальных детей. И вот они оказались за воротами. На миг Мири задумалась и упустила маскировку. Сейчас она была обыкновенной толстушкой, а велосипед — просто машиной. Ороско — тощим и нервозным подростком. У него был сияющий новый велик, но, кажется, он не мог его развернуть.

Я не хочу, чтобы он узнал про Лену.

Она ткнула пальцем в грудь Ороско:

— С моим дедушкой все в порядке. Участвовать в пирамидах ему незачем. И вне школы держись от него подальше.

Она сверкнула маской, которую Аннет создала для их шайки Мстителей. Парнишка вздрогнул.

— Но я просто хочу помочь!

— И вот что: если я еще раз увижу, что ты за мной следишь... — Она переключилась в анонимный режим, с задержанной доставкой, которой он еще несколько часов не увидит.

Аноним --> Хуану Ороско: <sm> Если ты меня по-настоящему рассердишь, у твоего табеля станет такой вид, будто ты его хотел взломать. </sm>

От внезапного молчания у Хуана расширились глаза. Какое-то время ему придется переваривать, что его ждет.

Естественно, это была пустая угроза: Мири была девочка законопослушная, пусть даже и притворялась, что это не так.

Она провела велосипед еще несколько шагов, вспрыгнула на него — и чуть не упала. Но удержала равновесие и понеслась вниз по холму, прочь от Ороско.

Дом престарелых «Конец радуг» находился в долине к северо-востоку от «Пирамид-Хилла». Он был очень стар и очень известен. Основан он был шестьдесят лет назад, в ту эпоху, когда пригороды еще сюда не дошли. Его расцвет пришелся на начало двадцать первого века, когда сюда хлынула волна стариков-нуждающихся.

Мири ехала по велосипедной дорожке, изо всех сил стараясь не попадаться никому на глаза. Гостевой пропуск был еще действителен, но дети считались в «Конце радуг» гражданами второго сорта. Когда она была маленькая и навещала здесь Лену, ей думалось, что деревня эта волшебная. Настоящие газоны были так же красивы, как и фальшивые газоны в Уэст-Фоллбруке. И стояли настоящие бронзовые статуи. Колоннады и кирпичные стены тоже были настоящие, лучше чем даже в самых дорогих торговых рядах.

С тех пор она изучала в школе вопросы, относящиеся к жизни стариков, и никак не могла уйти от некоторого циничного вывода: в «Конце радуг» еще есть какие-то реальные деньги, но это деньги, потраченные людьми, ни на что другое не способными. Большинство тех, кто здесь остался, жили святым духом и обещаниями биотехнологии, неудачники в инвестициях и (или) в медицине.

Ороско не пытался за ней следовать или прикрыть свои следы: она убедилась, что он ушел на восток. Наконец-то сумел разложить свой велик и крутил педали в сторону Меситас. Мири смотрела, прищурившись. Не может ли быть, что Хуан Ороско и есть тот панк, что ненадолго перехватил Шарифа в университете? Нет, никак. То был какой-то умник, и явно хвастливый. Более того, этот самый умник и впрямь знал дело, может быть, даже не хуже самой Мири.

О'кей. Есть более важные вещи, о которых надо подумать. Дом Лены находился в дальнем конце второй улицы по дороге вверх. Пришло время строить образы и представлять. Мири много размышляла о предстоящей встрече, обо всем, что она, быть может, скажет, о том грустном, что, быть может, увидит. Мири построила некое специальное видение. В основе лежало нечто, над чем она работала в том или ином варианте со второго класса, когда узнала грозный смысл слов «трудноизлечимый остеопороз версии 12».

Первым делом она сделала деревья вдоль пути выше и толще, ничего похожего на пальмы. Поднимаясь на холм, она сменила их высокую листву на изогнутые сучья, покрытые зеленой хвоей. Конечно, никакой *физической* поддержки у Мири для этого не было — ни игровых полос в рубашке, ни микроохлаждения. Солнце жарило, хотя она закрыла небо облаками и низко опустила кроны деревьев. Может, жару надо воспринимать как какое-то заклятие. Она уже думала об этом раньше, но всегда находились другие улучшения, казавшиеся более важными. После месяцев мечтаний этим видением Мири не была обязана какому-либо коммерческому искусству. Оно пришло из сотен фантазий, но эффект принадлежал только ей, ее концепции Лены. Она ничего из этого общедоступным не делала. Как правило, от видений куда больше удовольствия, если ими с кем-нибудь поделиться, — но не от этого.

Наконец она затормозила и слезла с велосипеда. Последние сотни две футов надо пройти пешком. Вокруг были какие-то люди, но в ее видении они казались ничем не примечательными местными жителями. Тротуары и пандусы для инвалидов кресел превращались в лесные тропинки и мшистые осыпавшиеся ступени. Из-за этого Мири не раз споткнулась, что казалось вполне уместным для такого униженно-го просителя, как она.

А потом она оказалась во внутренней роще. Здесь попадались боковые ответвления тропы — свидетельство, что в глубине леса таятся домики. Ее деревья здесь были очень старыми, огромные ветви нависали высоко над головой. Мири катила велосипед по древней тропе. Люди в этой внутренней роще

имели более высокий ранг — не такой, как у Лены, но все же достаточно влиятельный, чтобы его уважать. Мири опустила глаза и надеялась, что никто из них с ней не заговорит.

Она сделала последний поворот, прошагала еще пятьдесят футов и подошла к широкому бревенчатому дому. Подняв глаза, Мири увидела просветы в кронах деревьев, но небо они не открывали — лишь освещенную солнцем зелень. Прямо над домом нависали самые высокие кроны. Волшебство колдуний. Источник древней мудрости.

Мири прислонила велосипед к бревнам и постучала массивным медным молотком. Стук гулко отдался в ушах. Она не стала слушать пустую мелодию двадцатого века, которая игралась на самом деле — это был старый дверной звонок, привезенный Леной из Пало-Альто.

Прошла минута. За дверью послышались шаги. Шаги? Тяжелая дверь приотворилась внутрь, и видение Мири встретило существенный вызов: женщина, с виду едва ли старше школьных учительниц. *Что ты здесь делаешь?* На мгновение Мири уставилась на нее, лишившись дара речи. Редко когда ее удавалось так поразить. Но она тут же собралась и уважительно склонила голову.

— Сю Сянь?

— Да. А ты — Мири? Внучка Лены?

Женщина отступила и жестом пригласила Мири в дом.

— Хм, я не думала, что вы меня узнаете.

Мири вошла в дверь, лихорадочно строя образы. Сю Сянь выглядела слишком молодо для настоящей колдуньи. *О'кей, сделаю ее ученицей Лены, как-ее-гуль... колдуньей-чайником!*

Чайник-Сянь улыбнулась:

— Лена показывала мне твои фотографии. Мы даже видели тебя однажды в школе, и Лена мне говорила, что ты когда-нибудь придешь, рано или поздно.

— Значит... она меня примет?

— Я спрошу.

Мири вежливо наклонила голову.

— Спасибо, мэм.

Чайник-Сянь провела Мири к оббитому креслу рядом с заваленным книгами столом.

— Я сейчас вернусь.

Мири устроилась в кресле — ой! это оказался твердый пластик. А стол... ну да, книги настоящие, но распечатанные к случаю. Страницы могут быть какими хочешь, но это все же настоящие страницы. Конечно, они не были такими толстыми и древними, как в визуализации Мири, но вложены были глубоко. Наверху лежала обзорная страница — очень неуместная, как свидетельство неловкости. Мири быстренько превратила ее в светящийся гримуар. Подавшись в кресле вперед, она посмотрела на книги — механика и электротехника. Очевидно, принадлежат ученице колдуньи, Сянь — Мири выяснила биографии тех, с кем учился Роберт. Коробка игрушек под столом — скорее всего то, что Сянь сделала на уроках труда. Мири узнала покореженную транспортную доску, которую показывали в новостях.

Сзади послышался какой-то звук — открылась внутренняя дверь. Вошла ученица Сянь, а с ней — старшая колдунья. У Мири уже были наготове образы. У настоящего кресла Лены было шесть колесиков на шарнирах — очень практично и очень скучно. А у Госпожи Гу кресло стояло на высоких дубовых колесах, зачехленных серебром и наклоненных наружу. Когда кресло ехало, по ободьям бегали голубые искры. И Мири одела Лену в тяжелое черное платье, такой черноты, что оно поглощало свет в комнате, как и полагается волшебной одежде. Чернота, затемняющая детали того, что она облекает. Остроконечная с широкими полями шляпа Лены висела на высокой спинке кресла. На этом спецэффекты Мири кончались — дальше Лена была такая, как есть. На самом деле все это видение было предназначено, чтобы создать бабушке правильную раму — такую, которая откроет, насколько она на самом деле поразительна.

Старшая колдунья оглядела Мири с головы до пят и спросила:

— Разве Боб не говорил тебе, чтобы оставила меня в покое?

Но голос ее звучал совсем не так сердито, как опасалась Мири.

— Говорил. Но я без тебя очень скучаю.

— А! — Лена слегка наклонилась вперед. — Как мама, Мири? Все в порядке?

— Все хорошо. — Лена слишком много знала про Элис, но ей, Мири, совершенно не обязательно это знать. Кроме того, она не могла помочь Элис. — Я хотела поговорить с тобой кое о чем другом.

Госпожа Гу вздохнула и закрыла глубоко посаженные глаза. Когда она их открыла — наверное, это была улыбка.

— Ладно, детка, я рада тебя видеть. Я только не хочу спорить с тобой или с Бобом. А больше всего я не хочу, чтобы Сами-Знаете-Кто узнал, что я еще здесь.

— Я же очень мало спору, Лена. — *Лишь настолько, чтобы добиться положительного сдвига, но чтобы мне по-прежнему были здесь рады.* — А про Сами-Знаете-Кого можешь не волноваться.

Собственные слова Госпожи Гу были прямо из фэнтезийной традиции, хотя жалко, что Роберта приходится представлять абсолютным злом.

— Я же обещала, что я ему про тебя не скажу. — *По крайней мере без твоего разрешения.* — И я приняла меры предосторожности, когда сюда ехала. Кроме того, Сами-Знаете-Кто не очень умеет вынюхивать.

Лена покачала головой.

— Это ты так думаешь.

Ученица Сянь сидела возле кресла-каталки и молча смотрела. А вдруг она сможет помочь?

— Вы ведь каждый день видите Сами-Знаете-Кого, мэм? — спросила Мири.

— Да, — ответила Сянь. — На уроках труда и на уроках поиска и анализа у миз Чамлиг.

— Миз Чамлиг — это совсем неплохо. — *По крайней мере для ее тупоголовых учеников.* Мири успела проглотить это замечание, но все равно покраснела.

Ученица Сянь, кажется, не заметила.

— Да, она очень хороший учитель. Я Лене говорила. — Она взглянула на старшую колдунью. — Луиза умест отвечать на такие вопросы, которые мне за всю жизнь было бы не понять. И еще она лучше других продемонстрировала мне важность аналитических пакетов.

Сянь показала на старый гримуар. Мири была захвачена врасплох. Да, миз Чамлиг — хороший человек, но набита штампами и бубнит!

Однако даже младшей колдунье не полагается противоречить, и Мири очень старалась соответствовать. Она склонила голову:

— Да, мэм. Но вы часто видите Сами-Знаете-Кого. Он действительно такой ужасный человек?

Сю Сянь покачала головой:

— Он странный. Выглядит очень молодо. Роберт... то есть Сами-Знаете-Кто может быть очень любезен — и вдруг ударит наотмашь. Я видела, как он с некоторыми ребятами так поступал. Старики стараются от него держаться подальше. Уинстон Блаунт, по-моему, его ненавидит.

Да. Мири в субботу видела Уинстона Блаунта в библиотеке университета Сан-Диего. Почти все ее внимание было занято борьбой за личность Зульф리카ра Шарифа, но враждебность Блаунта она заметила.

Ученица Сянь посмотрела на хрупкую даму в кресле.

— Боюсь, что Лена права в своем мнении о нем. Он использует людей. Восхитился моей работой на уроке труда — и унес ее.

Лена сухо засмеялась — это у стариков получается хорошо. Мири считала это единственным, что есть хорошего в старости.

— Сю, ты же мне сама говорила, что восхищалась, глядя, как он крошит автомобиль.

Ученица Сянь смутилась.

— Ну, да. Я пришла на естествознание с моделями ракет и самодельными радиочастотными контроллерами. Мне, чтобы что-то понять, всегда надо было потрогать руками. Сегодня у нас доступ к реальным вещам затруднен слоями автоматичес-

кой бюрократии — и здесь, я думаю, отчасти вина моей собственной БАС. Так что и Роберт, и я хотели что-нибудь сказать, и я радовалась, что он *действует*. Но для него было безразлично, чего я хочу — я была всего лишь удобным орудием.

Лена снова рассмеялась:

— Тебе повезло. Ты за несколько дней поняла то, на что у меня ушли годы.

Она подняла высохшую руку, чтобы поправить волосы. Современная медицина не во всем потерпела неудачу с Леной Гу. Пять лет назад у нее был паркинсонизм. Мири помнила эту дрожь. Медицина избавила ее от паркинсонизма, сохранила ясность и остроту ума, остановила различные мелкие и крупные болезненные процессы. Но аномальный остеопороз все еще лечению не поддавался. Как и тогда во втором классе, Мири могла понять ответ на техническое «почему». Ответ на «почему» моральное не могла ей дать даже Элис.

Девочка всмотрелась в морщинистое лицо старой колдуньи.

— Я... я рада, что у тебя годы ушли, чтобы понять Сами-Знасте-Кого. Иначе бы ты не родила Боба, не воспитала бы его, он бы не женился на Элис... и меня бы тоже не было.

Лена отвернулась.

— Да, — буркнула она. — Бобби — единственная причина, почему я осталась с твоим дедом. Мы создали для Боба нормальный дом. И с ребенком он даже был наполовину человеком — по крайней мере до тех пор, пока не понял, что взрослой жизнью Боба ему управлять не удастся. К тому времени Боб уже сбежал в морскую пехоту. — Она снова повернулась к Мири. — И я себя с этим поздравляю. Я совершила колоссальную ошибку, выйдя за твоего деда, но от этого в мире появились два светлых человека — и обошлось мне это всего в двадцать лет жизни.

— Ты никогда по нему не скучаешь?

Госпожа Гу сощурилась.

— Ты опасно близка к тому, чтобы спорить со мной, юная леди.

— Прости. — Мири опустила на пол возле кресла Лены, взяла бабушку за руку. Лена улыбнулась. Она знала, что будет

дальше, но эффективной защиты у нее не было. — Ты столько лет провела отдельно от него. Я помню, как ты приходила, когда Сами-Знаете-Кто был еще в полном порядке и никогда не навешал. — Даже тогда Лена была маленькой старой дамой, деловым доктором, и улыбалась в основном, когда говорила с Мири. — Ты тогда была счастлива?

— Конечно! После всех этих кошмарных лет я была свободна!

— Но когда Сами-Знаете-Кто стал выживать из ума, ты ему помогла.

Лена закатила глаза и посмотрела на Сю Сянь.

— Когда я скажу, вышвырни это отродье на улицу.

— Гм... ладно, — неуверенно ответила Сянь.

— Но... еще не сейчас. — Лена снова посмотрела на Мири. — Мы это уже проходили, Мири. Боб приехал сюда, в «Конец радуг», и умолял меня помочь. Помнишь? Он привез тебя с собой. Боб никогда не понимал, какие у меня отношения с Робертом. Прости его Бог, он не понимает, что вся нежность, которую он видел, была только для него. Но его мольбы и твое симпатичное личико заставили меня согласиться помочь в последние годы этого монстра... и ты знаешь, иногда слабоумие смягчает человека. Был примерно год, когда Роберт, уже совершенно беспомощный, еще узнавал людей и помнил то время, которое мы провели вместе — тогда он был покладист. Мы даже недолго ладили!

Мири кивнула.

— А потом изобрели лечение от того вида слабоумия, что был у Роберта. К тому времени твой дед из покладистого превратился в растение. Мири, я бы осталась с ним до конца, если бы не это чудесное исцеление. Но я знала, что будет дальше. Монстр вернулся. — Лена ткнула скрюченным пальцем в сторону внучки. — Надул меня однажды — стыдно тебе. Надул меня дважды — стыдно мне. И я решила больше не светиться. Понятно?

Но другая ее рука осталась в руке Мири, и девочка ее жала.

— А разве не может быть по-другому? К тому времени, как деда вылечили, что-то в нем уже умерло. — Это была теория не самой Мири, а Циня Ли. — Я знаю, что он сейчас часто сердится, но это потому, что он страшно много потерял. Может, того плохого, что ты помнишь, тоже уже нет.

Лена махнула рукой в сторону Сянь:

— Ты слышала, что Сю рассказала насчет благородства его характера?

Мири думала быстро: с Элис это никогда не проходило, но Боба резкая смена темы иногда могла отвлечь.

— Лена, ты здесь живешь с того времени, как дедушка был болен. Ты больше нас не навещаешь, и могла бы переехать куда угодно, но остаешься в десяти милях от нас.

Лена вскинула голову:

— Я много лет живу в Сан-Диего и не собираюсь бросать всех своих друзей, знакомые магазины, дорожки, по которым люблю... ладно, дорожки уже не для меня. В общем, смысл такой: даже воскресший Сами-Знаете-Кто моей жизнью командовать не будет!

— Но... — *вот это уже действительно тонкий лед!* — ...ты доктора Сянь раньше знала?

Старшая колдунья поджала губы.

— Нет. А теперь ты собираешься сказать или многозначительно промолчать, что здесь в «Конце радуг» стариков две с половиной тысячи, а потому такое совпадение не может быть случайным.

Мири промолчала.

Зато заговорила ученица Сянь:

— Это был мой выбор. Я сюда переехала летом, приблизительно тогда, когда у меня восстановились силы на переезд. Я из стариков, живущих в «Конце радуг», но я такая умная и жизнерадостная... — грустная и странная улыбка, — ...что не знаю, куда себя девать. И потому я вызвалась быть соседкой. Оказалось удачно. Твоя бабушка на десять лет меня моложе, но это в нашем возрасте уже немного значит.

Она потрепала Лену по плечу.

Мири вспомнила, что Лена Ллевслин Гу много лет была в «Конце радуг» консультирующим психиатром. Если кто и мог подстроить, чтобы Сянь попала к ней, то только она. Мири открыла было рот, но увидела в глазах Лены предупреждающий блеск — настолько понятный, насколько может быть любая молчаливая связь.

Лена пошевелилась в кресле.

— Понимаешь, девочка? Чистое совпадение. Но должна признать, это оказалось полезно. Сянь сообщает мне об успехах Сами-Знасте-Кого в современном образовании.

Она недобро, по-ведьмински улыбнулась, даже без всяких спецэффектов Мири.

— Да, — подтвердила Сянь. — Мы вместе за ним следим.

— На этот раз монстр не застанет меня врасплох.

Мири отшатнулась:

— Вы управляете совместной личностью!

Ей даже в голову не приходило, что две колдуньи могут обладать истинной, современной магией.

— Чем?

— Совместной личностью. Партнеры с дополняющими друг друга сильными и слабыми сторонами. На публике выступает одна, представленная мобильным партнером. Но то, что вы можете сделать и понять, определяется лучшим из вас двоих.

Сянь смотрела, не понимая.

Ой. Мири пингнула обеих. Если не считать медицинских устройств Лены, они были полностью в оффлайне. Мири слишком увлеклась собственной системой изображений.

— Вы не носите?

Сю показала на стол:

— У меня есть обзорная страница и вот эти книги. Я пытаюсь выучить очень много серьезных вещей, Мири. У меня нет времени возиться с ношением.

Мири чуть не забыла про свою миссию.

— Доктор Сянь, вы совершенно неправильно думаете о носимых. Разве вам миз Чамлиг не говорила? Некоторые аналитические пакеты просто не тянут, если их запускать в статическом видеорежиме.

Ученица Сянь несохотно кивнула.

— Она мне показывала BLAST9. Но это что-то вроде молекулярного дизайна, оформленного как бессмысленная игрушка.

— Вы же его запускали только на обзорной странице!

Младшая колдунья ссутулилась.

— Мне столько надо выучить, Мири! Я занимаюсь для начала простыми вещами, с которыми могу работать на этой обзорной странице.

Лена посмотрела на свою соседку, потом вроде бы увяла в своем кресле и обратила взгляд на внучку.

— Бедняжка Мири. Ты не понимаешь. Ты живешь в такое время, когда считается, будто можно не принимать во внимание состояние человека. — Она склонила голову набок. — Ты никогда не читала «Тайны старости»?

— Как это — не читала? Читала, конечно!

— Прости, Мири, я знала, что ты читала. В конце концов, это самое большое достижение моего горячо нелюбимого бывшего мужа. Их «неумолимая тяжесть» — его злобедность, обращенная в поддержку правды. Но ты ведь этого не понимаешь, Мири. Ты живешь в среде обещаний медицины и происходящих исцелений, и это не даст тебе увидеть скальное основание — реальность. — Она помолчала, голова ее задвигалась вверх-вниз. Как будто вернулся прежний паралич, а, может быть, просто нерешительность — говорить ли дальше? — Мири, правда вот в чем: если соблюдать осторожность и если повезет, то можно дожить до старости, быть слабой и очень-очень усталой. И наступит конец борьбе.

— Нет! Лена, тебе же становится лучше. Тебе просто не повезло, но это только вопрос времени.

Шепот ведьминского кудахтанья послышался в комнате, и Мири вспомнила. «Это только вопрос времени» — мантра из стихотворного цикла Роберта.

Мгновение бабушка и внучка смотрели друг на друга твердым и не слишком дружелюбным взглядом. Потом Лена сказала:

— Дошло до того пункта, о котором я с самого начала знала. Прости, Мири.

Мири склонила голову. *Но я же только хотела помочь!* Забавно — именно так скулил тот мальчишка, Ороско. Да, может быть, он не полный дурак. Может, он и мог бы помочь. Но было еще что-то, что он говорил, и сейчас это было бы куда важнее... Да! Вдруг Мири увидела способ обратить поражение в победу. Она посмотрела бабушке в лицо честными глазами и невинно улыбнулась:

— Лена, а ты знаешь... что Сами-Знаете-Кто учится носить?

14

ТАИНСТВЕННЫЙ НЕЗНАКОМЕЦ

Даже на четвертую неделю взаимного обучения Роберт и Хуан почти все занятия проводили лично, сразу после уроков. Они уходили в амфитеатр аудитории, и один невежда пытался учить другого.

Иногда прицеплялись Фред и Джерри Рэднеры — неофициальные третий и четвертый невежда. Они на уроках композиции у Чамлиг кооперировались друг с другом, но им вроде бы приятно было следить за прогрессом Роберта и давать советы, которые всегда оказывались интереснее, чем у Хуана, но редко такими же полезными.

А потом появился и пятый невежда. Сю Сянь трусливо сбегала с творческой композиции, но другие курсы в Фэрмонте продолжала посещать. Как и Роберт, она училась носить, и сейчас на ней всегда была кружевная вышитая бисером блузка — тоже костюм начинающего пользователя «Эпифании». Она была здесь в тот день, когда Роберт с Хуаном натолкнулись на чилийцев. Это случилось на дорожке вокруг стадиона. Никого вокруг вроде бы не было, университетские команды должны были появиться лишь потом.

Мири --> Хуану: <sm> Эй! Проснись, Ороско! Голосни им </enum/>. </sm>

Хуан --> Мири: <sm> Извини, я их не увидел. </sm>

Мири --> Хуану: <sm> Ты их и вчера не видел. Голосни, пока они не сдвинулись к Рэднерам. Я тебе говорила, что эти ребята — отличное упражнение. </sm>

Хуан --> Мири: <sm> О'кей, о'кей! </sm>

— Эй! — резко позвал Хуан. — Доктор Гу, Сю, смотрите!

Он передал возможности указания в «Эпифанию» Роберта. Это было точно как с целями, которые они отрабатывали последние несколько дней. Мальчишка утверждал, что, если тренироваться, этот вид взаимодействия получается так же естественно, как посмотреть в ту сторону, куда указывает собеседник. У Роберта Гу так просто не получалось. Он остановился, прищурился на значок. По умолчанию это должно было форсировать доступ. Не вышло. Он постучал по фантомной клавиатуре и заметил, что стоявшая чуть поодаль Сянь сделала то же самое.

...И вдруг откуда ни возьмись явились с полдюжины студентов, быстро говорящих по-испански.

Мири --> Хуану, Лене, Сю: <sm> О'кей, Роберт их видит. </sm>

Лена --> Хуану, Мири, Сю: <sm> Я их вижу! А ты, Сю? </sm>

Сю --> Хуану, Лене, Мири: <sm> Нет, но долж... </sm>

Мири --> Хуану, Лене, Сю: <sm> Доктор Сянь, не пытайтесь отвечать. Вы это еще недостаточно быстро делаете, Роберт может заподозрить. Говорите вслух, будто обращаетесь к нему и к Хуану. </sm>

Сянь на секунду замолчала; пальцы ее продолжали стучать по клавиатуре. У нее еще хуже получалось носить, чем у него. Но потом она сказала:

— Да, я их вижу! — И посмотрела на Ороско. — Кто это?

— Друзья Фреда и Джерри, с юга. Чили.

Мири --> Хуану: <sm> Скажи им, пусть сыграют синхронного монстра. </sm>

Хуан --> Мири: <sm> О'кей. </sm>

Он заговорил с пришедшими по-испански, слишком быстро, Роберт не все понимал. Что-то насчет помочь начинающим провести игру с каким-то монстром.

Испанскую речь пришедших разобрать было еще труднее. Но, быть может, это не важно. Гости отступили назад, и место, где они стояли, заполнилось чем-то нечетким и лиловым.

Сянь засмеялась:

— Я тоже это вижу. Но это создание... оно даже не притворяется настоящим!

Роберт наклонился поближе к перекошенному видению.

— Оно притворяется мягкой игрушкой.

С грубыми стежками швов и выпирающими из-под швов шкуры комьями набивки. Но видение было почти семь футов в высоту, и когда Роберт приблизился, оно попятилось.

— Я читал о таких штуках, — засмеялся Роберт.

Лена --> Хуану, Мири, Сю: <sm> Я поискала и нашла эту штуку, Сю. Когда ты шевелишься, она тоже шевелится. Но каждый из вас может управлять только ее частью. </sm>

— А!

Сю Сянь шагнула вперед, отрезая игрушке отступление. Задние лапы монстра остановились, а передние продолжали идти, и игрушка чуть не рухнула.

Мири --> Хуану: <sm> Скажи, что цель — заставить ее изящно танцевать. </sm>

Хуан объявил:

— Цель в том, чтобы мы все совместно управляли ее движением. Потанцуйте вокруг, Сю.

Сю пошла вокруг игрушки, ее движение сопровождалось музыкой. Задние лапы существа снова включились, будто пытались повторить марш Сянь. Детки из Чили были в полном восторге.

Когда Роберт согнул запястье и стал плавно отмахивать кистью ритм, музыка сделалась громче, Хуан начал отбивать такт ладонями, и плечи зверя зашевелились в такт музыке. Детки с дальнего юга минуту смотрели на это молча. Они казались такими же реальными и цельными, как Хуан и Сю Сянь, но владели навыками не в большей мере, чем средние пользователи

из Сан-Диего. Тени у них ложились неверно, ноги лишь случайно соприкасались с поверхностью газона. Но они тут же слышали музыку и тоже стали хлопать в ладоши. И теперь хвост создания — их область игры? — начал мотаться вверх-вниз.

Роберт расширил жестикуляцию, взял на себя контроль над широкими лапами. На миг монстр затанцевал в такт музыке, его движения совпадали с ритмом, но время задержки в сети составляло в среднем полсекунды, а главное — прыгало от малых долей секунды до секунды с лишним. Танец становился размашистее, пока ошибки корректировались и перекорректировались, и наконец хвост стал стучать по задним лапам. Создание перевернулось на спину, отчаянно размахивая лапами.

Лена --> Хуану, Мири, Сю: <sm> Вот это здорово! </sm>

— Черт побери! — сказал Роберт.

Все смеялись, и не над какой-нибудь случайной жертвой. Один за другим дети с дальнего юга исчезли, и остались только реальные люди — Роберт, Хуан и Сю Сянь.

— А мы могли бы и лучше, Хуан!

Лена --> Сю: <sm> Видишь? Он всегда жалуется. Дай ему еще минуту, и он сумеет намекнуть, будто это *ты* виновата, что получилось все не так. </sm>

Хуан все еще смеялся.

— Знаю, знаю. Но эта сетевая связь — *bastarda más odiosa**. Есть игровые компании, которые дешевую сеть — чипнет — предоставляют бесплатно, а клиент так злится на ее глюки, что делает себе апгрейд до статуса игрока.

— А тогда зачем мы старались?

— Ну, для тренировки. Для развлечения.

Роберт вспомнил неумелый международный хор там, в университете.

— Надо было использовать метроном. Можешь вернуть этих ребят?

— Нет, мы просто... ну, как рукой помахали друг другу. Когда проходишь мимо.

«Когда проходишь».

* паскудное ублюдство (исп.).

— Я их не видел, пока ты мне не показал. Насколько забит сейчас эфир?

Роберт резанул воздух рукой. Сколько реальностей здесь клубятся активно?

— Здесь, в общедоступном месте — слишком забит, чтобы видеть все сразу. Здесь где-то триста или четыреста узлов, которые видит твоя «Эпифания». И каждый из них может работать с десятками наложений. В толпе были бы сотни активных реальностей и мириады потенциальных...

Мири --> Хуану: <sm> Не вдавайся. У деда хватит ума, что-бы сложить несколько мелких намеков и догадаться про нас невидимых. </sm>

Хуан --> Мири: <sm> Да? Так один намек ты сама дасшь. Когда ты деласшь миссис Гу видимой для Сю, это ее сбивает с толку. Посмотри, как она обходит место, где стоит Лена. </sm>

Мальчик вроде бы потерял нить.

— Конечно, там, где людей всего двое-трое, лазерный трафик в основном потенциальный.

Они пошли дальше прорабатывать тему. Хуан показывал, как передвигаться между общедоступными व्योпойнтами. Роберт и Сю Сянь прыгали во всех направлениях, иногда даже добиваясь подобия согласованности. Сянь была уже не так напряжена, как в начале прогулки: по крайней мере сейчас она шла ближе к Хуану и Роберту.

Но Сю не ответила, когда Роберт пошутил:

— Еще немного — и мы станем такими крутыми...

Лена --> Сю: <sm> Видишь? </sm>

Роберт подивился, чего эта странная Сянь так шарахается.

Сю была странной в другом. Хотя она перестала посещать уроки композиции — стеснительность мешала ей выступать перед публикой, — ей очень нравились уроки труда. Каждый день она играла чем-нибудь новым из запасов мастерской. Это было единственное время, когда она была просто счастлива, улыбалась, что-то бормотала себе под нос. Некоторые из ее проектов новому Роберту были очевидны, о некоторых он вполне мог догадаться. Сю была рада их объяснять.

— Пусть там внутри нст «обслуживаемых пользователем деталей», — говорила она, — но то, что я построила, я понимаю.

Она каждый день создавала проект, который вполне сошел бы для ученика за семестровый, и каждая минута этого созидания была ей радостна.

Сю не была полностью сумасшедшей; обычно она не показывалась, когда Роберт Гу учил Хуана. Роберту никогда не приходилось учить детей, и он терпеть не мог отстающих. При всех добрых намерениях Хуана он был и тем, и другим. Сейчас Роберт притворялся, что учит его писать.

— Это просто, Хуан, — слышал Роберт собственные слова.

Масло лжи на хлебе притворства! Впрочем, может быть, и нет: писать дрянь — просто. За двадцать лет семинаров поэзии для аспирантов он это понял. Писать хорошо — другое дело. Писать, чтобы получалась красота, которая поет — этого не дадут никакие годы учения. Гении должны заниматься сами собой. Хуан Ороско был куда менее способен, чем студенты, с которыми имел дело Роберт. По меркам двадцатого века он был малограмотным... кроме тех случаев, когда слова были ему нужны, чтобы получить данные или понять результаты. О'кей, пусть не малограмотный. Может быть, для этих искалеченных детей есть другое слово. Параграмотный? *Но я готов спорить, что писать дрянь я его научить могу.*

И потому они сидели на дальних скамьях, раскидывая слова по небу, и Хуан Ороско не замечал бегунов внизу и игроков на дальних площадках. Пришло время, когда он перестал играть со шрифтами.

И настал день, когда он написал нечто, имевшее форму и образ. Это не была полная дрянь. Это почти соответствовало стандартам пустого клише. Мальчик на полминуты уставился в небо, челюсть у него отвисла.

— Это же... чертовски получилось! Эти слова — они мне дают видеть! — Взгляд его обратился к Роберту. — Вы умеете носить, а я — писать. Мы здорово продвинулись!

— Наверное, одинаково здорово.

Но Роберт не мог сдержать ответной улыбки.

* * *

Прошла неделя. Обычно по вечерам у Роберта бывали беседы с Зульфи Шарифом. После школы, иногда и по выходным, они работали с Хуаном. Теперь многое делалось удаленно. Они по-прежнему возились с семестровым проектом. Роберт все больше интересовался вопросами дальней координации. Игры, музыка, спорт — все превращалось в разноречивой между несколькими тысячами пользователей и парой дюжин роутеров. У мальчишки были причудливые планы, как это все организовать.

— Что-то можно сделать с музыкой, *ручной* музыкой. Это куда проще, чем синхронизация игр.

И Роберт, бывало, несколько часов подряд не вспоминал о своей инвалидности, о слабоумии.

Школьные проекты были для нового Роберта Гу интереснее восторженных интервью Шарифа — и куда интереснее редких посещений университета. Уничтожение библиотеки временно приостановили — очевидно, из-за демонстрации и его собственного ненамеренно театрального появления. Но без демонстрантов библиотека утратила жизнь. Современные студенты мало ею пользовались. Только на шестом этаже сидела «Кабала стариков» Уинни — бунтари, дело которых вдруг заморозилось.

Роберт и Сю Сянь уже освоили основные возможности «Эпифании», предлагаемые по умолчанию. Сейчас, когда он глядел на реальный предмет «вот так вот», на нем всплывали пояснения. Правильно прищурившись на сопровождающую иконку, Роберт получал желаемые подробности. Посмотреть на предмет по-другому — и часто бывало, что можно видеть сквозь него! У Сю с визуальными представлениями было не так хорошо, как у Роберта. С другой стороны, когда она не тревожилась, у нее лучше выходило с аудиопоисками: услышав незнакомое слово, его можно пометить, и результаты поиска появятся автоматически. Это объясняло блестящий словарь и не менее блестящие ляпы, отмеченные Робертом у современных детей.

Мири --> Хуану: <sm>Ты ему должен сказать, что настрой-ки, которые не по умолчанию, — это куда труднее. </sm>

Хуан --> Мири: <sm>О'кей. </sm>

— Знаете, доктор Гу, вы и Сю уже очень хорошо работае-те... гм... с возможностями по умолчанию. Но нам и с теми, что по умолчанию не даются, тоже нужно будет освоиться.

Сянь кивнула. Она сегодня тоже была удаленная, хотя от-нюдь не так реалистична, как Хуан Ороско. Изображение впол-не цельное, но ноги вплавились в скамью, на которой стояли, и иногда мелькало... фон, что ли? Ее квартира? Роберт пошу-тил на эту тему, но она, как всегда бывало, когда он шутил, от-молчалась.

Лена --> Хуану, Мири, Сю: <sm>Что?! Что он видел? </sm>

Мири --> Хуану, Лене, Сю: <sm>Ничего страшного. У Сю отличный фильтр фона. К тому же ты сидишь на кухне, а она в гостиной. </sm>

Роберт снова повернулся к Хуану.

— А какие из этих возможностей самые полезные?

— Ну, например, беззвучные сообщения. У них такие ма-лые требования к скорости, что они работают даже тогда, когда прочие возможности отказывают.

— А, я об этом читал. Смингование. Это вроде как древний обмен эсэмэсками, только никто не видит, что ты их пишешь или получаешь.

Лена --> Хуану, Мири, Сю: <sm>Нет! Пусть Мерзавец сам учится сминговать! </sm>

Мири --> Хуану, Лене, Сю: <sm>Лена, перестань! </sm>

Хуан --> Лене, Мири, Сю: <sm>Это такая вещь, которой все пользуются, мэм. </sm>

Лена --> Хуану, Мири, Сю: <sm>Я сказала «нет»! Он и без того как змея пронирылив. </sm>

Мальчик замялся:

— Требуется долгая практика, чтобы получалось гладко. Если поймают за этим, неприятностей может быть больше, чем оно того стоило.

Может, это он вспомнил, как его учителя ловили?

Сянь подалась вперед, облокотившись на что-то невидимое.

— Хорошо, а какие это другие вещи?

— О! Много всякого. Если отменить принятый по умолчанию параметр, станет видно во все стороны, куда захотите. Сможете квалифицировать запросы по умолчанию — например, запросить информацию о чем-то в каком-нибудь слое наложений. Сможете соединять видеoinформацию с нескольких вьюпойнтов, и таким образом «быть» там, где физического вьюпойнта нет. Это называется «создавать призрак». Если насобачиться как следует, можно гонять симуляции в реальном времени, а результат использовать как физическую информацию. Таким вот способом Рэднеры стали мастерами бейсбола. И еще есть проблема с фальсификацией результатов, если нащупать слабое место сети или если хочешь, чтобы отправитель выглядел более реалистично...

Мальчишка продолжал болтать, но Роберт был в состоянии только запоминать слова — надо будет вернуться к ним позже.

Лена --> Хуану, Мири, Сю: <sm> У Мерзавца глаза остекленели. Кажется, ты его отвлек, Хуан. </sm>

— О'кей, Хуан, тогда давайте начнем с самого легкого, — сказала Сю.

— Это перенос внимания с того, что перед глазами.

Мальчик предложил несколько простых упражнений. Роберт понятия не имел, как это выглядело в глазах Сю Сянь. В конце концов, она и так присутствовала только удаленно. Для него глядеть прямо назад было легко, особенно если брать вид с собственной рубашки. Но Хуан хотел, чтобы он не использовал зеркальную ориентацию: он предупредил, что это будет сбивать с толку, когда перейдешь к другим углам зрения.

Без настроек по умолчанию все действия стали очень сложными, кропотливыми.

— Я так всю жизнь промучаюсь, вводя команды пальцами.

— Может быть, лучше воспользоваться глазными меню, — предложила Сянь.

— Я так и делаю! — раздраженно ответил Роберт.

Лена --> Сю: <sm> Никогда его не критикуй. Он даст сдачи в тот момент, когда будет больнее всего. </sm>

Сянь отвела глаза от Роберта. Роберт смотрел на Хуана:

— Я никогда не видел, чтобы *ты* вводил команды пальцами.

— Я же мальчишка, я с детства рос с ансамблевым кодированием. А так даже моя мама в основном с фантомной клавиатурой работает.

— Ну, Хуан, мы-то с Сю переподготовку прошли. Нас учили пластичности и прочему такому. Покажи нам эти командные жесты, или подмигивания, или что оно там.

— О'кей. Но это не будет похоже на стандартные жесты, которые вы уже знаете. Чтобы было как надо, отношения между вами и вашими носимыми устанавливаются у каждого по-своему. Кожные сенсоры снимают подергивания мышц, которые другим даже и не видны. Вы обучаете свою «Эпифанию», а она учит вас.

Роберт об этом читал. Это было так же непривычно, как и звучало — нечто вроде учиться жонглировать и одновременно обучать какую-то тупую тварь, чтобы помогала жонглировать! Они с Сю Сянь минут двадцать изображали из себя дураков, пока не пришла играть футбольная команда. Но этого хватило, чтобы Роберт научился оглядывать все вокруг едва заметным движением плеч.

Хуан улыбался:

— У вас отлично получается для...

— Для стариков? — перебила Сю.

Хуан улыбнулся шире.

— Ага. — Он посмотрел на Роберта. — Если у вас получается это, я, может, научусь слова складывать... извините, я должен помочь маме. Она сегодня ведет экскурсию. До завтра, о'кей?

— О'кей, — сказала Сянь. — Мне тоже пора идти. Как это сделать наиболее изяшно?

— Ха! «Наиболее изяшно» требует тренировки, но мы сделаем так, чтобы для всех, кто смотрит, выглядело круто. — Он показал на команды, бсгающие по футбольному полю. — Для!

вот этих, я имею в виду. Вы не против, если я сделаю вас иконкой и проведу, доктор Сянь?

— Это будет хорошо.

Образ Сянь сжался в рубиновую световую точку.

А Хуан стоял и широко улыбался Роберту.

— Думаю, я достаточно хорошо воспринимаю геометрию, чтобы мне не требовалась помощь на принимающем конце.

Образ его полез вниз по амфитеатру. Тень отвечала перемещениям куда лучше, чем это обычно получалось у Шарифа. Иконка Сянь будто приклеилась прямо у него над плечом. Он добрался до травы поля и пошел вдоль рядов скамей, укорачиваясь в перспективе.

И вдруг через поле зрения Роберта протянулись золотые буквы:

Сянь --> Гу: <sm> До завтра! </sm>

Ха. Это, значит, и есть это беззвучное общение, смингование. Роберт смотрел вслед этим двум, пока они не скрылись из виду.

Лена --> Мири, Сю: <sm> Ух ты! Я не могу отличить изображение Хуана от реальных людей. Умеет мальчик. </sm>

Мири --> Лене, Сю: <sm> Он отлично все сделал. </sm>

У Роберта в этот день больше уроков не планировалось, можно идти домой. Доехать он мог на чем угодно: на круговой развязке ползли стада автомобилей, когда дети разсызжались по домам. Но сейчас Роберт не рвался обратно в Фоллбрук. Он видел, что через несколько минут домой приедет Мири. Боб сегодня на ночном дежурстве — не важно, в чем оно там состоит. Любая стычка с Мири заставит действовать Элис. Роберт сам поражался, как он мог считать свою невестку женщиной мягкой и дипломатичной. В некотором смысле она была страшным человеком... а может быть, Роберт просто понял, что, если Элис примет определенное решение, его выгонят в «Конец радуг». Он так и не понял, то ли сейчас и впрямь принято так говорить, то ли тут подразумевалось не место, где спрятан горшочек с золотом, а конец всех надежд.

О'кей, значит, пошататься возле школы и посмотреть. Школьная жизнь не изменилась со времен его учебы, а может,

и вообще с начала исторических времен. Он восстановит здесь свое чувство превосходства.

Роберт поднялся на трибуны южного угла, высоко над ребяташками, составившими футбольные команды. Даже тех скрытых детей, что сидели на другой стороне и не слишком завуалированно подшучивали над всеми вокруг, здесь не было.

Мири --> Лене, Сю: <sm> Ему вообще-то полагалось бы идти домой. </sm>

Лена --> Мири, Сю: <sm> Мой Мерзавец — он не такой. Вы только посмотрите на этот отстраненный взгляд! Он думает обо всем, что сейчас было, и решает, как лучше насолить Сю. </sm>

Сю --> Лене, Мири: <sm> С тех пор как он тогда психанул на труде, он ведет себя вполне нормально. </sm>

Сю --> Лене, Мири: <sm> Нет, Лена, пожалуйста, говори беззвучными сообщениями. Я знаю, что сижу рядом с тобой за кухонным столом. Но я хочу попрактиковаться. </sm>

Лена --> Мири: <sm> Милая эта Сю, но бывает совершенно одержима усердием. </sm>

Сю --> Лене: <sm> Лена, ку-ку! Что ты там Мири настукиваешь? </sm>

Солнце снижалось над головой Роберта, и тени трибун уже поползли на поле. Отсюда открывался вид невооруженным глазом почти на весь кампус. На самом деле дома выглядели как хлам — те ящики, которые заказываешь себе по почте, если тебе нужен дополнительный сарай на заднем дворе. Но это не все новый хлам. Главная аудитория школы была деревянной, коегде подновленной пластиком. Согласно надписям, которые он вызвал в наложении, здесь когда-то располагался манеж для показа лошадей!

Сю --> Лене, Мири: <sm> Я думаю, он просто обучает свою «Эпифанию». </sm>

Фокус — на футбольное поле. Оно было как реликт школьных лет Бобби — если не обращать внимания на то, что здесь нет ни разметки, ни ворот. Роберт вызвал вид спортплощадки и обнаружил обычную разметку с воротами. Молодые футбо-

листы выдвинулись на поле. Они были одеты в панцири и щитки, в настоящие шлемы, хотя футбол европейский, и в нем он таких костюмов не помнил. Высокие голоса детей долетали до него без всякого электронного волшебства. Они кружили возле середины поля, вроде как к кому-то прислушиваясь.

Вдруг с воплем команды бросились друг к другу, гоняясь... за чем? За невидимым мячом? Роберт начал лихорадочно переключать возможности, прощелкивая мигающий парад наложенный. Ага! Вот теперь команды оказались в ярких формах, на поле были судьи, а на трибунах тут и там — взрослые. Учителя? Родители? А кто еще придет на матч, который скорее событие масштаба класса, чем кампуса?

Сю --> Лене, Мири: <sm> Что это за игра? </sm>

Мири --> Лене, Сю: <sm> Соккер. Европейский футбол. </sm>

Сю --> Лене, Мири: <sm> Я думаю, Хуан насчет него прав, Лена. Дай я с ним поговорю. Ты останешься под прикрытием. </sm>

Мири --> Лене: <sm> Да не будь ты такой! </sm>

Роберт все еще не видел мяча. Зато теперь поле было укрыто золотым туманом — кое-где он доходил игрокам почти до пояса. В тумане плавали цифирки, меняющиеся вместе с густотой и яркостью сияния. Когда игроки разных команд резко и опасно сближались, сияние вспыхивало ярко, и дети обходили друг друга, будто обводили несуществующим мячом. А потом свет вспыхивал яркой дугой над полем.

Сю --> Лене, Мири: <sm> А что там с Шарифом, Мири? Ты ведь его используешь для разговоров с Робертом? </sm>

Мири --> Лене, Сю: <sm> Да, я думала, что Шариф будет идеальной марионеткой. У него как раз достаточный академический послужной список, чтобы беседовать с Робертом. И с личной гигиеной у него просто ужас! Его очень легко было захватить. К сожалению, это сделала не только я. В основном мы путаемся друг у друга под ногами. Эй! </sm>

Сю --> Лене, Мири: <sm> Я потеряла все виды крупным планом на твоего деда. </sm>

Мири --> Лене, Сю: <sm> Мы и локальную аудиоинформацию утратили. Причем без перехода. Я не знала, что Роберт так быстр. </sm>

Лена --> Мири, Сю: <sm> Я тебя предупреждала. </sm>

Одна девчонка оторвалась от группы детей и бежала вместе с золотым огнем, как-то догадываясь, где и когда он вспыхнет. Потом она странно взмахнула ногой — и приземлилась на заднюю часть. Тут же зажегся свет на ближайших воротах, такой резкий и яркий, будто весь туман вдруг сгустился в расплывчатое изображение футбольного мяча. Все вокруг орали, даже фантомные взрослые на трибунах.

Роберт недовольно хмыкнул. Даже такая простая штука, как футбол на школьном дворе, казалась бессмысленной. Он потянул себя за манжету, пытаясь получить вид почетче.

— Это не ваша вина, друг мой. Вы все видите правильно.

Голос шел прямо из-за плеча. Роберт оглянулся, но тела, сопровождающего голос, не оказалось. Он таращился в пустой воздух. Секунду спустя голос заговорил снова:

— Посмотрите на табло. В этой игре все нечетко, даже счет.

На большом табло, обращенном к трибунам, взятие ворот было зафиксировано как 0.97.

— Я бы все же сказал, что надо округлить до единицы. Девочка забила блестящий, почти верный гол.

Команды на поле расходились по своим сторонам. Очередной фантомный розыгрыш уже начался.

Роберт не отрывал глаз от зрелища внизу, и услужливому голосу не ответил.

— Вы ведь не узнаете эту игру, профессор? Это футбол Игена. Смотрите. — Перед глазами поплыла справка — все, что можно было знать о футболе Игена. На поле свалились трое ребятишек, двое столкнулись. — Конечно, — продолжал голос, — это всего лишь приближение к идеалу.

— Не сомневаюсь, — ответил Роберт и чуть не улыбнулся. Голос незнакомца был вкрадчив, убедителен — и почти в каждой фразе чуть-чуть слышалась снисходительность. Приятно иметь дело с типом, который ему более чем хорошо известен. —

Иди-иди, мальчик. Тебе еще пахать и пахать. пока ты сможешь со мной играть в эти игры.

— Я не играю в игры, друг мой. — Ответ прозвучал сначала сердито, но к последним словам вернулась та же добродушная снисходительность. — Вы интересный случай, Роберт Гу. Я привык манипулировать людьми, но обычно через посредников. Слишком я занят, чтобы самому болтать с придонными жителями. Но вы меня заинтриговали.

Роберт притворился, что полностью занят игрой, однако голос продолжал:

— Я знаю, что вас грызет. Я знаю, насколько вас тревожит, что вы больше не можете писать стихи.

Роберт не мог не вздрогнуть от неожиданности. Невидимый незнакомец издал тихий смешок — как-то он отличил это движение от естественных подергиваний Роберта.

— Тут нечего стесняться. Своих реакций вам не скрыть. Медицинские датчики на территории школы настолько хороши, что вполне способны заменить детектор лжи.

Надо просто встать и уйти.

Но Роберт еще несколько минут посмотрел «футбольный» матч. Когда он решил, что овладел собой достаточно, он сказал:

— Значит, вы совершаете преступление.

Еще смешок.

— В своем роде, хотя это преступление мастера сетевых умений. Можете считать меня неким высшим существом, повелевающим всеми средствами, которые смертные выбрали для интеллектуализации ландшафта.

Это наверняка мальчишка. А может быть, и нет. Может быть, посетитель невидим, потому что его виртуальное присутствие на школьной территории было бы нарушением закона. Роберт пожал плечами:

— Я с удовольствием сообщу о вашем «мастерстве сетевых умений» соответствующим властям.

— Вы этого не сделаете. Primus — поскольку полиция меня все равно никогда не определит. Secundus — поскольку я могу :

вернуть вам то, что вы потеряли. Я могу вернуть вам поэтический голос.

На этот раз Роберт уже владел собой и смог испустить вполне приемлемый скептический смешок.

— Ах, — сказал собеседник, — какая подозрительность... и притом — начало веры! Вам следует почитать новости или просто ослабить фильтры. В прежние времена, бывало, спортсмены жили на стероидах, а студенты — на амфетаминах. В основном эти лекарства оказывались ложными обещаниями. Сегодня у нас есть вещи, которые действуют по-настоящему.

Господи, торговец наркотиками! Роберт чуть было не рассмеялся совершенно искренне, но вспомнил самого себя, свою гладкую кожу, способность бегать и прыгать и не задыхаться. *Это уже было бы магией по меркам моей прошлой жизни.* Да, возможно, с ним говорит торговец наркотиками, ну и что?

— А какая прибыль от наркотика для восстановления поэтического дара?

Роберт говорил с должным пренебрежением, понимая, сколь много он раскрывает. Хотя скорее всего это не важно.

— Профессор, до чего же вы старомодны! — Незнакомец помолчал. — Видите вот эти холмы к югу? — Холмы были покрыты бескончаемыми домами. — В нескольких милях за ними находится одно из немногих мест, где все еще важно физическое расположение.

— Университет Сан-Диего?

— Тепло. Я имею в виду биотехнологические лаборатории вокруг кампуса. То, что происходит в них, совсем не похоже на медицинские исследования двадцатого века. Современные лекарства — вещь потрясающая, но часто они уникальны для каждого пациента.

— Таким образом исследования не профинансировать.

— Не поймите меня неправильно, лекарства широкого спектра действия все еще приносят большой доход. Но даже их приходится подвергать индивидуальным анализам для предотвращения побочных эффектов. Лечение Альцгеймера иногда бывает неполным, но неудачи носят идиосинкратический ха-

рактер. Нет на свете другого великого поэта, у которого та же проблема, что у вас. *И на сегодня* лечения нет.

Этот шут хорошо умел перемежать грубые щелчки по носу с не менее грубой лестью.

— Но мы живем в век расширяющих лекарств, профессор, и многие из них — разового действия. Есть шанс, и очень хороший шанс, что лаборатории можно *заставить* найти лечение для вас.

Магия. *Но что, если такое на самом деле возможно? Мы же в Будущем, и я снова жив, и может быть...* Роберт почувствовал, как зарождается в нем надежда, и не мог ее подавить. *Я у этого гада в руках. Я знаю, что он меня использует, но мне плевать.*

— И с кем же я заключаю сделку, о Таинственный Незнакомец?

Вопрос был на проигрыш, но Роберт не удержался.

— Таинственный Незнакомец? Гм... — Пауза. Наверняка этот параграмотный смотрел справку. — Слушайте, да вы же с первого разу угадали мое имя! Таинственный Незнакомец. Очень удачно.

Роберт скрипнул зубами.

— И я так понимаю, что за вашу помощь я должен буду расплатиться чем-то незаконным или опасным.

— Определенно незаконным, профессор. И в чем-то опасным — для вас. То, что может вас вылечить, станет прорывом на неизвестную пока медицине территорию. Но в то же время оно того весьма стоит, как по-вашему?

Да!

— Возможно. — Роберт старался говорить небрежно и спокойно глядеть в пустоту рядом с собой. — И какова цена? Чего вы от меня хотите?

Незнакомец рассмеялся:

— Да вы не беспокойтесь! Мне просто понадобится ваша помощь в проекте, в котором вы и без того участвуете. Продолжайте встречаться со своими друзьями из библиотеки университета Сан-Диего. Следуйте их планам.

— И держать вас в курсе этих планов?

— Нет-нет, друг мой, в этом нет необходимости. Я всеобъемлющее облако знаний. Считайте себя дроидом, который когда-то был поэтом. Так что, профессор, договорились?

— Я подумаю.

— А после этого, я уверен, подпишете.

— Кровью, наверное?

— Как же вы старомодны, профессор! Не кровью. Пока что.

Подполковник Роберт Гу-младший принес с собой работу домой. Дело в том, что все равно он думал о ней, работая в то время, которое, как они с Эллис считали, будет принадлежать им двоим и Мири. Но Мири сегодня самой нужно поучиться, а Эллис... в общем, последнее ее задание было еще хуже. Она бродила по дому с суровым каменным лицом. Любой другой на ее месте давно бы умер или сошел с ума. Она же как-то держалась, иногда имитируя нечто вроде своей естественной личности и продолжая готовиться заданию. *Вот почему Корпус давит на нее все сильнее и сильнее.*

Боб отогнал эту мысль. Для такой жертвы есть причина. Чикаго был больше десяти лет назад. Успешного ядерного нападения на США или на любую из стран договоров не случилось уже более пяти лет. Но угроза существовала всегда. Ему все еще снились кошмары с ракетами в этом сиротском приюте в Асунсьоне и то, что он едва не сделал, чтобы их обезвредить. И как всегда, паутина гудела слухами о новых технологиях, от которых классическое оружие устареет. Вопреки вездесущей службе безопасности, вопреки усилиям Америки, Китая и Индо-Европейского Союза, риск возрастал. И еще будут места, которые светятся в темноте.

Боб пробежался по последним своим назначениям на угрозы. Что-то такое ощущалось в воздухе, и это может быть ближе Парагвая. По-настоящему плохие новости содержались в двух следующих абзацах: группа аналитиков ЦРУ считает, что индоевропейцы каким-то образом *сотрудничают* со злоумышленниками. *Господи Боже! Если великие державы не способны толком договориться, как может человечество дожить до конца века?*

Сзади слышалось движение. Это пришел отец и остановился в дверях.

— Папа?

Старик молчал. Боб сделал общий обзор своей работы видимым.

— Ох. Прости, сын. Ты работаешь? — Он прищурился на стол Боба.

— Ага. Кое-что принес с работы. Ты не волнуйся, если оно нечетко видно, его в домашнем меню нет.

— А. Я... я как раз подумал, не могу ли задать тебе пару вопросов.

Боб надеялся, что у него не слишком удивленный вид. Этот новый подход был первой попыткой. Он махнул рукой, указывая на стул:

— Конечно.

— Сегодня в школе я с кем-то говорил. Только голос. Это мог быть человек с другой стороны земного шара?

— Да. Но если бы он был очень далеко, ты мог бы заметить.

— Да. Дрожь и запаздывание.

Он что, попугайски повторяет жаргон? Отец был технически невежествен до потери рассудка. Боб вспоминал, как в дни очень-тупых-телефонов отец настаивал, что его новый беспроводной телефон — дешевая замена сотового. Мать доказала ему, что он не прав, послав Боба с трубкой на улицу, чтобы он оттуда позвонил на ее рабочий телефон в доме. Такие ошибки она совершала редко. Старик потом неделями из нее кровь пил.

Отец кивнул каким-то своим мыслям.

— Я думаю, анализ временных характеристик мог бы многое сказать.

— Да. Любой средний школьник вполне справляется по обе стороны этой игры.

А если бы ты сам все не испортил, мог бы научиться у Мири.

Старик смотрел в сторону, углубившись в себя. Он волнуется?

— Тебя кто-то в школе достает, па? — Мысль об этом подавляла воображение.

Роберт зловеще засмеялся, как он умел.

— Кто-то *пытается* меня достать.

— Гм... а не стоит ли об этом поговорить с твоими учителями? Можешь показать журнал своей «Эпифании» с записью инцидента. Это для них стандартная проблема, они с такими все время работают.

Ответного выстрела не последовало: старший Гу серьезно кивнул.

— Я знаю, что надо было. Я так и сделаю. Но понимаешь, это тяжело. И я подумал о твоей работе... ты годы провел, решая такие проблемы, когда речь идет о жизни и смерти. И у тебя — самые профессиональные из всех возможных ответов.

Впервые за все годы жизни Боба старик сказал что-то положительное о его работе. *Не иначе, как подстава!*

Повисло молчание. Отец ждал с очевидным терпением, а сын думал, что сказать. В конце концов Боб рассмеялся.

— О'кей, но ответы армейских бывают излишне сильными, па. Не только потому, что мы умнее миллиардов подростков, но потому что у нас — Безопасная Аппаратная Среда. На нижнем уровне мы управляем всем железом.

Если не считать подпольных фабрик и тех, кто употребляет аппаратуру не по назначению.

— Тот, с кем я говорил сегодня, описал себя как «всеобъемлющее облако знания». Это блеф? Что он мог обо мне узнать?

— Если этот хмырь готов нарушить некоторые законы, узнать о тебе он мог много. В том числе твою историю болезни и все, что ты говорил Риду Веберу. А изучить твою ежедневную жизнь он тоже мог, следя за тобой в общественных местах, хотя это зависит от твоих настроек по умолчанию и плотности покрытия местности. Если у него есть конфедераты или зомби, он может узнать даже то, что ты делаешь в мертвых зонах, хотя информация и не придет к нему в реальном времени.

— Зомби?

— Испорченные системы. Помнишь, как было, когда я был маленьким? Почти все гадости, которые появлялись тогда на

домашних компьютерах, теперь есть на носимых. И без БАС ситуация была бы абсолютно невыносимой. — Лицо у отца сделалось отрешенным — а может, он в Гугль полез. — Отец, ты не волнуйся. Аппаратура твоей «Эпифании» так же надежна, как и удобна. Ты только помни, что другим людям не стоит слишком доверять.

Роберт переваривал услышанное.

— А нет ли других возможностей? Может быть, мелкие устройства, которые на тебя способен прилепить... ребенок?

— Это да. Маленькие остолопы сейчас точно такие же, каким был я, только у них больше возможностей проказничать.

В прошлом семестре это были крабопауки — «смотри, у тебя по юбке ползет!». Какое-то время — просто механическое нашествие насекомых. Мири целыми днями бушевала на эту тему и вдруг так резко замолчала, что Боб заподозрил: она отомстила страшно.

— Вот почему всегда нужно входить в дом через прихожую. Там у нас отличная коммерческая система отлова глюков и жучков. Сейчас мы с тобой разговариваем настолько наедине, насколько может гарантировать твоя «Эпифания»... да, так чего хотел от тебя этот тип? Ты настолько далек от школьной жизни — я не могу себе представить, чтобы тебя кто-то успешно достал.

Господи Боже мой, у старика действительно хитрый вид!

— Я точно не знаю. Наверное, просто прием, через который проходят все новые мальчишки, — он слегка улыбнулся, — даже если этот новый мальчишка на самом деле старейший пердун. Спасибо, сын, за совет.

— Не за что.

Старик тихо вышел. Боб проводил его взглядом до холла и вверх по лестнице, в уединение его комнаты. Да, у папы всегда что-то есть на уме. Боб смотрел какое-то время на закрытую дверь, размышляя о превратностях жизни и желая, чтобы они с Элис были вот как некоторые, как те, кто шпионит за своими разнообразными подопечными.

15

КОГДА МЕТАФОРА СТАНОВИТСЯ РЕАЛЬНОЙ

Всю следующую неделю Роберт не ездил в университет — просто чтобы проверить,отреагирует ли Таинственный Незнакомец.

Он начинал уже осваиваться с «Эпифанией», чувствовать себя более уверенно, хотя, быть может, ему и не достичь той искусности, что у детишек, которые носят с пеленок. Сю Сянь отставала от него главным образом из-за неуверенности в себе. Она три дня отказывалась носить, после того как случайная ошибка в жесте выбросила ее... она отказывалась говорить куда, но Роберт подозревал, что на какой-то порновид.

Язык в проекте Гу—Ороско, хотя и не был поэзией, все же поднимался над уровнем явного шума. Роберт получал неожиданно много удовольствия, работая с видеоэффектами и дрожью сети. Если бы этот проект показать в девяностые годы, его бы сочли творением гения. Такова оказалась мощь библиотек готовых клише и визуальных примочек, которые лежали в стандартных инструментах. Хуан вполне обоснованно боялся, что на Чамлиг это впечатления не произведет.

— Мы должны добавить что-то свое, иначе она нам больше «F» не поставит. — Он нагуглил несколько школ с программами ручной музыки. — Эти ребята считают, что это и есть настоящая игра, — сказал он.

В результате Роберт трепался с учениками музыкальных школ в Бостоне и на юге Чили — достаточно далеко разнесенных, чтобы действительно проверить его идеи насчет сети.

Шариф вернулся в Корваллис, но несколько интервью у них еще было. И кое-какие его вопросы оказались куда более разумны, чем Роберт ожидал по первым встречам.

Роберт много бродил по паутине, изучая вопросы сетевой безопасности и — иногда — глядя, во что превратилась лите-

ратура. Что такое искусство сейчас, когда доступно поверхностное совершенство? Ну, серьезная литература существовала. Почти вся она много денег не зарабатывала, даже с системой микророялти. Но были люди, которые умели нанизывать слова почти так же хорошо, как прежний Роберт. *Черт бы их побрал!*

Незнакомец до сих пор молчит. Либо потерял интерес, либо понял свою власть над Робертом. *Очень легко победить, если жертва отчаялась.* Давно уже никто не одолевал Роберта Гу в гляделки... но однажды он пропустил занятие с Хуаном, а вместо того взял машину и поехал в университет.

По дороге возник Шариф.

— Спасибо, что ответили на мой вызов, профессор Гу. — Изображение устроилось на сиденье машины, зад частично погрузился в обивку. Зульфи и близко не выглядел так тщательно сделанным, как недавно. — Последнее время трудно было с вами связаться.

— Я думал, мы о многом поговорили в четверг.

На лице Шарифа отразилось страдание. Роберт приподнял бровь.

— Вы недовольны?

— Нет-нет, совсем нет! Но видите ли, сэр, возможно, что я позволил сделать свои носимые... гм... несколько скомпрометированными. Возможно, что я стал до некоторой степени объектом... похищения.

Роберт вспомнил кое-что из недавно прочитанного.

— Это похоже на «немножко беременна»?

Изображение Шарифа глубже ушло в обивку.

— Да, сэр. Я вас понял. Но если откровенно, мои системы иногда бывают скомпрометированы в небольшой степени. Я готов ручаться, что у большинства пользователей это так. Я думал, ситуация управляемая, но дошло до того, что... ну, понимаете, я вас не интервьюировал в четверг. Совсем нет.

— А!

Значит, Таинственный Незнакомец действовал двумя путями: изводил Роберта молчанием и одновременно выступал как другой игрок.

Шариф подождал, не скажет ли Роберт еще что-нибудь, а потом принялся упрашивать:

— Профессор, пожалуйста, мне так необходимо продолжить наши беседы! Теперь, когда мы знаем, что тут есть проблема, мы легко сможем ее обойти. Я вас умоляю меня не прогнать.

— Вы могли бы вычистить свою систему.

— Ну да. В теории. Мне пришлось однажды так сделать, когда я был студентом. Как-то оказалось, что я стал зомби в жульническом заговоре. Моей вины там не было, но университет Калькутты потребовал от меня прожарки всех моих носимых. — Он поднял руки в молитвенном жесте. — Я никогда не умел как следует делать резервные копии, и эта чистка стоила мне семестра работы над дипломом. Прошу вас, не заставляйте меня проходить это снова. Сейчас будет даже хуже.

Роберт выглянул наружу, посмотрел на поток машин. Его автомобиль свернул на пятьдесят шестой хайвей и мчался к побережью. Впереди виднелись первые корпуса биологических лабораторий. Может быть, там и находится Таинственный Незнакомец. По сравнению с ним Шариф был известной величиной. Посмотрев на молодого человека, Роберт сказал сочувственно:

— О'кей, мистер Шариф. Сохраняйте свое *слегка скомпрометированное* состояние. — Тут его посетило древнее воспоминание — как компьютерщики в Стэнфорде постоянно приставали к нему с последними антивирусными объявлениями. — Мы просто будем выше любого мелкого вандализма.

— Именно так, сэр! Спасибо вам большое! — Шариф помолчал, явно с колоссальным облегчением. — И я пуше прежнего горю желанием продолжать. У меня где-то здесь были мои вопросы. — Минута замешательства и пустой взгляд, пока Шариф переключал мозговые передачи. — А, да. Есть ли у вас прогресс в новой версии «Тайн старости»:

— Нет, — ответил Роберт несколько резко. Но это был именно тот вопрос, которого следовало ожидать от подлинного Зульфи Шарифа. Роберт смягчил ответ полуправдой: — Я все еще составляю общий план, знаете ли.

И пустился в длинную дискуссию о том, как сейчас создание стихов требует бесконечно точного планирования. Он говорил такие вещи в прежние дни, но никогда не выкладывал их так густо. Шариф это скушал.

— Так что в ближайшие недели я собираюсь навестить своих старых друзей — тех, в библиотеке. Это мне даст некоторые идеи, как войти в положение гм... побежденных стариков. Приглашаю вас с собой. Если будете смотреть внимательно, сможете кое-что понять в том, как я работаю. А после я буду рад покритиковать ваши выводы.

Молодой человек с энтузиазмом закивал:

— Спасибо! Это чудесно!

Забавно, как его, Роберта, волновало, что кто-то будет на него смотреть, пусть даже бездарность того сорта, от которых он всю свою прежнюю жизнь успешно скрывался. *Наверное, именно так это делал бедняга Уинни, высокими словами и надутой мордой дура тех, кто еще бездарнее его.* Роберт отвернулся от изображения Шарифа и попытался не дать улыбке перерасти в хищную. *А когда Шариф станет умнее, я буду знать, что это не он, а Незнакомец.*

Демонстрантов возле библиотеки сегодня не наблюдалось, но — удивительно — полно студентов, пришедших лично. Накатила приятная волна воспоминаний о временах, когда библиотека была центром интеллектуальной жизни университета. Что же хорошего случилось на прошлой неделе?

Роберт и виртуальный Шариф прошли через стеклянные двери и поехали на лифте на шестой этаж. Интерьер здания не был Роберту виден даже при его новообретенных навыках доступа. О'кей, посмотрим последние новости... но он уже поднялся на пятый этаж.

Лена --> Хуану, Мири, Сю: <sm> Эй! Я потеряла вид! </sm>

Хуан --> Лене, Мири, Сю: <sm> Шестой этаж сегодня недоступен для открытого поиска. </sm>

Мири --> Хуану, Лене, Сю: <sm> Может, мне попросить Роберта передавать? </sm>

Шариф выцвел в святающееся красноватое пятно.

— Я ничего не вижу, — сказал он. — И ручаюсь, вы единственный, кого я сейчас могу услышать.

Роберт задумался, потом махнул рукой в сторону Шарифа, давая разрешение.

Посмотрим, что будет делать с этим «Кабала».

Уинни и Карлос Ривера сидели возле стены-окна. Томми ссутулился над своим лэптопом.

— Ni hao, профессор Гу! — сказал Ривера. — Спасибо, что пришли.

Томми поднял голову от лэптопа.

— Только я не уверен, что здесь нужен ваш юный друг.

Голос в защиту Шарифа прозвучал с неожиданной стороны.

— Томми, я думаю, Шариф может быть полезен, — сказал Уинстон Блаунт.

Томми покачал головой:

— Уже нет. Теперь, когда университет прогнали через измелчитель...

— Что? — Полки были по-прежнему полны книг. Роберт шагнул назад, провел рукой по корешкам. — Ощущаются как настоящие.

— А вы не видели призывы на нижних этажах?

— Нет. Я приехал на лифте, а я пока еще не слишком хорошо умею видеть сквозь стены.

Томми пожал плечами.

— Мы на последнем неизмельченном этаже. Как мы и думали, администрация просто ждала, пока уляжется шум. А потом как-то вечером завалились с дополнительными шреддерами. И обработали два этажа раньше, чем мы успели сообразить, а тогда было поздно.

— Черт! — Роберт сел в кресло. — Так какой же сейчас смысл протестовать?

Ответил Уинни:

— Да, правда, университет Сан-Диего нам уже не спасти. Эти хитрые сукины дети подали все так, что проект «Либра-

реом» сейчас еще больше популярен среди студентов. Но пока что библиотека нашего университета — единственная измельченная.

Ривера выпалил на китайском:

— Dui, danshi tamen xuyao hui diao qitade tushuguan, yinwi... — Он запнулся, заметив непонимающие взгляды. — Прошу прощения. Я хотел сказать, им по-прежнему необходимо уничтожать другие библиотеки. Для перекрестной проверки. Сжатие данных и виртуальное восстановление будут развиваться, асимптотически приближаясь к идеальному воспроизведению.

Роберт заметил, что Томми Паркер смотрит с едва заметной улыбкой.

— Так у тебя есть план?

— Я ничего не скажу, пока здесь Шариф.

Уинни вздохнул:

— Ладно, Томми. Можешь его загасить.

Розоватое сияние Шарифа отодвинулось от полок.

— Все в порядке, я не хочу создавать труд...

Сияние исчезло.

Томми поднял глаза от ноутбука.

— Он ушел. А я поставил шестой этаж в мертвую зону. — Он показал светодиод на ребре своего древнего ноутбука.

Роберт вспомнил одно из утверждений Боба:

— Даже Аппаратура Внутренней Безопасности?

— И не говори, Роберт. — Он похлопал по своему компьютеру. — Истинно парагвайская работа, доставлено как раз перед тем, как фабрики закрыли. — Он хитро улыбнулся. — Так что теперь здесь только мы, если на ком-то из вас грязных трусов нет.

Блаунт многозначительно глянул на Роберта.

— Или если кто-то из нас не полицейский шпик.

Роберт вздохнул.

— Мы не в Стэнфорде, Уинстон. — Но что если Таинственный Незнакомец на самом деле коп? Надо было раньше предвидеть... — Он отогнал мысль. — Так каков же ваш план?

— Мы тут читали «Экономист», — сказал Ривера. — Финансовое положение «Гуэртас интернейшнл» довольно шатко. И затруднения здесь, в университете Сан-Диего, могут вынудить его отказаться от проекта.

Он посмотрел на Роберта сквозь свои толстые очки. Видны были мелькающие в предметах изображения.

— Несмотря даже на то, что здесь они почти все измельчили?

— Dui. — Молодой человек подался вперед, на его футболе отобразилось мелькание встревоженных лиц. — Так оно и есть. Проект «Либрареом» — не просто видеосъемка книг, изданных до миллениума. Это не оцифровка. Это выходит за пределы Гугля и компании. Гуэртас хочет собрать все классическое знание в единую объектно-ситуационную базу данных с прозрачной структурой цен.

Объектно-ситуационную базу данных? Это в обретенную Робертом терминологию не входило. Он взглянул поверх головы Риверы, пытаясь поискать термин. Ничего не всплыло. А, мертвая зона, установленная Томми.

Ривера воспринял его взгляд как недоверие.

— На самом деле не так уж много данных, доктор Гу. Несколько петабайт. Главное тут то, что они весьма гетерогенны по сравнению с набором данных того же объема в других приложениях.

— Конечно. Так к чему вы?

Краем глаза он заметил, как расплывается в улыбке лицо Уинни. Этот тип знал, что Роберт уже дымит.

— К тому, — продолжал Ривера, — что собрание Гуэртаса будет содержать почти все знания человечества по состоянию на двадцать лет назад. Скоррелированные и взаимосвязанные. Вот почему Гуэртас платит штату Калифорния за право творить это безобразие. Даже первая грубая компиляция окажется золотым дном. С момента запуска проекта полтора месяца назад у «Гуэртас интернейшнл» есть полугодовая монополия на создаваемый «Либрареом». Это означает шесть месяцев монопольного доступа к истинным озарениям прошлого. Есть десятки вопросов, которые мог бы решить такой ресурс: кто

на самом деле положил конец интифаде? Кто стоит за лондонскими подделками произведений искусства? Куда реально шли нефтедоллары в последние годы прошлого века? Некоторые вопросы интересуют лишь мелкие исторические сообщества. Но есть и такие, которые выложат кучу долларов. И Гуэртас шесть месяцев будет иметь монопольные права на этого оракула.

— Но ему придется сложить все данные вместе, — сказал Уинни. — Если Гуэртас потеряет несколько недель, найдется сотня организаций, которые решат, что с успехом подождут, пока закончится срок монополии — а тогда можно будет получить даже более полные ответы совершенно бесплатно. И хуже того. Китайская компания «Информагикал» обдирает Британский музей и Британскую библиотеку с куда лучшей аппаратурой, чем у Гуэртаса. Британцы показали больше здравого смысла, чем университет Сан-Диего, но у них оцифровка должна начаться с минуты на минуту. Если Гуэртас еще чуть-чуть задержится, ему придется вести с китайцами ценовую войну за продажу первых видов.

— Нормальная смертельная спираль!

В радостном изумлении Томми злорадства не было. Он всегда с восторгом смотрел, как что-нибудь распадается. Роберт вспомнил пожары кустарников семидесятого года. Тогда подросток Томми был в Восточном графстве, помогал налаживать связь — но при этом наслаждался каждой минутой стихийного бедствия.

— Так что же, гм...

Зачем я нужен Незнакомцу в этой заварухе?

— Недоумеваете, Роберт? — усмехнулся Блаунт.

В Стэнфорде Уинни ни за что бы не решился так открыто подкалывать Роберта — по крайней мере после первого года. Но сейчас единственное, что Роберт мог бы этому противопоставить, был подростковый сарказм. Поэтому он лаконично ответил:

— Да, я все еще не понимаю.

Блаунт подозрительно сощурился, учуяв одну из ловушек прежнего Роберта.

— Смысл наших разговоров в том, чтобы нанести Гуэртасу и проекту «Либрареом» серьезный ущерб. Легальные возможности мы исчерпали, поэтому все, что приведет к *задержке* противника, не может не включать элементы преступного поведения. Вам понятно?

— Да. Мы в самом деле заговорщики.

Блаунт кивнул:

— И это уже само по себе правонарушение.

Томми засмеялся:

— Ну и что? Я только что взломал наблюдательный уровень Департамента внутренней безопасности. Это преступление против национальной безопасности.

— Мне все равно, даже если мы готовим государственную измену! — сказал Роберт. *Если только я снова смогу писать...* — Я хочу сказать, что вы не меньше меня любите книги.

Остальные кивнули.

— Так в чем же ваш план?

Блаунт жестом предоставил слово Томми. Коротышка сказал:

— Помнишь наши подпольные прогулки?

— В семидесятых? Ага, весело было — хотя для мозгов вредно.

Томми улыбнулся шире.

— Ты мне хочешь сказать, что пропарочные туннели все еще используются?

— Ага. В девяностых такой вид конструкции вышел из моды. И целые участки новых домов не были соединены. Но потом в начале века народу захотелось Сверхбыстрых Коммуникаций. А ребятам из биолaborаторий нужен был автоматический транспорт для образцов. У них тогда деньги были.

— А сейчас тем более, — вставил Карлос.

Томми кивнул.

— Ближние инфракрасные лазеры не для них. Они хотят иметь рентгеновские или гамма-лазеры, триллионы цветов на путь и триллионы путей. Сегодня сеть пропарочных туннелей служит не для подачи энергии или тепла. У нее есть ветви, простирающиеся под Торри-Пайнз-роуд до Скриппса и Соляка. Я

слыхал, что можно срезать путь под оксаном, хотя черт знает, зачем там нужны эти туннели. А к востоку можно проникнуть в любую из этих биотехнологических лабораторий.

Несожиданно Роберт понял, почему Таинственного Незнакомца заинтересовала «Кабала стариков». Вслух же он спросил:

— А при чем тут проект «Либрареом», Томми?

— А! Ну, ты знаешь, что Макс Гуэртас нажил состояние на биотехнологиях. Ему принадлежат самые большие лаборатории в Северной Америке — в том числе те, что в нескольких тысячах футов к северу от нас. И ему было легко приспособить свои программы разбора геномов к проекту «Либрареом». О'кей, в общем, он хранит изорванное в подвалах под северной частью кампуса.

— И?

— И он с ними еще не закончил! Измельчение дает ему достаточно изображений, но покрывает не полностью, и ему приходится сканировать и пересканировать места, где на первом проходе были проблемы. Если бы сейчас его не поджимало время, он бы предпочел подождать, пока следующая жертва-библиотека не будет порвана на клочки, и использовал бы этот материал для перекрестной проверки. Но он торопится.

— Хранилище также входит в пропаганду Гуэртаса, — сказал Уинни. — Когда они закончат пересканирование, обрывки будут «надежно сохранены в подвалах «Гуэртас» для археологов будущих поколений». Кое-кто из наших преподавателей даже на это купился!

— Что ж, — заметил Ривера, — малая толика правды в этом есть. Бумага дольше проживет в жидком азоте, чем на полках библиотеки.

Уинни нетерпеливо отмахнулся.

— Смысл в том, что книги уже уничтожены, и Гуэртас собирается уничтожить их и дальше, если его не остановить. Наш план... — он огляделся вокруг, как будто вдруг понял, что уже стоит на пороге тюрьмы, — ...наш план — проникнуть в пропа- рочные туннели и добраться туда, где Гуэртас хранит обрывки. Томми придумал способ сделать их нечитасмыми.

— Что? Мы протестуем против уничтожения библиотеки, уничтожая ее остатки?

— Только временно! — возразил Томми. — Я нашел потрясающий аэрозольный клей. Обрызгать им обрывки — и получится большой кусок папье-маше. А через несколько месяцев клей просто испаряется.

Ривера согласно кивнул:

— Так что мы не ухудшаем положения. Если бы мы портили то, что осталось от книг, меня бы здесь не было. В схеме Гуэртаса заложена излишняя грубость, попытка схватить все сразу, хотя более медленный подход был бы ничем не хуже. Может быть, нам удастся сбить его с пути, а тем временем старые дигитайзеры, щадящие книги, подтянутся по скорости — и больше не будут уничтожаться библиотеки.

Теперь на его футболке восхвалялась Американская библиотечная ассоциация.

Роберт отклонился назад и притворился, будто размышляет над услышанным.

— Вы говорите, китайцы собираются раздирать Британскую библиотеку?

Ривера вздохнул.

— Да, по музею они тоже пройдутся. Но Европейский Союз ищет повода им помешать. Если мы выставим Гуэртаса в невыгодном свете...

— Понимаю, — сказал Роберт рассудительно. Он старался не смотреть в глаза Уинни — Блаунт уже и так был настроен подозрительно. — О'кей. Планчик кажется хиленьким... но все же лучше, чем ничего. Считайте, что я записался.

Томми расплылся в ухмылке:

— Ура, Роберт!

А Роберт наконец-то посмотрел на Уинстона Блаунта.

— Остался один вопрос: вам я зачем нужен?

— Лишняя пара рук, — поморщился Блаунт. — Всякие поручения...

Томми закатил глаза.

— Если честно, до твоего появления мы об этом даже мечтать не могли.

— Моего? А что я такого сделал?

— Ха! Ты подумай, о чем идет речь: взломать пропарочные туннели, пройти милю через самую охраняемую на всей Земле лабораторию. Я ручаюсь, что смогу нас туда провести. Но чтобы незамеченными через биолaborаторию? Никак. Такое бывает только в сериях «Звездного пути», где «вентиляционные системы» предназначены главным образом для осуществления идиотских заговоров. Мы живем в реальном мире, и здесь охрана тоже знает о существовании туннелей.

— Это все равно не отвечает на мой вопрос.

— Что? А, да. Я к этому подхожу. В общем, когда наша тактика протеста пшикнула, я начал кое-какие поиски. — Томми похлопал по ноутбуку. — Группы новостей, чаты, поисковые машины — я все испробовал, вместе с какими-то сумасшедшими штуками, которые больше всего похожи на сетевые тотализаторы. Самое трудное, возможно, было сделать это так, чтобы не встревожить федералов. Это меня сильно задерживало, но в конце концов я получил отличную картинку системы охраны лабораторий. Именно такая, как требуется в критическом для национальной безопасности пункте. Штука серьезная, но громоздкая. Ориентирована на пароль, на характеристики пользователя и в основном автоматизированная. Характеристики — это стандартная биометрия для определенных должностных лиц в версии защиты США. И знаешь, кто оказался поблизости и в списке доступа?

— Мой сын.

— Почти угадал. Твоя невестка.

Элис.

— Это смешно. Она эксперт по каким-то азиатским делам. — *Когда не является полным психом.* Потом Роберт вспомнил свои мысли насчет Таинственного Незнакомца. — Все это как-то слишком удачно.

— И с каких это пор, Роберт, вы стали экспертом по системам охраны? — поинтересовался Уинни.

Надо держать язык за зубами. Они идут именно в ту сторону, куда я хочу!

Но прежнее искусство вербального маневрирования к нему не вернулось, и он выпалил прямолинейно:

— Такую информацию не найти поиском в Гугле.

Томми покачал головой, в глазах его читалась жалость.

— Роберт, мир изменился. Сегодня я могу получить ответы такими способами, которые двадцать лет назад были бы просто невозможны. Сто тысяч человек по всему миру помогали мне в этом поиске, такими мелкими дозами, что никто никогда об этом даже не узнает. Самый большой здесь риск — что результаты просто подделаны. Дезинформация в наши дни правит бал. Ложь даже бывает ненамеренной — есть различные группы любителей фантастики, старающиеся подогнать реальность под свою последнюю приключенческую игру. Но если нас обдурили, то это неординарная подделка. Имеются подробности и независимые подтверждения от многих источников.

— О!

Роберт хотел показать, что на него произвело впечатление. На самом деле так оно и было. Незнакомец вполне мог подделывать столько деталей.

Разговор шел еще где-то с полчаса, но ничего более конкретного о предательстве, ожидаемом от Роберта, сказано не было. У Томми имелись для них и другие задания: нужны какие-нибудь университетские пароли и поддельные голоса. Входы в пропарочные туннели сейчас погружены в бетон. На уровне земли их нет уже лет пятьдесят, с той поры, как строились конструкции. И еще оставалась проблема с «аэрозольным клеем» Томми.

— Клей? — Томми слегка смутился. — Его пока не существует. Но он почти изобретен.

Томми огласил концепцию гибрида какого-то форума декоративного садоводства с некоторыми видеоконференциями. Общество декоративного садоводства Японии даже сейчас работает вместе с аргентинскими биологами над созданием окончательного варианта аэрозоля. Продукт должен появиться в ближайшие две недели, и первое его представление произойдет на токийской выставке обучения растений. Незадолго до

этого литр образца будет передан Томми через ЮПИ/Экспресс. Встретив недоверчивый взгляд Роберта, он сказал:

— Понимаешь, так сегодня выглядит хакерство.

Было уже начало четвертого. Тень библиотеки ложилась на запад, захватывая ближайшие здания. Четверо конспираторов закончили рабочий день.

Томми встал.

— Мы это сделаем! Может быть, нас даже не поймают. Но если и поймают, то что? Вспомним былые времена.

Карлос Ривера поднялся несколько медленнее.

— И мы вроде бы ничему не повредим.

Томми приложил палец к губам.

— Джентльмены, я снимаю мертвую зону.

Он постучал по клавиатуре лэптопа, и светодиод на ребре компьютера погас.

Минуту все молчали, думая, что можно сказать.

— Ну, о'кей. — Ривера посмотрел на Роберта. — Хотите посмотреть, что сделала библиотека с пустыми полками?

— То есть то, что Томми назвал показухой?

Ривера устало улыбнулся.

— Да, но это в своем роде красиво. Будь такое сделано после более мягкой оцифровки, мне бы это понравилось без огорок.

Он повел всех вокруг этажа, мимо лифтов.

— У входа на лестницу внешние условия наилучшие.

Уинни Блаунт скривился, но Роберт отметил, что он идет со всеми.

Освещение на лестнице было тусклое. Невооруженный глаз различал бетонные стены, тут и там прорезанные как швами серебристыми линиями, который Роберт видел снаружи.

Когда Роберт вошел в двери, вид сменился на другой, с некоторым стандартным расширением: свет теперь шел от газокалильных ламп, установленных на стене. Темного бетона больше не было. Стены состояли из больших камней, обтесанных мастерками и подогнанных друг к другу, соединенных тонкими швами извести. Роберт потянулся тронуть стену и отдернул руку, когда ощутил скользкий камень — а не чистый бетон!

Ривера засмеялся.

— Ожидали обычного разочарования, да, доктор Гу?

Он имел в виду противоречие тактильного ощущения и зрительной иллюзии.

— Ага.

Роберт пробежал рукой по каменным блокам, прослеживая мягкие пятна лишайника.

— Администрация университета все тут очень разумно сделала. Привлекла общину «круга веры» и попросила ее установить осязаемые граффити. Некоторые из них вполне впечатляют и без визуальных наложений.

Они спустились на два марша лестницы. Это, наверное, была площадка для входа на пятый этаж. Дверь резного дерева поблескивала темным в свете газовых ламп. Ривера взялся за потертую медную ручку, и восьмифутовая дверь распахнулась настежь. Изнутри лился фиолетовый свет, колебавшийся от тусклого до болезненно яркого. Слышались резкие, искристые звуки. Ривера сунул голову в дверь и пропел что-то неразборчивос. Освещение стало более цивилизованным, звуки превратились в далекие голоса.

— Все о'кей, — сказал Библиотекарь. — Пошли.

Роберт шагнул в полуоткрытую дверь и огляделся. Это не был пятый этаж библиотеки Гайзела на планете Земля. Здесь действительно имелись книги, но какие-то огромные, стоящие на бревенчатых стойках, тянущихся вверх и вверх. Фиолетовые лампы бежали по полкам вверх, украшенные витыми подпорками. Напоминало фрактальные леса на старинных рисунках. Куда хватал глаз, повсюду виднелись книги, крошечные на таком расстоянии.

Ух ты! Он поскользнулся, ощутил, как Томми поддержал его сзади.

— Красиво, правда? — спросил Паркер. — Я почти жалю, что не ношу.

— Д-да. — Роберт оперся о ближайшую полку, выпрямился. Дерево было реальное, толстое, твердое. Он опустил глаза к полу и посмотрел вдоль прохода. Путь мимо полок извивался — и не кончался у внешней стены, которая должна была быть всего

футах в тридцати или сорока. Там, где полагалось быть окнам, находились истертые деревянные ступени. Вроде бы как плотницкая заплата, которые так нравились ему в старых книжных магазинах. А за ступенями сами полки будто наклонялись, как если бы там тяготение указывало в ином направлении.

— Что это все такое?

Все трое на миг замолчали. Роберт заметил, что они все будто одеты в темные доспехи. На одежде Риверы красовались какие-то парадные эмблемы. Его наряд подозрительно напоминал шорты-бермуды и футболку, сделанные из пластин вороненой стали.

— Вы не поняли? — наконец спросил Ривера. — Вы трое — Рыцари-Хранители. Я — Библиотекарь Воинствующий. Это все из цикла Иржи Гачека «Опасное знание».

Блаунт кивнул.

— Вы ведь ничего из этого не читали, Роберт?

Роберт смутно помнил какого-то Гачека — примерно когда уходил на пенсию. Он фыркнул:

— Я не читаю ерунды.

Они медленно ступали по узкому пролету. Боковые дорожки ветвились не только вправо и влево, но еще и вниз и вверх. Из некоторых доносилось змеиное шипение. В других «Рыцари-Хранители» сгорбились за столами, заваленными книгами и пергаменатами, свет со страниц освещал их лица. Да уж, просвещенные рукописи. Роберт остановился посмотреть поближе. Слова английские, напечатанные готическими буквами с трещинами. Книга представляла собой какой-то текст по экономике. Одна из читательниц — молодая женщина с излишне густыми бровями — мельком глянула на посетителей и сделала жест рукой в воздухе. Где-то высоко на полках что-то стукнуло, и вниз свалился, кувыряясь, четырехфутовой ширины кирпич из кожи и пергамента. Роберт отскочил, едва не наступив на Томми, но падающая книга зависла в воздухе над головой студентки — так, чтобы можно было достать. Страницы зашелестели и открылись сами собой.

А, вот оно что! Роберт осторожно попятился из ниши.

— Я понял. Это оцифровки того, что было уничтожено.

— Оцифровка первого прохода, — сказал Блаунт. — Нынешняя сволочная администрация получила за это больше хорошей прессы, чем за всю свою остальную пропаганду вместе взятую. Все говорят, как это симпатично и разумно. А на следующей неделе будут раздирать шестой этаж.

Ривера вывел всех наружу, к провисающим деревянным ступеням.

— Не все довольны. Фонд Гайзела — доктор Зюсс — не был согласен в этом с университетом.

— Придумали тоже! — Блаунт пнул бревенчатую стойку. — С тем же успехом наши студенты могли бы ходить в «Пирамид-Хилл»!

Роберт повел рукой в жесте, который должен был изменить видение на неулучшенную реальность, но он по-прежнему видел лиловый свет и древние манускрипты в кожаных переплетах. Он ввел сигнал переключения явно. Возвращения к реальности опять не произошло.

— Я застрял на этом виде.

— Ага. Если только вы не снимете линзы или не воззовете к 911, реальности вы здесь не увидите. Еще одна причина не пользоваться «Эпифанией». — Томми взмахнул открытым лэптопом, словно талисманом. — Я тоже могу видеть эти иллюзии, но только когда хочу. — Коротышка зашагал по другому проходу, то тыкая в валяющуюся на полу раскрытую книгу, то заглядывая в ниши проверить, что там делают посетители. — Отличное местечко!

Дойдя до деревянных ступеней, Ривера предупредил:

— Осторожнее, эти штуки коварные.

Примерно на полпути вниз ступени наклонились и перспектива перекосилась. Уинни шел первым и в этот момент остановился в нерешительности.

— Я уже здесь проходил, — буркнул он под нос. — И пройду еще раз.

Он шагнул вперед, пару раз споткнулся, выпрямился — но по отношению к Роберту и прочим стоял наклонно.

Достигнув порога, Роберт закрыл глаза. По умолчанию «Эпифания» по команде «Глаза закрыты» должна была убрать все наложения, так что он временно оказался иммунным к визуальным фокусам. Он шагнул вперед — никакого наклона, просто поворот!

Томми шагал сразу за ним, на его лице блуждала широкая ухмылка.

— Милости просим в крыло Эшера! — объявил он. — Ребяшки это просто глотают.

У подножия лестницы был еще один поворот на девяносто градусов.

— О'кей, — сказал Паркер, — теперь мы возвращаемся к служебному ядру здания, только у нас будет чувство, что мы продолжаем странствия среди бесчисленных книг.

Книги впереди, позади, по бокам, скрытые в переулках. Книги над головой, как каминные трубы, уходящие в лиловый свет. Он даже *видел* книги внизу, под собой, где шаткие лестницы будто исчезли в бездне. Если Роберт смотрел на них чуть с другим видением, надписи на корешках и обложках отблескивали черным, фиолетовым на самой границе видимого спектра, но очень отчетливо, и коды Библиотеки Конгресса казались таинственными рунами. Эти книги были призраками — или аватарами — того, что уничтожили.

Они издавали звуки, стонали, шелестели, шептали. Сговаривались. Глубоко в переулках некоторые книги были в цепях.

— Осторожно! Остерегайтесь «Das Kapital», — предостерег Ривера.

Роберт увидел, что один из томов рвался из цепей, звеневших на массивных болтах.

— Ага, Опасное Знание рвется на свободу.

Некоторые книги должны были быть реальными, как поддержка осязательных ощущений. В одном переулке студенты складывали фолианты. Они отступили, и тексты стали тыкаться друг в друга в оргии хлопающих страниц.

— Это и есть библиографический синтез?

Ривера проследил его взгляд.

— Ну да. Это началось как афера, о которой говорил декан Блаунт — нечто такое, чтобы публике полюбился проект измельчения. Мы представляем книги как почти живые, как создания, которые служат читателю и околдовывают его. Терри Пратчетт, а потом Иржи Гачек много лет развивали эту тему. Но на самом деле мы не понимали силы всего этого. Несколько лучших сообществ, верующих в Гачека, нам тут помогли. Каждое действие базы данных имеет здесь физическое представление, как в рассказах Гачека о Библиотеке Воинствующей. Почти все наши пользователи считают, что это лучше, нежели стандартные программы справки.

Уинни оглянулся на них. Он ушел уже далеко и теперь казался меньше, будто на него смотрели в телескоп с далекого расстояния. Он с отвращением махнул рукой.

— Карлос, это предательство. Вы, библиотекари, не одобряете измельчения, но посмотрите, что вы наделали! Эти ребята потеряют всякое уважение к перманентной записи наследия человечества.

Томми Паркер, стоявший за спиной Роберта, жизнерадостно ответил:

— Уинни, у этих детишек уже давно нет никакого уважения.

Ривера посмотрел вниз:

— Декан Блаунт, я прошу прощения. Но зло — измельчение книг, а не их оцифровка. Впервые в жизни у наших студентов появился современный доступ к знаниям, накопленным до миллениума. — Он показал рукой на студентов в боковом проходе. — И не только здесь. Можете обратиться к сетевой библиотеке, получите то же, только без осязательных примочек. Гуэртас дает ограниченный доступ бесплатно, даже пока держится его монополия. Это всего лишь оцифровка первого прохода, и только частичная от НВ до НХ, но у нас за одну последнюю неделю больше обращений в это хранилище «до миллениума», чем за последние четыре года. И очень многие — от преподавателей!

— Лицемеры чертовы, — высказался Уинни.

Роберт посмотрел на студентов в нише. Секс-между-книгами закончился, но теперь книги плавали над головами студентов, и страницы тоненькими голосами пели, обращаясь к томам, еще не просмотренным. *Метафора воплощенная.*

Они вышли обратно к ядру служебных помещений. Это оказалось в несколько раз дальше, чем помнилось Роберту. Покосившиеся пролеты, очевидно, провели их вокруг центра реального четвертого этажа.

Наконец перед глазами появилась восьмифутовой высоты дверь. Теперь резная дверь уже казалась скучной обыденностью. Даже пол сделался плоским, твердым и вполне нормального вида.

Внезапно пол под ногами качнулся.

— Что... — попытался сказать Роберт, отлетая к стене. Книжки шевельнулись на своих полках, и он вспомнил, что *некоторые* из этих томов должны быть так же реальны и тяжелы, как выглядят.

Пульсирующими дугами вспыхнули молнии.

Ривера кричал по-китайски, что-то насчет ложного землечения.

Чем бы это ни было, но толчки и качания были *реальны*.

Снизу донесся стон, над головой заметались летучие мыши. Размах колебаний стал меньше, они завертелись по кругу, как танцор в джиге.

И все кончилось. Пол и стены вновь сделались такими же неподвижными, как в студенческие годы Роберта.

Томми поднялся на ноги и помог встать Уинстону Блаунту.

— Все в порядке? — спросил он.

Блаунт молча кивнул, слишком потрясенный, чтобы язвить.

— Оно никогда такого раньше не вытворяло, — сказал Томми.

Карлос кивнул:

— Aia, duibukqi, wo qang xiang qilai tamen jintian shi xin dongxi... — сказал он — что-то насчет того, что сегодня пробуют нечто новое.

Томми потрепал его по плечу:

— Эй, друг, ты же по-китайски говоришь.

Ривера посмотрел на него секунду и ответил опять по-китайски, но быстрее и громче.

— О'кей, Карлос. Ты не волнуйся. — Томми повел молодого человека вниз по лестнице. Ривера все еще говорил, выпаливая фразы:

— Wo zai shuo yingyu ma? Shi yingyu ma? Я по-английски говорю? По-английски?

— Ты иди, Карлос, иди. Все будет хорошо.

Роберт и Уинни шли сзади. Блаунт в свойственной ему манере преувеличенно шурился, высматривая.

— Ха! — сказал он. — Эти мерзавцы используют сервомеханизмы стабилизации, чтобы трясти здание. Вот, смотрите.

Как ни странно, но Роберт и так это видел: тренировки сделали свое.

— Да! — Библиотека Гайзела была одним из немногих зданий, не перестроенных после землетрясения Каньона Роз. Вместо этого в старый каркас встроили систему активной стабилизации. — Значит, администраторы думали, что это еще придаст реализма...

— Нас могло убить, — заметил Блаунт.

Они были на третьем этаже. Навстречу им вверх шла группа студентов — по крайней мере Роберт решил, что это студенты, потому что они смеялись и большинство из них выбрали себе чудовищные формы. Две группы разминулись. Старшие хранили молчание, пока студенты не исчезли наверху.

— А чем включается этот рок-н-ролл, Карлос? — спросил Томми.

Ривера обогнул встроенный в стену шкаф. Сейчас он выкрикивал:

— Я говорю по-английски? Нет? Да! Слава Богу. Иногда мне снится, что я так застрял навеки. — Он сделал еще несколько шагов, чуть не плача от облегчения, и слова хлынули из него потоком: — Да, да, я понял твой вопрос. Я не знаю, что включает эти землетрясения. Я был на том совещании, когда решили использовать для этого систему стабилизации. Спусковым механизмом должна служить любая попытка «открыть» книгу, содержащую знание, «не предназначенное для человека». Ко-

нечно, это была шутка — кроме тех случаев, когда дело настолько серьезно, что подключается Внутренняя Безопасность. Так что, я думаю, мы просто включаем эти толчки случайным образом.

Они шли вниз, и Ривера почти болтал:

— Наш главный Библиотекарь полностью это контролирует. Кроме того, она крупный деятель в местном кружке гачекистов. Она хочет воплотить гачекистские наказания для пользователей, нарушающих правила библиотеки.

Озабоченность на лице Томми сменилась интересом.

— Ой-ой! — проговорил он почти нараспев. — Пыточные ямы Гачека?

На первом этаже они ступили на стандартный ковер главного вестибюля библиотеки. Часом раньше Роберт и Шариф прошли этим путем к лифтам. Роберт тогда мельком отметил чистое открытое пространство, статую Теодора Зюсса Гайзела. Сейчас это была желанная нормальность.

Они вышли из стеклянных дверей на дневной свет.

Уинни повернулся посмотреть на нависшие этажи библиотеки.

— Они из этого здания сделали угрозу. Это вот землетрясение — это... это... — Вдруг его взгляд вернулся с небес на землю. — Карлос, вы как?

Библиотекарь помахал рукой:

— Вполне. Иногда, бывает, застреваю, как в эпилептическом припадке. — Он вытер вспотевшее лицо. — Да-а... кажется, этот был силен.

— Вам надо обратиться к врачам, Карлос.

— А я обратился. Видите? — Вокруг его головы появились медицинские флажки. — Я дал аварийный сигнал, там, на лестнице. И сейчас за мной наблюдает по крайней мере один реальный врач. Я... — Он замолк, прислушиваясь. — О'кей. Меня просят явиться в клинику, какое-то сканирование мозга. Увидимся в следующий раз. — Увидев выражение лица своих спутников, он добавил: — Да не волнуйтесь, люди.

— Я пойду с тобой, — сказал Томми.

— О'кей, только без разговоров. Меня готовят к сканированию.

И они направились к западной круговой развязке.

Роберт и Уинни смотрели им вслед. Блаунт с несвойственной ему неуверенностью сказал:

— Может, не надо было доставать его насчет всех этих гачековских штук?

— Его вылечат?

— Вероятно. Каждый раз, когда очередной ветеран залипает перманентно, Администрация по делам ветеранов имеет бледный вид. Так что они сделают что могут.

Роберт вспомнил все странности Риверы. Обычно он вставлял лишь краткие китайские междометия — будь это по-испански, Роберт бы даже и не заметил. Но сейчас...

— Уинни, а что с ним такое?

Блаунт посмотрел так, будто думал о чем-то другом. Он пожал плечами:

— Карлос проходил СО.

— А что это такое?

— А? Черт побери, Гу, поищите сами! — Он оглядел площадь. — О'кей, о'кей. — Блаунт заставил себя улыбнуться Роберту. — Извините, Роберт. СО — очень простая тема поиска. Найдете много полезных обсуждений. Важно здесь то, что мы должны не спускать глаз с мяча. Этого, гм, хотел бы Карлос. Очень многое зависит от того, поступите ли вы правильно.

— Но что это такое? Что...

Уинни поднял руку.

— Мы над этим работаем. И довольно скоро я сообщу вам детали.

По дороге домой Роберт посмотрел, что такое СО. На это слово были выданы миллионы попаданий: в медицине, в военном деле, в области борьбы с наркотиками. Он выбрал резюме «Глобальной безопасности» из первых строк списка «Уважаемых неконформистов»:

СО — «Срочное Обучение» (или «Срочно Обученный», когда термин относится к жертве процедуры). Лечение, в котором сочетается адресная терапия и интенсивный контакт с данными, что позволяет инсталлировать серьезные навыки в пределах 100 часов. Наиболее известно трагическое его использование в <link> Китайско-американском конфликте </link>, когда 100 000 американских рекрутов были обучены диалектам китайского языка: мандаринскому, кантонскому...

Дальше следовал список специальностей, о которых Роберт никогда и не слышал. Менее чем за девяносто дней американцы ликвидировали дефицит носителей языка. Но потом начались проблемы.

Этот пул талантов сыграл решающую роль в наземных операциях; однако цена процедуры в человеческих ресурсах стала очевидной еще до окончания войны.

Роберт Гу — да, наверное, и каждый студент — мечтал когда-то о коротких путях. Выучить русский, латынь, китайский или испанский за ночь и без труда! *Но будь осторожен в своих желаниях...* Он прочел раздел о побочных эффектах: освоение языка или рабочей специальности *меняет* личность. Вломись в такие навыки волей-неволей, и лежащая в основе их личность исказится. Очень мало кто из СО избежал побочных эффектов. В редких случаях эти люди обучались также второй специальности, иногда и третьей, пока их настигал побочный эффект. Процесс отторжения представлял собой что-то вроде внутренней войны между новыми точками зрения и старыми, и проявлялся он в припадках и измененных ментальных состояниях. Часто СО застревал в редуцированных формах своих новых умений... После войны осталось наследство в виде ветеранов — СО-инвалидов, а также злоупотребивших этим по глупости студентов.

Бедняга Карлос.

А что мне там обещал Таинственный Незнакомец?

Да, сегодня определенно был день «шока будущего».

Роберт опустил окно и ощутил веющий ветерок. Он ехал к северу по I-15. Его окружал густо заселенный пригород, типичные постройки Калифорнии двадцатого века, только дома малость обшарпаны да торговые ряды больше напоминают районы складов. Странно, что в этом дивном новом мире остались еще настоящие торговые ряды. Пару раз Роберт там даже что-то покупал. Кое-где было достаточно неподвижной архитектуры. Их девиз — шопинг «для старых сердец». В 2000 году *такое* не дало бы результата.

Роберт отогнал мысли о загадках (и страх) и стал тренироваться работать с «Эпифанией». *Давай посмотрим с минимальным украшением.* Он заученным жестом пожал плечами. *Пока хорошо.* Он видел простые метки. На всем, даже на хрустальной траве по бокам шоссе были небольшие алфавитно-цифровые знаки. Еще одно пожатие плеча — и он стал видеть, мимо каких предметов проезжает — точнее, видеть то, что *владельцы* этих предметов хотели ему показать. Это была реклама. Магазины считали его старпером и соответственно скорректировали рекламу. Но прямого спама, как в более ранних сеансах, не было. Может быть, он наконец-то правильно настроил фильтры.

Роберт отодвинулся от окна и стал смотреть на более широкие вселенные. У него перед глазами появились цветные карты — реальности, географически весьма удаленные, вообще не наложенные на Сан-Диего. Это, наверное, выглядело как та чушь про киберпространство восьмидесятых—девяностых. Наконец Роберт нашел окно, обещавшее «Только местные общедоступные реалии». Ага. Всего-то двести тысяч на эту часть графства Сан-Диего. Он выбрал наудачу. Пригороды будто смело с холмов Северного графства. Дорога сделалась трехполосной, машины на ней были производства шестидесятых годов. На лобовом стекле его автомобиля (теперь это был «форд фалькон») появилась этикетка: *Историческое общество Сан-Диего.* Бит за битом восстанавливалось прошлое. К услугам людей, тосковавших по более простым временам, были большие куски двадцатого века.

Роберт чуть не остановился на этом виде — так похоже на его первые школьные годы, так... уютно. И еще он понял, что фэны истории могут быть *союзниками* проекта «Либрарсом». Когда заработают базы данных Гуэртаса, им свою реконструкторскую ностальгию станет удовлетворять куда проще.

Он вызвал окно управления. Там была какая-то опция с названием «постоянное паравременное траверсирование». А может, надо выбрать конкретного писателя. Наверное, Иржи Гачека... нет, сегодня он уже видел достаточно «маленького знания».

Тогда — Терри Пратчетта? О'кей.

Дома стали белеными. Автомобиль превратился в искусственно управляемый ковер, пикирующий вдоль травянистого склона, который минуту назад был северной стороной Маунтин-Мидоу-роуд. Впереди лежала долина, и в ней стояли цветные палатки, исписанные латинским курсивом, слегка напоминавшим арабскую каллиграфию. В конце длинной долины, уходящей на запад, виднелся клочок океана. И парусные корабли?

Роберт Гу читал один из романов Пратчетта. Помнится, действие происходит в основном в городе, напоминающем средневековый Лондон. А это было другое. Он попытался заглянуть в палаточный городок...

Мири --> Лене, Сю: <sm> Я его снова поймала! Видите? </sm>

Сю --> Мири, Лене: <sm> Вау! Ты едешь рядом с ним? </sm>

Мири --> Лене, Сю: <sm> Нет, это сложено из наблюдений со склонов и различных автомобильных камер. </sm>

Сю --> Мири, Лене: <sm> Кажется, он просто оглядывается вокруг. </sm>

Мири --> Лене, Сю: <sm> Я заблокировала личность Шарифа. Роберт теперь только наш. </sm>

Лена --> Мири, Сю: <sm> Это просто смешно. </sm>

Мири --> Лене, Сю: <sm> О'кей, так что сейчас я — Шариф, сидящий рядом с Робертом... проклятие! </sm>

Кто-то вежливо кашлянул. Роберт резко обернулся.

Это был Шариф, устроившийся на красшке пассажирского сиденья.

— Я не хотел вас застать врасплох, профессор. — Видение заискивающе улыбалось. — Я хотел появиться раньше, но были технические трудности.

— Ничего страшного, — ответил Роберт, мельком подумав, не вмешивается ли Томми по-прежнему.

Шариф махнул рукой, указывая на окружающий пейзаж:

— Так что вы об этом думаете?

Это была земля Сан-Диего, только воды чуть побольше. И люди другие, цивилизация другая.

— Я думаю, что подключился к какой-то книге Терри Пратчетта.

Шариф пожал плечами.

— Да, вы попали в главный круг верящих в Пратчетта. По крайней мере для Сан-Диего.

— Да но... — Роберт показал рукой на травянистую местность. — Где Анк-Морпорк? Где все трушобы, забегаловки и городская стража?

Шариф улыбнулся.

— В основном в Лондоне и в Пекине, профессор. Собственную фантазию лучше всего реализовывать, подстраиваясь к географии. Пратчетт пишет о целом мире. Здесь — то, что подходит для Сан-Диего. — Шариф всмотрелся. — Да, это Абу-Даджиб. Знаете, тот султанат, который он поместил к югу от Сумарбада в «Огненной вороне».

— В «Огненной вороне»?

— Она была написана, когда вы... гм...

Когда я выжил из ума, понятно.

— Да... впечатляет. Я могу себе представить, что кто-то *описал* такое место, но не то, что человек или даже целая кинокомпания может сложить все это...

Роберт отпрянул от окна, мимо которого пролетела женщина верхом на крылатой игуане. (Переключившись в реальный вид, он увидел мчащуюся впереди машину дорожного патруля.)

Шариф тихо засмеялся:

— Это не работа одного человека. Тут вклад, быть может, миллиона фэнов. Как и во многих удачных реальностях, тут еще были приложены коммерческие силы — наилучшее внешнее кино 2019 года. С тех пор оно становится все лучше и лучше — действие любви со стороны фэнов.

— Понимаю. — Роберт всегда презирал миллионы, уходящие в киноиндустрию, и писателей, которые на этом обогащались. — Ручаюсь, Пратчетт неплохо на этом наварил.

Шариф ухмыльнулся.

— Больше, чем Гачек. Но не столько, сколько Роулинг. Хотя микророялти складываются. Пратчетту сейчас принадлежит больше половины Шотландии.

Роберт переключился от системы образов Пратчетта. Были и другие виды: Толкин, еще какие-то, которые он даже по меткам узнать не мог. Что такое Общество креативного анахронизма? А! В виде ОКА пригороды превратились в деревни за стенами, а на самых высоких холмах стояли замки. Общественные парки приобрели лесистый, свирепый вид.

Шариф, похоже, следил за его видами. Он ткнул пальцем через плечо в сторону парка «Лос-Пумас-Вэлли», уходящего назад справа.

— Вам стоит посмотреть Рен-фей. Они захватывают весь парк, иногда ведут потешные войны между баронами на холмах. Это превосходно, друг мой, поистине превосходно.

Ага. Роберт повернулся и рассмотрел Шарифа внимательно. Совпадение с прежним обликом было полным, если не считать самоуверенной ухмылки.

— А вы не Шариф.

Ухмылка стала шире.

— Я не был уверен, сообразите вы или нет. Вам действительно следует чуть более параноидально относиться к идентичностям, профессор. Я знаю, вы встречались с Зульфи Шарифом лично. Это действительно тот аспирант, которого вы имеете в виду, и действительно такой подхалим, каким кажется. Но он не слишком хорошо контролирует свою аппаратуру, и я могу показываться в облике Шарифа, когда захочу.

— Несколько минут назад вы говорили совсем другое.

Шариф нахмурился:

— Это был не я. У вас есть и другие фэны, и не все они так уж некомпетентны.

Да?

После минутного размышления Роберт заставил себя улыбнуться:

— Тогда дайте мне какой-нибудь пароль, чтобы я не выболтал все ваши секреты не тому Шарифу.

Таинственный Незнакомец ничего забавного в этой фразе не нашел.

— Ну, хорошо... Когда я впервые скажу «друг мой», это запустит обмен сертификатами. Вам ничего не придется делать. — Сейчас лицо Шарифа было чуть-чуть зеленоватым, глаза чуть скошенные. Он улыбнулся. — Вы увидите вашего джинна и будете знать, что это на самом деле я. Так что вы думаете о плане Томми Паркера?

— А...

Шариф (Шариф-Незнакомец) наклонился к нему, но ощущения движения на искусственной коже сиденья не было.

— Я всюду, и я появляюсь как хочу, и результаты получаю, какие хочу. Как ни умен Томми, а я там был. — Он пристально посмотрел Роберту в глаза. — Ха. Грустите по утраченным словам, профессор? И это главная ваша проблема? Я готов дать вам ее решение, но сперва вам придется помочь мне.

Роберт заставил себя холодно улыбнуться, но победительный ответ на ум не шел, и лучшее, что удалось найти, звучало так:

— Вы обещаете мне чудо, не показав даже малейшего доказательства. И если вы продаете СО, я не покупаю. Творчество к этому не имеет отношения.

Шариф чуть отодвинулся; смеялся он открыто и приятно.

— Совершенно верно. СО — это кошмарное чудо. Но и счастливые чудеса сегодня тоже возможны. И я их творить умею.

Машина съехала с фривея и теперь петляла вдоль Рич-роуд. Всего несколько минут оставалось до Фоллбрука, до дома Боба. Таинственный Незнакомец какое-то время смотрел на пейзаж, потом сказал:

— Я действительно сегодня собирался начать, но если вы настаиваете на доказательствах... — Он взмахнул рукой, и что-то блеснуло между ними. Обычно это служило свидетельством, что произошла передача данных. — Взгляните на эти рекомендации. Здесь доказательство, что я имею определенное отношение к описанным достижениям.

— Я посмотрю и свяжусь с вами.

— Пожалуйста, не слишком долго, профессор. То, что планирует ваша веселая компания, без вашей помощи станет мертворожденным. А мне это нужно, если мне суждено вам помочь.

Машина свернула на Онор-Корт и остановилась прямо возле дома Боба. Еще не было даже половины пятого, но океанский туман надвинулся, и стало темнее. Кое-где на улице играли стайки детей — одному Богу известно, что они там видели. Роберт вышел на прохладный воздух — и вот оно: Мири ехала к нему на велосипеде. Они поглядели друг на друга с неловкостью — по крайней мере Роберту было неловко. Обычно они не виделись без Боба или Элис. *В прежние дни мне бы ни на минуту не стало неловко за то, что я напустился на этого ребенка.* Но почему-то от общего гнева Боба и Эллис и чопорной вежливости Мири ему было очень неудобно.

Не могу я здесь оставаться и быть обязанным детям, которые должны быть обязаны мне.

Мири слезла с велосипеда, остановилась рядом с Робертом и заглянула в машину. Роберт посмотрел на отъезжающий автомобиль. Он видел Шарифа на заднем сиденье; быть может, она тоже его видела.

— Это Зульфикар Шариф, — бросился объяснять Боб с поспешностью виноватого — каковым себя и ощущал. — Он меня интервьюирует о прежних днях.

— А!

Кажется, она потеряла интерес.

— Мири, а я и не знал, что у тебя есть велосипед.

— Да, — серьезно ответила Мири. — Это не очень удобный транспорт, но Элис говорит, что мне необходимы упражнения. Я люблю ездить по Фоллбруку и проигрывать последние реальности.

Благодаря чуду «Эпифании» Роберт мог догадаться, о чем она говорит.

— На самом деле это не мой велосипед. Он принадлежал Бобу, когда Боб был моложе, чем я сейчас.

Шины казались новыми, но... — Роберт оглядел дюралевую раму, облезающую желто-зеленую краску. Вернулись воспоминания — с каким трудом Боб учился ездить. Он был невыносим.

До двери они шли молча, Роберт чуть поотстав.

16

ИНЦИДЕНТ В НИЖНЕЙ ВАННОЙ

В следующие несколько дней Уинстон Блаунт звонил пару раз. «Кабала» очень хотела продолжить обсуждение «того, о чем мы говорили». Роберт осадил его и отказался беседовать с ним отдельно. Он почти слышал, как Уинни скрипит зубами от досады — зато это дало ему лишнюю неделю.

Он провел еще несколько интервью с настоящим — как он надеялся — Шарифом. Это было греющее душу напоминание о Хороших Годах и ничем не напоминало встречи с Таинственным Незнакомцем. Молодой аспирант дышал полуразумным энтузиазмом, только иногда казалось, что он обожает научную фантастику. *Иногда*. Когда Роберт об этом упомянул, Шариф был поражен. Ага. Таинственный Незнакомец появляется вновь. А может быть, существуют три... сущности, анимирующие образ Зульф리카ра Шарифа? Роберт стал отслеживать каждое слово, каждый нюанс.

Композиции Хуана Ороско процветали. Он мог, сосредоточившись, писать полные предложения. Сам мальчик, кажется, думал, что Роберт Гу — гениальный учитель. *Ага, и скоро у меня шимпанзе научатся книги читать*. Но эта фраза

не слетела с губ Роберта. Хуан Ороско работал на пределе. Он был обречен на посредственность, как во многом и сам Роберт, но уязвлять его, сообщая такое известие, почему-то уже не тянуло.

Таинственный Незнакомец держался в тени. Возможно, считал, что нужда Роберта будет красноречивей всех его попыток. Вот сволочь! Роберт снова и снова возвращался к полученным от Незнакомца справочным материалам. Там описывались чудеса медицины, произошедшие за последние десять месяцев. Одно из них — эффективное лечение малярии. Не такое и важное дело, уже много лет существовали более дешевые способы. Но остальные два достижения относились к расстройствам эмоций и интеллекта. Это не были примеры случайного «небесного минного поля» Рида Вебера. Оба случая были *рекомендованы* пациентами, проходившими лечение.

И что из этого? Да, в наши дни случаются чудеса. Каковы доказательства, что их умеет творить человек, связавшийся с ним?

Роберт развернул документы, которые дал ему Незнакомец. Визуально они были представлены как средневековые верительные грамоты в запечатанных воском конвертах. Если сломать метафору, можно заглянуть внутрь и увидеть нижележащие слои — несколько мегабайтов шифровки. Бесполезная чушь! Но если следовать метафоре сверху донизу, появлялись указатели на магические средства использования этих сертификатов, и другие указатели — на техническую документацию, где объяснялось, что именно делают эти средства с соответствующими данными.

Роберт уже три дня копался в документах. У прежнего Роберта на это не хватило бы интеллекта. Бог забрал его истинный и неповторимый гений, а взамен издевательски вручил аналитический талант. Возиться с протоколами было забавно. О'кей, еще пара дней, он ухватит общую картину и уличит Незнакомца в блефе.

А тем временем он все больше отставал в своей работе с Хуаном по курсу композиции у Чамлиг.

— У вас будет время поработать над моими графическими предложениями? — спросил как-то Хуан. — В смысле, до завтра.

Это был срок сдачи *недельного* проекта.

— Да, конечно. — Мальчик потрясаяще хорошо работал по указаниям Роберта. И Роберту стало слегка стыдно, что он не платит взаимностью. — В смысле, я постараюсь. У меня тут проблема с некоторыми посторонними вещами...

— Да? Какая? Может, я могу помочь?

О Господи...

— Кое-какие документы по безопасности. Кажется, они доказывают, что один мой... друг действительно участвует в решении... одной игровой проблемы.

Он сделал один из документов видимым для Хуана.

Мальчик посмотрел на печать, позолоту, пергамент.

— А! Кредитат. Я такие сертификаты видел. У вас... а, вот, есть внешняя оболочка, так что можно провести все пошагово, но вот, смотрите... — Он взял сертификат и показал, где что сделать. — Вам сперва надо приложить собственную печать, а потом разорвать вдоль этой линии, и увидите вот такой документ. — В воздухе вокруг него изобразились фантомные трансформации. — И если этот ваш друг не вешает вам лапшу, вы увидите вот здесь ярко-зеленое, а здесь будет описание его вклада, подтвержденное Майкрософтом, или Банком Америки, или кем там еще.

Хуан должен был идти помогать матери. Пока он таял в воздухе, Роберт изучал примеры. Он узнал некоторые шаги из описаний протоколов, но...

— Откуда тебе известно?

Дурацкий вопрос. Мальчик посмотрел слегка удивленно.

— Это... это как-то... интуитивно, понимаете. Я подумал, что так этот интерфейс устроен.

И исчез совсем.

Дома никого не было, поэтому Роберт сошел вниз и взял себе поесть. Потом повторил шаги, которые показал ему мальчик. Минуту поколебавшись, он провел указанные действия с каждым «кредитатом».

Ярко-зеленое. Ярко-зеленое. Ярко-зеленое.

* * *

Таинственный Незнакомец не любил появляться, когда Роберт находился в доме. Может быть, в морской пехоте служили не такие уж неумехи, как говорил Незнакомец. И Роберт ждал времени выхода из дома с надеждой и ужасом. Очень скоро ему придется решать. Будет ли предательство той ценой, которую можно заплатить за шанс снова стать самим собой?

Миновал день. Контакта не было.

Незнакомец ждет, когда я созрею.

Когда это наконец случилось, Роберт гулял по окрестностям, давая интервью Зульфикару Шарифу. Молодой человек запнулся на середине фразы и уставился на него.

Мири --> Хуану: <sm> Меня заблокировали! </sm>

Хуан --> Мири: <sm> Снова? </sm>

Мири --> Хуану: <sm> Да, снова! </sm>

На серьезное лицо Шарифа вдруг легла хитрая зеленоватая тень Таинственного Незнакомца.

— Как жизнь, друг мой?

Роберт сумел ответить безразлично:

— Вполне ничего.

Незнакомец улыбнулся:

— Вы малость осунулись, профессор. Может, вам лучше будет присесть.

Рядом с ними остановился автомобиль. Дверца открылась, и фантом изящным жестом пригласил Роберта внутрь.

— Так будет безопаснее? — спросил Роберт, когда машина отъехала от тротуара.

— В этой машине — да. Не забудьте, у меня возможностей куда больше, чем у ваших маленьких друзей. — Он устроился на сиденье, обращенном назад. — Итак, вы уже себя уговорили, что я могу вам помочь?

— Может быть, и можете, — ответил Роберт, слегка гордясь тем, как ровно прозвучал его голос. — Я посмотрел ваши кредитаты. Не похоже, чтобы вы что-нибудь о чем-нибудь знали, но у вас есть жилка — сводить вместе нужных людей и оказываться рядом, когда эти люди решают серьезную проблему.

Незнакомец отмахнулся.

— Это я ничего ни о чем не знаю? Профессор, вы наивны. Наш мир переполнен техническими экспертами. Знание лежит метафорическими горами глубиной в световые годы. Из-за этого по-настоящему золотым является то умение, которым обладаю я: собирать вместе знания и способности. Ваша миз Чамлиг это понимает. И школьники понимают. Даже Томми Паркер понимает, хотя сильно отстает в некоторых важных деталях. Во мне... — он приосанился, еще один жест рукой у водолазки на груди, — во мне вы видите проявление данной способности в высшей мере. Я специалист мирового класса в области «собрать вместе для получения ответа».

*И с немалым самомнением. Интересно, куда он его деваает, когда работает с Эйништейнами и Хоукингами этой эпохи? Не может же он **каждого** брать за шиворот?*

Незнакомец подался вперед:

— Но хватит обо мне. Уинни Блаунт и его «Кабала стариков» уже отчаиваются. Я — не отчаиваюсь, но если вы протянете с ответом еще несколько дней, я не смогу гарантировать приемлемый исход. Итак, вы участвуете или нет?

— Я... да. Участвую. — Двадцать лет назад его бы совершенно не волновало, что он предает Боба. В конце концов, этот идиот неблагодарен. Сейчас никакие готовые оправдания не приходили на ум, но... *Чтобы вернуть то, что утратил, я пойду на все.* — Какая вам нужна биометрическая информация об Элис?

— Некоторые сонограммы, которые мы не можем снять открыто. Микрограмма мазка крови. — Таинственный Незнакомец показал на коробочку, лежащую между ними на сиденье. — Вот, гляньте.

Боб опустил руку... и его пальцы наткнулись на что-то твердое и прохладное. Коробочка была реальной — впервые за все время общения с Таинственным Незнакомцем. Черный пластик без видимых отверстий, щелей или даже виртуальных меток. Только вездесущая надпись «внутри нет деталей, обслуживаемых пользователем».

— И что?

— Ничего. Оставьте это у себя в нижней ванной. Остальное — моя забота.

— Я ничего не стану делать во вред Элис.

Незнакомец рассмеялся.

— Что за параноя! Смысл всего этого — чтобы прошло незаметно. Элис Гу появляется в общественных местах несколько раз в неделю. Если бы нам была нужна она, мы бы воспользовались таким случаем. Но вам и «Кабале» нужна только биометрия. Еще вопросы есть?

— Сейчас — нет. — Роберт сунул коробочку в карман. — Я просто не могу себе представить, чтобы военную систему безопасности двадцать первого века можно было обмануть такой мелочью, как капля крови и какие-то сонограммы.

Незнакомец снова рассмеялся.

— Да нет, здесь требуется гораздо больше. Томми Паркер думает, что он прикрыл все углы, но без моей помощи вы даже в пропарочные туннели никогда не доберетесь. — Посмотрев на закаменевшее лицо Роберта, он засмеялся еще раз. — Считайте, что вы играете роль интерфейса пользователя. — И, чуть поклонившись, добавил: — А пользователь — это я.

Роберт считал очень важным пронести устройство Незнакомца через детекторы жучков в прихожей. Коробочка не вызвала срабатывания сигналов тревоги — по крайней мере заметных для Боба. И предать оказалось просто — всего лишь войти в ванную первого этажа и сунуть коробочку среди пакетов, аэрозолей и тюбиков, плотно наваленных на боковой полке. Нынешние продукты для спальни и ванной были бастионом старомодной физической рекламы. В конце концов, даже современные люди где-то должны снимать одежду и линзы. Но у Элис и Боба стиля не было — они покупали все самое дешевое. Дьявольская коробочка вписалась сюда отлично.

Роберт долго принимал душ. Приятно было чувствовать себя чистым. Но когда он вышел из душа, таинственной серой коробочки нигде не было. Даже когда ошупал полку, потрогал на ней все предметы — и следа от нее не осталось. А ведь все это время дверь ванной была заперта.

Кто-то постучал в дверь, следуя, к счастью, семейному правилу — не подглядывать сквозь стены ванной.

— Роберт, ты там жив? — Это была Мири. — Элис говорит, ужинать пора.

Ужин был кошмаром.

Когда они ели все вместе, всегда ощущалось напряжение. Обычно Роберт избегал таких семейных сборищ, но Элис, похоже, была решительно настроена видеть его на собрании всей семьи не менее раза в неделю. Она проводила переоценку, решая, нельзя ли снизить планку для своего свекра.

Сегодня она была еще более стальной, чем обычно, и тот факт, что Роберту было что скрывать, хорошему настроению не способствовали. Возможно, у нее есть какая-то особая причина быть подозрительной. Он заметил, что Боб и Мири то и дело бегают в кухню и обратно. Обычно Элис им в этом помогала, но сегодня она сидела на месте и поджаривала Роберта в своей небрежной и безжалостной манере: как там в школе, что слышно про его совместный проект с Хуаном. Даже спросила его про «старых друзей» — о Боже! И Роберт объяснял, и рассказывал, и улыбался, и мысленно молился, чтобы выдержать это испытание. *Прежний Роберт без труда бы их всех построил!*

Потом пришли Боб и Мири и отвлекли внимание Элис от ее недобродетельного свекра. Она болтала с Мири тем же дружеским заинтересованным тоном, которым говорила с Робертом. Мири отвечала четко, давая детальную сводку, кто что в школе делал плохого и хорошего.

Какое-то время Роберт чувствовал себя почти спокойно. В конце концов, все собрались поесть. Естественно, его не могут к этому не допустить.

Но что-то такое висело в воздухе, и это не было плодом его воображения. Боб и Элис углубились в обсуждение политики Сан-Диего, вопросы, связанные со школой. Однако чувствовалось какое-то неприятное подводное течение: некоторые пары действительно *спорят* о политике, но в исполнении сына и невестки Роберт услышал такое впервые. И одежда Элис то и

дело *мерцала*. В доме в реальном мире Элис носила грубые домашние платья, которые не были бы неуместны в пятидесятые годы. Сейчас одежда мерцала виртуальными образами, а не как на старомодной разумной футболке Карлоса. Когда это случилось впервые, Роберт едва заметил — быть может, потому что ни Боб, ни Мири никак не реагировали. Через минуту — когда Элис сделала энергичный жест по поводу какого-то нерешенного тривиального вопроса с выборами — что-то мелькнуло еще раз. На миг Элис оказалась в чем-то вроде белой морской формы, но с вышитой на воротнике эмблемой СОЗ. СОЗ? На этот поиск Гугль выдавал много значений аббревиатуры. Прошла минута или другая, и она на мгновение стала полковником морской пехоты США. Это Роберт и раньше видел, потому что так было ее истинное звание.

— Ты слишком эмоциональна, милая, — осторожно заметил Боб.

— А это не важно, — бросила Элис. — И ты это знаешь. Главное в том...

Она стала дальше жевать этот школьный вопрос. Но взгляд ее блуждал по комнате, а потом остановился на Роберте. Не слишком дружелюбный взгляд, и хотя говорила она не о нем, в голосе чувствовалась резкость. Потом примерно на две секунды она оказалась одета в гражданский деловой костюм со старомодным идентификационным шнуром. На идентификаторе была знакомая печать и буквы ДВБ. Что *это* значит, Роберт знал и с трудом сумел не вздрогнуть в ответ. *Не может же она знать все!* Он подумал, не нагнетают ли Боб и Элис все эти страхи согласованно, чтобы запугать его и вынудить признаться. Впрочем, вряд ли Боб столь хорошо это умест.

В итоге Роберт только кивал да иногда якобы случайно озирался. Мири держалась тише обычного. Она смотрела куда-то в пространство, и вид у нее был скучающий, какой только и может быть у тринадцатилетнего подростка, томящегося дома с родителями, которые занудно болтают о Вещах Неважных. Но это была Мири Гу, и век тоже не двадцатый. Скорее всего она плавала по сети, хотя обычно маскировала свое отсутствие, когда сидела за обеденным столом.

Элис хлопнула по столу ладонью, и Роберт быстро глянул в ее сторону. Она гневно смотрела на него.

— Роберт, вы не согласны?

Даже Луиза Чамлиг не умела смотреть столь агрессивно.

— Прошу прощения. Я отвлекся, Элис.

Она резко махнула рукой:

— Ладно, не важно.

И тут по воздуху поплыли золотые буквы:

Мири --> Роберту: <sm> Не волнуйся. Она не на тебя злится. </sm>

Мири таращилась остекленелыми глазами в никуда. Руки ее были на виду, неподвижны. Настолько хорошо она умела работать с носимыми. *О'кей, тогда какого черта здесь происходит?* Такое сообщение хотел он ей послать, но, не имея возможности работать пальцами, только взглянул на нее вопросительно.

Элис продолжала говорить, иногда прерываемая Бобом, но сейчас Роберт уже был не в таком ужасе. Он выждал минуты три-четыре, извинился и вышел из-за стола.

Боб посмотрел с некоторым облегчением.

— Роберт, нам не обязательно столько обсуждать выпуск школьного займа. Есть много других...

— Нет-нет, все в порядке. Просто у меня домашняя работа.

Роберт нацепил улыбку и вышел, направляясь наверх, к себе. Он ощущал на себе взгляд Элис, сопровождающий каждый его шаг. Если бы не сминг от Мири, по лестнице он бы взбежал.

А Элис пока даже близко не подходила к ванной первого этажа.

Домашняя работа у него действительно была. Появился Хуан и отвлек почти на полчаса своими объяснениями вложенных схем. У Роберта должна была быть завтра готова такая схема для отчета о ходе работ на уроке Чамлиг. Хуан остался доволен. Роберт тоже — он нагнал свои несколько дней безделья. Повозившись с шаблонами Хуана, он научился реализо-

вывать все. *Видит Бог, за взаимную поддержку нам должны поставить «А».* И проза у мальчика стала почти пригодной, а вложенные схемы, которые построил *он сам* — это было красиво.

Он слышал, как Мири помогала убирать со стола после ужина, а потом пошла к себе в комнату. Боб и Элис остались сидеть в гостиной. Роберт поставил сигнал оповещения о движении на первом этаже и на какое-то время забыл обо всем, внося все больше уточнений (и улучшений) в собственную графику.

Боже мой! Ведь целый час прошел!

Он быстро глянул на нижний этаж. В ванную никто не заходил.

Висело сообщение от Томми Паркера. «Кабала» интересовалась, собирается ли Роберт внести свою лепту и если да, то когда.

Он снова глянул вниз. Странно — гостиную было не видно. Обычно она находилась в общедоступном меню дома, а сейчас оказалась закрытой, как спальни. Роберт встал, подошел к двери и тихо приотворил ее на полдюйма, подглядывая в доброй старой манере.

Они спорили, да еще как! Боб раскалился добела. Голос его звучал все громче и громче, перейдя наконец в рассерженный крик.

— Мне плевать, что ты им нужна! Каждый раз — всего еще только раз. Но сейчас ты...

Боб запнулся в середине филиппики. Роберт прильнул ухом к двери. Ничего. Даже осторожного бормотания. Сын и невестка перенесли свою перебранку в эфирные слои. Но Роберт продолжал слушать. И слышал, как эти двое ходят по комнате. В какой-то момент раздался хлопок ладони, похожий на пистолетный выстрел. Элис опять стучит по столу? Минута тишины и хлопнула дверь.

Секунду спустя изображение вернулось. Боб был в гостиной один, смотрел на дверь кабинета. Он немного постоял, потом обошел гостиную и плюхнулся в любимое кресло. Взял с кофейного столика книгу — одну из трех настоящих книг внизу, и даже она была напечатанной на заказ.

Роберт Гу тихо закрыл дверь и вернулся в кресло. Минуту подумав, он настучал на виртуальной клавиатуре:

Роберт --> Мири: <sm> Чего это они? </sm>

Мири находилась в двадцати футах по коридору, так чего же он не сделал эти несколько шагов и не постучал в ее дверь? Или не предстал виртуально? Может быть, привычка держать-ся от нее подальше. А может, спрятаться за словами проще.

Наверное, не одному ему хотелось спрятаться. Прошла почти минута, пока приплыл ответ:

Мири --> Роберту: <sm> Они на тебя не злятся. </sm>

Роберт --> Мири: <sm> О'кей, но в чем проблема? </sm>

Мири --> Роберту: <sm> Проблемы нст. </sm>

На этом сообщение закончилось, но Мири тут же послала другое.

Мири --> Роберту: <sm> Элис готовится к новой работе. Это ей всегда дается трудно. И Боб бесится. </sm>

Снова пауза.

Мири --> Роберту: <sm> Это дело морской пехоты, Роберт, мне не полагается об этом знать. А еще меньше полагается знать тебе. Извини. EOF. </sm>

EOF. У космонавтов-стажеров этот код значит «и об этом все». Роберт подождал, ничего больше не пришло. Но это был более реальный разговор с Мири, чем случались у них в последние два месяца. Что эта девочка делает со своими тайнами? Они явно более значительны, чем он даже мог полагать. У нее куда лучшие коммуникационные возможности, чем любые, которые предлагала цивилизация двадцатого века, но требования приличий мешали ей поделиться своими страданиями. *Или у нее есть друзья, с которыми она может говорить?*

У Роберта Гу-старшего друзей не было, но они ему были не нужны. Сегодня ему вполне хватило кризиса и напряжения, чтобы отвлечься. Одним глазом он присматривал за ванной, другим — за дверью в кабинет. Боб все еще читал, тоже то и дело поглядывая на кабинет.

— Сейчас нам удобно было бы поговорить, профессор?

Голос прозвучал прямо из-за плеча.

От неожиданности Роберт чуть не взлетел над стулом.

— Бог ты мой!

Это был Зульфикар Шариф.

— Могли бы постучать, — сказал Роберт.

— Я стучал, профессор. — В голосе Шарифа слышалась едва заметная обида.

— Да-да. — Роберт еще не совсем разобрался с примочками опции «круг друзей» в «Эпифании». Он жестом разрешил Шарифу остаться. — Вы с чем?

Шариф вполне правдоподобно сел на стул, не провалившись в него наполовину.

— Ну, я надеялся, что мы сможем просто поговорить. — Он ненадолго задумался. — В смысле, продолжили бы с моими вопросами насчет ваших «Тайн старости».

А внизу по-прежнему ничего не происходит...

— ...Ладно. Спрашивайте.

Так кто это? Истинный Шариф? Или Шариф-Незнакомец? Шариф НФ? Или какая-то их комбинация? Как бы там ни было, но слишком уж подозрительное совпадение, что он появился именно сейчас. Роберт сел, приготовившись смотреть и слушать.

— Ну... я не знаю... — Жалкая забывчивость? И тут Шариф вдруг воспрял. — Да! Я в свою диссертацию хочу вставить исследование о ценностном балансе между красотой самого выражения и красотой выраженной истины. Они же отдельные?

Вопрос, ответ на который кроется в тайных глубинах. Роберт многозначительно помолчал и пустился вешать на уши лапшу:

— Сейчас вы уже должны знать, Зульфи, даже если сами не способен творить поэзию, что эти вопросы разделены быть не могут. Красота содержит истину. Прочтите мою статью в «Эпоха Каролингов и...»... — И дальше полилась наукообразная чушь.

Шариф серьезно кивал.

— То есть вы ожидаете когда-нибудь конца одного понятия и, в силу самого факта, другого? То есть красоты и истины?

Ха? Это было неожиданно, и Роберт сошел с рельсов. Он разобрал эту глупость, снова ее разобрал. *Может ли кончиться красота? Для меня ответ — да; я больше красоту создавать не в*

состоянии. Так что, быть может, это Шариф-Незнакомец держит его сейчас, пока они оба ждут, чтобы серая коробочка сделала свое.

— Я полагаю... что конец возможен. — И тут он подумал о второй половине вопроса: — Черт побери, Шариф, истина — новая истина — давно уже мертва. Мы, художники, сидим на помойке глубиной в десять тысяч лет. Те из нас, кто достаточно прилежен, знают все о значительности того, что было когда-либо сделано. Мы трясем, взбалтываем, перемешиваем, и некоторые это делают блестяще, но все равно получается искрометная тягомотина.

Это я только что сказал?

— Но если эти понятия связаны, то и красота тоже умерла? — Шариф подался вперед, опираясь локтями на колени, опустив подбородок на ладонь. Глаза у него стали большие и серьезные.

Роберт отвернулся. И наконец выдавил из себя:

— Красота все еще есть. И я верну ее.

Снова овладею ею.

Шариф улыбнулся — принял утверждение Роберта за общую веру в будущее человечества?

— Чудесно, профессор. Это больше, чем сказано в той вашей статье в «Каролингах».

— Конечно.

Роберт откинулся на спинку кресла, интересуясь, что, черт побери, вообще творится.

Шариф минуту помолчал, будто не зная, куда теперь повернуть.

— А как ваш проект? Тот, что в библиотеке университета?

Внизу по-прежнему ничего не происходит.

— Вы видите какую-то связь между моим искусством и... вот этим «Либрареомом»? — спросил Роберт.

— Ну да. Не хочу быть бестактным, но то, что вы делаете в библиотеке, кажется мне очень похожим на заявление о положении литературы и искусства в современном мире.

Может быть, это Шариф-НФ, пытающийся сообразить, что задумал Шариф-Незнакомец. *Если бы только удалось ис-*

пользовать одного против другого. Роберт задумчиво кивнул гостю.

— Я поговорю об этом со своими друзьями. Возможно, нам что-нибудь удастся организовать.

Это, кажется, удовлетворило Шарифа... кто бы он ни был. Они назначили время следующего разговора, и гость исчез.

Роберт отключил доступ «круга друзей». Больше внезапных посещений сегодня не будет.

А внизу *по-прежнему* ничего не происходило. Он смотрел сквозь стены почти пятнадцать минут. Действительно, продуктивное использование времени. *Да подумай ты, черт побери, о чем-нибудь другом!*

Он переключился на крышу дома и оглядел район Уэст-Фоллбрук. Без расширений район выглядел очень темным, скорее как покинутый город, нежели жилой пригород. Настоящий Сан-Диего был далеко не таким солнечным, как помнилось ему по семидесятым. Но за реальным видом стояли бесконечные альтернативы, все виды развлечений киберпространства, которые только могло себе вообразить поколение Боба. Сотни миллионов играли здесь сегодня. Роберт мог ощутить — то есть «Эпифания» позволяла ему ощутить — манящую дрожь игры. Он ввел команду, о которой говорила Чамлиг, и тут и там по Северному графству загорелись огоньки. Это были другие ученики, посещавшие с ним один и тот же класс, — по крайней мере те, кто сегодня вечером учился и интересовался, что делают другие. Двадцать огоньков. Более двух третей класса, особый род кружка верующих, те, кто хочет получить как можно более высокий балл за сотрудничество. Роберт понятия не имел, насколько усердно трудятся эти маленькие троечники.

Он призраком проплыл над домами, к ближайшему из огоньков. Прежде он еще не пробовал опцию «Эпифании» «выход из тела». Не было ощущения пролетающего мимо воздуха или вообще движения. Просто его синтезированная точка зрения двигалась по ландшафту. Он ощущал собственный зад на стуле в собственной комнате. И все же Роберт понимал, поче-

му в инструкции сказано, что при этом надо сидеть. Точка наблюдения пикировала в какую-то долину так быстро, что закружилась голова.

Он вплыл в гостеприимно открытое окно. Хуан Ороско и Махмуд Квон вместе с еще какими-то двумя собрались в гостиной, отмечая возможности завтрашнего обмена с Кейптауном. Они подняли головы и сказали «привет», хотя Роберт не знал, что они видят — его или его значок, плавающий в комнате. Может быть, он присутствовал виртуально, и даже выглядел «реально», как обычно Шариф. Но Роберт просто висел в воздухе, слушая разговор несколько секунд, и...

Тревожное извещение!

Он прервал связь и оказался в своей комнате.

Внизу Боб вышел из гостиной. Он стоял перед дверью Элис и тихонько стучал. Насколько Роберт мог судить, ответа не было. Через минуту Боб опустил голову и ушел прочь. Роберт проследил, как он поднимается вверх. Звуки шагов слышались в коридоре. Боб постучал в дверь Мири, как делал это почти каждый вечер. Неразборчивый разговор, потом голос Мири:

— Спокойно, пап.

Впервые Роберт услышал, чтобы Мири так называла Боба.

Шаги Боба приблизились, он остановился у двери Роберта, но ничего не сказал. Роберт смотрел на него сквозь стену и видел, как Боб повернулся и исчез в уединении главной спальни.

Роберт ссутулился над столом и уставился вниз, на первый этаж. Элис редко когда засиживалась, если Боб уже лег спать. Конечно, сегодня вечер не обычный. Черт побери, вот собрался с духом совершить семейное предательство, и судьба тут же подкидывает проблемы на пути твоего недостойного намерения. Но если даже Элис устроится на ночь в кабинете, в конце концов она же заглянет в ванную?

Прошло двадцать минут.

Дверь Элис открылась, она вышла, повернулась к лестнице. *Иди ты в ванную на нижнем этаже, чтоб тебя черти взяли!*

Она повернулась снова и стала сердито расхаживать по гостиной. Расхаживать? В каждом движении была точность и сила, как у танцора или каратиста. Не как у бесформенной неуклюжей Элис Гонг Гу с нежным круглым лицом в мешковатой одежде. И это еще был реальный вид. Ее истинное лицо, пусть даже искаженное страданием и покрытое испариной. Хм... Роберт попытался посмотреть на ее скользящий танец крупным планом. С Элис капал пот, платье ее промокло, будто она только что закончила долгий отчаянный бег.

Как Карлос Ривера.

Не может быть! Элис никогда не влипала в иностранный язык или конкретную специальность. Ни в какую конкретную специальность... но он вспомнил веб-дискуссию по поводу СО. Что там насчет немногих особенных людей, которые могли «обучаться» более одного раза, становиться еще более мультиодаренными, пока наконец побочные эффекты не уничтожали их? В какой колее «застрянут» такие калеки, если можно попасть в десятки?

Скользящий танец Элис сделался медленнее, потом прекратился. Минуту она постояла, склонив голову, плечи ее поднимались и опускались в тяжелом дыхании. Потом повернулась и медленно пошла в нижнюю ванную.

Наконец-то, наконец. *И сейчас мне полагается испытывать колоссальное облегчение.* Вместо этого в сознании билось откровение. Это объясняло столько загадок. Это противоречило определенным уверенностям. Может быть, Элис за ним и не охотилась. Может быть, она не больше враг ему, чем все прочие обитатели дома.

Иногда вещи не таковы, какими их видишь.

Было тихо. Старый дом в Пало-Альто наполнялся к вечеру тихими скрипами и стуками, и иногда компьютер Боба играл украденные мелодии. А здесь сегодня... ну, нет, какие-то случайные звуки были, дом устраивался поудобнее в прохладе вечера. Постой! Глядя на вид электрики-сантехники, Роберт заметил, как включился один из водонагревателей. Слышно было, как течет вода.

И уже не в первый раз Роберт задумался, что там за колдовство в этой серой коробочке. Она не включила домашних сторожевых псов. Может быть, там вообще не электроника, а рычажки с колесиками девятнадцатого века, приводимые в действие стальной пружиной? Но она еще и *исчезла* от взгляда невооруженных глаз Роберта. Это что-то новое, не визуальный трюк. Может быть, у коробки выросли ножки и она уползла прочь. Но — чем бы она ни была — что она сделает? А что, если Незнакомцу не нужна капелька крови? Что, если лужа крови устроит его больше? Роберт на миг застыл столбом, потом резко вскочил на ноги — и снова застыл. *Я ведь совсем отчаялся.* Правдоподобность — дело десятое, если жертва так сильно хочет верить, что правда именно такова, как говорит лжец. Потому Незнамец и высмеял мысль, что покушение на Элис стоило бы таких хлопот. *И я, отчаявшийся дурак, улыбался и дал себя убедить!*

Роберт вылетел из комнаты, побежал по лестнице вниз, пронесся через гостиную, ударил в дверь ванной.

— Элис! Э...

Дверь открылась. Элис смотрела на него чуть расширенными глазами. Он схватил ее за руку, вытащил в холл. Элис не была крупной, вытащить ее было легко. Но она повернулась, нарушив его равновесие, ноги их переплелись, и Роберт влетел в дверной косяк.

— Что? Это? Значит? — спросила она раздраженно.

— Я... — Роберт глянул поверх ее плеча в ярко освещенную ванную, потом снова на Элис. Она теперь была в халате, и короткие волосы выглядели, как после мытья.

И цела. Никаких луж крови... разве что там, где я головой в косяк влетел.

— Роберт, ты цел?

Кажется, тревога взяла верх над раздражением.

Роберт ошупал затылок.

— Я? Да. Я теперь устойчив к повреждениям.

Он вспомнил, как бежал по лестнице. Даже в семнадцать лет он никогда не перепрыгивал через четыре ступеньки сразу.

— Но...

Элис явно больше всего тревожилась о его ментальном состоянии.

Все в порядке, моя невестка. Я думал, что предотвращаю твое убийство, а теперь вижу, что это была ложная тревога.

Почему-то ему казалось, что такие слова никто не сочтет. Так чего это он среди ночи ломится в дверь?

— Мне... гм... мне просто надо было в туалет.

Ее сочувствие покрылось коркой льда.

— Тогда не смею вас задерживать, Роберт.

Она повернулась и направилась вверх по лестнице.

— Что там, Элис?

Это был голос Боба сверху. У Роберта не хватило смелости оглянуться, но он вполне мог себе представить и глядящую вниз Мири. Войдя в ванную и закрывая дверь, он услышал усталый голос невестки:

— Ничего, Боб. Всего лишь Роберт.

Несколько минут Роберт посидел на унитазе, ожидая, пока утихнет дрожь. Может, здесь и осталась бомба, но если она взорвется, то разнесет на клочки только виноватого.

И коробочки, которая была центром этой комедии, у него тоже нет. Когда он покажется в библиотеке, руки у него будут пусты. И что?

Роберт встал, заглянул в реальное стеклянное зеркало. Полюбовался своим отражением с перекошенной улыбкой. Может, принести им фальшивку — заметит ли Томми вообще? А что до Таинственного Незнакомца, то его чары скорее всего рассыпались... вместе с надеждой.

Его взгляд упал на полку. Там, чуть поодаль от беспорядка флаконов и прочего, стояла серая коробочка. Когда Элис выходила, коробочки здесь не было. Боб протянул к ней руку — пальцы коснулись теплого пластика. Это не иллюзия. Загадка похлеще, чем все эти мелькания и блески, к которым он как раз стал привыкать.

Роберт сунул коробочку в карман и тихо вернулся к себе в комнату.

17

**АЛЬФРЕД ВЫЗЫВАЕТСЯ
ДОБРОВОЛЬЦЕМ**

Гюнберк Браун и Кейко Мицури. Верховные чины каждый в своей службе. Ваз отслеживал их еще со студенческих лет. Он знал о них больше, чем они даже могли себе представить — одно из преимуществ глубокой старости и более чем хорошей системы связей. В некотором смысле он был их проводником в карьере, хотя ни они, ни их ведомства об этом не подозревали. Они не были предателями ЕС или Японии, но Альфред понимал их настолько хорошо, что мог исподволь ими руководить.

Так он когда-то думал — и надеялся, что это и сейчас так. И все же беспощадные старания молодых друзей ему помочь стали величайшей угрозой его планам. Как, например, сегодня.

— Да-да, риск, конечно есть, — говорил Ваз. — Мы знали это с самого начала. Но куда опаснее дать серьезному проекту ТДМВ ускользнуть от обнаружения. Мы *обязаны* выяснить, что творится в лабораториях Сан-Диего. И план «Кролик» может нам помочь.

Кейко Мицури покачала головой.

— Альфред, у меня есть контакты в разведке США, которым уже много лет. Это не мои агенты, но они не потерпели бы левого проекта по созданию оружия. В этом деле я им готова доверить собственную жизнь. Я считаю, что мы должны с ними связаться — неофициально — и посмотреть, что они выяснят по лабораториям Сан-Диего.

Альфред подался вперед:

— А жизнь своей страны ты им тоже готова была бы доверить? Потому что именно об этом идет речь. В худшем случае в Сан-Диего не просто ведется разработка ТДМВ, но ее еще и поддерживают на высших уровнях правительства США. И тогда ваши друзья при самых благих намерениях выдадут своим начальникам наши подозрения. Улики исчезнут. Когда речь

идет о расследовании угрозы столь серьезной, *мы просто должны сделать это сами.*

В том или ином виде этот спор тянулся начиная со встречи в Барселоне. Сегодняшний разговор мог оказаться решающим.

Кейко откинулась на спинку стула и раздосадованно пожала плечами. Она присутствовала в более или менее реальном облике и окружении — женщина тридцати с небольшим лет, сидящая за письменным столом где-то в Токио. Часть кабинета Ваза она преобразовала, и там стояла ее минималистская мебель перед окном с видом на токийскую панораму.

Гюнберк Браун обрабатывал изображение не столь тщательно — его образ просто сидел на одном из офисных кресел Альфреда. Без сомнения, Гюнберк понимал: что ЕС набрал достаточно веса, чтобы он мог позволить себе некоторую мягкость характера. Сегодня может оказаться, что Гюнберк действительно будет проблемой, но пока он только слушал.

О'кей. Альфред развел руками.

— Я искренне полагаю, что курс, который мы выработали в Барселоне, наиболее разумен. Можете ли вы сказать, что у нас нет прогресса? — Он махнул рукой в сторону биографий, рассыпанных у него на столе. — На месте действия у нас есть руки и мозги — причем все это можно отрицать, никто не знает, что всем руководим мы. На самом деле эти люди даже понятия не имеют о значительности операции. Вы сомневаетесь? Вы думаете, американцы что-то пронюхали?

Молодежь согласно покачала головами. Кейко даже страдальчески улыбнулась.

— Нет. Ваше разделение на отсеки на базе ДВБ — истинная революция в военных делах.

— Да, а то, что мы открыли эти методы — пусть даже братским службам в рамках Альянса, — говорит о том, насколько серьезными считает руководство ИЕР текущие проблемы. Так что давайте действовать, ради бога! Если мы задержимся более чем на сто часов, можно с тем же успехом начинать сначала. Почему не выйти на финальный рывок? В чем проблема?

Гюнберк глянул на японку. Она сделала нетерпеливый жест, побуждая его говорить.

— Я так понимаю, что это риторический вопрос, Альфред. Проблема в плане «Кролик» — сам Кролик. Все зависит от него, а мы до сих пор о нем почти ничего не знаем.

— И американцы тоже не будут знать. Все дело в том, чтобы мы имели возможность откреститься. Кролик в этом смысле — все, о чем можно мечтать.

— И даже больше, Альфред. — Гюнберк смотрел в упор. При всей своей молодости он обладал невозмутимым видом немца времен смены веков. От тезиса к тезису он переходил медленно и неумолимо. — При осуществлении операции Кролик от нашего имени творил чудеса. Его способности показывают, что он представляет собой угрозу.

Ваз посмотрел на результаты последних исследований Гюнберка.

— Но ты сам обнаружил его ключевые слабости. Как бы он ни пытался замаскироваться, ты проследил все его центры сертификации до единой вершины.

Единая вершина центров сертификации дело обычное, но то, что Гюнберк сумел открыть вершину Кролика, было триумфом. Для Альфреда — если учесть его... гм... непростые отношения с Кроликом, это стало чудесной новостью.

Гюнберк кивнул:

— «Швейцарский кредит». И что?

— А то, что если Кролик превратится в кошмар, ты можешь перекрыть кислород «Швейцарскому кредиту», и его выкинут из бизнеса.

— Перекрыть кислород центру сертификации «Швейцарский кредит»? Ты хотя бы себе представляешь, что произойдет тогда с европейской экономикой? Я горжусь своими людьми, которые вынюхали этот секрет, — но использовать его эффективно мы не сможем.

— Нам надо было послать этого Кролика подальше после первой же встречи в Барселоне, — сказала Кейко. — Слишком уж сообразительный.

Ваз поднял руку:

— Может быть, но откуда нам было знать?

— Я? Прости, Альфред, но мы сомневаемся, не знаешь ли ты про мистера Кролика больше нашего.

Черт побери!

— Нисколько. Честно говорю. — Альфред откинулся в кресле и отметил напряженные позы своих коллег. — Вы, значит, беседовали у меня за спиной? — Он ласково улыбнулся. — И вы думаете, что на самом деле Кролик — это американская разведка? Или китайская? — Они много времени потратили на проверку таких предположений. — Так какова же ваша теории, друзья мои?

— Ну, — начал Гюнберк несколько неловко, — может быть, мистер Кролик вообще не человек. Может быть, он Искусственный Интеллект.

Ваз рассмеялся и глянул на Кейко Мицури.

— А ты что думаешь?

— Я думаю, что ИИ — возможность, которую следует рассмотреть. Таланты Кролика столь разноплановы, работа его столь эффективна — а личность слишком ювенильная. Последнее — один из признаков, который ДАРПА США считала характеристическим. — Она заметила недоверие на лице Вазы. — Не всякая угроза является сектой или заговором.

— Конечно. Но монстры-ИсИны? Это было жупелом в двадцатом веке. Кто сейчас в разведке воспринимает это всерьез? А! Конек Паскаля Хериота, да? — Альфред понизил голос и стал серьезен. — Вы говорили с Паскалем об этом проекте?

— Нет, разумеется. Но ИИ — угроза, которую в последние годы игнорировали начисто.

— Верно, потому что ничего конкретного никогда не было. До китайско-американской войны мы знали, что ДАРПА потратила миллиарды на проект Маленького Помощника. И это было почти таким же фиаско, как инициатива отказа доступа в космос.

— Отказ доступа в космос — *действовал*.

Ваз засмеялся снова.

— Он действовал против всех, Кейко, а больше всех — против американцев. Но вы правы, отказ доступа в космос — не-

подходящее сравнение. Я хочу сказать другое: умнейшие в мире люди пытались создать ИИ — и не смогли.

— Не смогли исследователи, но выполняемый код не мог не остаться. Интернет — далеко не та кривая игрушка, которой он когда-то был. Там гуляют многие куски Маленького Помощника ДАРПА, вырастая в такое, чего никак не могло возникнуть в низкотехнологическом прошлом.

— А вот это уже просто научная фантастика! Даже кино такое было...

— И не одно, — согласился Гюнберк. — Альфред, я не согласен с Кейко, что программы многолетней давности способны самоорганизоваться просто потому, что им теперь доступны приличные ресурсы. Но мы, разведчики, отслеживаем возможности. Я думаю, что в словах Паскаля Хериота есть смысл. То, что большинство людей эту возможность отвергают, еще не значит, что она нереальна. Мы определенно миновали критическую точку, когда все упирается в компьютерное железо. Паскаль считает, что когда это наконец случится, ИИ возникнет без всяких институциональных предшественников. Будет как во многих исследовательских разработках, только куда более катастрофично.

Еще один способ, которым человечество может не дожить до конца века.

— Каково бы ни было объяснение, — сказала Кейко, — Кролик просто слишком много знает и слишком анонимен... Прости, Альфред, мы считаем, что операцию необходимо свернуть. Давай обратимся к нашим американским друзьям.

— Но оборудование уже на месте. Наши люди уже на месте. Она пожала плечами.

— А командует всем Кролик? Это может дать ему все, что мы обнаружим в Сан-Диего. Даже если мы с тобой согласимся, наше начальство никогда на это не пойдет.

Она была серьезна. Альфред посмотрел на Брауна. И он серьезен. Плохо.

— Кейко, Гюнберк, ну пожалуйста, давайте просто оценим риск.

— Мы это и делаем, — ответила Кейко. — Кролик, свободный бегающий в этой грандиозной схеме, — угроза космических масштабов!

Она умела высказываться полностью в духе современной японской прямоты.

— Но мы можем устроить так, чтобы Кролик получал оперативную информацию только по ходу дела.

К счастью, Гюнберк возразил сразу:

— Ну нет. Такое удаленное микроуправление — гарантия катастрофы.

Ваз долгое мгновение молчал, стараясь делать вид, будто напряженно мыслит, обдумывая трудное решение.

— Может быть, существует способ получить от Кролика всю... «грандиозную схему» с минимальным риском. Допустим, что мы *не дадим* Кролику окончательных деталей заранее. Допустим, что мы в ночь взлома бросим кого-нибудь из наших людей в Южной Калифорнии на место действия?

— А как же тогда с опровержимостью? — спросила Кейко. — Если во взломе участвует наш агент...

— Подумай, Кейко: мое предложение — это *риск*, что узнают американцы. Твое предложение — *гарантия*, что они узнают. И риск мы можем сделать низким. Мы просто поместим неподалеку нашего агента, в хорошо спланированной позиции с почти нулевыми задержками. То, что американцы называют Местный Хончо.

Гюнберк просветлел:

— Как Элис Гонг в Сьюдад-Хенераль-Ортис!

— Да, вот именно.

Он не думал об Элис, но Гюнберк был прав. В Ортисе на ринге была Элис Гонг, почти в одиночку обнаружившая и обезвредившая Фронт Бесплатной Воды. Может быть, Фронт все равно бы потерпел неудачу. В конце концов, никто еще не пытался в качестве дешевого ствола купить три сотни мегатонн. Но если бы бомбу взорвали, то эта «декларация принципов» прикрыла бы всю индустрию пресной воды по всей Западной Антарктике. Для мира Гонг осталась неизвестной, но среди ра-

ботников разведок стала вроде легенды. Как тот, кто на стороне добра.

Слава богу, ни Браун, ни Мицури не заметили неловкости Альфреда при упоминании ее имени.

— Ввести такого Хончо будет трудно, — сказала Кейко. — Как его туда направить — под видом туриста или в грузовом контейнере? — По-настоящему черное внедрение выглядело как контрабанда ОМП; само по себе труднейшая операция с любой точки зрения. — Ни один из моих агентов на месте для такой операции не годится. Тут нужен особый человек, особые таланты — и особый допуск.

— Есть у меня несколько хороших агентов в Калифорнии, — сказал Гюнберк, — но ни одного на таком уровне.

— Это не важно, — проговорил Ваз, и голос его наполнился стальной решимостью. — У меня есть твердое намерение поехать лично.

Ему случалось удивлять этих двоих, но сейчас будто бомба взорвалась. Браун застыл с отвисшей челюстью.

— Альфред!

— Да, это настолько важно, — сказал Ваз. И посмотрел на них максимально прямо и искренне.

— Но ты же кабинетный работник, как и мы!

Альфред покачал головой. Сегодня ему придется отклеить некоторые факты от своей биографии. Будем надеяться, что она не развалится вся. Он провел годы, «встраиваясь» в качестве чиновника среднего звена в Управление внешней разведки. Если его раскроют, то в лучшем случае он кончит премьер-министром, выпихнутый обратно в возню высокой политики. В худшем... в худшем Гюнберк и Кейко могут догадаться, что он действительно делает в Сан-Диего.

Ваз --> Внутреннему офису УВР: <sm> Открыть биографический пакет 3 для совместного обзора разведок. </sm>

Вслух он сказал:

— У меня есть опыт полевой работы. Кстати, в США, в начале десятих годов.

Браун и Мицури посмотрели на него долгим взглядом. Они внимательно изучали материалы. БиоПак-3 покажет им эти

операции. Все соответствовало тому, что они знали раньше, но открывало новые стороны их индийского приятеля. Первым пришел в себя Гюнберк.

— Да... понимаю. — Он помолчал, читая дальше. — Отличная работа, Альфред. Но это было несколько лет назад. А нынешнее задание будет густо нагружено сетевой техникой.

Альфред кивнул.

— Верно. Я немолод. — Мицури и Браун полагали, что ему чуть за пятьдесят. — С другой стороны, моя специальность здесь, в УВР — сетевые вопросы, так что я не отстал от жизни.

На лице Кейко мелькнула удивленная улыбка:

— И ты знаешь эту операцию лучше всякого другого. Поэтому там, на месте, ты сможешь добыть критическую информацию, не раскрывая ее Кролику...

— Верно.

Гюнберк по-прежнему был недоволен.

— И все же это очень опасная операция. Да, мы, великие державы, конкурируем друг с другом. Но когда речь заходит об угрозе Оружия, мы должны быть едины. Это первый раз за все время моей службы, когда нарушается соглашение.

Альфред мрачно кивнул:

— Мы должны докопаться до истины, Гюнберк. Вполне может быть, что насчет Сан-Диего мы ошибаемся. Тогда мы радостно и молча выходим из дела. Но каков бы ни был источник этого оружия, мы должны его найти. И если окажется, что это Сан-Диего, американцы наверняка будут нам благодарны.

Мицури и Браун обменялись долгим взглядом. Наконец они кивнули, и Кейко сказала:

— Мы поддержим внедрение Местного Хончо, предположительно — тебя. Я подготовлю планы отступления на случай, если ты будешь раскрыт. Мы обеспечим сетевую и аналитическую поддержку. А как работать с критическими данными на месте, решать будешь ты...

— И ты не дашь мистеру Кролику получить полную информацию! — добавил Гюнберк.

После ухода друзей Альфред еще посидел несколько минут у себя в кабинете. Слишком все было близко к краю.

При наивысших ставках всегда множатся угрозы. План «Кролик» был самой секретной операцией, в которой когда-либо участвовало (заведомо) индийское правительство, и получить поддержку премьер-министра оказалось нелегко. Сегодня Кейко и Гюнберк чуть не прикрыли его так радикально, как мог бы только премьер. А Кролик... ладно, пусть ИИ — фантазия, но Кролик именно та угроза, какой боялись Гюнберк и Кейко.

Альфред слегка расслабился, позволил себе улыбнуться. Да, угрозы плодятся... гм... как кролики. Но сегодня он столкнулся с некоторыми из этих угроз и нейтрализовал их. Уже недели он планировал роль Местного Хончо. И кончилось тем, что Гюнберк и Кейко дали ему естественный предлог быть на месте действия, в Сан-Диего.

18

ОБЩЕСТВО СПЕЛЕОЛОГОВ-МИАСТЕНИКОВ

«Кабала» по-прежнему собиралась на шестом этаже библиотеки, но теперь там все было совсем по-другому. Роберт поднялся на лифте, избегая встречи с гачекистами и их Библиотекой Воинствующей. Все же оставаться в реальности было трудно. Теодор Гайзел еще удерживал вестибюль, но администрация во всех прочих местах уже сдавала пространство разума и осязания. Скуч-э-мауты заполнили цоколь, дальше под землей, говорят, царил Говард Лавкрафт — там, где раньше был архив.

А шестой этаж... он был пуст, ободран до голых полок. От выхода из лифта в центре сквозь скелеты полок виднелись окна. Измельчители книг пришли и ушли. В юго-восточном углу сбились в кучку заговорщики, как социалисты двадцатого века, планирующие строительство империи посреди ее очевидного крушения.

— Так что же сдерживало вторжение Библиотеки Воинствующей? — спросил Роберт, показывая рукой на грубую реальность пустых полок.

Ответил Карлос:

— Официальное объяснение — задержка в поиске новейших тактильных средств. На самом деле — политика. Скуचितы хотят получить этот этаж под свою вселенную. Библиотека Воинствующая упирается. Администрация может разочаровать обе стороны и устроить тут имитацию, какими были библиотеки, когда книги были настоящими.

— Но с липовыми изображениями книг?

— Ага. — Томми улыбался. — А чего ты ожидал? Но пока что этим этажом владеем мы.

— Нас не победили, джентльмены, — заявил Уинни с суровым лицом. — Мы давно знали, что это неизбежно. Мы проиграли большую битву. Но это только первая битва войны. — Он глянул на Томми.

Паркер показал на светодиод у себя на компьютере.

— Мертвая зона установлена. Самое время возобновить наш серьезный преступный заговор. — Он улыбнулся, но глаза его осматривали всех по очереди, заглядывая прямо в глаза. — О'кей. Я свой поиск выполнил. Я могу провести нас в пропарочные туннели. Я даже организовал торжества, которые уберут с нашей дороги штат лабораторий. Я могу провести нас к контейнерам с обрывками, и у меня есть этот аэрозольный клей. И мы можем здорово насолить проекту «Либрареом» и лично Гуэртасу. Конечно, это не остановит процесс, но я...

Уинни хмыкнул:

— Мы уже согласились, что остановить его совсем невозможно. Но мы можем встать на пути мерзавцев, применяющих самые деструктивные методы, — ну, и этого должно быть достаточно.

— Согласен, декан. Это именно то, что мы можем. Все готово, недостает лишь одного ключевого ингредиента.

Он покосился на Роберта.

Такова сила здравого смысла, что Роберт почти на треть секунды заколебался. Потом он полез в карман и вытащил коробочку, которую дал Незнакомец.

— Посмотри вот это, Томми.

Паркер поднял брови:

— Ты меня приятно удивил, Роберт. Я ждал бумажной салфетки или чего-то такого. — Глянув на экран лэптопа, он взял коробочку. — Похоже на набор снятия биометрики. — На коробочке сейчас были цветные этикетки, объявлявшие именно об этой функции. — Как тебе это удалось?

Вот именно, как? Роберт не мог придумать сейчас ничего правдоподобного или осмысленного.

Томми неверно истолковал его молчание.

— Правильно, не рассказывай. Я должен сам сообразить. — Он улыбнулся, глядя на коробочку, потом сунул ее в карман. — О'кей, значит, мы готовы. Осталось решить вопрос о времени.

Ривера подался вперед:

— Скоро. Слишком интенсивно идет строительство лабораторий между кварталами.

— Ага. И другие ограничения тоже имеются. Вы не поверите, какую мне пришлось провести подготовку. Я связался с консультантами по «иньяну»... не беспокойтесь, декан, никто не знает больше малой доли того, что я делаю. Кажется, я становлюсь настоящим специалистом по «аффилиации». — Томми был чертовски доволен собой. — И у меня это получится, люди! Черт, как в старые добрые дни — разве что не для тебя, Карлос, ты тогда еще не родился.

Он улыбнулся, глядя на Уинни и Роберта. Роберт часто ходил с ним в подземные приключения, впечатление сильное: пробраться через сотни футов туннеля и потом вылезти наверх в зданиях темных, пустых и часто недостроенных. Иногда в колодцах были лестницы, иногда нет.

Уинни Блаунт тоже слегка улыбался:

— Да, «Общество спелеологов-миастеников». — Он нахмурился, вспомнив больше. — Нам повезло, что шею не сломали.

Классический комментарий администратора, которому в кошмарах видится ответственность и судебные тяжбы.

— Ага. Это было интереснее игр и куда опаснее. И вообще, это было еще до компьютеров — по крайней мере в современном смысле слова. Сегодня все по-другому, но мои поиски и этот биофиль, полученный от Роберта, помогут мне провести нас мимо сторожевой автоматики. Разумеется, если время мы рассчитали правильно. В следующие шесть недель будут три короткие временные щели, когда все дыры в системе безопасности выстроятся в линию.

— И когда первая? — спросил Уинни.

— Уже скоро. Через неделю от следующего понедельника. — Томми повернул лэптоп, чтобы было видно остальным. — Мы пройдем через Пильчнер-Хилл. — Он начал пространное рассуждение, как организует это приключение. — ...И здесь вот туннели разветвляются, уходя из кампуса. Когда минуем эту точку, можем двигаться почти полмили, выйдя под старыми лабораториями «ДженГен».

— Лаборатории Гуэртаса сразу к северу оттуда, — сказал Ривера.

— Ага. Шансы десять к одному, что мы туда попадем, сделаем, что хотели, — и, быть может, даже выберемся!

Ни Риверу, ни Блаунта такая перспектива не смутила. Уинни, помолчав, сказал:

— Мы действительно не можем больше откладывать. Я голосую за этот срок — неделя от понедельника.

— Я тоже, — сказал Роберт.

— Wo tongyi. Да.

— Ну, о'кей! — Томми повернул компьютер экраном к себе и сделал какую-то заметку. — Приходите с носимыми, но я достану новую одежду и всю необходимую электронику. Я...

— Есть еще одно, Томми, — перебил Блаунт.

— Ой-ой.

— Не слишком важная вещь, но может дать нам нужную прессу.

— Гм...

— Я предлагаю, чтобы мы взяли с собой удаленную личность, этого Шарифа.

— Это *безумие!* — Томми вскочил на ноги — и резко сел. — Вам нужна там удаленная личность? Вы не поняли? Вы там даже *носить* не будете.

Уинни вкрадчиво улыбнулся.

— Но вы же принесете с собой электронику, Томми? Она может поддерживать его присутствие?

Паркер забулькал от возмущения.

— Как, по-вашему, декан, создается удаленное присутствие?

— Ну, это просто такой вид наложения...

— В смысле изображения — да. Но оно не локальное. За этим симпатичным образным рядом — высокоскоростная связь и передача через внешние микролазеры. Там, в туннелях, случайных сетей нет. Все мои планы основаны на том, чтобы мы шли тихо-тихо, в частности, не использовали никаких узлов лаборатории. А то, что предлагаете вы...

Он покачал головой, будто не в силах поверить.

Роберт посмотрел на Блаунта:

— Я тоже не понимаю. Всего пару недель назад мы отсекли Шарифа как ненадежного.

Уинни побагровел, как в былые времена, когда Роберт раздывал его на собраниях преподавателей.

Роберт поднял руку:

— Уинстон, я просто поинтересовался. Нет, честно.

Блаунт кивнул:

— О'кей. Послушайте, я ничего против него не имею. Мы встречались с ним лично, здесь вот, в библиотеке. Он кажется прилежным аспирантом. Он честно брал у вас интервью, так?

Когда не был Незнакомцем или мистером НФ. Роберт понял, что сейчас одно слово от него — и весь план будет отвергнут. Не думал он, что предательство окажется работой на полную ставку.

— Да. Его вопросы бывали зачастую дурацкими, но вполне с академической целью.

— Вот именно! Я хочу сказать, что если не все пойдет сто-процентно как мы хотим, пусть наш вид представит посторонний, и лучше всего тот, кто точно видел, что мы делаем. Разница может быть вот в чем: молча сесть за решетку — или сделать действенное моральное заявление.

— Да, — согласился Ривера. — Профессор Паркер, вы гений систем безопасности. Но даже самый тщательный план может не сработать. Если вы сможете включить Шарифа, это будет... как страховочная сетка.

Томми уже чуть не бился головой об стол.

— Ребята, вы сами не понимаете, чего просите.

Но при всей своей истерике он не говорил «нет». Через минуту он сел ровно и сердито посмотрел на них.

— Вы меня просите сотворить чудо. Может, мне это и удастся, может, нет. Дайте мне день подумать.

— Конечно, профессор.

— Без проблем, — с облегчением улыбнулся Блаунт.

Томми покачал головой, сгорбился за ноутбуком и так и сидел, когда остальные заговорщики закрыли заседание и направились к лифтам.

Обычно к моменту их прихода лифт уже ждал. Сейчас, очевидно, мертвая зона Томми оставила программы лифтов в неведении. Посмотрев какое-то время на закрытую дверь, Карлос протянул руку и нажал кнопку вызова вниз.

— Преимущество сохранения древних средств управления, — сказал он, слегка улыбнувшись.

Улыбался во весь рот и Уинни, только отнюдь не по поводу лифтов.

— Вы не волнуйтесь, Томми найдет решение.

Роберт кивнул:

— У него же это всегда получается?

— Ага, — согласился Уинни, и все засмеялись.

Тут вдруг Роберт сообразил, зачем Карлосу и Уинни понадобилось участие Шарифа.

Когда открылись двери лифта и Ривера с Блаунтом вошли, Роберт сказал:

— Я вас догоню. Кажется, мне стоит еще раз посмотреть на Библиотеку Воинствующую.

Уинни закатил глаза:

— Это как угодно.

И они уехали.

Роберт с минуту постоял, слушая шум удаляющегося лифта. За дверью на лестницу слева находился спуск в виртуальную библиотеку. Фальшивых землетрясений больше не было, но Библиотекари Воинствующие все еще играли с мощными стабилизаторами. Поскрипывания каменной кладки звучало теперь уже громче, чем шум лифта. Пол под ногами вибрировал в такт мотиву из фантазий Иржи Гачека.

Роберт подождал еще немного, а потом — вместо того, чтобы направиться к лестнице — пошел по шестому этажу обратно к Томми Паркеру.

Томми сидел, уткнувшись носом в компьютер. Светодиод, обозначающий активность мертвой зоны все еще горел. Томми вполне реально походил на чернокнижника, изучающего том древних преданий, не нужно никакой виртуальной реальности. Роберт тихо сел напротив и стал смотреть. Вполне возможно, что Томми даже не заметил его прихода. Он умел полностью погружаться в игры, загадки, планы взлома.

«Я всюду, я появляюсь, где хочу, чтобы получить результаты, которые мне нужны». Так бахвалился Таинственный Незнакомец. После вчерашнего, после чуда в ванной комнате Роберт готов был поверить, что, кем бы ни был этот Незнакомец, он и впрямь обладает той силой, о которой говорит.

Интересно, что у него есть на Уинни и Карлоса?

Наконец Роберт нарушил молчание:

— Так как, Томми, глубоко мы влипли?

Из-за края ноутбука показались синие глаза. Выражение лица Томми ясно спрашивало, какого черта Роберт здесь делает. Потом взгляд Томми вернулся к компьютеру.

— Черт его знает. Я просто хочу, чтобы вы все уже что-то решили. — Быстрый взгляд в сторону Роберта. — Но ты ведь не был сторонником этого изменения?

— У меня по этому поводу... смешанные чувства. — Незнакомец будет завтра на месте, подтвердив заявление о своей вездесущести. — Всегда считал, что вам, техническим гениям, надо давать действовать по-вашему.

— Ага, — кивнул Томми.

Вообще-то прежнему Роберту было со всех сторон на технику плевать. Сейчас — по-другому.

— Я помню, ты всегда умел вынуть из шляпы очередное чудо. На сей раз мы просим слишком многого, Томми?

Паркер выпрямился и оторвался от компьютера, обратив свое внимание на Роберта.

— Я... Роберт, я просто не знаю. В прежние дни я бы в жизни такого не провернул. Я умею проектировать супермикросхемы под конкретные приложения. Умею взламывать протоколы. Могу показать с десяток фокусов вне моей узкой академической специальности. Но все это сейчас уже не очень ценится. Выходит так...

— Выходит так, что ты работаешь над проблемами, слишком серьезными для любого набора специальностей?

— Точно! Откуда ты знаешь?

Мне миз Чамлиг говорила. А вслух Роберт сказал:

— Сегодня приходится иметь дело с совершенно не связанными специальностями.

— Верно. Некоторые из главных моих умений до сих пор важны. И в них я действую не хуже, чем раньше. Но... когда я уходил на покой, я для своего факультета был почти обузой. Некоторые курсы я знал отлично, но когда пытался читать объединительные курсы... понимаешь, я всю жизнь опережал своих студентов, даже в новых вещах. Но к концу я сильно поплыл. В последнем своем семестре выкрутился, давая недельные проекты, а потом детки сами критиковали друг друга.

Он был серьезно смущен. Это чувство прежнему Роберту знакомо не было — *но я всегда мог определить, что такое качество и мастерство.*

— В общем, уйдя на пенсию, я снова пошел в школу — по крайней мере мысленно. Оказывается, нужен совершенно дру-

9- Конец радуг

гой взгляд на решение проблем, если ты большие проблемы хочешь решать *быстро*. Все равно что осваивать новые мощные средства, только теперь это не просто там Гугль или пакеты математики символов, это еще и форумы идей и предположений о будущем, а еще...

— А еще нужно иметь дело с людьми?

— Оно. Люди в мои уравнения никогда не входили — но это теперь не важно. Есть проектные бюро, специализирующиеся по работе с ними в мягких перчатках. — Томми доверительно наклонился. — С тех пор как я начал работать над этим проектом, все стало сходиться. Проникнуть в туннели было бы бесполезно, если бы сотрудники остались в лабораториях. И потому я превратил политическое маневрирование между гачекистами и скучистами в самое зрелищное отвлекающее мероприятие СМИ — в стычку кругов верующих. Ты не представляешь себе, как это будет здорово! Я нашел координатора дизайна, который понял, чего я хочу. Я дал общее понятие, а он его выращивает по всей планете. И детальные планы вырастают, где должны!

Томми выпрямился. Его досаду будто ветром сдуло от этого видения новых своих возможностей.

— И посмотри на мой компьютер! — Он любовно погладил прибор. Корпус был весь в зазубринах и царапинах, будто его вскрывали поколения взломщиков. Светодиоды на верхней панели выглядывали из ямок, прорубленных в металле. Старина Томми не верил в «отсутствие обслуживаемых пользователем деталей». — Я за все эти годы всю начинку заменил. Слишком часто изменения делались ради соответствия новым стандартам и этой чертовой БАС. Но сейчас, за последние пару месяцев, я в этот ящик засунул целую революцию. Подрывающую нетривиальные детали Безопасной Аппаратной Среды. Клянусь, Роберт, я оказался круче, чем ДАРПА и ЦРУ двадцатого столетия, вместе взятые.

Роберт какое-то время помолчал. Потом он сказал:

— Готов спорить, ты сообразишь, как включить Шарифа.

— Ха! Это будет всего лишь глазурь на торте. Очевидный способ, еще прямо из двадцатого века: просто проложить соб-

ственный кабель. Это даст поддержку достаточной скорости передачи данных — для Шарифа, во всяком случае, достаточной, — а мы все равно остаемся незаметные и тихие. — Он посмотрел на Роберта и, очевидно, принял его молчание за недоверие. — Я знаю, идти далеко, а система безопасности в туннелях в основном будет работать. Но есть такой тип оптического волокна в скользкой оболочке... или будет, когда я свяжусь со своим координатором.

— Да. С координатором.

Я всюду, и я появляюсь в любом удобном мне виде, чтобы получить результат, которого я хочу...

Этот новый мир — родина чудес, но у чудес тоже есть иерархия. Есть то, что могут сделать Хуан и Роберт. Есть то, чему пытаются научить Луиза Чамлиг. Есть то, чему Томми научился сам. А где-то над всем этим есть то, что может сделать Таинственный Незнакомец.

19

ЕСТЬ ВОЗМОЖНОСТЬ ПРОВАЛИТЬСЯ

Заключительные экзамены в Фэрмонте растянулись на несколько дней. Были какие-то похожие моменты, которые Роберт помнил с детства. Детей манили грядущие каникулы. И более того, сезон рождественских фильмов начинал проникать в различные общие миры, в которых они жили.

Но экзамены отличались от его школьного опыта в одном фундаментальном смысле: для Роберта Гу эти экзамены были *трудными*. Не было прежнего убеждения, что он должен на всех тестах набрать максимум и обойти соучеников. Единственная похожая ситуация была у него в студенческие годы, когда его заставили быстро пройти несколько настоящих курсов есте-

ствознания. И там он наконец-то встретил студентов, которые не были автоматически ниже его — а также учителей, которых не ошеломляла его гениальность. Но пройдя эти обязательные курсы, Роберт в дальнейшем избегал подобных унижений.

До сих пор.

Математика и формализованный здравый смысл. Статистика и механика данных. Поиск и анализ. Даже экзамен по поиску и анализу ограничивал возможности ученика выйти в сеть и воспользоваться чужим интеллектом. Хотя Чамлиг учила помогать друг другу, она не забывала зудеть о соревновании, лежащем в основе всего. И теперь все ее нескладные банальности сложились вместе в этой адской неделе тестирования.

Сразу после экзамена по «здравому смыслу» проявился Таинственный Незнакомец. На этот раз был только голос и зеленое сияние.

— Трудности с экзаменами, друг мой?

— Пройду.

На самом деле математика оказалась интересной.

Мири --> Хуану, Сю: <sm> Он опять с кем-то разговаривает. </sm>

Сю --> Хуану, Мири: <sm> И что он говорит? </sm>

Мири --> Хуану, Сю: <sm> Не знаю. Местный звук стал недоступен для публики. Хуан! Зайди туда. </sm>

Хуан --> Мири, Сю: <sm> Ты мне не командир. Я так и так собирался сейчас говорить с Робертом. </sm>

Незнакомец засмеялся:

— В Фэрмонте не ставят автоматически «А» или хотя бы проходные оценки. И есть возможность провалиться, вполне реальная, но вы...

Роберт увидел избавление: от здания классов к нему шел Хуан Ороско. А Незнакомец продолжал говорить:

— ...и Хуан Ороско — не железные кандидаты на «F». Профтехклассы сдают по упрощенной программе. Вот видели бы вы экзамены, которые ваша внучка сдавать будет...

— При чем здесь моя внучка?

Если этот слизняк ее сюда втравил...

Но голос не ответил.

Хуан вопросительно огляделся:

— Вы с кем-то говорили, Роберт?

— Не на школьные темы.

— Я потому что никого не видел.

Он помолчал нерешительно, и буквы поплыли мимо Роберта:

Хуан --> Роберту: <sm> Это очень важно — чтобы никто не помогал за пределами правил. </sm>

— Я понимаю, — ответил Роберт вслух.

— О'кей.

Хуан явно не думал, что Роберт может пройти все тесты. Иногда казалось, что этот бедный мальчик даже хочет его защитить.

— Понимаете, — продолжал Хуан, — в школе по-настоящему хорошая служба прокторов. Может, есть ребята, которые могут ее обмануть, но куда больше таких, которые думают, будто могут.

А еще есть Таинственный Незнакомец, у которого вроде бы вообще нет проблем с любой охраной.

Столь силен этот Незнакомец, и все равно получает удовольствие, дразня Роберта. Может ли это быть кто-то из прежних врагов — только намного, намного талантливее Уинни Блаунта?

— Но я думаю, Роберт, что у нас есть неплохие шансы на «А» за семестровую демонстрацию.

Мальчик пустился в обсуждение последних планов использовать свои писания вместе с ручной музыкой и сетевыми алгоритмами Роберта. Слепой вел слепого, но через несколько секунд Роберт погрузился в его планы с головой.

В доме обстановка была очень напряженная, и это не имело никакого отношения к экзаменам. Факт тот, что скандал, учиненный Робертом возле дверей ванной, мог считаться физическим нападением. Не важно, что он пытался защитить

Элис — вряд ли он мог бы так сказать. На сей раз не было угроз, не было крупных разговоров. Но Роберт видел в глазах Боба тревогу, которой раньше не было. Так мог смотреть человек, вдруг задумавшийся, не оказалась ли змея, которую он держит в доме, на самом деле черной мамбой. *Этот* вывод доставит Роберта в «Конец радуг» куда быстрее любой неучтивости.

Мири подкинула ему небольшой намек, почему этого не случилось. Она поймала его как-то днем, когда он бродил по Уэст-Фоллбруку, надеясь на контакт с какой-нибудь дружественной формой Шарифа.

Мири проехала рядом с ним несколько шагов на своем старом велосипеде, принаравливаясь к его скорости и сильно виляя. Наконец спрыгнула и повела велосипед. Как обычно, держалась она откровенно по-учительски. Посмотрела на него искоса и спросила:

— Как идут экзамены, Роберт?

— Привет, Мири! Как у *тебя* экзамены?

— Я первая спросила! И вообще ты сам знаешь, что у меня они начнутся только после перерыва. — Ее быющее через край желание командовать схлестнулось с дипломатией. — Так как у тебя дела?

— Похоже, что по математике я получу «С».

Она широко раскрыла глаза:

— Ох, извини!

Роберт засмеялся:

— Да нет, это *хорошая* новость. Я бы никогда даже не понял этих задач — тогда, до Альцгеймера.

Она болезненно улыбнулась:

— А, ну тогда о'кей.

— Гм... один... мой друг сказал мне, что в твоем классе ребята действительно в этом здорово разбираются.

— Мы знаем эти средства.

— Я думаю, что мог бы знать математику куда лучше, — сказал Роберт почти про себя. — Это даже могло бы быть интересно.

Конечно, если сбудутся его планы на ближайшие дни, к нему вернется поэзия, а все остальное станет совершенно безразлично.

На этот раз Мири улыбнулась веселее.

— Ручаюсь, мог бы! Знаешь... я бы могла тебе здесь помочь. Я по-настоящему люблю математику, и у меня есть всякие эвристики, индивидуально настроенные. Я могла бы показать тебе на каникулах, как с ними работать.

В ее голосе появились руководительские нотки — она уже планировала за него каникулы. *Это в ней Элис говорит*, подумал Роберт и чуть не улыбнулся.

— Погоди, еще экзамены надо сдать. — И он снова задумался насчет последнего плана демонстрации Хуана. Мальчик работал отлично. А вот у Роберта были затруднения с его частью, с графикой и интерфейсами. — Вот здесь мне действительно нужна помощь.

Мири резко обернулась:

— Роберт, я не стану помогать тебе жульничать!

Они остановились, глядя друг на друга.

— Мири, я же не это имел в виду!.. — И тут он понял, что сказал на самом деле. *Бог ты мой, в прежние дни я оскорблял всех подряд направо и налево, но хотя бы делал это сознательно!* — Честно. Я просто имел в виду, что экзамены для меня проблема. Понимаешь?

Лена --> Мири, Сю: <sm> Детка, спокойнее. Даже я не думаю, что Роберт пытался подбить тебя на такое. </sm>

Сю --> Лене, Мири: <sm> Тогда это у тебя в первый раз. </sm>

Мири посмотрела еще секунду в упор, а потом издала странный звук — похоже, хихикнула.

— О'кей. Мне стоило сообразить, что Гу не мошенничают. Просто я *жуточно* разозлилась на кое-кого из ребят у меня в группе. Я им говорю, что делать. Говорю им не жульничать. А они все равно подчищают протоколы.

Она снова зашагала, и Роберт пошел за ней.

— На самом деле, — сказала она, — я просто искала способ начать разговор. У меня есть... ну, что-то, что я должна тебе сказать.

— Да?

— Да. Боб хочет тебя услатить за пределы штата. Он решил, что ты пытался ударить Элис.

Она замолчала, будто ожидая оправданий.

Но Роберт только кивнул, вспомнив взгляд Боба. Значит, «Конец радуг» совсем уже близко.

— Сколько у меня времени?

— Вот это я и хотела сказать — чтобы ты не тревожился. Понимаешь...

Оказалось, что его спасение пришло с совершенно неожиданной стороны — от полковника Элис лично. Очевидно, она, со своей стороны, не чувствовала ни малейшей угрозы.

— Элис понимала, что ты просто в отчаянии, то есть... — Мири исполнила вербальный танец обхода оскорблений и грубости: на самом деле Элис думала, что он просто сумасшедший старик. А сумасшедшие старики ломаются в уборную в любое время, они на этой проблеме заиклены. Более того, Элис не считала, что он, когда схватил ее руками, на нее напал. Роберт помнил, как саднила голова после того, как он перелетел через ее ногу и стукнулся о косяк. Черный пояс в чем-нибудь-там явно был одним из мириадов СО Элис. Опасна на самом деле она. Бедная Элис, бедный Боб. И бедная Мири.

— В общем, она сказала Бобу, что он слишком сильно реагирует и что тебе нужно здешнее школьное обучение. Она сказала, что ты можешь оставаться до тех пор, пока твое поведение будет... — Мири запнулась и посмотрела на Роберта. Ей не удавалось найти слов, которые дипломатично выразили бы мысль Элис: «Пока ты не будешь доставать мою дочь».

— Понимаю, Мири. Я буду вести себя хорошо.

— Ну и о'кей. — Мири огляделась. — Я... наверное, это все, что я должна была сказать. И дальше... ну, в общем, делай что делаешь. И удачи тебе на экзаменах.

Она вспрыгнула на велосипед и быстро умчалась. У старого велика было всего три скорости. Роберт покачал головой, но не мог сдерживать улыбки.

20

ОФИЦЕР НА ДЕЖУРСТВЕ

У Роберта кончились экзамены. Он заработал средний балл 2,6 и «В» по «поиску и анализу». Работал он так, как никогда раньше. Если бы только не то, что все это должно стать несущественным, он бы собой гордился.

Была вторая половина понедельника, и Роберт уже считал часы, почти начал считать минуты. Таинственный Незнакомец в эти дни появлялся крайне редко. «Кабала» заседала пару раз, Томми скупно выдавал информацию по принципу «что необходимо знать» — он слишком много начитался шпионских романов. Пока что Роберт знал, что сегодня они встречаются в библиотеке в 17.30.

А тем временем где-то под Кэмп-Пендльтоном...

В теории считалось, что быть дежурным офицером в континентальных юго-западных США — та же работа, что командовать где-то на краю света операцией «разведка и удар». В теории здесь вполне могли отыскаться угрожающие всему миру заговорщики. А практически — это было на родине, в одном из самых защищенных мест на земле. Шансы, что здесь придется наносить удар, почти нулевые. И все же в ближайшие четыре часа подполковник Роберт Гу-младший будет отвечать за защиту ста миллионов своих ближних от массового уничтожения.

Гу приехал на двадцать минут раньше, отметил у дежурного офицера на вахте и посмотрел протокол сбоев ДВБ. Обычно это худшее, что бывало на дежурствах при наблюдениях в континентальных США. Благодаря чуду виртуальной бюрократии, сегодня группа Гу — «Экспедиционная группа корпуса морской пехоты» — входила в состав Департамента внутренней безопасности. Таким образом ДВБ сохранял свой бюджет... гм... нераздутым. «Как любая современная корпорация, ДВБ органически объединяется с любой организацией, кото-

рая в данный момент требуется». Такова была реклама. А сегодня — слава те господи — не было видно даже малейшего глюка авторизации.

Боб обошел бункер, трансформировал зеленые пластиковые стены в окна, открытые в ночь Южной Калифорнии. Воздух был наполнен абстракциями, статусом людей и оборудованием, реорганизацией его доли пула аналитиков. Боб взял кофе из автомата у дверей и устроился за самым обыкновенным столом всего в нескольких футах от зоны запуска.

— Патрик?

Его заместитель появился на той стороне стола:

— Да, сэр?

— Кто у нас сегодня вообще тут есть?

Излишний вопрос, но Патрик Уэстин выдал официальный список. Экспедиционная группа морской пехоты состояла из двенадцати маневровых единиц... называйте их взводами, все их так называют. В двадцатом веке пост Боба соответствовал бы званию второго лейтенанта. С другой стороны, ЭГМП располагалась тысячами машин (хотя большая часть из них по величине были как модель самолета) и огневой мощью, которой хватило бы закончить почти любую войну в истории. Важнее всего для Боба Гу было то, что все его люди прошли боевое обучение не худшее, чем любое в прошлом. Все из морской пехоты. Патрик собрал их на краткое совещание. Комната раздалась в стороны от стола Боба и на несколько минут прикинулась аудиторией. У всех был бодрый вид: давно уже в Континентальных Штатах не случалось По-Настоящему Серьезного.

И во многом — благодаря нам.

— Мы будем здесь четыре часа, — сказал Боб. — Хочется надеяться, что эти часы окажутся очень и очень скучными. Пока это будет так, можете находиться в помещениях рядом с вашими машинами. Но почти все вы уже бывали вместе со мной на дежурстве. Вы знаете, чего я от вас хочу: держать глаза открытыми. Поддерживайте контакт с аналитиками.

Он махнул рукой в сторону аналитической группы. Для наблюдения за юго-западом США их было полторы тысячи вы-

деленных специалистов, но со связями, подключающими сотни тысяч сервисов и миллионы встроенных процессоров. Сегодня пулом аналитиков командовала Элис, и перемены уже были очевидны: трехмерное воронье гнездо преобразовалось в ясную схему, редко встречающуюся вне мечтаний управленца. Помимо этой блестящей реорганизации, отображение было попросту удобно. Между людьми, имеющими допуск и возможность общаться непосредственно, протянулись сотни цветных нитей ассоциации. То и дело вспыхивали массы разнообразных нижних уровней; оценки и связи менялись с каждой секундой.

Боб показал на красноватые пятна угрозы, которые всегда присутствовали в этой смеси.

— О чем нам следует беспокоиться в ближайшие четыре часа?

Аналитики за красными узлами тут же выбросили согласованный список с поддерживающими указателями.

Но даже параноик мало что из него извлек бы:

Действия

Возможные протесты против «Либрареома» в университете Сан-Диего

Беспорядки, устроенные кружком верующих, почти достоверные
Возможные организованные участники

Кружок верующих Иржи Гачека

Оценка Индо-Европейского следа по ЦРУ

Кружок верующих Скуч-э-маут

Оценка ЦРУ Центрально-Африканской связи

Оценка ЦРУ связи в Субсахарском регионе

Оценка ЦРУ связи с Парагваем

Доклад RIAA Конгрессу

Коммерческие организации

Возможные угрозы инфраструктуре

Близость к важным пунктам с точки зрения Национальной Безопасности

«Дженерал Геномикс»

«Гуэртас интернейшнл»

Возросший импорт нелегальных вычислений

Оранжевое графство

Графство Лос-Анджелес

Внемасштабно низкая оценка вероятности предыдущих пунктов

Вопросы правопорядка

Рейд ФБР на «Сплендор-Фарм» в Лас-Вегасе, почти достоверное событие

Возможная просьба о поддержке разведкой

Рейды по борьбе с улучшенными наркотиками Управления по борьбе с наркотиками в графстве Керн

Возможная просьба о поддержке разведкой

Возможная деятельность вне данной зоны

Поселки островитян Тихого океана в Альберте

Лица, представляющие интерес

Аризона

Калифорния

Графство Сан-Диего

Возросшее количество краткосрочных гостей из Южной

Азии

Прочие

Невада

Отводы

Боб дал списку минуту повисеть.

— Ха! — сказал кто-то из сержантов. — Зато хотя бы полицейские не составят проблемы.

Отвергнуть запросы органов правопорядка сегодня будет просто, не как в случае предотвращения киднеппинга или убийства.

Какая-то сержант-техник посветила на кластер событий в университете Сан-Диего.

— Вот что нам даст работу. — Световой указатель остановился, расширяясь на определениях. — Что? Драка *между* кружками верующих? Никогда о таком не слышала.

Ей в ответ засмеялся кто-то из самых молодых.

— Стареешь, Нэнси. Раздрай между различными верованиями — трагически ново.

Боб не пытался разобрать этот сленг, но он достаточно слышал Мири и отца, чтобы понять смысл. Он развернул описание ожидающихся беспорядков.

— Это похоже на комбинацию демонстрации протеста двадцатого века и современного гейминга. Должно быть безобидно, как большинство публичных событий. Проблема в том, где это.

Слишком много биолоботорий возле УСД, чтобы не беспокоиться из-за любой нестабильности.

— А вот к этому очень стоит приглядеться. Обратите внимание на статистику интересующих нас иностранцев. — Он передвинулся к линку на «Лица, представляющие интерес». Как обычно, они развернулись в десятки тысяч элементов. В тот или иной момент любой — кроме мертвых, которые все равно учитывались из-за паранойи биологического террора, — попадал под наблюдение. — Я не собираюсь просить вас прокачать всех ЛПИ, иначе наше дежурство затянется на целый год. Но смотрите, что вам будут давать «призраки», и следите за переменами.

Последнее было классической мудростью, проверенной в десятках свершившихся и предотвращенных катастроф в текущем столетии. У аналитиков всегда был миллион подозреваемых, но когда они выходили в жесткий холодный мир реального времени, успех зависел от того, обращают ли на них внимание оперативники.

И был один пункт несколько ниже остальных: «Отводы» — то есть члены группы, чем-то компрометирующие дежурство. Обычно это был самый параноидальный список из всех — но группа Боба не видела здесь массы подробностей. Даже линка не видела. Такие извещения шли с грифом «Лично» для него и его заместителей. Практически же, если бы здесь возникли какие-либо серьезные проблемы, они были бы решены задолго до брифинга.

— Вопросы?

Он огляделся. Какое-то время все молчали — морпехи вникали в детали, отвечая сами себе на множество вопросов. Заговорил тот молодой, с жаргоном:

— Сэр, а вот железо, оно то же самое, что для иностранных экспедиций по борьбе с технологическими угрозами?

Боб посмотрел ему в глаза.

— Техника усиления легче обычного... и это единственное отличие, капрал. Наша задача — защищать, но в конечном счете это означает защищать всю страну. — *Иногда можно сказать, весь мир.* — Так что — да, мы несем полный стратегический заряд. — Он отклонился назад и оглядел всех своих морпехов. — Я не ожидаю проблем. Если будем работать внимательно, в Калифорнии пройдет еще один мирный вечер.

Он отпустил людей, и комната сжалась до своих истинных размеров. Патрик Уэстин задал несколько уточняющих вопросов о разворачивании взводов, и его образ тоже исчез. Боб Гу выключил все наложения, и ненадолго остались только его стол и стул возле кофеварки. Дверь справа вела к реальной технике. Если повезет, сегодня он ее не увидит.

Боб --> Элис: <sm> У тебя спокойно? </sm>

Элис --> Бобу: <sm> Спокойно и ясно. Эта история с УСД будет хорошей тренировкой перед моим аудитом лабораторий. Потом поговорим. </sm>

Потом — это когда кончится дежурство. Сегодня Элис была главным аналитиком, и не будь она в данный момент Срочно Обучена на аудит, могла бы быть командиром оперативников. Она принадлежала к немногим лицам, имеющим квалификацию и на то, и на другое. В любой роли работать с ней было удовольствием — если бы он мог не думать о жертвах, которые сделали возможным такое совершенство.

Боб допил кофе и вернул визуальные образы, не до конца настроенные на себя. Снова проверил, как там Черил Грант. Она была готова действовать. О'кей, для протокола:

Гу --> Грант: <sm> Заступаю на дежурство, мэ. </sm>

Они обменялись приветствиями. Время пошло. Взводы в полной готовности и пробудут в таком состоянии четыре часа — не слишком долгое время, но примерно максимальное, в течение

ние которого можно поддерживать готовность без лекарственных средств.

У Боба работа была иная. Он, как овчарка, бегающая вокруг отары, переходил от вопроса к вопросу. Смотрел, где проводят время морпехи и аналитики — частично, чтобы предупреждать узкие места, частично — чтобы обнаруживать дыры внимания. В какой-то момент он глянул через выюпойнт популярной прессы над УСД. Это... событие собрало кучу демонстрантов, многие присутствовали физически. А статистика сети показывала в дополнение к демонстрации ситуацию возможного флешмоба. Интересно, смотрит ли это Мири.

Мысль о Мири вернула его к текущему моменту. Он снова просмотрел «Отводы». У половины его морпехов были родственники в УСД — это вообще большая проблема при местных наблюдениях. У говорящего на жаргоне было хобби оформления Скучи, где участвовали множество фэнов Бангалора. Если бы у парнишки в эту ночь не было дежурства, он сейчас был бы в кампусе. Но аналитики отследили его время поминутно на четырнадцать месяцев назад. Были кое-какие мелкие нарушения закона, какое-то злоупотребление улучшенными наркотиками, но ничего, что помешало бы выполнению задания.

Боб провел поиск по всему дереву отводов. Сейчас он уже ушел от указателей, вкапываясь глубоко. Отец не появился. *А я был уверен, что он впутается в эту историю с «Либрареомом».* Хотя это не было бы серьезным основанием для отвода. Он слишком далеко уносился в сторону — обычная проблема для командиров с достаточной самостоятельностью...

Сю Сянь? Имя смутно знакомо, но не выскочило бы само, если бы его собственная фамилия не фигурировала в том же пункте. Сянь была одной из примерно трехсот тысяч на юго-западе США, кто в данный момент представлял интерес по случаю возни с техникой. Конечно, многое здесь было нелегально, и таких людей можно было сплавлять ФБР; но продуктивнее их просто отслеживать. Большинство из них — безобидные хоббисты или нарушители прав интеллектуальной собственности. А некоторые были руками террористических сект. И еще

были гуру-аналитики, стоящие за этими сектами. У Сянь хватило бы сообразительности и образования, чтобы принадлежать к последней категории, но пока самое интересное, что за ней было, это ряд игрушек, ею построенных — просто музей чудакковой электроники. И еще она была соученицей отца. Эта связь фигурировала как «незначительная».

Но была тут еще и ссылка на дом престарелых «Конец радуг»... Эта тетка — соседка матери! И все это время он волновался, какая у матери скучная может быть жизнь! Ну и компания: сумасшедший ученый, его мать-психиатр, и... *это еще что?* Целыми неделями мама, эта Сянь и Мири вели самостоятельное наблюдение за дедом. Дюжина догадок сразу пришла на ум, и... *Работа, работа, за своей работой следи.*

Он решительно отбросил все личные вопросы. Главный вывод из всего этого — вести наблюдения с местным персоналом глупо.

Боб взял еще чашку кофе и сел смотреть виды из УСД и других горячих точек сегодняшней ночи. В современном военном деле потерять сосредоточенность — почти такой же грех, как заснуть на посту. Пора было впахиваться в борозду.

И все же тоненький внутренний голосок из всех сил пытался отвлечь мысль: *Какого же черта задумали Мири с матерью?*

Понедельник, 17:00

Наконец. Закат все еще играл цветами на небе над берегами Ла-Джоллы, когда Роберт заехал на круговую развязку к северу от Варшавски-Холла. Дальше он пошел пешком на восток, к библиотеке Гайзела.

— Готовы к великой ночи, друг мой?

Рядом с Робертом шел Шариф-Незнакомец. Прохожие, кажется, не видели его зеленолицего спутника.

Роберт хмуро глянул на Незнакомца:

— Готов увидеть, что вы обещали.

— Не тревожьтесь. Если у нас сегодня выйдет, получите свой причудливый гений обратно полностью, это я вам говорю.

Роберт хмыкнул. Не в первый раз он подумал, насколько сумасшедшим бывает человек, доведенный до отчаяния.

— И не смотрите так потерянно, профессор. Самое трудное вы уже сделали. Сегодня почти все в руках Томми Паркера.

— Томми? Ну-ну...

— Хмыкаете? — Незнакомец улыбнулся шире. — Значит, вы поняли, кто это чудесное «конструкторское бюро» Томми? Бедняга Томми. Он единственный из всех вас, кто думает, что действует свободно. А меня считает одним из лучших своих партнеров. Понимаете, я могу быть очень мил, когда это абсолютно необходимо.

Людей собралось больше, чем видел Роберт в кампусе даже в свои студенческие годы. Впереди, над библиотекой, висел в небе свет, куда ярче, чем закат позади. Глядя вниз с вершин эвкалиптов, Роберт видел толпы на эспланадах к югу и востоку от библиотеки. Кажется, там собралось несколько групп, не смешивавшихся друг с другом.

— А что тут происходит?

Наверное, это отвлекающий маневр, который пообещал Томми: масштаб куда больше, чем в демонстрациях Уинни против «Либрареома».

— Ха! Я запланировал на сегодня экстраординарные празднества возле библиотеки — приглашены почти все, особенно сотрудники «Дженерал Геномикс». Но не вы. Я предлагаю обойти библиотеку кругом.

— Но там же была точка сбора...

— Там уже слишком много народу. Мы пойдем прямо на Пильчнер-Холл. Сюда, прошу.

Незнакомец показал вправо, в темную рощу эвкалиптов...

Тем временем в лабораториях «Дженерал Геномикс»

Шейла Хенсон появилась через полчаса после начала ночной смены.

— Готов, Тим?

Юнх выпрямился за столом и показал на своих маленьких помощников.

— Готовы, босс.

Он шагнул в коридор и пошел по указательным стрелкам Хенсон вверх по лестнице. Она и ее сотрудники уже собрались возле входа с поверхности. Четверо или пятеро недавних выпускников. Остальные — как сам Тимоти Юнх — студенты с программы «учись и работай».

— Уверены, что мы работу не потеряем?

Гейминг кружка верования был очень далеко от работы, но Юнх никогда бы и не подумал о такой аванюре, если бы ее не предложила начальница.

Хенсон засмеялась:

— Я тебе говорила. «Дженерал Геномикс» считает эту борьбу видом служения обществу. А кроме того, она доставляет неприятности «Гуэртас интернейшнл».

Она оглядела всех — всю ночную смену «Дженерал Геномикс», кроме регуломигов. Объяснений Шейлы Тиму хватило. Когда-то, давным-давно, он действительно мечтал работать в «ДженГене». Скольким людям довелось увидеть — лично — оборудование лабораторий, на котором были основаны курсы по их специальности? Но оказалось, что на работе ему главным образом приходится вытаскивать из углов чресчур старательных роботов-уборщиков, которых там заклинило, и таскать неподготовленный груз. Да, иногда случались настоящие задачи, когда надо было консультировать пользователей и помогать им настраивать установки. Но после этого целыми днями надо было создавать автоматику, чтобы ситуация не повторилась. Ни один из членов команды, даже те, кто не был «скуч-э-маутом», не комплексовал по поводу небольшого развлечения сегодня вечером.

— Так, ребята, — сказала Шейла, — я вижу, вы все правильно оформлены.

Каждый вошел в своего персонажа Скучи. Были пофу-лонги и двельбы, и большая шима-пинг — Шейла. Она глянула на Юнха:

— Скуч-э-маутом ты быть не можешь, Тим. Этот образ резервирован.

— Но я ими командую! — Тим показал на роботов-помощников, поднявшихся за ним вверх по лестнице.

— Ты их *ведешь*, Тим. Можешь быть Малым Скуч-э-маутом.

— О'кей.

Он сменил форму. Все это был дизайн мирового класса, не виденный до сегодняшнего вечера. Тим очень сомневался, что кто-нибудь из них останется резервированным долгое время, но если Шейла хочет разыгрывать свою веру строго по правилам, он не станет ей ломать круг.

Они выбрались из дверей в вечерние сумерки. В верхушках эвкалиптов все еще виднелись цвета. К югу, через ложину, находилась их цель — большая двойная пирамида, со стеклянными гранями сверху, темная и перевитая лозой внизу. И это был реальный вид, невооруженным глазом! Библиотека Гайзела. По дороге Шейла и ее спутники подстраивали свой вид сверху. Это не было отрепетировано, всё задумывалось как неожиданность для гачекистов, но еще большей неожиданностью это стало для целого мира. Один за другим эвкалипты тихо хлопали и вдруг превращались в калоникционы со светящимися в сумерках листьями.

— Нас заметили, — сказал кто-то.

— Конечно. Мы повсюду. И вон еще лезут из Литературного Дома.

— Фвеки и либа-луу вылетают из нашего подвала библиотеки!

И каждое появление чуть-чуть добавляло к дереву созидания Скучи. На этот раз Тим не возражал против такой разводки. Аффiliation Скуч-э-маутов была не меньше любой другой. И даже нелегалы-техники в дальних углах земли получают кое-какие свои отчисления.

Хенсон --> Ночной смене: <sm> Держите нашу снарягу так, чтобы не было видно — сколько сможете. </sm>

Реальный вид от местных камер показал бы, что некоторые из образов Скучи обволакивают реальные создания. На данный момент Шейла хотела максимальной скрытности. К гачекис-

там информация придет от общественных व्योпойнтов — плюс то, что они увидят невооруженным глазом. Юнх предоставил это Рикку Смейлу и другим, а сам сосредоточился на управлении созданиями: все лабораторные роботы имели достаточный диапазон и вполне управляемы, чтобы дойти до библиотеки.

Эти устройства выполняли рутинную уборку и вычистку модулей — на путешествия на открытом воздухе они рассчитаны не были. Но «ДженГен» дала им разрешение на выход, и Тимоти Юнх вел мяч. Сперва он установил согласие относительно внешнего вида роботов. Писки, чириканье, брызги, стрельба во все стороны. В реальности же это — четыреста мобильных манипуляторов, известные среди специалистов как «роботы-пинцеты». Им едва хватало скорости угнаться за людьми. Но Тим проецировал еще и мегажевалок, и ксорошоу, и сальсипуэдов — это на роботов-уборщиков и носителей образцов. Позади них прятались два самых больших мехробота из лаборатории Юнха: смесь автопогрузчика с монтажником тяжелого оборудования — сейчас они выглядели как синие иониподы с серыми мачтами. Тим выдал физические спецификации две недели назад, когда в лабораториях наметилась перспектива этой авантюры. Получившиеся визуальные конструкции впечатляли, они отлично сочетались с реальностью роботов, на которых натянули личины, и гапстикой, которую Тим прицепил к их корпусам. Если погладить ксорошоу по ляжке, можно ощутить скользящие под шелковой шерсткой мускулы, причем именно там, где об их наличии свидетельствовало зрение. Пока контакт был всего с несколькими парами человеческих рук, гаптика справлялась с поддержанием иллюзии, лучшей, чем у всего, что можно потрогать в «Пирамид-Хилле». Конечно, удаленной публике от этого толку мало, зато поднимет боевой дух у скукистов на месте — и подорвет оный у гачекистов.

А враг уже строился. Пятеро Рыцарей Стражи встали на восточной террасе библиотеки, какой-то Библиотекарь прятался возле Змеиной Тропы.

— И это все, что у них есть?

— Пока — да, — ответила шима-пинг Шейла. — Я только надеюсь, что мы не слишком фрагментированы.

— Ага.

Это была сила и слабость видения мира Скучи. Скуч-э-маут был распределен по кусочкам. Его приспособливали по желаниям детей, и не только в великих державах, но и в государствах-неудачниках на краю мира. У скучистов было *очень много* различных созданий. У гачекистов — понятие знания, завоевывающего «наружу», видение, осуществлявшее согласование всего. И сейчас это как нельзя лучше подходило для их почти полного контроля над библиотекой.

Шима-пинг подскакивала вверх-вниз на своих трех ногах. Шейла кричала врагам через что-то — очевидно, через внешний спикер, потому что Юнх ощущал громкость повсюду.

— С дороги!

— Этажи принадлежат нам!

— Верните нашу Библиотеку!

— А главное — верните НАСТОЯЩИЕ книги!

Последнее требование отлично ложилось на речевку, хотя не совсем подходило к базе Скучи — краю мира.

Банда Шейлы неслась вперед с боевыми выкриками. Но уже десятки гачекистов встали рядом с Рыцарями Стражи. Конечно, большая часть их была виртуальна, но смесь выглядела отлично. Неудивительно: обе стороны знали, что последует дальше. Это было столкновение кружков веры. Смысл в том, чтобы убедить остальной мир верой и образами: видение Скуч-э-маут — лучшее.

Обе стороны *думали*, будто знают, что сейчас будет, но Тим запланировал кое-что особое.

Гачекисты рычали угрозы армии скучистов, чирпам, квипам и громоздившимся за ними созданиям побольше. Они полагали, что все это — хитрый образный ряд плюс игроки-люди. Потом первые серомачтовые синие иониподы с хрустом рухнули на асфальт, и гачекисты поняли: этот звук — реален. И тут же один из сальсипуэдов — носитель образцов, — выбежав вперед, тяпнул Рыцаря за ногу. На самом деле это был лишь слабый электрический удар, но гачекист отпрянул, завывая:

— Нечестно! Нечестно!

Да, это и правда было нечестно, но по статистике сети Юнх видел: поддержка его стороны удвоилась. *К тому же мы это творим ради достойной цели.* Тимоти Юнх никогда особо не пользовался физической библиотекой, но то, что здесь случилось, было возмутительно.

Терраса очистилась, однако Шейла колебалась.

Хенсон --> Ночной смене: <sm>Что-то мне не хочется вбегать очертя голову. Думаю, они кое-что припасли. </sm>

— Да! Смотри! — выкрикнул Смейл вслух и показал на виды, взятые с точек над входом библиотеки. Камеры выдавали что-то вроде пауков, охраняющих подступ к дверям библиотеки. Таких массивных, что почти закрывали каменную мозаику. А потом виды перешли в оффлайн.

— Ух ты! Они настоящие?

— Думаю, некоторые из них, — сказала Шейла.

— Не может быть! Даже у «Электрикал Инжиниринг» столько роботов нет. В этом соревновании механическое превосходство у нас!

Ну а вдруг противник купил шайку роботов, сделанных хобби-бистами? Если хотя бы половина этих механизмов реальна...

Шейла остановилась, прислушиваясь к совету, который мог доноситься из любой точки земного шара. А потом взревела:

— В лес!

Они издали прерывистый крик, и то, что пришло от синтетиков, было ответным ревом, громким, причудливым и полностью скучистским. Все бросились в кусты к юго-востоку от библиотеки. Виртуальные образы выцвели в искусственную реальность, которая замаскировала лоскутное покрытие сети.

Механизмы поменьше — уборщики, носители образцов и роботы-пинцеты — особых трудностей на покрытой мульчей земле не испытали, а вот погрузчикам пришлось туго. Они стали тонуть в мягком грунте. Юнх бегал вокруг них, где-то подталкивая, где-то убирая с дороги камни. Монстры медленно двигались вперед, и это не слишком отличалось от работы, которую иногда приходилось выполнять в лаборатории. Но сейчас пришло время поплакаться.

Юнх --> Хенсон: <sm> Не помогает, Шейла. Эти роботы-пауки просто за нами туда пойдут. </sm>

Хенсон --> Юнху: <sm> Держись за мной. Обход сработает. Смотри, что я... </sm>

С губ Шейлы сорвался негромкий удивленный возглас, и фраза осталась незаконченной. Виртуальные Скучи сделали еще пару-другую неверных шагов (в зависимости от собственных внутренних задержек), но ночная смена «ДженГен» резко остановилась, с минуту все топтались на месте.

Образы сливались, пока народ пробирался по чаще. Но не это послужило причиной внезапной остановки. Все смотрели на... на человека и на кролика. Первый был реальный, второй — виртуальный. Оба они не то чтобы прятались — стояли на поляне. Но вокруг повсюду были кусты, и пока скучисты на них не напоролись, не было камеры, дающей вид на эту точку.

Ничего особенного в этом кролике не было — химера из мультика. Но у него была симпатичная бесстыжая ухмылка — надо отдать ему должное.

Шима-пинг Шейлы застыла на миг в нерешительности, а потом угрожающе шагнула вперед, к кролику.

— Ты не на месте.

Зверек с хрустом откусил кусок морковки и дернул ухом.

— А какое ваше дело, док?

— Я не доктор — пока еще, — ответила шима-пинг.

Кролик рассмеялся.

— Значит, и не будешь. Я пришел напомнить вам, что сегодня здесь столкнулись не только вы с гачекистами. Тут действуют и другие силы, помощнее.

Последнее слово он произнес протяжно, показав на небо пушистой лапой, в которой была зажата морковка.

Юнх --> Ночной смене: <sm> Шейла, не обращай внимания. Всегда бывают прохожие. </sm>

Смейл --> Хенсон: <sm> Эта остановка вредит нашей репутации. </sm>

Шейла не отреагировала. Она боком обошла бесстыжего кролика и остановилась возле физически присутствующего человека. *Этот тип* выглядел... агрессивно нормальным: за пять-

десять, похоже, испанец по происхождению, в темном костюме. С виду — типичный преподаватель УСД, хотя одет слишком тщательно. Глаза его следили за движением шимы-пинг с уверенным спокойствием, которое — Юнх заметил это теперь — несколько нервировало.

А потом Тим увидел то, что видела Шейла. Незнакомец проецировал образы. Это делалось тонко — такие едва заметные голубые штрихи, которые почти не рассмотришь. Туман, поднимавшийся от ботинок незнакомца, становился ярче, когда тек к деревьям.

Хенсон --> Ночной смене: <sm> Переключайтесь на коммунальный вид. </sm>

Диагностику коммунальных сетей «ДженГен» трудно было использовать вне лаборатории, зато она была куда более изощренной, чем та, что поставлялась с костюмами «Эпифании». В коммунальном виде... да, в нем было видно, что этот человек экипирован полностью. Голубые штрихи только давали намек, но теперь Юнх видел в одежде незнакомца вспышки высокоскоростных лазерных связей.

Без тех штрихов они могли бы и не заметить. Иногда высшее искусство — притвориться, что безуспешно притворяешься безобидным.

Смейл --> Ночной смене: <sm> Эй! Этот человек — он прицеплен к ребятам из Болливуда здесь, в кампусе. </sm>

В радостной догадке они уставились друг на друга. Это наверняка какая-то настоящая шишка из Болливуда. Кружки ворований — топливо, на котором работает киноиндустрия.

Хенсон --> Ночной смене: <sm> Я вам говорила: драка с гачекистами означает масштабное признание. </sm>

Теперь вышибить из библиотеки гачекистов стало еще важнее.

— Вперед! — воскликнула Хенсон громко и на весь мир. — Долой Гачека! Долой мерзость «Либареома»!

Виртуалы и почти вся ночная смена двинулись дальше через лес. Юнх на несколько секунд отстал, удостоверившись, что ни один квип или чирп не застрял в листьях, проверяя, хватит ли для автопогрузчиков места *между* деревьями.

Все дружно двинулись вперед.

— Этажи принадлежат нам!

— Верните нашу Библиотеку!

— А главное — верните НАСТОЯЩИЕ книги!

Юнх не ожидал, что роботов-пауков удастся застигнуть врасплох. Что еще припасла Шейла в своем шима-пинговом рукаве?

21

КОГДА СТАЛКИВАЮТСЯ КРУЖКИ ВЕРЫ

Альфред Ваз смотрел вслед уходящим психам.

Стоящий рядом Кролик раскачивался в такт их боевым кличам. Кажется, впервые на это создание произвел впечатление кто-то, кроме собственной персоны.

— Ха! — сказал Кролик, коротко салютуя морковкой. — Жду не дождусь посмотреть, какие рожи у них будут, когда они увидят, кто сражается за другую сторону.

Ваз перевел взгляд на мохнатые уши.

— Отключи свое публичное присутствие.

Цель была — *не привлекать* внимания.

— Слишком вы нервничаете. — Откусив последний кусок морковки, Кролик отбросил ее в сторону — и она исчезла, не долетев до земли. — О'кей, док. Я теперь «только для ваших глаз». Что дальше?

Ваз хмыкнул и зашагал к югу. На самом деле наглость Кролика скорее раздражала его, чем тревожила. Если сегодня все пойдет как надо, американцы не свяжут эту операцию с Кроликом, и уж тем более — с Индо-Европейским Альянсом. А если американцы станут копать всерьез, они быстро обнаружат, какую роль играет здесь Альфред — увидят его вместе с Кроли-

ком или нет. Люди Кейко тщательно разработали программу прикрытия — «дерево случайностей», — которая определяла, что можно отрицать и чего можно достичь при наличии различных глюков. Двадцать лет назад Альфреда рассмешило бы такое автоматизированное планирование, но сейчас — нет. Его секретная группа аналитиков создала собственное дерево случайностей. Оно было выращено из дерева Кейко и распространялось на самые худшие случаи — даже такие, как демаскировка проекта ТДМВ.

Альфред вылез из самой густой чащи эвкалиптов. Все вокруг него — его крошечные роботы — держались рядом, не мешая. Каждый из них являлся нарушением местных законов, поскольку не содержал ни единого чипа, подчиненного Департаменту внутренней безопасности США. Пока Ваз изображал болливудского магната в общедоступной сети, эти устройства давали ему собственную сеть и возможность контрмер. В его дереве случайностей есть узлы, где они могут оказаться весьма полезны.

Тем временем крошечный замаскированный аэробот следовал за ним сверху, воспринимая его трафик местной сети и мерцая в тысяче точек западного неба. Энергия каждого такого импульса была необнаружима, разве что для кого-то очень бдительного и находящегося очень близко, но ансамбль — коррелированный с синхронизацией реального времени — должен быть видим для массива антенн Кейко над Тихим океаном. Это их, и только их, военная сеть — милнет. Такова теория. Фактически же Альфред находился вне контакта почти три минуты. Он знал, что сегодня Элис Гонг на дежурстве, возможно, в качестве аналитика. Свою атаку на Элис он запустил как раз перед тем, как потерял милнет. Очень скоро обязанности наблюдателя приведут Элис к лабораторному файлу, содержащему безобидный муаровый узор — только для нее этот узор безобидным не будет. *Случилось — или еще нет?* Может быть, стоит подглядеть через общедоступный ресурс.

— Да ладно, док, да ладно, да ладно! — Кролик отплясывал что-то вроде джиги. В голосе его была издевательская нотка,

которую Альфред впервые услышал лет восемьдесят назад. — Что-то вроде проблемы нанюхали?

— Проблем нет, — сказал Ваз. — Ваши агенты на месте?

— Не дрейфьте, док. Все, кроме Риверы и Гу, уже в точке старта. Я их веду вокруг этих беспорядков даже сейчас, пока мы разговариваем. Но если хотите подглядеть через волоконную оптику, лучше поторопитесь.

Земля была твердой и ровной — тропа, выведенная на поверхность. Скорость передвижения ограничивалась лишь тем, насколько быстро способны красться за ними механизмы.

Народ ходил толпами, но почти все двигались к библиотеке. Ваз заметил мелькнувших Риверу и Гу. И еще — двух детишек на велосипедах. А эти какое имеют отношение к скучистам с гачекистами? Он задал бы вопрос своему пулу аналитиков — если бы имел доступ к милнету.

Таинственный Незнакомец увлек Роберта с тропы, вниз, где раньше стояли административные здания. Роберт светил на неровную почву виртуальным фонарем. Отображение отставало менее чем на секунду и было яснее, чем мог бы дать карманный фонарик, приходилось спешить за Незнакомцем, и времени побродить призраком вокруг библиотеки не оставалось.

— Вот там настоящие огни, — сказал он. — И даже больше, чем раньше. Что...

— Гачекисты чуть переборщили с энтузиазмом. Разбили часть инфраструктуры камер. И теперь им *нужен* настоящий свет. — Он негромко посмеивался. — Не беспокойтесь, никто не пострадает, а этот отвлекающий маневр будет нам... полезен.

Незнакомец замедлил шаг. Роберт на миг оторвал взгляд от земли. Он взял вид с точки высоко в кронах дересвеев, через холм, на толпу народа. В истинном виде это были студенты, которые вопили друг на друга. Кое-где уже завязывались реальные потасовки. Но если чуть сдвинуться от сугубой реальности, видно было то, что хотела показать зрителю та или другая группа. Рыцари Гачека и Библиотекари махались с пушистыми цвет-

ными созданиями, с виду — большеглазыми млекопитающими или...

— А! Так это фэны скуч-э-маута гоняются за гачекистами?

— В основном.

Незнакомец будто прислушивался к чему-то. Кто-то шел поперечным курсом вниз с холма. Ополченец Библиотеки. Карлос Ривера. Пухлый Библиотекарь кивнул Незнакомцу-Шарифу и Роберту.

— Ну и бардак!

— Полезный бардак, — заметил Незнакомец.

— Ага. — Карлос убрал маскарад. Шляпа Библиотекаря превратилась в бейсболку козырьком назад, доспехи стали шортами-бермудами и обычной для Риверы футболкой. — Надеюсь, эта драка не войдет в традицию.

Таинственный Незнакомец вел их через подлесок извилистым путем.

— В традицию? — переспросил он. — Это был бы плюс. Как охотиться за трусиками в женских общежитиях или втаскивать автомобили на крыши административных зданий. Такие вещи сделали американские университеты великими.

Ривера пытел рядом:

— Может быть. У нас куда больше дел с тех пор, как библиотека стала виртуальной, но...

Роберт по-прежнему отслеживал толпы за холмом.

— Я думал, что в кружках верований главное — возможность всем сосуществовать в одном пространстве.

— В принципе да, — ответил Ривера.

Они обходили по дуге местность, темную даже виртуально. Изображение Шарифа мерцало и дергалось. Люди сюда забредали нечасто, и случайная сеть была редкой, так что носимым приходилось строить слишком много догадок.

— Но, — продолжал Ривера, — в библиотеке немного места. По идее мы могли бы сформировать поддержку для различных верований, как в «Пирамид-Хилле». Фактически же наша среда часто бывает слишком тесной для конфликтующих галитических образов. Администрация попыталась удовлетворить группу скучистов, предоставив ей место в подземных этажах. —

Ривера замолчал, и Роберт едва не налетел на него. — Вы знали, что из этого ничего не выйдет?

Карлос глядел на Незнакомца-Шарифа — на того, кого Роберт видел как Незнакомца-Шарифа.

Незнакомец обернулся с улыбкой:

— Я вам дал лучший совет, который мог дать, дорогой мой.

— Ага. — Голос Риверы звучал почти недовольно. Он оглянулся на Роберта. — Что у него на вас есть, профессор?

— Я...

— Ну-ну-ну! — прервал его Незнакомец. — Полагаю, нам всем будет лучше без подобных откровений.

— О'кей, — ответили обе жертвы.

— Влюбом случае, — добавил Незнакомец, — я горжусь тем, как преобразовал конфликт вокруг «Либрареома» в конфликт между кружками веры. Эти беспорядки отвлекут людей, которые иначе могли бы обратить внимание на другое — на наши действия, например.

Они уже немало удалились на юг от библиотеки, оставили позади заросли и спускались по крутому склону. Карлос, не глядя, вышел на улицу. Машины замедляли ход, или прибавляли скорость, или перестраивались так, что вокруг него всегда оставался большой пузырь свободного места. Роберт замылся, высматривая переход. А, черт! И он двинулся за Карлосом, прямо в поток машин.

Мири остановилась на северной стороне Гилман-драйв.

— И куда же они идут? — спросил Хуан.

— К Гилман-драйв.

Вьюпойнты в эвкалиптах показывали, что Роберт и Библиотекарь, Карлос Ривера, продираются сквозь заросли. Картинки были фрагментарны — не хватало камер, зато Мири была уверена, что ей никто не подсовывает липу. Эти двое через пару минут уже дойдут до дороги.

— Так можно сказать про всех, кто идет на юг.

Мири остановила велосипед, поставила ногу на землю.

— Так ты хочешь от меня услышать, что я не знаю, куда они идут?

Ороско остановил велик рядом с ней.

— Честно, я только спросить хотел.

Возникла Сю Сянь, а минуту спустя — молодой вариант Лены Гу. Их образы напоминали куклу Барби, но с каждым днем становились все лучше. Лена, к примеру, научилась управлять своим лицом — и сейчас она казалась суровой.

— Этот вопрос интересует не только Хуана, юная леди. Если не знаешь, так и скажи.

У Сю голос был встревоженный.

— Мы с Леной едем по северной стороне кампуса. Может быть, мои исследования были полностью ошибочными. Чем мы можем помочь, если действие происходит на юге?

Мири попыталась сохранить спокойствие.

— Мне кажется, вы все правильно выяснили, доктор Сянь. Мы с Хуаном следовали за Робертом вплотную, но теперь... я не знаю, куда он направляется. И потому еще важнее, чтобы мы держались враспынную. Если бы вы, доктор Сянь, могли с Леной остаться на северной стороне, это было бы лучшим вариантом.

За последние несколько дней Сю проделала отличную детективную работу: она могла быть очень сообразительной, когда не сомневалась в себе. Теперь они знали, что Гуэртас держит обрывки «Либрареома» в своих лабораториях на северной стороне. Если друзья Роберта имели в виду «прямой протест», для них это отличное место проникновения.

Так почему же Роберт и его компания не идут в ту сторону? Стали возникать страшные призраки неуверенности.

Но доктор Сянь кивнула, и даже Хуан Ороско не стал задавать очевидных и неприятных вопросов. Они по-прежнему оставались Шайкой Мири — к добру или к худу.

Камеры на деревьях потеряли из виду Роберта и мистера Риверу. Мири отключила эти выюпойнты и глянула вверх почти невооруженным глазом. Не видно. Они могли выйти на Гилман-драйв практически где угодно.

Мири облизнула губы:

— Сейчас самое главное — не дать этим...

— ...спятившим идиотам, — вставила Лена.

— ...сотворить что-нибудь разрушительное.

— Ага, — кивнул Хуан. — А вот этот виртуальный тип, который с ними идет, кто это?

— Чего?

Хуан в основном бывал беспомощен, но иногда — очень наблюдателен. Мири прокрутила последние изображения Роберта и мистера Риверы. Картинки были фрагментарны, но Хуан оказался прав. Оба смотрели куда-то между собой в одну и ту же точку — и уступали ей место. Так. Приватная личность.

— Ручаюсь, они видят Зульфи Шарифа, — сказал Хуан.

— Ручаюсь, ты прав.

Не в первый уже раз за этот вечер Мири попыталась восстановить контроль над своим Шарифом и опять не было отклика.

Так сделай же что-нибудь!

— Пошли, Хуан.

Она вывела велосипед на Гилман-драйв, медленно пересекая полосы, чтобы не заработать штраф.

Сю и Лена плыли рядом.

— Движение плотное, — сказала Лена.

— Столкновение кружков веры. Люди прибывают лично.

Суэта игры возникла внезапно, но Мири не могла себе представить, чтобы это могло быть совпадение. Такой спектакль требовал глубокой координации. Пусть даже столкновение — всего лишь слух, народу явилось уже много. Автомобили высаживали пассажиров. Люди смеялись, громко разговаривали, шли к библиотеке. А на той стороне Гилман-драйв тротуар был почти пуст.

Мири дошла до дальнего тротуара и обернулась:

— Хуан, идем!

Небо над библиотекой стало лиловым — очень хороший фрактальный эффект от какого-то кооператива художников из северного Китая. Мири глянула состояние сети... сегодня был плотный не только поток машин. Светились магистрали сети по всей Калифорнии. Миллионы вьюпойнтов экспортировались из кампуса УСД. Сотни тысяч виртуальных участников.

Хуан с ней поравнялся, и она сказала:

— Тут целый водоворот. Как в первый день какой-нибудь большой игры.

Мальчишка кивнул, но не отреагировал на ее слова.

— Посмотри, что я нашел на улице.

Устройство было полураздавлено. С одного края свисали металлические волокна.

Мири махнула ему рукой — «да брось ты эту штуку!»

— Под машину попало. И что с того?

Если какой-то узел потерял связь и попал на улицу, то через такую мелочь кто-нибудь да переедет.

— По-моему, оно все еще на связи, но я не могу найти такого в каталоге.

Мири присмотрелась. В устройстве мелькали искорки, однако отклика не было.

— Это мусор, Хуан. Оно даже не пингуется.

Хуан пожал плечами и сунул устройство в подсумок велосипеда. Вид у него был рассеянный — он все еще искал.

— Эта штука похожа на «Циско-33», но...

К счастью, Ороско отвлек не всех.

— Мири! — позвала Лена. — Я нашла Роберта и Риверу.

Наступила пауза — Лена определяла идентификатор камер. Вот! Роберт и Ривера переходили дорогу в четверти мили к западу отсюда.

— Уже идем, Лена!

Во времена Роберта на этой стороне Гилман-драйв были куонсетские ангары. Впоследствии — в классическом калифорнийском бетоне — разместились медицинская школа. Сейчас тут был Пильчнер-Холл, и он, как и все в кампусе, смотрелся временкой, напоминавшей ангары.

Таинственный Незнакомец провел Роберта и Карлоса в здание. Реальный свет следовал за ними сосредоточенными прожекторами, а далее в холле вид становился виртуальным. В здании могли находиться другие люди, но Таинственный Незнакомец избегал встреч с ними. Он направился вниз по лест-

нице, в лабиринты комнатушек. Местами пол был пыльный, кое-где начищен до блеска, еще кое-где покрыт широкими царапинами.

— Ха! — сказал Незнакомец, показывая на царапины. — Работа Томми. Весь пол на сегодня переоборудован. Некоторые участки на университетском плане безопасности просто не отображаются.

Теперь путь их вился в лабиринте. Наконец Таинственный Незнакомец остановился у закрытой двери, выждал немного и сказал деловым тоном:

— Как вам, возможно, известно, профессор Паркер не полностью в курсе дела. Ради ваших различных целей я предложил бы его не информировать.

Роберт и Карлос кивнули.

Таинственный Незнакомец повернулся и изобразил стук в пластиковую дверь. Звук был как от молотка в твердое дерево. Почти сразу же дверь открылась, и из нее выглянул Уинстон Блаунт.

— Здравствуйте, Карлос.

На Роберта и Незнакомца он посмотрел менее благосклонно. Потом жестом пригласил войти.

Комната имела форму треугольного клина, втиснутого между наклонными стенами. Почти все место на полу занимал бетонный кессон. Томми Паркер сидел рядом с тачкой, нагруженной пластиковыми мешками и рюкзаками.

— Привет, мужики. Вовремя. — Он глянул на лэптоп. — Вас обрадует, что ни пресса, ни полиция вашего прибытия не заметили. В данный момент мы находимся в помещении, которого не существует. Вот это, — он хлопнул ладонью по кессону, — вселенной видно по-прежнему, но оно с удовольствием соврет насчет того, что мы тут делаем.

Роберт обошел громоздкое сооружение.

— Помню эту штуку.

В семидесятых кессон стоял снаружи, закрытый деревянной крышкой. Роберт заглянул за край. Там, как и раньше, ухилили в темноту ступени железной лестницы.

Томми встал. Лэптоп висел на лямке, оставлявшей свободными клавиатуру и экран, но не ограничивающей движения. Можно сказать, что у Томми Паркера был носимый компьютер — своего рода.

Он сунул руку в тачку и вытащил два пластиковых мешка.

— Ребята, пора расставаться с «Эпифаниями». Я вам новые шмотки принес.

— Ты это серьезно? — удивился Ривера.

— Ага. Старая одежда позволит мне сфальсифицировать ваше местонахождение. А вы тем временем будете со мной, да и аппаратуру я вам выдам получше.

— Надеюсь, не лэптопы, — сказал Уинни, с опаской глядя на лямку лэптопа у Паркера, однако все же стянул с себя рубашку, штаны и туфли.

Контактные линзы все они себе оставили, но ничего, что ими бы управляло. Несмотря на то что реальное освещение было достаточно ярким, в отсутствии внешнего слуха и зрения комната вдруг показалась гробом.

Томми, судя по всему, был несколько озадачен видом голых дряблых тел. Открыв один из пластиковых мешков, он раздал всем рубашки и штаны. С виду — гладкая, серая рабочая одежда. Карлос поднес свою новую рубашку к свету и вгляделся в плетение ткани. Сложил в руках, потер.

— Тупые шмотки.

— Ага. Никаких инфракрасных лазеров или процессорных узлов. Старый добрый хлопок, каким его создал Бог на потребу человеку.

— Но...

— Не волнуйся, у меня есть процессоры.

— Томми, насчет лэптопов я пошутил.

Томми покачал головой:

— Не лэптопы. У меня ящички с Хердом.

А? Без своих носимых Роберт чувствовал себя калекой.

Карлос тоже смотрел недоуменно, потом вдруг выскочило какое-то естественное заплутавшее воспоминание.

— А! ОС «Херд»! Разве она не устарела?

Томми шарил в другом пакете и ответил, не поднимая глаз:

— Нет, не устарела. Она попросту незаконна... а, вот они. Настоящие *Nescho en Paraguay*. — Он раздал всем черные пластиковые коробочки размером с книгу в мягкой обложке. С одной стороны на коробках была настоящая клавиатура, с другой — металлический зажим. — Прицепите на пояс. И проверьте, чтобы металлическая пластинка касалась тела.

Новые штаны оказались Роберту коротковаты, рубашка висела мешком. Он прицепил незаконный компьютер к поясу и кожей ощутил прикосновение холодного металла. Теперь он видел едва заметное наложение: изображение клавиатуры, свою руку, лежавшую на коробке на поясе, маркеры, отвечающие пальцам. Что за жалкий интерфейс!

— Не накрывай коробку рубашкой, Карлос. На ней все компорты.

— Ты хочешь сказать, что для установки соединения следует повернуться в нужную сторону? — уточнил Уинни.

— Угу. Пока мы внизу, у меня на ноутбуке будет только наш внешний маршрут. А связь наверх у ноутбука будет только через это.

Он показал что-то вроде молитвенного колеса и чуть закрутил его. В воздухе что-то мелькнуло, скользнуло тонкой, почти невидимой нитью, прямо к коннектору, который Томми держал другой рукой. Он повернулся и вставил это в какой-то ящик у себя на тачке.

— Проверьте.

Роберт вытащил рубашку из-за пояса и повернулся так, чтобы открыть коробке вид на ноутбук. Ничего не произошло. Он ввел простую команду — и снова стало видно сквозь стены! К северу от Гилман-драйв в библиотеку шла толпа еще больше прежнего. А внутри... он снова переключился на коридор — все еще пусто. *Hem!* Вот кто-то целенаправленно идет к этому «тайному» помещению... Потом Роберт потерял вьюпойнт.

— Эй, Томми...

— Чего?

В ухе Роберта зазвучал голос Незнакомца. Качество звука паршивое, как на старой обзорной странице Роберта, но слова — абсолютно четкие:

— Вы ничего не видели, друг мой.

— Я... — Роберт проглотил слюну. — Отлично твоя оптоволоконная связь работает, Томми.

— Ладно, ладно. — Паркер прошелся между ними, проверяя, что может передавать и принимать каждый. — О'кей, все снаряжены. Это было развлечение, а теперь начинается работа вьючных мулов.

Он показал на лежащие в тележке рюкзаки.

Рюкзак Роберта весил фунтов сорок. У Карлоса с виду был точно такой же. Томми и Уинни достались рюкзаки поменьше. Но все равно Блаунт с нагрузкой справлялся слабо. *Уинни — как старик*. Вот именно, то самое небесное минное поле Риды Вебера. Роберт отвернулся, чтобы не обидеть Уинни. Он встряхнул рюкзак на плечах, перемещая его поудобнее, и пожаловался:

— Томми, я думал, это будущее. Где же миниатюризация? Или хотя бы автоматические грузчики?

— Там, где мы пойдем, инфраструктура не будет дружелюбной, Роберт. — Томми глянул на экран ноутбука. — Здравствуйте, мистер Шариф. Так, похоже, мы готовы идти. — Он кивнул в сторону темного отверстия в середине комнаты. — После вас, джентльмены.

22

ВЕЛОСИПЕДНАЯ АТАКА

Альфред выждал приличное время и вошел в комнату. Нет смысла устраивать шум, который могли бы услышать марионетки Кролика.

— Я вам что говорил, док! Мы уже здесь!

Кролик весело протанцевал джигу вокруг кессона. Оптоволоконно, которое привело Кролика в такой восторг, было неви-

димо тонким, только чуть блесело там, где нужным образом падал свет.

Ваз кивнул. У него был повод отметить еще один успех коммуникации: он восстановил связь с милнетом через Тихий океан.

Браун --> Мицури, Вазу: <sm> Департамент Внутренней Безопасности США вроде бы ведет себя тихо, Альфред. </sm>

Альфред просмотрел бегущую статистику — от поста подслушивания Альянса. Сцена национальной безопасности была действительно спокойной, хотя волнение возле библиотеки собрало толпы в кампусе УСД. Кролик создал идеально парадоксальный отвлекающий момент. *Почти идеальный* — слишком уж масштабный.

Ваз наклонился возле коробки, которой оканчивалась оптоволоконная связь Томаса Паркера. Это был жульнический мостик. С одной стороны, он принимал несертифицированные потоки данных от нелегальных компьютеров Паркера. С другой — был вполне «законопослушный гражданин», работал под требуемой правительством системой Безопасной Аппаратной Среды. Он прятал данные Паркера в невинных пакетах, обернутых во все лицензии и разрешения, необходимые для выживания в БАС на Интернете. В целом не настолько хорошо защищен, как милнет Ваза, но его вполне хватало почти для всех регионов дерева событий.

Альфред чуть подрегулировал коробку и стал получать видео Паркера напрямую. Наконец-то он стал по-настоящему Местным Хончо.

Видео с паркеровского ноутбука передавалось без малейшего программного контроля, но Ваз узнал аппаратуру на стенах и кое-что из физических обозначений. Марионетки Кролика взломали защиту биологической лаборатории. Более того, тонкая игра по обману автоматической охраны продолжалась с неизменным успехом.

— Насколько далеко они от Цели «А»? — спросил Ваз у Кролика.

Там размещалась аппаратура его секретной программы исследований. Он притворится, что проинспектирует ее вместе с прочими.

— Почти там! — беспечно отмахнулся Кролик. — Они начнут забрасывать железо где-то минут через десять. Вам ни о чем беспокоиться не надо.

Альфред глянул через свои выюпойнты на поверхности.

— Почти все мои мобильные застряли на северной стороне Гилман-драйв.

В обычной битве его роботы просто бы захватили местную инфраструктуру и прорвались. А сейчас их задерживал поток людей и автомобилей на шоссе. По крайней мере один из них застрял в какой-то машине.

Кролик развел лапами, изображая сочувствие. Хорошо хоть морковку очередную не достал.

— Нельзя же получить все сразу. Гачекисты со скученосцами устроили все, что мы хотели: персонал из лаборатории ушел. Беспорядки перетянули на себя местные ресурсы связи, и когда они достигнут пика, там вообще образуется черная дыра. *А с виду все полностью невинно.* Только не говорите мне, что вы могли бы лучше замаскировать эту операцию.

Ваз оставил бахвальство без ответа. Он уже понял, что раздражение — самая благожелательная эмоция, которую может вызвать у него Кролик. Прислонившись спиной к бетону кессона, он стал следить за развитием событий. Видно было, что люди из внутренней безопасности смотрят пристально, но смотрят они не туда. Аналитики соглашались, что Кролик все устроил строго в соответствии с паранойей ДВБ. Может быть, Элис Гонг давно свалилась, но Альянс это не отследил? А под землей марионетки Кролика уже почти достигли цели «А». Через десять минут начнется «проверка» установок. Еще через полчаса он сможет доложить свои липовые результаты... а после этого осталось только убратся, и пусть марионеток поймают. Все шло так гладко, что он мог бы с тем же успехом остаться в Мумбае. Хотя грех на это жаловаться.

Красный флаг аналитиков.

Кто-то, просматривая старое видео, что-то заметил. Альфред вызвал зафлаженное сообщение: десятисекундная передача с одного из его мобильных на северной стороне Гилман-драйв: двое детей с велосипедами стоят у дороги и смотрят на что-то

вроде раздавленного предмета. *Это те двое, которых я уже видел.* Понеслись запросы: кто эти дети? И мобиль у них — альфредовский?

Пришли очень противные ответы.

У Кролика доступа к индо-европейским аналитикам не было, но вдруг он сел и восхищенно присвистнул:

— Блин, чтоб меня макнули! Док, у нас компания.

Мири оставила велосипед у стойки возле Пильчнер-Холла. Хуан свой складной внес в здание. Когда Мири заметила, что это глупо, он просто пожал плечами:

— У меня велик особенный.

Лену и Сю уже не было видно, но голос Лены вошел в открытые двери вслед за ними.

— Охрана должна была быть получше, Мири. Мне это не нравится.

— Лена, так она себя ведет при аварийной перегрузке. Незанятые комнаты остаются заперты, остальные открыты.

— И мы тебя больше не видим, — сказала Лена.

Внезапное ослабление потока данных было очень странно, но этого Мири говорить не собиралась. Вместо этого она сказала:

— Да наверняка скоростная передача поддерживается только вокруг библиотеки.

— Да, у нас отличный вид оттуда, — подтвердила Сю.

В главных коридорах Пильчнер-Холла стояли выюпойнты с возможностью поиска. В них еще мелькало недавнее прохождение Роберта, и этого оказалось достаточно, чтобы проследить путь вниз. Но теперь попадались зоны, где Мири и Хуан могли говорить только друг с другом.

— Как дом с привидениями, — приглушенно сказал Хуан.

Он взял Мири за руку, и она не отняла руки. Надо, чтобы он сохранял спокойствие. А потеря связи в середине офисного здания — *определенно* тревожный признак.

Они свернули за угол, и замелькала связь — достаточно для смингования.

Мири --> Шайке Мири: <sm> По-моему, мы приближаемся. </sm>

Лена --> Шайке Мири: <sm> Сперва пропал видеосигнал. Теперь едва говорить можно. Выбирайтесь оттуда. </sm>

Мири --> Шайке Мири: <sm> Это временно. Не сомневаюсь, что «Wiki Bell» сейчас обеспечит здесь покрытие. </sm>

Насколько серьезно мог обернуться потешный бунт?

Мири представилось, что у Лены идет такая же дискуссия с доктором Сянь в машине на северной стороне кампуса. Бабушка, кажется, всерьез разволновалась.

Сю --> Шайке Мири: <sm> Я согласна с Мири. Но присылай нам с Леной сообщения регулярно. </sm>

Лена --> Шайке Мири: <sm> Вот именно. Даже если это значит, что тебе придется возвращаться по своим следам. Где сейчас Роберт? </sm>

Мири --> Шайке Мири: <sm> Очень близко. Я его пингую напрямую. </sm>

Извилистый коридор был ярко освещен — то, чего и можно было бы ожидать при аварийной перегрузке сети. Хуан катил велосипед почти беззвучно, сложив в режим переноски. Ему надо было лишь время от времени подталкивать машину. Слышны были только шаги да тихое шуршание шин. Дети еще раз свернули за угол. Здесь коридор был поуже, через каждые несколько футов пересекался с другими. Временная переделка, которую так любят психованные «архитекторы-на-час».

Через несколько десятков футов они вышли на скоростную связь: на стенах появились объявления и реклама, слева навис чей-то медицинский исследовательский проект. Мири стала передавать Лене и Сю постоянное видео, потом свернула еще раз за угол — и связь исчезла полностью.

Хуан замедлил шаг, потянул Мири за рукав, останавливаясь.

— Тут совсем мертво.

— Ага, — согласилась Мири.

Они прошли еще несколько шагов. Если не считать двухточечной линии с Хуаном, это было как на обратной стороне

луны. А впереди виднелся еще один поворот. Мири потянула Хуана за собой.

За углом коридор уперся в закрытую дверь.

— Мири, я твоего деда больше не пингую.

Мири посмотрела на скачанную карту.

— Они должны быть здесь, Хуан. Если не можем заглянуть, просто постучим в дверь.

Ей вдруг стало все равно, смутит она Роберта и его друзей или нет. Слишком уж все это странно.

Тут дверь открылась и вышел человек в темном — это мог быть и уборщик, и профессор, но в любом случае вид у него был недружелюбный.

— Чем могу быть полезен? — спросил он.

— Как они нас нашли?

Кролик предупреждающе поднял лапу.

— Не вслух, док! — прошипел он. — Они могут услышать вас напрямую. — Он будто выглядывал из-за плеча Альфреда. — Я бы сказал, что они прошли за дедом этой девочки.

Ваз глянул на кучу одежды возле кессона. И просминговал обратно в голосовом формате:

— Одежда еще передает?

— Ну конечно. Снаружи это выглядит, будто старики тут расселись — может, в карты играют. Я все изобразил, даже сигналы медицинских приспособлений.

Альфред поймал себя на том, что скрипит зубами.

— Эта малышка Гу — такой геморрой, — продолжал жаловаться Кролик. — Я иногда думаю, что она...

Альфред взмахнул рукой — и зверек исчез вместе со связью общедоступной сети. Воцарилось глубокое местное молчание — мертвая зона.

Впрочем, милнет продолжал работать — хрупкая цепочка, что вела через его мобили к замаскированному аэроботу, а далее — через Тихий океан. По оценкам аналитиков Альфреда, пройдет шестьдесят секунд, пока мертвая зона привлечет серьезное внимание полиции кампуса и спецслужб.

Браун --> Мицури, Вазу: <sm> Это не может поддерживать-ся, Альфред. </sm>

Ваз --> Брауну, Мицури: <sm> Я сниму мертвую зону через несколько секунд. </sm>

Вот почему в успешных операциях всегда присутствовал Местный Хончо.

Он окликнул мобили, которые пробрались в здание: до детей было футов тридцать, они находились глубоко в мертвой зоне и приближались. Он их уже слышал непосредственно через пластиковую стену. Ваз глянул на дверь — заперто. Может, он сумеет притвориться пустым воздухом, пока они будут стучать? Нет, они просто уйдут и приведут полицию.

Ладно, значит, время действовать. Альфред привел в движение два ближайших мобила — строго сетевые роботы почти без возможности борьбы с людьми, но они создадут отвлекающий момент. Потом он открыл дверь и вышел вперед, встретив двух детей со сложенным велосипедом.

— Чем могу быть полезен?

Мири попыталась посмотреть на него сердито, но праведное возмущение трудно изобразить, когда залез в чужой дом и пытаешься что-нибудь удачно соврать. А связь с внешним миром отключилась наглухо.

Хуан шагнул вперед и выложил все, как есть:

— Мы ищем деда Мири. Запинговали его где-то у вас за спиной.

Уборщик-профессор-неизвестно-кто пожал плечами.

— Здесь только я. Вы, очевидно, знаете — сетевая связь сегодня очень ненадежна. Дом не должен был вас сюда пропускать. Вынужден просить вас вернуться в разрешенную зону.

На двери теперь был знак — символ биологической опасности, который украшал многие классы и лаборатории Пильчнер-Холла. Можно подумать, что сеть оживает — но Мири не могла нащупать ничего вне зоны прямой видимости.

Хуан кивнул, будто старик сказал что-то очень мудрое, и сделал еще пару шагов, одновременно передавая Мири то, что

видел. Комната за дверью ярко освещена. На полу какая-то дыра, видны были верхние ступени железной лестницы.

— О'кей, — покладисто проговорил Хуан, что-то подкручивая на своем велосипеде. А по двухточечной линии передал совсем другое:

Хуан --> Мири: <sm> Смотри, одежда! </sm> лежащая на полу рядом с ямой.

Мири --> Хуану: <sm> Пора уходить. </sm>

Выбираться наружу, найти, откуда позвать копов. Она как можно более небрежно пожала плечами.

— Ладно, тогда мы пошли.

Незнакомец вздохнул.

— Нет, теперь уже поздно.

Он шагнул к ним, и у Мири за спиной что-то металлически щелкнуло по полу, и к ней заскользили какие-то темные предметы.

Не было пути назад и не было пути вперед. И тогда путь вперед проложил Хуан.

Он толкнул велосипед навстречу незнакомцу. Раздался скрип резины. Колеса изо всей силы рванулись из восстановленных тормозов, и велосипед, рванув через комнату, влетел в незнакомца и находящуюся за ним аппаратуру. Мири бросилась вперед, к яме.

— Хуан, быстрее!

Она знала, где должен быть Роберт, и теперь могла поднимать тревогу.

Мири перебралась через край, увидела железные ступени.

— Хуан!

Уборщик-профессор снова был на ногах и, шатаясь, бросился вперед. У него в руке было что-то остроконечное. Мири замерла, глядя, как это острие летит на нее в замахе.

Ороско — жуть до чего мелкий недомерок, никого так остановить не мог бы — но он попытался.

Бандит шагнул назад, и то, что было у него в руке, ярко сверкнуло лиловым. Мири ощутила покалывание и онемение по всему боку. Она споткнулась о край ямы, упала внутрь, сумела ухватиться за перекладину лестницы другой рукой, еще сохра-

нившей чувствительность, но ноги с размаху соскользнули в пустоту. Мири попыталась нашарить перекладину другой рукой, промахнулась — и упала на очень твердый бетон.

Вся система образов отключилась — очевидно, «Эпифания» сгорела. Невооруженным глазом Мири видела круг света наверху, и слух тоже сохранила.

— Беги, Мири! Беги...

Крик Хуана оборвался звуком мясистого удара.

Мири побежала.

23

В СОБОРЕ

Беспорядки в УСД стали новостью вечера. Ясно было, что эта новость еще попрыгает пару недель по каналам всего мира — новый поворот в траектории развлечения публики. А кроме того — яркая точка на табло ситуаций у Боба Гу. Слишком яркая. Боб смотрел, как аналитики — даже с такими далекими специальностями, как судебная вирусология — собираются на единичном локусе в Южной Калифорнии.

Ребята, сегодня еще происходит и кое-что другое. Рейд департамента по борьбе с наркотиками в графстве Керн запустил реальное насилие на севере Канады. *Это* уже было вне зоны наблюдения Боба, но оно могло значить нечто большее, чем просто улучшенные наркотики. Если бы не беспорядки в библиотеке, уже родились бы десятки теорий: может быть, дело в графстве Керн — прикрытие для разборки с иммигрантами. Может быть, тут что-то более смертоносное, чем просто наркотики расширения реальности. Аналитики классно умели придумывать дикие гипотезы и не менее классно их разносить в прах — или находить серьезные доказательства и привлекать силы, которыми командовал Боб Гу.

Но сегодня — да, беспорядки в УСД слегка напоминали классический отвлекающий маневр, прикрывающий что-то более серьезное и неприятное где-то в другом регионе континентальных штатов. Элис удвоила численность пула аналитиков. Теперь в него включались специалисты из Центра контроля заболеваний и даже люди из других смен. Обычно она справлялась с неуправляемой толпой своих специалистов: мощи ее характера и харизмы хватало, чтобы построить гражданских даже из университетов. Однако сегодня Элис сама составляла проблему. Каждый раз, когда Боб направлял какую-нибудь группу на более широкий обзор, она эту группу отзывала. Это она отвлекла вирусологов. Был тесный небольшой кластер типов биологических направлений, который становился все ярче и ближе, беря на себя все больше ресурсов. Элис изучала не беспорядки как таковые, но их связь с биолaborаториями, окружающими школы. Если не считать отвлечения ночной смены сотрудников, лаборатории светились зеленым. И чем сильнее Элис вкапывалась в систему охраны лабораторий, тем чище эта система казалась.

Чертovo СО! Элис только что закончила обучение для аудита биолaborаторий. Это было самое экстенсивное СО из всех, пройденных ею. Сейчас Боб думал, что нет в мире большего знатока автоматизации лабораторий и связанных с этим исследований. *Надо бы поговорить с ней напрямую, без вежливых перенаправлений... Черт, если она не сдаст назад, я ее отстраню!*

И эти мысли слишком напоминали недавние домашние ссоры.

Так что сдал назад именно Боб. Он сидел и наблюдал за корреляциями, за статистическими выбросами. Членов своей группы от снял с дел в Сан-Диего. Они ему пригодятся, если события в УСД — отвлекающий маневр.

А пул биологов становился ярче. Элис перехватила отделения геномики Центра контроля над болезнями. Он еще услышит об этом на разборе действий. У Боба была холодная интуиция. Сегодня, может быть, именно та ночь. То, чего он боялся не меньше всего прочего, та возможность, которую Элис всегда отвергала. *У нее сносит крышу?* Что может зна-

чить полный СО-коллапс для человека, который был *обучен* на порядок раз больше, чем самый жуткий СО-пациент в госпитале ветеранов?

— Слышишь что-нибудь?

— Что именно, Томми?

— Что-то вроде далекого глухого стука.

Они остановились и оглянулись. Уинни издал возмущенный возглас. Это было как в старые добрые времена, когда Томми неизменно добавлял напряжения в их незаконные вылазки.

Томми задержался. Он шел сзади, чтобы тонкая волоконная нить, которую он выпускал, не запуталась ни у кого под ногами. Сейчас он еще послушал, потом повернулся и догнал группу.

— Может, там и ничего нет... но линия на миг отключилась. — Он глянул на свой лэптоп. — Сейчас вроде в порядке. — Он показал рукой в туннель, в темноту за небольшим кругом света. — Идем дальше.

Первая часть туннеля была очень знакомой — жутковатое путешествие вспять по дороге памяти. Было время — уже больше пятидесяти лет назад, — когда все они, кроме Карлоса, рыскали в этих туннелях. Томми Паркер был умник-первокурсник, выпендривающийся перед аспирантами, которые зачастую недоумевали, как они вляпались в такие кроличьи экспедиции.

А дальше все стало уже не так знакомо. Стекланные трубы вдоль стен. На самих стенах знаки, загадочные физические обозначения для узлов, не отвечающих его компьютерной коробке. Что-то белое размером с волейбольный мяч просвистело по одной трубе. Еще раз, еще раз — то же движение в обратном направлении. Когда-то пневматические трубы были признаком дивного нового мира. В детстве Роберт видел такие штуки в проходящих в упадок универсамах.

— А зачем тут пневмотрубы, Томми?

— А, здесь теория сталкивается с реальностью. Протеомика, геномика, регуломика — тут любая есть «омика», какую ни назови. И лаборатории эти — огромные. Местный трафик данных в миллион раз круче, чем на общественных магистралях, а

задержки — как в домашней сети. Но все равно необходимо смотреть и на реальные биологические объекты. Кто-то должен транспортировать образцы: на близкие расстояния платформы, на дальнее — пневмопочта. У «ДженГена» — даже своя пусковая установка ЮПИ/Экспресс для доставки пакетов в лаборатории по всему миру.

Теперь Роберт слышал впереди из темноты звуки, голоса, которые так и не складывались в узнаваемые слова, шелчки вроде постукивания древних пишущих машинок. *И это наука?*

Карлос заметил:

— Когда я пытаюсь нащупать местную сеть, вижу только голые стены.

— Я тебя предупреждал. Разговор с лабораторной сетью слишком усложнил бы наше предприятие.

— Туннель наверняка знает, что мы здесь.

Они шли в небольшом круге света. Спереди и сзади в туннеле было темно.

— Ага. Знает. Но, можно сказать, только на подсознательном уровне.

Идущий впереди Роберт показал на стену у края освещенного круга:

— А что это за знаки?

На стену физически были нанесены буквы:

5PBps:Prot<->Geno.10PBps:multi

Томми быстро подошел и встал впереди:

— А это, может быть, поперечина «Дженерал Геномикс»!

Он поднял свое «молитвенное колесо», отодвигая волоконную нить подальше от остальных. Незнакомец рядом с Томми был видим, но здесь он не мог как следует выбрать положение — ноги его плавали над полом, глаза смотрели на девяносто градусов в сторону.

Томми направил лэптоп камерой на буквы.

— Должен признать, что эта волоконная связь вполне удобна. Я могу отсылать видео моим консультантам.

Невидимый для Томми, Таинственный Незнакомец ткнул в себя большим пальцем и усмехнулся. Томми всмотрелся в экран лэптопа.

— Да! Мы дошли до оптического перекрестия «ДженГена». — Он показал на боковой туннель. — Вот тут начинается самое интересное.

Через пятьдесят футов боковой туннель расширился и вывел их в какой-то грот. В тени торчало нечто высокое и наклонное.

— Видите башню? — спросил Томми. — Собственная пусковая установка «ДженГена». Эти ребята не хотят возиться с пусковыми установками Восточного округа.

Щелкающие звуки шли теперь отовсюду. Они доносились сверху со стоек оборудования, и в них был ритм, как в стихах, скандируемых чисто для удара. В конце куплета предметы реально *передвигались*. В матовых кристаллах поблескивал свет. На некоторых стойках виднелась физическая надпись:

MusMCog.

Между идущими танцевал Незнакомец — фантазия лэптопа Томми и волоконной нити. Но эта фантазия смотрела через камеру лэптопа и разговаривала — по крайней мере с Робертом. Незнакомец показал в направлении кристаллов:

— Чудеса нано-жидкостной технологии. Десятилетия работы прежней биологии — в каждой перемене цветов. Как можно представить триллион образцов и миллиард триллионов анализов? Как с этим может справиться искусство?

Он помолчал, будто его действительно интересовал ответ, и снова исчез. Но оставил свои надписи и объяснения.

Роберт глядел на ряды машин, на башню, почти скрытую темной далью. Это был своего рода храм, собор машин. Но как описать его, если даже на то, чтобы понять поверхностно, ушли бы годы? Бесчисленные кристаллы не расцвечены ярко, почти все жидкостные пути — микроскопические и спрятаны внутри шкафов, похожих на холодильники-переростки. Метки Незнакомца беспорядочно плавали вокруг — призрачные субтитры к

трансцендентным процессам. И все-таки Роберту вспомнилось утраченное, и слова забурили на дне воображения — слова, стремящиеся выразить охвативший его восторг.

Они пошли дальше по узким коридорам, поворачивая лишь по указаниям Томми, который примерно каждую минуту останавливался и вытаскивал из рюкзаков какие-то новые приборы.

— Установить это надо как следует, мужики. Тут остаться невидимыми куда труднее, чем в туннеле.

Приборы надо было устанавливать рядом с узлами связи, находившимися глубоко внутри жидких кристаллов. Почти все действия выполнял Роберт. Карлос подсаживал его на верх каждого шкафа, Роберт изгибался так близко к стеклянным конструкциям, что слышал едва уловимое пощелкивание и шипение жидкости — столь тихое, что это могла быть просто какая-то мелкая течь. Миллионы едва различимых звуков вливались в атмосферу помещения.

Один раз Роберт замешкался и заметил, что устройство само постаралось себя установить, скользнув у него из рук, глубже в переплетение стекла — *а нижняя сторона приборчика оказалась миниатюрной транспортной платформой.*

— Что это вы смеетесь, Гу? — раздался снизу голос Блаунта.

— Так, ничего. — Роберт слез со шкафа и прыгнул на пол. — Просто решил одну маленькую загадку.

Они пошли дальше. Теперь почти на всех ящиках была надпись «Dros Mcoг». Теперь все проистекало гораздо быстрее — Роберт и Карлос освоили «гимнастику».

— Это уже все, парни! — Томми оторвался от лэптопа и поглядел на жидкие кристаллы. — А знаете, чудно, что все узлы находятся так глубоко внутри лабораторной аппаратуры.

Таинственный Незнакомец выплыл вперед и помахал зеленоватыми пальцами Роберту, Карлосу и Уинни Блаунту.

— Эта загадка не для нас. Почему никто не предложит следовать дальше Великому Плану Томми?

Все промолчали, но у Роберта возникли два предположения: вот зачем они на самом деле сюда пришли, вот как выпол-

нил Таинственный Незнакомец свои обещания. Может быть, Карлос и Уинни тоже что-то такое поняли, потому что после паузы заговорили оба сразу. Блаунт жестом призвал всех к молчанию и повернулся к Паркеру:

— Кто знает, Томми? Ты говорил, что это проделано тонко. Могут уйти недели, чтобы разобраться, как тут все прилажено.

— Да-да, — кивнул Томми, не замечая довольного вида Незнакомца. — Анализировать будем потом! — Он глянул на свой лэптоп. — Как бы там ни было, а самое трудное уже позади. Теперь можно спокойно двигаться в лаборатории Гуэртаса за обрывками.

Больше устройств ставить не понадобилось. Лэптоп Томми посоветовал прибавить шагу, и они пошли быстрее. Что бы там ни планировал Таинственный Незнакомец относительно «ДженГена», они для этого были уже не нужны. Роберт оглянулся. Уинни, запыхавшись, почти бежал рысцой. Наверное, Незнакомец дал ему какой-то особенный стимул. А Томми позади Карлоса крутил свое «молитвенное колесо», оставляя за собой паутинную нить.

Внезапно бетонный пол сменился чем-то упругим. Шаги здесь звучали как постукивание по огромному, туго натянутому барабану.

— Когда туннель летает? — спросил Томми. — Когда он — действительно туннель в небе!

И Роберт вдруг понял, где они. Это была одна из закрытых пешеходных троп, отходящих от стены Каньона Роз, к северу от кампуса. И сейчас они стояли в трубе в семидесяти футах над склоном, заросшим кустарником и мансанильей.

Потом снова пол стал бетонным. Впереди лежала очередная пещера, на сей раз почти пустая. Страна Гуэртаса.

Мири бежала, луч фонаря следовал за ней. Нет, пожалуй, это всего лишь обычное освещение туннеля. Она остановилась, прижалась к стене, оглянулась. Никто ее не преследовал. Кро-

ме освещения в туннеле, единственным источником света был проем входа где-то далеко позади. *Хуан!*

Она смотрела и слушала. Если никто за ней не идет, то, может быть, система безопасности УСД здесь еще работает.

Мири попыталась прошупать стены. Вызвала 911. Еще раз. Может быть, этот Злодей вывел из строя ее «Эпифанию». Движением плеча она запустила несколько тестов — нет, система работает. Свои файлы она видела, но местные узлы ее не замечали. На краю поля диагностики Мири заметила мерцание — беспроводной ответ, который в обычной ситуации «Эпифания» отфильтровала бы как слишком далекий, слишком ненадежный. Прошла секунда, бог знает, сколько повторных попыток, и наконец возникла индикация вызывающего. Это был Хуан, его носимые.

Мири --> Хуану: <sm> Ответь, пожалуйста! </sm>

Молчание. На то, чтобы проверить медицинские показания Хуана, у Мири не было доступа. Огонек Хуана вдруг резко вспыхнул — и погас. Этот Уборщик-Профессор все еще был там, он снова оглушил бедного Хуана. Точнее, он оглушил аппаратуру Хуана, наверное, чтобы Мири не могла через нее передавать. Сейчас она могла надеяться только на себя. Нехорошо, что все ее планирование привело вот к такому. У Элис никогда таких проблем не было — она всегда знала, что делать дальше. У Боба... у Боба ошибки иногда случались. Он из тех, у кого с уверенностью в себе бывают проблемы. Интересно, что бы подумал Боб обо всем об этом? И что сделал бы Хуан?

Мири посмотрела в глубь туннеля, в сторону от входа. Там было темно, но не совсем тихо. Вроде как голоса, какой-то разговор, а слов не разобрать. Роберт и его друзья по библиотеке — и наверняка их направляет, как кошачьей лапкой, этот Уборщик-Профессор. *Как же мне сорвать его планы?* Мири вскочила и бесшумно побежала к выходу, все еще охваченная собственным кругом света. Никаких следов Роберта, да и неразборчивые голоса звучат как-то не так.

Мири пробежала мимо поперечных туннелей; там в прозрачных трубах метались какие-то мелкие штуки.

Еще несколько минут — по-прежнему никаких признаков Роберта.

На бегу Мири читала: она наклеивала много материалов по УСД и биотехнологическим лабораториям. Здесь был персонал — сотрудники и охрана, — о котором она могла не знать, но... поперечные туннели вели к каким-то конкретным лабораториям. Три сотни акров в семнадцати отдельных помещениях!

Мири перешла на шаг, потом беспомощно остановилась. Роберт может быть где угодно. Интересно, насколько захватили здесь контроль Злодеи? *А что, если просто поднять крик?*

Позади едва слышно возник какой-то новый, едва различимый звук — мягкие молоты бьют по металлическому барабану. Но ритм — как у шагов. И тут у нее возникла догадка, где их искать. Вот если бы только сопоставить это с тем, где она сейчас...

Мири повернулась и зашагала обратно.

24

БИБЛИОТЕКА ВЫБИРАЕТ

Ночная смена Шейлы Хенсон вышла из лесу по тропе великой змеи знания сразу к востоку от библиотеки. Гачековские пауки уже были здесь и захватили командные высоты. Юнх катил и вел свою армию роботов прямо к краю расположения противника.

Юнх --> Ночной смене: <sm> Ребята, они же все в реале! </sm>

Он имел в виду пауков. И большинство людей тоже были реальны. Рыцари и Библиотекари Гачека стояли плотной стеной за своими роботами.

Из-за северной стены библиотеки появились подкрепления скучистов, сторонников Океанографической библиотеки при институте Скриппса. Но и у гачекистов были резервы. Камеры, летающие над библиотекой, показывали вновь прибывших, которые гнались за людьми из Скриппса. Пока что из имущества поломали немного. Роботы выглядели вполне зловеще, люди по большей части топтались и кричали. Шейла отлично организовала скандирование: «Верните нам НАСТОЯЩИЕ книги!»

Что-то большое и виртуальное вырвалось со стороны гачекистов на ничейную землю роботов. Было оно двенадцати футов в высоту, самое лучшее Опасное Знание из всех, что приходилось видеть Тимоти Юнху. Полу-Библиотекарь, полу-Рыцарь, это создание было центральным парадоксом Гаческа. Теперь оно подобралось, пританцовывая, почти к краю рядов скучистов и состроило невозможную рожу, высунув длинный и острый язык, как у маорийского демона. А когда оно закричало, услышали все скучисты, хотя сообщение было адаптировано для каждого:

— Эй, ты, Тимоти Юнх, ты мыслишь как мелкий скуч-э-маут! Самый мелкий! Все ваши куколки-сучи — это тряпичные детские игрушки, мелкие и ничтожные перед нашей Глубиной!

Опасное Знание махнуло лапой в сторону стоящих вокруг него гачекистских созданий.

Это было вполне в манере гачекистов: пренебрежительное незнание мифов скуч-э-маутов, от которого скучисты просто бесились — ведь наивные посторонние могли и поверить. Из рядов скучистов донеслись контрречевки:

— Гачек — липовый Пратчетт!

А вот *это* уже гачекистов привело в ярость, потому что было всего лишь правдой.

Юнх протолкнулся мимо Шейлы, Смейла и остальных работников ночной смены и оказался в первых рядах своей армии. Вблизи на Опасном Знании было заметно еще больше зрелищных деталей. Сапоги с когтями искусно погрузились в грязь

рядом со Змеиной тропой. Вокруг своего хозяина гудели и прыгали пауки-роботы.

Они были реальны. Где гачекисты раздобыли такие умные штуки, причем так быстро? Юнх пропинговал их и не удивился, когда не получил ответа. В их движениях проявлялась почти живая пластичность, когда они перелезали друг через друга, наступая и отступая. Роботы казались причудливым сочетанием последних моделей «Интел» и «Лиджэнд». Регуломики «ДженГен» апгрейдились до чего-то подобного. Юнх снова пропинговал их, на этот раз с полномочиями сотрудника «ДженГен».

Черт возьми!

— Эй! — крикнул Юнх. — Эти гачековские бездельники сперли аппаратуру из «ДженГена»!

Теперь, присмотревшись к той стороне повнимательнее, он узнал своих же товарищей по работе! Кэти Розенбаум тоже была там, размахивала боевым топором и скалила зубы.

Розенбаум --> Юнху: <sm> Лапонька, мы их всего лишь одолжили! </sm>

Он ведь только вчера ходил на ленч с Кэти и ее подругами. Он знал, что в лаборатории регуломики есть сторонники Гачека, и потому вместе со своей командой держал свои планы в тайне. А эти вероломные гачекисты, оказывается, поступали так же!

Опасное Знание по-прежнему весело танцевало среди паучьих войск, издеваясь над удивлением скучистов.

— Возмущаешься, да, маленький мой Юнх? Неужто это тебя только что надули из-за недостатка воображения? И ты притащил старый медленный хлам, вполне соответствующий концепции твоих образов!

Фон за Опасным Знанием был поразительно хорош, без размытых предвестников. Но тот, кто дергал за ниточки, впечатлял еще сильнее — явно актер мирового класса. На миг ряды скучистов пошатнулись, и толпа виртуальных сторонников стала таять. Вид сверху показал Юнху гачекистов, идущих на помощь своим со всех сторон библиотеки. Если соотношение сил изменится слишком сильно, скучисты потерпят унижительное поражение.

Голос Шейлы Хенсон взлетел над собранием, слышный участникам по всему миру:

— Смотрите! Большой Скуч-э-маут!

За спиной у Юнха зашевелился, оживая, какой-то автопогрузчик. А Юнх должен был сам это сообразить. Слава богу, Шейла приняла мяч.

Автопогрузчик шагнул вперед так осторожно, как только может двенадцатифутовая машина, у которой центр тяжести находится где-то на высоте шести футов. Автопогрузчик явно работал не самостоятельно, но Юнх не думал, что это Шейла так хорошо его ведет.

Медленно опустились плоские ноги-опоры, давая людям, чирпам и сальсипуэдам время убраться с дороги. Сильно — но это всего лишь автопогрузчик. В сочетании с видом кружка верований это...

Шейла сформировала синий ионипод в нечто еще более зрелищное, чем Опасное Знание. Большой Скуч-э-маут, самое популярное из всех созданий Скучи. За свою короткую карьеру Большой Скуч был объектом обновлений, отрезаний, улучшений, слияний и попыток правительства прибрать его к рукам. Главный герой для миллионов школьников в беднейших странах Африки и Южной Америки, защитник маленьких людей, улучшающий их положение в мире. И его явление сегодня здесь затмило все, что было вокруг.

Более того, сегодня видение несло в себе четыре тонны гаптической правды, звенящей изнутри.

Большой Скуч-э-маут дошел до передней линии скучистов и выступил на территорию паучьих роботов. Теперь он двигался быстро — насколько позволяли стабилизаторы и двигатели. *Ух ты, кто же им управляет?* Он шел, танцуя, сквозь толпу гаचेкистских роботов, изрыгая оскорбления в адрес Опасного Знания.

Рыцари и Библиотекари, пофу-лонги и двельбы, бабыяги — все на обеих сторонах просто озверели. Спецэффекты расцветали в воздухе, в небе, выкрики сделались еще громче. Роботы бросились в битву. Юнх глянул на кишение спецэф-

фектов роботов. Мегаманчи и ксорошоу вылезали из кустов — Шейла бросала резервы в мясорубку битвы.

Но битва роботов была реальной! Когда танцующий Большой Скуч наступал на спины паучьих роботов, осколки панцирей и ног взлетали в воздух. В представлении с правами техника видны были доклады о повреждениях. Двадцать пауков регуломики числились в «молчащих» в реестре лаборатории в реальном времени. Десятки мелких роботов уничтожены. Трое носителей образцов утратили подвижность.

Юнх --> Хенсон: <sm> Шейла, одно дело — одолжить роботов, но зачем превращать их в металлолом? </sm>

Шейла находилась на другом конце шеренги. Казалось, она хочет бросить роботов в атаку против Рыцарей и Библиотекарей. На том конце, где был Тим, Большой Скуч кое-чего уже достиг, приближаясь в танце к реальным участникам-людям.

Хенсон --> Юнху: <sm> Не беспокойся, руководство до-вольно. Ты посмотри, какая пресса, Тим! </sm>

Его товарищи и виртуальные тысячи других напирали. В сетевом виде... господа, «ДженГен» получало такое освещение, которого за деньги не купишь, куда лучше, чем в двадцатом столетии, когда миллионы вынуждены были смотреть то, что немногие сочли Важным. Магистральным роутерам в зоне УСД уже не хватало пропускной способности! Долго это не продлится — повсюду есть резервные роутеры и незадействованные волоконные линии, но весь мир сегодня был здесь.

Шаг за шагом скулисты продвигались вперед.

— Верните нам наши этажи!

— Верните нам нашу Библиотеку!

— А главное — верните НАСТОЯЩИЕ книги!

Обычно кружки веры конкурируют неявно, на основе собственной популярности. Сегодня было величайшее исключение: кружки верующих дерутся друг с другом за внимание и уважение. За минуты они сожгут месяцы творчества, зато их аудитория расширится так, как они и мечтать не смели.

И кто бы ни вел этого Большого Скуча, болтовня его была обращена непосредственно к Юнху:

Большой Скуч-э-маут --> Малому Скуч-э-мауту: <sm> Твои роботы — это вещь, друг мой! Гони их в бой! </sm>

О'кей! Юнх включил второй погрузчик. Ему часто мечталось иметь с собой в драке такого монстра.

Он осторожно пробрался через союзные ряды, ведя за собой малых роботов. Откуда-то с другого конца мира художники-скучисты одели автопогрузчик так же ярко, как Большого Скуч-э-маута. Но картина дрожала, словно ртуть или дым: погрузчик Юнха был замаскирован как Коллективный Разум, неоднозначный дух, который когда-то помог Скуч-э-мауту, когда враги были наиболее сильны. Пар и скрывал, и вел реальное устройство. Десятки помощников и соответствующих подпрограмм гарантировали постоянный эффект. Корпус погрузчика был из темного композитного пластика. Если не смотреть пристально в реальном виде, трудно было определить, где на самом деле находится робот.

Тим Юнх воспользовался всем этим, топая стальным туманом через зону битвы роботов, воздымая Большого Скуч-э-маута... и идя размытым путем к Рыцарям и Библиотекарям. Скандирование скучистов летело из спикеров погрузчика:

— Верните наши этажи!

— Верните нашу Библиотеку!

— А главное — верните НАСТОЯЩИЕ книги!

Атака сочетала в себе красоту, внезапность и физическое запугивание. Силы гачекистов были опрокинуты, и чирпы с сальсипуздами Юнха бросились вперед занимать новую территорию. Но твари Кэти Розенбаум все еще превосходили их числом и были куда более проворны. Пауки-роботы бросились назад, сохраняя зону битвы между соперничающими силами людей.

Смейл --> Ночной смене: <sm> Держитесь за ними! </sm>

Шагая за Коллективным Разумом своего погрузчика, Юнх не забывал смотреть сверху вниз и следить за обзорами. Более ста миллионов человек наблюдали творения двух кружков веры. Не совсем игра, не совсем произведение искусства — скорее состязание, где побеждают воображение, расчет и наглость. До сих пор мир думал, что обе стороны по воображению равны, но

по расчету и наглости скучисты далеко впереди. Они создали реальное физическое разрушение — и это посреди реальных людей!

Ярд за ярдом двигалась битва вокруг библиотеки. Скучисты уже оккупировали частично южную эспланаду, главную ось кампуса. По дорогам съезжались в кампус люди со всего города. — физическое дополнение к более многочисленным виртуальным. Сорок процентов магистральных роутеров вышли на насыщение. Число зрителей перевалило за двести миллионов. Сотни тысяч принимали участие в игре, украшенные новыми образами из глубин дизайна гачекистов и скучистов. Участники — реальные и виртуальные — расходились от центра, которым служила университетская библиотека. Через журналистские вьюпойнты в нескольких тысячах футов над землей конфликт походил на странную спиральную галактику, рукава которой светились ярче всего там, где яростнее битва.

Были и другие сущности, видимые только журналистам: люди из хроники и игр, может быть, сотня тысяч профессионалов. Некоторые наблюдали за наблюдателями, анализируя и опрашивая. Другие находились среди битв роботов, запоминали конструкции. Вились кабели «СпилбергРоулинг», «Гейм-Хэппенинг», «Рио-Магик» и крупных студий Болливуда.

Тиму Юнху было видно больше — ведь он управлял аппаратурой «ДженГен». Он видел сети, которые сливались с фоном, собирая и собирая информацию и исподволь ее формируя. Эти наверняка принадлежали Гильдии Фантастов — самому большому объединению художников в мире. (Их девиз: «Не надо нам этих гадских посредников!»)

И конечно, здесь была полиция полудюжины разных видов, от охраны кампуса до ФБР.

Большой Скуч-э-маут --> Малому Скуч-э-мауту: <sm> Эй, друг мой! У нас десять минут, чтобы выиграть веру и решение. А потом нас начнут глушить. </sm>

Альфред смотрел на это из-под Пильчнер-Холла. Из-за устроенных Кроликом беспорядков биологической лаборатории опустели. Индоевропейское инспекционное оборудование было установ-

лено и уже отсылало результаты (фальсифицированные — но это уже работа Альфреда). Марионетки, которые установили аппаратуру, уже вышли из зоны «ДженГен», устремляясь навстречу своему аресту, который вызовет подозрения, отвлекающие от цели. Но...

— Нам нужно еще не меньше пятнадцати минут, — сказал Альфред.

Передача фальсифицированных данных закончится раньше, но надо ведь еще прибраться и уйти.

Кролик пожал плечами:

— Не волнуйтесь, старина. Я сказал Юнху про десять минут, только чтобы держать его в тонусе. Даже когда вмешается полиция кампуса, у вас будет еще полчаса, пока персонал «ДженГена» потянется обратно.

Мицури --> Брауну, Вазу: <sm> Думаю, Кролик прав насчет времени. Его операция в библиотеке — шедевр. Мы бы не могли организовать такой отвлекающий маневр без того, чтобы в американском аппарате безопасности не нажали на все красные кнопки. </sm>

Браун --> Мицури, Вазу: <sm> Слишком масштабные вышли беспорядки. </sm>

Их мобили все еще были зажаты в трафике. Не имея на месте достаточно роботов, они не могли полностью контролировать Пильчнер-Холл — и двое совершенно нежелательных детей создали первую реальную проблему этого вечера. Сейчас один из детишек лежал без сознания возле кессона, где его свалил Альфред.

Ваз глянул на Кролика, сидящего на краю ямы и болтающего в воздухе мохнатыми лапами.

— А что с девочкой, Кролик? В данный момент она бежит по туннелям и не под контролем.

Кролик улыбнулся во всю пасть.

— Можете назвать меня господом богом непредусмотренных последствий. Когда ситуация усложняется, бывают побочные эффекты, и Мири Гу — один из них. Местный Хончо у нас вы. Почему вы за ней не бежите?

Браун --> Мицури, Вазу: <sm> Нет. Это выведет тебя далеко за пределы нашего аварийного плана. </sm>

Вообще-то такое искушение у Альфреда было, но он сдержался и направил одиночный мобиль проследить за девчонкой. Может быть, этого окажется достаточно, чтобы ее отвлечь. А если она найдет марионеток — ну что ж, тогда у них появится еще один вариант, который удивит Кролика. Вслух Ваз сказал:

— Не считаю нужным. Есть другие предложения?

— Очевидные, старина! Вот такое: будьте гибким, как я. Кто знает, какие могут появиться возможности? Вы не в состоянии определить, где Мири Гу? Подумаешь, важность. Это же значит, что она вне всего, что интересует вас и ваших друзей?

Кролик вопрошающе повел ушами.

Браун --> Мицури, Вазу: <sm> Хорошо бы этот мистер Кролик отсюда убрался. Он пытается припахать нас и все время отвлекает своим нахальством. </sm>

А его нахальство отвлекало — и очень сильно. Кролик взялся за очередную морковку. Он скалил зубы, выставив большие резцы, размалывающие пищу, будто говоря: «Да не обращайтесь на меня внимания, сминуйте на здоровье!»

Далеко из-за стен доносился шум устроенных Кроликом беспорядков. Аналитики противодействия докладывали, что Внутренняя Безопасность следит за УСД с большим интересом, но ведет себя спокойно. Гюнберк и Кейко сочли это хорошим известием, *но ведь это значит, что Элис Гонг по-прежнему действует?* Для Альфреда это было основным вопросом, куда более важным, чем случайная встреча с двумя детьми.

В любом случае самое время убрать отсюда пронырливого Кролика. И сделать это надо так, чтобы не вызвать подозрений у Гюнберка и Кейко. К счастью, Гюнберк сам подталкивал в нужную сторону. Браун показал матрицу потребностей и целей. С оттенками цветов, демонстрирующими вероятность, но было совершенно четко видно: относящиеся к беспорядкам в библиотеке пункты, где участие Кролика критично, светились ярко-красным — сотни вещей, которые мог сделать только он, если необходимо будет продолжать отвлекающий маневр. В подземных лабораториях таких пунктов с критичным участием

Кролика было с десяток, и многие из них включали в себя спуск марионеток под землю, проведение их внутрь и вывод из зоны операции. И каждый из этих пунктов был с некоторым зеленым оттенком.

Ваз --> Брауну, Мицури: <sm> Точно подмечено, Гюнберк. </sm>

Мицури --> Брауну, Вазу: <sm> О'кей. Спускай Кролика с цепи, но аккуратно. Я думаю, ты спишешь этот ход на своих занудливых удаленных коллег <улыбка/>. </sm>

Альфред улыбнулся Кролику.

— Вы правы, мистер Кролик. Некоторые из нас, увы, негибки.

— Да ничего страшного, — великодушно отмахнулся Кролик.

— На самом деле вы организовали здесь все безопасно для нас, и мое начальство хочет, чтобы вы сосредоточились на операциях наверху.

— Что это вы де... эй!

Ваз наклонился и отцепил оптоволоконную линию от своего жульнического бриджа.

На миг изображение Кролика застыло, как тупая графика, потерявшая связь со своим удаленным источником. Конечно, у Кролика осталась еще интернет-связь, и пауза была просто моментом удивления. Момент прошел, и Кролик вскочил на ноги.

— Зачем вы это сделали?

Голос и мордочка его были почти лишены выражения. Очевидно, Кролик не рассматривал возможности неожиданностей и затруднений *в реале*.

Разъем линии повис в руке Альфреда. Пришлось приложить усилие, чтобы не улыбнуться злорадно прямо в лицо Кролику. Альфред сунул разъем в передатчик у себя на поясе. Все, что будет передаваться по этой линии, пойдет через его личный милнет.

Браун --> Мицури, Вазу: <sm> Браво, Альфред! </sm>

Мицури --> Брауну, Вазу: <sm> Повежливей! Он нам все еще нужен там, где беспорядки. </sm>

Кролик забегал вдоль края ямы, размахивая кулаками так, что их почти не было видно.

— Вы нарушаете наше соглашение.

Голос был по-прежнему лишен эмоций.

Альфред придал своему лицу самое благожелательное выражение и заговорил без малейших признаков торжества:

— Прошу вас, мистер Кролик, взгляните на соглашение. Мы нужны друг другу — и каждый из нас лучший в своей области. Аппаратура уже внесена в лаборатории. Если вы еще несколько минут поддержите уровень беспорядков, то получите все, что мы вам обещали.

Кролик все так же без выражения произнес:

— Вам не обойтись без меня в лабораториях. Конечно же...

Он не всезнающий!

— Вероятно. Я буду держать вас в курсе ситуации. Что вы говорите?

Внезапно по морде Кролика пробежала целая гамма выражений: сперва гнев, потом понимающая улыбка, быстро исчезнувшая, будто оператор не хотел, чтобы ее заметили, а потом раздался тщательный, слишком терпеливый вздох. Этаким многострадальный Кролик.

— Ага, паранойя торжествующая. Что ж, я склоняюсь перед вашими желаниями... — именно это он и сделал подчеркнуто, танцуя на краю ямы, — и займусь тем, чтобы обезопасить вас от угроз с поверхности. — Блеснули не слишком травоядные зубы. — Но я ожидаю всех оговоренных компенсаций. Мои способности вы знаете.

— Знаю. И я понимаю, что еще могут возникнуть осложнения. — *И твои попытки эти осложнения создать.* — Наш человек будет держать связь с вами и вашими наземными операциями.

Ваз --> Брауну, Мицури: <sm> Кейко? </sm>

Мицури --> Брауну, Вазу: <sm> Я этим займусь. </sm>

Кролик последний раз невежливо махнул лапой, и вдруг в тесном помещении с пластиковыми стенами и бетонным полом от него не осталось и следа. Альфред отключил интернет-связи. Теперь здесь находились лишь груда старой одежды,

тележка, дыра посередине пола... и единственный пострадавший человек.

С холма у библиотеки доносились утешительные звуки беспорядков.

Ваз --> Брауну: <sm> Как там выглядят данные лабораторий? </sm>

Инспекционная аппаратура вела передачу уже несколько минут. Поверили лжи или нет? Мог ли Гюнберк отказаться от своих драгоценных теорий?

Браун --> Вазу: <sm> Передано на семьдесят процентов. Потом придется анализировать тщательнее, но на первый взгляд в этих лабораториях все чисто. </sm>

Есть!

Большой Скуч-э-маут --> Малому Скуч-э-мауту: <sm> Вперед, друг мой! Гачекисты бегут! </sm>

И гачекисты действительно отступали — по крайней мере в зоне перед Тимоти Юнхом. Он направил свой погрузчик в брешь, круша попадающих на пути паучьих роботов. Дуга противостояния сдвигалась, и теперь Тим оказался прямо к югу от главного входа библиотеки. Здесь враг отступал. У скучистов на этом участке было больше реальных людей, и это означало более сильную поддержку визуальных эффектов. Но у гачекистов было где-то тысяч двести виртуальных участников против примерно половины этого числа у скучистов. На дальней стороне библиотеки, на склоне у грузового входа для толпы реальных людей просто не оставалось места. И здесь число гачекистов — всемирное все же верование — возрастало. Там вертелось Опасное Знание, зрелищное как никогда, управляя световой фесрией в небе над северным склоном долины. И подкрепления слетали к нему ордами в копьях света.

Тим изо всех сил старался отслеживать картину в целом, хотя сейчас был очень занят, топча попадавших под ноги паучьих роботов. Сегодня с обеих сторон были видны чудеса, на которых эти кружки веры смогут пировать не меньше года. И все же еще оставалась вероятность чистой победы. Сегодня

Скуч-э-маут может завоевать пограничный рынок и добиться такого же успеха в мировом масштабе, как гачекисты, сторонники Пратчетта и Болливуд. Требовалось что-то впечатляющее — такое, что положит полосу чистого неба между ним и гачекистами. Он повел свой Коллективный Разум, создание из тумана и стали, поперек фронта туда-сюда, круша все оставшиеся паучьи роботы. И ничего более зрелищного придумать не мог, черт побери.

Но существовал целый мир Скучи и разум, ему соответствующий.

Большой Скуч-э-маут --> Малому Скуч-э-мауту: <sm> Сними ограничения с моего погрузчика. </sm>

Юнх снял.

На миг силуэт Большого Скуч-э-маута застыл неподвижно, однако в техническом представлении Юнх видел, как его элементы питания заряжают конденсаторы до опасности пробоя.

А потом Большой Скуч-э-маут бросился вперед, как спортсмен и... прыгнул на добрых тридцать футов на лужайку рядом со Змеиной тропой. Он глянул на долину северной стороны и заорал Опасному Знанию голосом одновременно виртуальным и реальным. И реальный был таков, что заболели уши.

— Эй, ты! Знание-На-Два-Бита! Мы равны друг другу, как ты думаешь?

Из долины возле грузового входа Опасное Знание потрясло кулаком, грозя раскачивающемуся погрузчику.

— Слишком даже равны!

— Но не должен ли один из нас одержать чистую победу?

— Еще как! И это буду я, как известно всему миру.

Опасное Знание показало на своих виртуалов — миллионы их были! (Впрочем, приличную часть этого войска, как знал Тим, составляли поддельные образы.)

— Может быть. — Большой Скуч-э-маут снова прыгнул, теперь на край обрыва возле грузового входа. Что-то было в этом маневре внушающее трепет, если учесть тонны реальной машины. — Но в чем причина этого конфликта?

Он взмахнул руками, словно кумир болельщиков, и скучисты заорали со всем усилением, которое только смогли наскрести:

— Верните наши этажи!

— Верните нашу Библиотеку!

— А самое главное — верните наши НАСТОЯЩИЕ книги!

— ДА! — отозвался Большой Скуч-э-маут. — Мы сражаемся за Библиотеку! И Библиотека должна решить спор!

После этих слов все звуковые эффекты скучистов резко оборвались, и по их рядам разлилась неуверенная тишина. Иногда бывает, что вера попадает на собственные метафоры и превращается в пустую идиотскую болтовню. Юнх огляделся, оценивая реакцию, вызванную Большим Скуч-э-маутом. Привлечь на свою сторону Библиотеку — звучит красиво, но что это *значит*?

В долине северной стороны раздался взрыв смеха. Противник пришел к тому же выводу. *Нас поимели*, подумал Юнх. Но тут он заметил, что Опасное Знание не смеется. Это создание поднялось до середины склона, глядя Большому Скуч-э-мауту прямо в глаза. И зловещее молчание охватило обе армии.

Почему-то Опасное Знание понимает, о чем говорит Скуч-э-маут.

— Значит, — начал гачекистский божок, и голос его был шелковым, хотя и отражался эхом от библиотеки, впечатываясь в мозги всех зрителей по всему миру, — ты хочешь, чтобы сама Библиотека решила, кто станет о ней заботиться и кому будет принадлежать ее пространство?

— И насколько настоящими должны быть книги, — ответил Большой Скуч-э-маут с улыбкой, которую можно было считать дружелюбной. — Я предлагаю, чтобы мы поставили этот вопрос перед Библиотекой — и тот из нас, кого выберет *она*, получит благословение.

— Ага!

Теперь Опасное Знание тоже улыбалось, но это было просто зверски растянутое лицо. Тварь пятилась вниз, с каждым шагом она росла, и глаза ее оставались на уровне Скуч-э-маута. Как правило, столь элементарный визуальный эффект не

заслуживал уважения, но он очень подходил к ситуации. Кроме того, тот, кто придумал это создание, предусмотрел потрясающую фрактальную броню как раз на случай такого расширения.

Опасное Знание обернулось к виртуальным миллионам у себя за спиной.

— Вызов честен. И я говорю всем Последователям Знания: объединитесь со мной в последнем наступлении на врага. Продемонстрируйте Библиотеке, что мы ее будущее и ее главная поддержка. И пусть Библиотека покажет миру свой выбор!

Молчание лопнуло, когда миллионы нашли новые усиители в кампусе — или кто-то перехватил и использовал те, что принадлежали скучистам.

Галактика участников — роботов и людей, реальных и виртуальных — всё ожило в возобновившемся конфликте. Рыцари и Библиотекари метали огонь в скучистов. Снова давил и разбрасывал ногами противников Коллективный Разум Юнха. Весь ансамбль возобновил величественное вращение вокруг университетской библиотеки, и спиральные рукава битвы разгорелись ярче прежнего. Но сейчас боевые кличи зывали к самой Библиотеке. И библиотека сияла светом, будто сходящим из бесконечных глубин сверху. Свет этот был чисто виртуальным, но виделся в каждом представлении.

Растапывая вопящие орды, Юнх был почти полностью захвачен моментом. Почти. Все зашло куда дальше, чем он мог предполагать. В какой-то мере успех — просто аудитория, значительная часть бодрствующего мира. В какой-то мере — неожиданная уступка «ДженГена» и администрации УСД и потрясающая возможность будущих доходов, которые могли пролиться от разных производителей развлечений, затаившихся повсюду вокруг. И ничего бы этого не случилось, если бы не контент, который вдруг появился, когда они шли в битву. Контент с обеих сторон, контент художественный — новые дизайны, и физический — эффект, созданный легионами роботов.

Но сейчас все надежды и гачекистов, и скучистов стали заложниками невозможного. Если Библиотека не «ответит» или ответит просто новыми образами, импульс стремления начнет

рассыпаться, огромное число людей — среди них Тимоти Юнх — почувствуют себя дураками. Такова судьба многих флешмобов, особенно тех, что поначалу кажутся самыми успешными. Большие обещания получают большие награды — до той поры, когда приходит час обещания выполнять.

Что на уме у Большого Скуч-э-маута?

Юнх воспользовался видом техника и видом художника. Посмотрел из камер Скучи, с аэроботов, плавающих сверху, даже через служебные вьюпойнты «ДженГена». Лучшее, что он мог предположить, — это какой-то слабенький сюрприз, что-то, чтобы отвлечь зрителей от обещания, которое сдержать невозможно.

Линия фронта стягивалась вокруг библиотеки, пункты и контрапункты противостоящих армий создавали согласованный ритм. Сквозь крики прорывалась музыка. Через несколько секунд каждый локальный голос синхронизировался с этим звуком, и все начали раскачиваться в такт ритму. А музыка становилась громче и громче, и Юнх заметил, что включились усилители полиции и пожарных. Кто-то пошел на реальный вандализм ради усиления зрелищности.

Если не будет конкретного результата, все это зря.

Реально пение продержалось хором еще несколько секунд, а потом исчезло, как не бывало, и никто даже не думал, что еще что-то произойдет. Но... послышался иной звук — переливчатая вибрация, поднимающаяся от земли. Десять лет назад Тимоти Юнх ощущал нечто подобное. Землетрясение Каньона Роз.

Юнх встрепнулся, сбрасывая все наложения фантазий. В панике он уставился невооруженными глазами: реальные огни мелькали тут и там, пробегая по лицам тысяч реальных манифестантов, выхватывая из темноты угловатые корпуса больших механизмов. Столба света с неба не было. Библиотека время от времени освещалась, но в основном казалась силуэтом на фоне огней.

Дрожь земли усиливалась. Стены и нависающие этажи зашевелились. Величественная двойная пирамида, пережившая десятилетия, пережившая землетрясение Каньона Роз, сотрясаясь тысячью тонн реального бетона.

Как раз хватит для паники.

Послышались крики — Каньон Роз вспомнился многим, но немало других были просто захвачены зрелищем — и они снова запели, зрение ночи подхватило их и показало всему миру.

Библиотека закачалась. Одни ее участки опускались, другие поднимались — она не столько тряслась, сколько танцевала. Не резкий риверданс — здание танцевало, как танцевал бы человек, крепко стоящий ногами на земле. И Юнх понял, что это не землетрясение: кто-то захватил систему стабилизации. Когда-то он читал, что хорошо усиленный дом может пережить почти любое землетрясение, если только прямо под ним не разверзнется пропасть. Сейчас эта сила обернулась против самой себя.

Ритмические покачивания сделались более явными, на двенадцать футов вправо-влево, вверх-вниз, части здания расходились и сходились вновь. Неверный танец нависших этажей перекинулся на внешние колонны. Раздался звук, который мог быть реальным, а мог быть искусно созданным. Или и тем и другим. Звук, который издала бы гора, вырывающаяся из земли с корнями.

Колонны сдвинулись, и библиотека... зашагала. Это было не так зрелищно, как могло бы в виртуале, но Юнх смотрел невооруженным глазом. Мерным медленным шагом — сперва приподнималась одна пятидесятифутовая колонна, потом другая, отрываясь от земли, сдвигаясь на несколько ярдов ближе к Большому Скуч-э-мауту и опускаясь на землю со звуком камня, входящего в камень. Все здание двигалось за этими колоннами, извиваясь на стержне каналов коммуникаций, которые были центральной осью.

Большой Скуч-э-маут шагнул вперед и обнял угол ближайшей колонны. Загремела торжествующая музыка. Радостные крики пронеслись по миру, удивленные и даже слегка испуганные.

Хенсон --> Ночной смене: <sm> Это вам как, событие или нет? </sm>

Библиотека выбрала.

25

**ЭЛИС БОЛЬШЕ СПРАШИВАТЬ
НИ О ЧЕМ НЕЛЬЗЯ**

Браун --> Мицури, Вазу: <sm>Черт возьми! Ведь на это среагирует Внутренняя безопасность! Кролик спятил? </sm>

Мицури --> Брауну, Вазу: <sm>Он утверждает, что его «танец библиотеки» только вызовет вмешательство ФБР, и все вместе это даст нам дополнительное время. </sm>

Браун --> Мицури, Вазу: <sm>О'кей. У меня есть полный дамп от нашей инспекционной аппаратуры. Даст бог, это окажется все, что нам нужно для проверки лабораторий. </sm>

Альфред уже прорабатывал чек-лист выхода. Друзей своих он обманул, но... что получилось из его нападения на Элис Гонн? Если она все еще функционирует, все, что он делал и чего не делал, потеряет смысл.

— ФБР просит разрешения взять на себя контроль зоны беспорядков.

— На каком основании?

Боб Гу не отводил глаз от библиотеки. Даже необработанное видео впечатляло. Бетонная громадина двадцатого века, изначально тупая, как булыжник, двигалась и не падала.

— Основание — очевидное нарушение федеральных законов, а именно... — В поле зрения Боба поплыл поток юридических ссылок. — ФБР утверждает, что это, по сути, нападение на федеральное здание.

Боб заколебался. Действительно, здесь происходило преступное нарушение закона, хотя УСД не подал официальной жалобы. В данный момент не существовало относящейся к службе наблюдения работы, которую могло бы сделать ФБР — оно сыграло бы роль чисто правоохранительного органа. А приоритетом службы наблюдения — его приоритетом — было незаметно отслеживать и налетать вихрем. Сначала отслежи-

вать, налетать потом. Прикрытием чему могут служить эти беспорядки? Боб посмотрел статус биологических лабораторий. По-прежнему сплошь зеленый. И наконец сказал:

— Ответ отрицательный. Здесь уже ведет расследование Внутренняя безопасность. Но все же дайте первый слой нашего анализа полиции и спасателям Сан-Диего и полиции кампуса УСД. Будьте готовы поддерживать сети чрезвычайного режима.

— Первый слой — полиции Сан-Диего и кампуса. Есть, сэр.

Боб снова обернулся к библиотеке. За последние тридцать секунд структура узлов почти вывернулась наизнанку. На этот миг Элис отдала бразды правления инженерам, и облачка текста наполнились трепом о том, каким образом заставили библиотеку «шагать» и чем это может грозить людям, находящимся внутри и поблизости. Узлы Корпуса морской пехоты были погружены глубоко в дискуссию, людей Боба захватило общее возбуждение. Это неприемлемо.

Боб наклонился вперед:

— Всем группам! Перейти в режим Тревоги Запуска!

Шансы фактического запуска были по-прежнему почти нулевые, но эта команда заставит людей перейти в штормовой модуль. Что важнее, вернет ему их внимание.

Узлы морской пехоты отодвинулись от всех общих рассуждений и плотно скоординировались для подготовки запуска. Боб еще пару секунд смотрел на отвлекшихся аналитиков. Элис уже отводила их от библиотеки. Инженеры-строители перестали быть в центре переплетений.

Библиотека шагала. Но что прикрывало это явление? Обязанность морпехов Боба — защищать от наиболее смертоносных масштабных неожиданностей. Например: биологические лаборатории защищены по-прежнему? И что происходит на остальном юго-западе континентальных штатов?

Боб повернулся и выбежал из бункера в узкий туннель, ведущий к его собственной пусковой установке. Дисплей аналитиков следовал за ним, висая в воздухе впереди справа. Элис привлекла еще полторы тысячи аналитиков, еще группу биологов и людей из отдела лекарств и наркотиков.

В конце туннеля потолок опускался плавным закруглением. Штурмовой модуль Боба был крошечным, его конструкцию определял компромисс между оптимальным временем подлета и желанием сделать руководителя боя невидимым. Из туннеля доступа наблюдался только открытый люк и часть угольно-черного фюзеляжа. Боб сел на свое место, но люк не закрыл.

Что делает Элис?

Он смотрел, как растет пул аналитиков, становясь больше, чем при операциях мирового масштаба. Но все их внимание было направлено на биолaborатории вокруг УСД. И действительно, ситуация там выглядела странной. Система защиты лабораторий показывала зеленый, но ведь весь персонал был наверху, участвуя в беспорядках. Это оправдывало некоторое внимание, но при этом даже облегчало наблюдение за лабораториями. Черт возьми! Элис утаскивала к себе аналитиков, которым поручено слежение за перевозкой грузов по всем юго-западным штатам.

Одергивать главного аналитика — позор всем, но тут уже ничего не поделать. Даже в босвых условиях подобная мономания была бы странной.

Но Элис первой сделала ход. В каждом виде появились флаги чрезвычайной ситуации. Скользнул на место и закрылся герметически люк штурмового модуля. ЗАПУСК ЗАПУСК ЗАПУСК ЗАПУСК, — понеслось перед глазами у Боба, и появился циферблат, ведущий обратный отсчет тридцати секунд. Это был «перехват аналитиков» — драматическая коллизия, когда аналитики осознавали, что сейчас на их бункеры обрушатся атомные бомбы. Тут же запускались все силы, и разбираться что к чему они должны были уже в полете.

Только вот сейчас пул аналитиков такой угрозы не демонстрировал.

Целью запуска служил УСД.

Модуль туго надулся. Обратный отсчет показывал двадцать пять секунд. Боб вызвал вид своего главного аналитика:

— Элис! Сообщи причину запуска.

Элис смотрела безумными глазами.

— Очень просто. Начало было медленным, но сейчас интуиция вышла на насыщение. Здесь происходит угрожающая интеграция. Путь нейромодулятора Gat77 перевербован. В сигнальном каскаде слишком много контрольных точек для анализа MCoG, но эталон... — некоторый вид указателя agXiv, — ...показывает прогрессию. — Она нахмурилась и вдруг заорала: — Ты что, не понимаешь? Это же отказ! Конформационные изменения мешают адаптивному отклику! Это же...

Десять секунд до запуска. Медицинские показатели Элис Гу пошли вразнос.

Восемь секунд до запуска. Боб отменил приказ о запуске и отстранил своего главного аналитика. ОТБОЙ ОТБОЙ ОТБОЙ. Противоперегрузочная оболочка сдулась, отпуская Боба — он едва это заметил. Элис сидела, опустив голову, и что-то отчаянно продолжала говорить. Струйка слюны стекала ей на рубашку — этого он раньше не заметил. Боб заменил Элис ее заместительницей из ЦРУ, которая сегодня была слишком пассивной. Но что может сделать она, если сломалась такая звезда, как Элис?

Однако цэрэушница старалась изо всех сил:

— Восстановлю работу через две минуты, сэр.

Тем временем Боб Гу ослеп, а его смена наблюдения превратилась просто в сборище талантливых личностей, на которых рушились миллионы потоков данных. Одним из этих потоков был медицинский: Элис впала в ступор СО, самый резкий и мощный за всю ее службу. Как бы ни старалась она продолжать общение, она залипла на уровне молекулярной биологии.

Вернулась аналитик из ЦРУ:

— Сэр, вы там как?

— Я... все нормально.

Боб посмотрел на дисплей аналитиков. Цэрэушница приостановила операции всех остальных наблюдателей континентальных штатов. Они теперь были переведены в горячий резерв. Куски сети Элис были неверно соединены, но цэрэушница исправляла это, вводя новые связи и возможные корреляции. Может быть, она по-прежнему слишком акцентировалась на

УСД. Похоже, она решила, что последние слова Элис означают действия противника в этой зоне. Ладно, после всего прочего надо будет разобраться и с этим.

— У меня все в порядке.

За последние три месяца Кролик узнал многое — можно сказать, он *вырос*. Сегодня все сошлось воедино. Бунт наверху достиг своей кульминации — такой, которой не может дать даже секс, в этом Кролик был уверен. *Ага, я — рука реальности для кружка веры скукистов!* Были и неожиданности. Мероприятие вызвало к жизни (или это он лишь тогда заметил) некое существо, которое могло быть ему равным. В начале беспорядков Кролик играл за обе стороны... но сейчас Опасное Знание перехватил кто-то очень креативный, и этот кто-то, наверное, веселился сегодня не меньше самого Кролика. Итак, у него миллион новых аффилиатов, и некоторые из них настолько способные, насколько способными могут быть люди. И еще он нашел особого нового друга.

А организованный бунт оказался на порядок лучше той шпионской возни, которую должен был прикрывать. Забавно, как это, несмотря на ботву морковки и все прочие подсказки, которые щедро рассыпал Кролик, Альфред и К° так и не сообразили, откуда идет его сила или насколько она велика. Впрочем, что-то подсказывало Кролику, что происходящее под землей тоже важно — в долгосрочной перспективе. Сейчас настало время, когда Кролик собирался узнать, что же ищет Альфред — ну и, быть может, себе тоже отхватить кусок этого.

Время-то настало, но Кролик был заперт снаружи. *Чертов Альфред!* Волоконная связь была за милнетом Альфреда. Если исключить возможность стукнуть в ДВБ — и испортить самый классный розыгрыш, столь тщательно спланированный Кроликом, — он был обезоружен. Ха! А с кем разговаривает милнет Альфреда? Ага, всего лишь несколько тысяч очень-очень умных индоевропейских аналитиков! Только им ума не хватило попрятаться в правительственных дырах. У каждого — собственная творческая жизнь.

Кролик запрыгал из Брюсселя в Ниццу, из Мумбая в Токио и — уж не без того — слушал при этом собственную внутреннюю личность. Сейчас, когда ему пришлось подумать о ней, он видел, как можно применить фокусы, которые он использовал с американской безопасностью. Кролик дергал тысячи аффилиатов и слушал миллионы разговоров, которые он уж точно не собирался сознательно пересматривать. Еще штучка из фокусов БАС — и вуаля.

Кролик проник в милнет!

Он спустился через один из замаскированных аэроботов Ваза и... снова оказался в командном центре в Пильчнер-Холле. Снял медицинские показания с этого пацана, Ороско. Все еще живой. Старина Альфред не кровожаден, если того не требуют принципы. Так, что же ему нужно? *И не отхватить ли мне кусочек?*

Он на цыпочках пробрался по связи Альфреда в лаборатории. Неудивительно, что Альфред Ваз как следует воспользовался устройствами, которые маленькие друзья Кролика установили на территории «ДженГена», и посылал кучу данных своим коллегам в ЕС и Японии. Кролик наблюдал молча: не стоит задавать резких вопросов, если хочешь остаться невидимым. Он перехватывал сырые шифровки, отмечал, что с чем разговаривает в домене «ДженГен» Альфреда.

И все-таки... в этом не было смысла. Экспортируемые данные не совпадали с тем, что наблюдалось на месте. И вдруг в уме у Кролика будто вспыхнула яркая лампа. Альфред ничего не искал! Он просто старался, чтобы его друзья из Альянса не увидели, что тут уже есть! *Альфред, старый чертяка, гоняешь свои программы на американской аппаратуре втайне от всех!* А для чего нужна такая секретность и такое охрененное прикрытие? Тут можно было только догадываться — но это Кролик умел куда лучше, чем любой индоевропейский пул аналитиков, лучше даже, чем Элис Гу и все ее аналитики.

Опа! Что-то ему подсказало, что Элис в серьезной беде. Кролик был послушным мальчиком на побегушках в загадочном слежении Альфреда за Элис. Наверное, это и поставило ловушку у нее на пути. Но как Альфред это сделал?

События в подземелье его вдруг сильно заинтриговали.

Сердце исследовательской империи Альфреда находилось в каком-то углу зоны Молекулярной биологии когнитивной деятельности. Данные из других зон были честным отчетом о совершенно невинных местных исследованиях. Кролик внимательнее присмотрелся к вранью, которое шло из зоны MСog. Из дыр в шифре вылезла фраза «животная модель». Животная модель, животная модель. Этот термин обычно относился к животным, обладающим аналогом какого-то состояния человека — чаще всего болезни, подлежащей лечению. Но почсмото Кролик не думал, что Альфред пытается что-нибудь лечить. И в зоне MСog животных было много. В основном, конечно, насекомые. Галлоны дрозофил — каждая помечена, и с нее снимаются данные. Кролик сунулся в одну из локальных баз данных. Похоже, что Альфред возится с ТДМВ, но детали разобрать было трудно. Кролик *не всегда* был быстр. В серьезных проблемах он походил на существа низшие, те, у которых утро вечера мудренее. И поутру его замечательная интуиция давала отличные озарения.

Да, но сейчас «завтра» — это слишком поздно. Поздно может быть уже через пять минут. Шоу Альфреда заканчивалось, а вместе с ним закрывался доступ к узлам тайного наблюдения; да и эти, черт их побери, приборчики могут самоликвидироваться. Кролик в нерешительности прислушался к своей *внутренней* сути. Было у него какое-то нехорошее чувство насчет всего этого. Современные тайные службы существуют для предотвращения терроризма. Но Альфред... с тем, что он здесь творил — чем бы оно ни было, — дело могло зайти куда дальше Большого Террора — туда, куда никому не хотелось бы.

Так, может, просто стукнуть в ДВБ?

Эти даже без Элис Гу могли за пять минут прихлопнуть Альфреда. Кролик обдумал этот вариант с той серьезностью, которой тот заслуживал... то есть секунды за две. И широкая ухмылка расплзлась по его концепции лица.

Идей у Кролика было полно. И была среди них одна, которая стучалась настойчиво с той минуты, как он взломал милнет Альфреда.

У меня теперь не только интеллект выше, но и физическое преимущество!

Альфред находился на сцене с очень низкими задержками, очень высокими скоростями и более жесткими данными. И все же он был прикован к этой камере, а наверху у него был только один механизм. «Кабала стариков» все еще находилась в лабораториях внизу. Да, они сейчас не в зоне «Джен-Гена», но дотянуться концом волоконной связи до них можно. *Эй, привет, а это еще кто?* Чуть-чуть-переросшая-китайская-принцесса-ниндзя. Она явно не входила в изначальный план, но — дай ей бог здоровья — она сейчас здесь. Странная и чудесная девушка.

Так, к делу. Он уже готовил резервные планы, резервные документы.

И если очень осторожно, очень тихо, я проникну по волокну, скажу Роберту, Уинни, Карлосу и Томми, как все на самом деле. И тогда у меня появятся физические руки.

То, что планировал Альфред, могло превзойти Большой Террор.

Но если эти силы будут у меня в руках... ох и позабавимся!

26

КАК-ВЫЖИТЬ-СЛЕДУЮЩИЕ-ТРИДЦАТЬ-МИНУТ.PDF

— Я вам говорил, что не зря планирую! Говорил?

Томми Паркер стоял по колено в остатках книжного собрания библиотеки. Обрывки громоздились за ним грязным снегом, снежинки были размером в ладонь. Хранилище «Либра-реома» удалось найти в глубине пещер Макса Гуэртаса, именно там, где и предполагал Томми. Обрывки находились в прочных грузовых контейнерах с надписью «Сохраненные данные».

Но перед резакон Томми контейнеры не устояли — теперь весь пол усыпан содержимым «А-ВХ». В основном с полок пятого этажа.

В обрываках они кажутся куда меньше, подумал Роберт.

Томми показал на сугробы рваной бумаги.

— Ребята, готовы клеить? Работа Гуэртаса тогда застрянет по самое не могу. А где этот ваш репортер? Я что-то уже давно не вижу Шарифа.

Томми обошел всех, раздавая банки спрея.

Наконец он заметил молчание своих друзей.

— Да ладно, не нужен нам этот Шариф на самом-то деле. У нас своя запись есть.

Он приподнял лэптоп на лямке.

Роберт посмотрел на Карлоса и Уинстона. Уинни едва заметно покачал головой. Значит, Таинственный Незнакомец перестал общаться со всеми.

— Конечно, Томми, — сказал Роберт. — Это...

— Это вполне годится, профессор Паркер, — раздался голос Шарифа из лэптопа Томми. — Может быть, профессор Гу будет кинооператором?

Лэптоп сняли с лямки, и голос направил Роберта чуть в сторону: он очень настойчиво объяснял, куда направить лэптоп, поверх края сугробов, почти по линии их пути в пустой холл.

Потом Роберт заметил буквы, медленно плывущие у него в поле зрения. Это был сминг... а буквы зеленые.

Таинственный Незнакомец --> Роберту: <sm> Эй, друг мой! </sm>

— Я...

Таинственный Незнакомец --> Роберту: <sm> Ну-ну-ну! Потише, потише. Альфреду не надо знать, что я вернулся вам на помощь. </sm>

Альфреду?

Но вслух Роберт ничего не сказал.

Больше, кажется, никто не заметил появления Незнакомца. Томми опять залез в бумажные сугробы, подбрасывая хлопья в воздух, поливая их спреем.

— Камера фиксирует, Роберт?

Роберт посмотрел вниз, на экран ноутбука:

— ...да.

В любой другой момент эффект от клея Томми был бы накладкой. Он бросал очередную охапку обрывков в воздух и поливал клеевым туманом. Когда бумага и клей встречались, обрывки страниц вдруг начинали кувыркаться как одно целое. Эта масса медленно плыла к земле. Большинство обрывков даже не долетали до земли, а оставались висеть в воздухе. Томми смеялся и толкал пушистые комочки. Коллекция разлетающихся бумажек качалась туда-сюда, словно кусочки фруктов в невидимом желе.

— Попробуйте вы! — радостно завопил Томми. — Только друг друга не заклейте.

Он подбросил еще одну охапку, и еще одну, и еще... Вокруг него выросли арки бумаги и тумана.

Роберт отступал, изображая оператора.

Таинственный Незнакомец --> Роберту: <sm> Смотрите, куда Альфред заставил вас навести камеру. Видите свет? Оттуда, из темноты? </sm>

Там был крошечный круг света — кто-то бежал вниз по ступеням в пещеры Гуэртаса.

Это была Мири. Она гулко топала, крича на ходу:

— Роберт! Роберт!

У обернувшегося Томми и его друзей отвисли челюсти.

Мири обежала сугроб обрывков, тяжело дыша.

Уинстон оглядел ее с головы до ног и повернулся к Роберту:

— Это тоже Гу, как я понимаю?

— Гм, моя внучка.

— Я думал, мы договорились никому не рассказывать!

Горящий взор Уинни не хуже любого современного сообщения говорил:

Ты всем нам все испортишь!

Но больше всех удивился Томми:

— Как ей удалось проникнуть через систему безопасности? Тут ведь уже должны кишеть копы!

— Нет, нет! — сумела сказать Мири в промежутке между судорожными влохами. — Полицию нужно *вызвать*!

И лэптоп тоже вставил свое веское слово:

— Не обращайтесь на ребенка внимания. Помните, зачем вы здесь.

Роберт сунул лэптоп Уинни и потянулся к Мири:

— Детка, как ты нас нашла?

Она обхватила его руками за пояс.

— Это были мы с Хуаном, и кто-то... — Она запнулась, глядя на него расширенными глазами. Лишенная прежней уверенности. Пораженная ужасом. — Роберт, вас кто-то использует. Эти люди, может быть... может быть, убили Хуана!

— Нет-нет, — возразил лэптоп, — Э... — Голос запнулся.

Таинственный Незнакомец --> Роберту: <sm> Хе-хе. Альфред сунул в ваши прицепные коробки «газ забвения» и теперь гадает, отчего вы еще на ногах. </sm>

— Джентльмены! — снова раздался голос. — Я советую вам вспомнить, зачем вы *на самом деле* сюда пришли.

Томми вылез из своих бумажных фонтанов. Банка спрея висела у него на пальцах, он ее не замечал.

— Да, так что там такое мы должны вспомнить? Зачем мы здесь *на самом деле*?

Карлос и Уинни старались не смотреть ему в глаза, Карлос что-то проямлил по-китайски.

— Мы делали то, что считали правильным, — сказал Уинстон.

Ага, каждый делал то, что считал правильным он, но... Хуана убили?

Он посмотрел на Томми.

— Томми, мы тебя обманули. За всем этим стоит кто-то другой.

Томми снова подошел к куче, бесцельно пнул свой шедевр.

— А я-то... я думал, вернулась моя хватка. — Он посмотрел на Мири, будто сопоставляя все несурезицы. Плечи его опустились. — Ладно, я старый идиот. Так кто же меня пропихивал, Роберт?

— Не знаю.

Таинственный Незнакомец --> Роберту: <sm> Могу сказать. Может, и скажу когда-нибудь. </sm>

Очевидно, этот сминг ни Уинни, ни Карлос не видели.

Мири подняла голову.

— Мы должны сообщить.

А лэптоп сказал:

— Двигаться небезопасно. Стойте, где стоите.

Таинственный Незнакомец --> Роберту: <sm> Я вообще-то рекомендовал бы то же самое. Но сейчас я зол на Альфреда. Делайте, друг мой, что хотите. </sm>

Томми Паркер глядел в пустоту подземелий Гуэртаса и почти машинально встряхивал банку спрея.

— Железки, которые мы поставили в «ДженГене», — я думал, я их сделал сам. Я, великий гений. А это же могло быть чем угодно — бомбы или какое-то железо, перехватывающее управление. Но мы на северной стороне комплекса. — Он показал на стену, встававшую из мрака за кучами обрывков. — Вот это выходит на долину Сорренто. Там есть старые входы. Мы могли бы воспользоваться ими, а не идти здесь, только мои поиски показали, что там труднее будет отключить охрану. Но теперь мне плевать, если мы прорвемся, включив все сигналы тревоги!

— Оставайтесь, где стоите, — сказал лэптоп. — Вас окружает смертельное оружие!

Что-то маленькое, черное скользнуло из темноты.

— Я одно такое видела на Гилман-драйв.

Мири шагнула вперед, и робот повернулся к ней. Раздался металлический щелчок, очень похожий на досыл патрона в зарядную камеру.

— Мири!

Роберт схватил ее за руку, но Томми вышел с другой стороны, и робот повернулся к нему.

Паркер остановился футах в семи от машинки. Вернулась часть его былой самоуверенности.

— Спорить могу, это просто робот обслуживания сети. У него основная полезная нагрузка — оборудование связи и запасные узлы. В нем одном толку мало.

— Здесь их сотни, — сказал лэптоп. — Не вынуждайте нас действовать.

Мири отодвинулась от Роберта, высвободив руку.

— Других я не вижу, — сказала она, направляясь к роботу.

Таинственный Незнакомец --> Роберту: <sm> Он здесь только один, но... </sm>

И тут произошло одновременно несколько событий.

Роберт резко передвинул Мири к себе за спину. Томми шагнул вперед, сделал фехтовальный выпад, и его банка спрея оказалась в футе от робота. Робот щелкнул, как сработавшая крысоловка. Томми вскрикнул и упал лицом вперед.

Роберт метнулся к роботу и схватил его — твердый воздух. Отвердевшая пена была еле видна, но из-за нее до робота было не дотянуться. Роберт завертел гель, высматривая точку поближе к противнику. Вот!

Он ударил панцирем о бетонный пол. И еще раз. Робот развалился на куски, все еще окруженный туманом. Слышалось жужжание крохотных моторчиков, стремящихся на свободу. Мири и Карлос тут же бросились топтать остатки. В тумане полетели искры, и Роберт ощутил странное покалывание, от которого поднялись волоски на руках.

А потом робот превратился просто в мертвые материалы, в кусочки, неподвижно повисшие в клочьях незримого пуха.

Слышно было только тяжелое дыхание Томми. Уинни перевернул коротышку набок. Лицо у Томми посинело, губы свело гримасой боли.

— Томми, что случилось?

У Томми выгнулась спина.

— Этот гад... спалил мой ритмоводитель.

Карлос опустил на пол рядом с ним, коснулся плеча.

— Women shasi le nage jiqiren. Мы убили робота, доктор Паркер.

Томми хмыкнул, катаясь по полу взад-вперед. •

— Мы тебя отсюда вытащим, Томми, — сказал Блаунт. И посмотрел на Роберта: — Довольно играть в игры.

Таинственный Незнакомец --> Роберту: <sm> Ах ты черт, Паркер так забавно воображал себя крутым хакером. Ладно, я вам помогу его отсюда вытащить. А вы после этого поможете

мне, и тогда я получу выгоду от своей части сделки. Как, пойдет? </sm>

Роберт глянул мимо зеленоватых букв на Уинстона Блаунта и кивнул:

— Хватит играть в игры.

Томми все еще лежал, корчась от боли. В перерывах между судорогами он сумел выговорить:

— У меня в кармане... ключ-карта.

Таинственный Незнакомец --> Роберту: <sm> Я просто волшебник, и потому эта карта будет работать. Мой маленький сюрприз для Альфреда. </sm>

Голос из ноутбука — Альфред? — молчал.

Карлос посмотрел вниз — туда, где на полу стоял ноутбук.

— Надо бы разбить его — это глаза врага.

Мири обошла древний компьютер.

— Думаю, если вытащить разъем волоконной связи, банкетов не станет.

— Ага... вытаскивай!

Таинственный Незнакомец --> Роберту: <sm> Эй, погодите! Как ты думаешь, откуда я тут? Что с того, что Альфред еще подглядывает? Нужен-то вам я! Если меня отключить, то мне, черт побери, придется... </sm>

Мири подняла ноутбук и поставила его на ребро. Посмотрела минуту на незнакомый физический разъем, потом протянула руку...

Таинственный Незнакомец --> Роберту: <sm> Терпеть не могу эту Мири! </sm>

...и вытащила разъем из компьютера.

С минуту все переглядывались с идиотскими ухмылками. Томми выдавил из себя смешок.

— Мы... уже не на цепи. — Он несколько секунд ловил ртом воздух. — Парни, придется меня нести... простите. Я вам... я вам покажу выход.

Уинни посмотрел на Томми:

— Мы тебя вытащим, Томми. Все будет в порядке.

Он поднял Паркера под мышки, протянул руку, чтобы взять его под колени. Паркер весил немного, но Блаунт пошатнулся.

Роберт подошел ближе.

— Уинни, я могу его понести.

Блаунт сердито глянул, и Роберт заткнулся. Потом руки Уинни соскользнули, и Томми чуть не упал на землю.

— Я держу, держу!

Мири забежала с другой стороны и подсунула руки там, где Блаунт держал левую руку Томми. Уинни не возразил — может быть, потому, что она не спрашивала. Роберт взял обе ноги, и процессия двинулась вдоль стены. Карлос шел следом, неся резак и прочее снаряжение, которое могло еще пригодиться.

За ними Никто не пошел — ничего такого, что было бы видно. Неизвестно, насколько этому можно было верить, но тупая коробочка на поясе у Роберта показывала только служебные огоньки в пустом подземелье.

Томми дышал хрипло и тяжело. Каждые несколько шагов он корчился в руках тех, кто его нес.

— Еще сотня ярдов... — Он дернулся и обмяк.

— Томми?

Уинстон сбился с шага, чуть не заставив всех остановиться.

— Идите. Идите. — После короткой паузы Томми добавил: — Значит, наш протест против «Либрареома» был... с самого начала липовым?

— Не знаю, Томми. Это было глупо, но казалось делом стоящим. — Блаунт персглянулся с Робертом. — Я думал, это приведет к тому, чего я хотел на самом деле.

— И я, — добавил Карлос слабым голосом. — Вышло так, что этот Шариф-кто-он-там пришел ко всем нам?

— Кроме Томми.

Мири переводила взгляд с одного на другого, молча, но разинув рот. Что ж, она заслужила право слушать.

— Так что он обещал вам, Уинстон? — спросил Роберт.

Уинни улыбнулся — будто оскалился.

— Вот уж чего ни за что не скажу. — Он замолчал, и оскал превратился в кривую ухмылку. — Но ручаюсь, я знаю, чем он зацепил вас. — Роберт не ответил, и Блаунт улыбнулся шире: — Вы пытались это скрыть, Гу. Все время, пока мы собирались в библиотеке, вы не проделывали свои старые штучки, ни разу. Сперва я думал, что вы меня заманиваете в ловушку. Когда я

узнал про Шарифа, я думал, что это вы им управляете. — Уинни рассмеялся. — А потом начал прозревать истину. Вы утратили остроту, утратили умение глядеть человеку в душу и понимать, чем его сильнее всего можно ранить, и это самое проделывать. Утратили, Роберт?

Роберт опустил голову.

— Да. — Слово прозвучало как вздох, совсем без злости.

— И спорить могу, стихов вы тоже больше писать не можете.

— Именно это я и хотел вернуть, Уинни.

— А!

Томми задергался в руках носильщиков, пытаясь вдохнуть.

— Заткнитесь... северные ворота где-то... через сто футов.

Они пошли дальше молча, вглядываясь в гладкую стену.

И теперь, когда Роберт смотрел, он видел еще кое-что. Не зеленые буквы, но мигающую иконку, означающую непрочитанную почту. Последнее сообщение перед тем, как Мири оборвала волоконную связь. Почти не думая, он перехватил руку, держащую Томми, и стукнул пальцами по коробке на поясе.

Файл pdf, ну и ну! Такого он не видел с дней своего обучения. В воздухе перед ним плавало оглавление. Оно было безупречно отформатировано, написано без ошибок (по крайней мере если не считать содержания). Маркированные заголовки не соответствовали непараллельным конструкциям и грамматическим объектам. Как будто его набросали жутко наспех несколько малограмотных.

Но то, что в нем говорилось, было... важно.

Пока мы не в контакте,

или

Как выжить и преуспеть в ближайшие тридцать минут

От вашего друга, Таинственного Незнакомца.

Посвящение:

Тем идиотам среди вас, кто оборвал волоконную связь. Теперь Альфред вас не видит, но я тоже отрезан. Следовательно, я сбрасываю свое прикрытие и скидываю этот полуфабрикат битов, пока Мири не выдернула шнур.

Краткое содержание

[не представлено]

Оглавление

Введение	стр. iv
• Как пользоваться данным документом	
Глава 1. Спасти Томми Паркера	стр. 1
• Черный ход подземелья Гуэртаса	
• Ключ-карта, которая не должна работать, но работает!	
Глава 2. Ваши ввязанные носимые	стр. 3
• Не настоящий <i>hecho en Paraguay</i> , к несчастью для вас	
• Нокаутующий газ — да, но я уже про него рассказывал	
• Чему можно и нельзя доверять в этих устройствах	
Глава 3. Что задумал Альфред	стр.5
• Почему вы <i>на самом деле</i> не хотите успеха Альфреда	
• Животная модель, или Господство над миром путем выращивания маленьких фруктовых мушек	
• Почему звонок в 911 — слишком медленный способ его остановить	
• Если не веришь мне, просто покажи этот файл Мири!	
Глава 4. Что вы можете сделать, чтобы помочь	стр. 13
• Карта территории Гуэртаса	
• Карта установок MCoG в «ДженГен». Альфред с помощью сети владеет этой территорией, но я тоже здесь	
• Как попасть обратно в зону MCoG	
• Что можно сделать, чтобы победить Альфреда	
• Станьте моими руками в этой славной битве!	
Глава 5. Каков ваш интерес в этом?	Стр. 21
• Обещания данные и обещания выполненные	
• При вашей помощи я все еще могу их выполнить	

Приложение А. стр. 23

- Полезные сведения, которые произведут впечатление на Департамент внутренней безопасности и могут облегчить жизнь после вашего ареста.

Приложение Б. стр. 117

- Почему Скуч-э-маут должен быть властелином и талисманом Библиотеки

Роберт посмотрел на Мири. Она сосредоточенно держала Томми под мышки. На этот момент все ее ботанские интересы были где-то далеко. *Но эта ботаничка нам нужна, как никогда.*

Роберт --> Мири: <тип файла='pdf' />.

И он переслал ей файл Незнакомца.

Томми изо всех сил старался считать шаги Уинни. Но было много отвлекающих моментов. В груди играл рок-концерт, и каждый извив ритма бил огнем в плечи и руки до самых пальцев. Это не настоящий сердечный приступ, просто ритмоводитель сорвался в хаос. Последние несколько лет Томми не слишком завидовал чужим медицинским чудесам. Плевать, что у него сердечно-сосудистая система рассыпается: ритмоводитель поддерживает в нем жизнь, пока не будет достигнуто классическое бессмертие из научной фантастики. Но теперь его планы вечной жизни оказались под угрозой. *Считай шаги. Считай шаги!*

А потом бывали секунды, когда боль отпускала, и сердце ощущалось биением крыльев бабочки в груди. На несколько секунд в мозгу прояснялось, и снова напознала темнота... его все еще несли, хотя и трясли сильно. Старина Роберт перехватил руку, будто ему что-то надо было сделать с коробкой на поясе.

— О'кей, стоп, — прошептал он.

Он бы крикнул, но едва был способен на шепот.

Однако его слышали. Теперь он лежал на жестком холодном бетоне.

Откуда-то далеко сверху донесся голос Уинстона:

— Так, где же эта дверь?.. А, вижу!

Шелест — это Уинстон возится с ключ-картой. Что-то большое отъехало в сторону, появилась стена слабого света — быть

может, ночного неба. Лицо обдуло холодным ветерком. Где-то далеким прибоем звучал фривей.

— Тревоги не было, — сказал Уинстон.

— Может быть... сигнализация беззвучная? — сумел произнести он. Этот выход в его планах был самым идиотским вариантом.

Уинстон казался тенью на фоне неба. Он что-то настукивал на клавиатуре.

— Томми, я вызвал 911! Им нужен твой медицинский журнал.

Снова начался рок-концерт, выбивая на груди новую мелодию.

— Ручаюсь... журнал сгорел. — Он приподнялся на локтях — были вещи более важные. — Ты им про лаборатории скажи, Уин!

— Я сказала. Я только что сама звонила в 911.

Это была внучка Роберта — ее ноги оказались как раз возле головы Томми. Сейчас она отступила, стала второй тенью рядом с Уинстоном. Потом повернулась так и этак, как поступают дети, когда играют со своими носимыми.

— Не нравится мне это, — сказала она вдруг.

— Детка, с тобой говорил дорожный патруль. — Голос Уинстона звучал напряженно, будто он и сам чертовски психовал. — Они послали машину. Нам только несколько минут посидеть спокойно.

Ритмоводитель Томми снова набирал силы в очередном крещендо. О'кей, дайте ему еще несколько секунд, и боль начнет уменьшаться — а может, на этот раз сердце не выдержит.

Слова девочки плавали где-то на периферии слуха:

— ...срочности. Им надо лететь. А сеть барахлит. Я не могу направить ничего своим... друзьям, даже сминги не проходят. Похоже, кто-то обдурил местные узлы и...

Томми закачался с боку на бок, и боль затопила конец фразы.

Кто-то держал его снизу за плечи. Карлос?

— Все будет хорошо, профессор Паркер. — Говоривший отвернулся. — У меня тоже кое-какие проблемы с доступом, но сообщения об ошибках осмысленные. Наверное, беспорядки в библиотеке отвлекли слишком много ресурсов.

— Столько, что я даже сминговать не могу? — презрительно прозвучал голос девчонки.

— А лазером напрямую на фривей? — Голос Роберта.

Тень девушки повторила тот же танец.

— Отсюда не достать. — Она секунду помолчала. — Мы играем сейчас на руку плохим парням. Вот, посмотрите на этот файл pdf.

Снова Уинстон:

— Сейчас будет машина! А если она через пять минут не появится, мы... мы сами понесем Томми.

Сердце у Томми остановилось. Нет, оно ожило в режиме крыльев бабочки. И наступили несколько секунд ясности. Девочка права, но ему никак не спуститься с холма. Остальные должны идти, постараться уйти достаточно далеко, чтобы поднять реальную тревогу. А может быть, надо идти *обратно* в лабораторию и захватить врага совсем врасплох.

У него изнутри поднималась темнота, и через секунду-другую все это будет уже не его проблемой. А друзья слишком глупы, чтобы бросить его здесь. Может, он смог бы хоть кого-нибудь из них отпустить.

Слушайте, что я говорю!

Но слова Томми прозвучали едва ли громче вдоха:

— Ребята... надо разделиться.

И тьма поглотила его.

27

АТАКА ОТЗЫВА

Сю Сянь выглянула из машины, осмотрела темные холмы.

— Бесплезная я, Лена, — сказала она.

Лена Гу раздраженно пошевелилась в инвалидном кресле.

— Это *ты* бесплезная?

План у них был такой: мобильное присутствие в местах, где появление Роберта наиболее вероятно. Сегодня они будут *на*

сцене, и никто их не отодвинет в сторону. А оказалось, что все действие происходит где-то в другом месте. Даже транспорт вел себя недружественно и во всех зонах вблизи УСД работал в режиме «Правил для выдающихся событий». Машина двигалась настолько медленно, насколько им удавалось ее заставить, но через тридцать секунд добралась до южного конца этого старого лоскута асфальта, и в этот момент — как ни громко они требовали иного — свернула влево на небольшом Х-образном перекрестке, прочь от склона, и поехала обратно к фривею. Там, если они пожелают, она повезет их к северу, к экспрессвею Теда Уильямса, повернет и снова приедет сюда.

Сю тарасилась на темный склон холма и ничего не видела.

— Столько я тренировалась, и все еще не могу заставить контактные линзы работать как следует.

— Да тут особо и не на что смотреть, — отозвалась Лена. — Этот склон — один из самых тупых общедоступных участков в районе кампуса.

Кое-какой реальный свет все же был. Он очерчивал силуэты вершин холмов и освещал низкие облака; а вокруг библиотеки по-прежнему царил безумие. За несколько минут до того Лена показала Сю несколько видов. Празднование, бунт — чем бы оно там ни было, но сетевая статистика впечатляла. Теперь же Сю ничего этого не видела.

О'кей, я признаю поражение.

Сю сунула руку в рюкзак, лежавший у ее ног. Она прихватила с собой свои проекты для уроков труда — сказала себе, что сегодня они могут пригодиться. Как — она до конца не понимала, но эти устройства доказывали, что С. Сянь еще способна творить. И кое-что полезное там было. Сю вытащила свою обзорную страницу, села поудобнее и стала наслаждаться удобством своего старомодного интерфейса. Да, пусть это падение, но сейчас она слишком нервничала, чтобы работать с «Эпифанией».

Вдруг Лена сказала:

— Опять радио от Хуана!

Голос мальчишки звучал еле слышным шепотом:

— Мы все еще в Пильчнер-Холле. Ждем дедушку Мири, чтобы вернуться из подвала.

Далекий голос Мири в микрофоне сказал:

— Они вообще ничего не делают.

— Дай-ка я с Мири поговорю, — сказала Лена.

Сю послушала немного этих двоих. Видеосигнал они получить не могли, а «Эпифания» Мири давала ошибку 3030. (Сю поискала «3030» и нашла «общий код тупиковой ситуации, вызванной лицензионным конфликтом».) Пока что все, что они здесь имели, были очень случайные и очень короткие голосовые сообщения от Хуана.

— Надо идти, — прошептал Хуан, и сеанс связи окончился.

Лена секунду помолчала, глядя на проплывающий мимо знакомый темный ландшафт.

— Хотела бы я видеть этих деток. Их бы нужно допросить по-умному... Есть шанс, что связь фальсифицирована?

— Хуан — мальчик осторожный. Подделать сертификат его «Эпифании» практически невозможно...

Лена фыркнула:

— Насколько я могу судить, это их голоса, но говорят они шепотом и почти ничего, кроме того, что там до скуки безопасно.

Это было странно. Если детям приходится скрываться и передавать на малой скорости, отчего они не сминговали беззвучными сообщениями? Может быть, кто-то решил, что способен одурачить двух старых дам? *Владея носимыми Хуана, я вполне могла бы подделать такой сеанс!*

— Возможно, тебе стоит вызвать морпехов.

Боба и Элис.

— Да, но если ничего особо серьезного, они вряд ли сделают больше, чем ты или я. А если что-то серьезное — ну, тогда им, может быть, придется делать что-то ужасное. — Лена пробубнила несколько тактов какой-то нервной мелодии. — А Мири говорит, что все в порядке. В полном порядке.

— А если вызвать полицию?

— Ха! В наши дни полицию и вызывать не надо, она сама появляется.

Лена всматривалась в склон, и пальцы дрожали у нее возле губ.

Последние два месяца Лена Гу была надежным источником уверенности. *А что, если мы обе трусим?* — подумала Сю. Эта мысль пугала, и Сю попыталась найти какие-нибудь по-настоящему убедительные слова:

— Послушай, твой бывший «ничего не делает» уже где-то с пол часа. Тебе не кажется, что это слишком долго?

Лена склонила голову и сказала тихо, почти про себя:

— Эх, Роберт! Каким ты все-таки бываешь дураком. — Она устала в темноту. — Дадим Мири еще пять минут. Потом звоним 911.

— О'кей.

Они ехали по дну долины достаточно медленно, чтобы опустить стекла. В окна плыл смолистый запах мансанильи. Слева уходил на юг хайвей 5 — темный поток быстро летящих машин, окаймленный сиянием полос для автомобилей с ручным управлением. Справа стояли темные крутые холмы, и на их гребнях мелькал фиолетовый свет. Сянь вызвала вид местной сети и смотрела поочередно то на него, то на физический мир.

Маленький автомобильчик снова набирал скорость. В кабине зазвучал приятный мужской голос:

— Этот участок Вэлли-Боттом-драйв не функционирует. Вы можете сюда вернуться завтра после десяти часов утра.

— Что? Мы теперь даже не можем вернуться обратно? Сю, здесь должна быть возможность это отменить.

Сянь покачала головой. Сегодня это будет последний проезд здесь. Сю участвовала в разработке Безопасной аппаратной среды, которая решила столько проблем, сделала интернет безопасной и рабочей системой. А теперь она, Сю, сама оказалась жертвой этой среды... Она снова вспомнила про мешок хитростей, стоящий на полу у ее ног. Весь семестр она строила эти штуки, свои механические грезы. Может быть...

— Сю, там движение!

Лена показала вверх, на холм.

Сянь повернулась и выглянула на другую сторону. Два световых копы сворачивали в сторону.

— Похоже на автомобиль с ручным управлением.

А может, это был автомат, только ехал по неутвержденной дороге.

— Он наверняка на служебной трассе. — Лена замолчала, и на обзорной странице Сю появилась карта, показывающая дорогу, на которую они не могли попасть. Она вела к старому заднему входу подземелий Гуэртаса.

Огни снова повернули к ним и исчезли за выступом скалы. На обзорной странице Сю не было даже маркера этой машины.

— Куда это они? — спросила Лена.

Их собственная машина была уже почти на Т-образном перекрестке.

— Машина! — приказала Лена. — Сверни направо.

— Прошу прощения. Это дорога не существует. Разрешен только левый поворот.

— Вправо, вправо!

— Прошу прощения. В область безопасного движения я доставлю вас менее чем через пять минут. Пожалуйста, подумайте о том, чтобы сообщить мне место вашего назначения.

Сю была уверена, что логика компании решила, будто имеет дело с пьяным или обкуренным. Если они сейчас не придумают ничего разумного, машина доставит их обратно в самый «Конец радуг».

Лена судорожно вдохнула.

— Мы ведь так близко... Погоди, у меня ответ на пинг. От снаряжения Томаса Паркера. Они действительно там! — И громче: — Эй, машина, я хочу говорить с твоим начальством — с человеком!

— Конечно. Пожалуйста, двадцать секунд.

За эти двадцать секунд они уедут от перекрестка.

Лена Гу будто съезжилась в своем инвалидном кресле; она глядела то на холм, то на приближающийся перекресток.

— Их надо остановить, Сю. Я уверена, они могли бы сказать нам, что происходит.

— Ты хочешь выйти из укрытия? Чтобы тебя увидел Сама-Знаешь-Кто?

— Я затаюсь в тени.

Впрочем, вопрос был чисто академический — до перекрестка осталось пятьдесят ярдов. Через несколько секунд они свернут влево, и их бесславно увезут прочь.

Или... или нет.

Сю поставила свой рюкзак на сиденье, вытащила изогнутую трубу с банкой ромбических хлопьев. Свой первый проект с урока труда она улучшила, полностью убрав всякое сходство с транспортной платформой. Эта новая модель была разработана с прицелом на разрушение — именно то, что нужно, чтобы привлечь внимание машины. Сю встала на обращенном назад сиденье и нацелила острие резака на приборную панель. После примера, показанного Робертом Гу, она представляла себе, чего ожидать.

Опа!

— Лена, пригнись!

Лена глянула на трубу в руках Сю.

— Ага!

Она продолжала смеяться, уже вжимаясь в сиденье, чтобы освободить место Сю.

Сянь нажала кнопку запуска — настоящую, физическую кнопку! — и рев разорвал воздух кабины. Ее транспортная платформа, превратившаяся в отличный ускоритель, гнала теперь по три тысячи алмазных осколков в секунду прямо в приборную панель. Отдача ощущалась как мягкое постоянное давление, и так легко было держать кончик трубы на цели. Алмазики отскакивали, застревали в звуконепроницаемом покрытии потолка, но большая часть их прошивала панель насквозь. Сю качнула острием трубы, и дыра стала шире. Теперь струя сверлила внутренности двигателя.

Машина плавно остановилась, припарковалась, чуть не доезжая до перекрестка.

— Вызвана аварийная бригада. Пожалуйста, покиньте кабину и ждите помощи.

Все дверцы резко распахнулись.

— Ха! — сказала Лена. — Я на настоящую катастрофу надеялась, чтобы тебе пришлось двери вырезать.

Но она уже вылезала из машины.

Сю потеряла дар речи.

Это я такое сделала? Я, маленькая робкая С. Сянь?

Лена объехала машину спереди.

— Нам еще на холм лезть, — напомнила она.

К Альфреду Вазу приходили различные новости, и все хорошие. Свою липовую инспекцию «ДженГена» он уже завершил и скормил умникам-аналитикам Гюнберка материал, который их уведет очень-очень далеко. Элис Гу *наконец-то* свалилась. Это случилось слишком поздно, но оказалось куда зрелищнее, чем ожидал Альфред: люди Кейко утверждали, что служба наблюдения ДВБ погрузилась в хаос. И этот хаос казался необъяснимой улыбкой фортуны и для Кейко, и для Гюнберка. А для Альфреда он мог значить полный успех. Дайте ему еще несколько минут, и его личная программа исследований будет закрыта не только от Гюнберка и Кейко, но и от неизбежного расследования американцев.

И тут все пошло наперекосяк. Совсем наперекосяк.

Мири Гу отыскала марионеток. Альфред лишился своего единственного робота в лабораториях, а заодно и волоконной связи с марионетками. А теперь...

Браун --> Мицури, Вазу: <sm> Кролик проник в наш милнет. </sm>

Совершенно бредовое заявление — и явно правдивое. Последние десять минут компы слегка засбоили, повтор передачи пакетов из-за ошибок стал происходить чуть чаще. Статистика, однако, не поднялась до уровня разумного подозрения. Но тут Кролик шикарным жестом — с присущим ему безумием — передал прямо по милнету и по тому волоконному кабелю какую-то неразбериху в два мегабайта.

Браун --> Мицури, Вазу: <sm> Как раз перед тем, как отключилась волоконная линия, создалось впечатление, что местные марионетки хотели скрыться. Сколько это оставляет нам времени? </sm>

Поплыли численные оценки в ответ на два вопроса: «Время, пока марионетки успеют вызвать 911» и «Время до ответа ДВБ». Но у людей Кейко возникла мысль:

Мицури --> Брауну, Вазу: <sm> Сейчас ДВБ отвлекся на другое. Я могу сработать грубо — уверить марионеток, что *я и есть* местная полиция. </sm>

Такой маскарад означал захват приличной части местной сети. В современном мире тщательно регулируемых сетей такой маневр по своей тонкости был сравним с атакой пехоты. Значит, в ДВБ действительно творится бардак.

Несколько минут не было трафика уровня менеджера. Альфред знал, что Кейко маскируется под дорожный патруль Калифорнии. А сам он занимался несколькими вещами, на которые не решился бы, если бы Элис Гонг все еще присутствовала. Аналитики Гюнберка старались оценить, насколько глубоко проник в сеть Кролик. Их заключения были помечены успокаивающим зеленым светом.

Браун --> Мицури, Вазу: <sm> Интересно, что там делал Кролик? </sm>

Предать операцию можно было бы и куда проще. Насколько могли судить сетевые аналитики, Кролик, фигурально говоря, только подергал дверные ручки милнета. Психологи дали объяснение: Кролик известен инфантильностью своего «я». Он просто не мог упустить шанс порисоваться — отсюда и переданная неразбериха. Такие выходки нельзя воспринимать как полное предательство. В конце концов, Кролик продолжает свою блестящую работу на беспорядках у библиотеки.

У других аналитиков были более параноидные теории. На первое место среди них сейчас выдвинулась та, что Кролик — это Китай. Тогда сегодняшние события превращались в древнюю кинокомедию, где великие державы гонятся друг за другом, как тупые копы. Но существовала еще и кошмарная догадка: может быть, Кролик надул и аналитиков, и умеренных параноиков. В конце концов, неразбериху он послал как раз перед тем, как прервалась связь. Возможно, он — адепт Большого Трора, и использовал Альянс как *свою* марионетку, а в лабораториях установил то, что хотел сам, быстренько превратив их в фабрику смерти. И ведь в зоне «ДженГена» есть своя пусковая установка ЮПИ/Экспресс, которая послужит системной доставки.

Альфред мысленно вздохнул. В долгосрочной перспективе он боялся Кролика не меньше, чем самые крайние параноики, но сегодня... да, если бы они присмотрелись слишком пристально, могли бы заметить таящуюся в тени операцию самого Альфреда. И самое лучшее — чтобы все успокоилось.

Ваз --> Брауну, Мицури: <sm> У меня оно все зеленым. Да, Кролик превзошел наши худшие ожидания. Он вломился в милнет нашей операции. Но мы поставили жесткий лимит на его полосу пропускания, и мои люди по-прежнему контролируют производимые изменения. Посмотрите только на результаты проверки достоверности. Зона МСог не могла бы принадлежать нам в большей степени — разве что мы ввели бы сюда наземные войска. </sm>

Мицури --> Брауну, Вазу: <sm> И у нас отличный контроль над наземной операцией, никаких признаков, что Кролик там дурачится. Важное </sm> <пауза ожидания сообщения/>

Красное сомнение кровью потекло по пулу аналитиков, сходясь от группы статистического анализа Москва — Кейптаун. Это были те ребята, которые всегда все знают. Им стоило верить... а они утверждали, что виды с северной стороны зоны «ДженГен» подделаны. Те самые виды, которые подчинил себе Альфред. К добру или к худу, его коллеги открыли некоторый *другой* обман.

Теперь приоритет во всех пулах аналитиков получили специалисты по сигналам и статистике. Тысячи экспертов, только что занимавшиеся десятками различных проблем, вдруг увидели одни и те же данные. Вычислительные ресурсы с мириадами обыденных заданий были переброшены на сопоставление данных от доступных датчиков из лабораторий. Будто вся индоевропейская разведка внезапно вострепелась, как огромный кот, прислушивающийся к мыши.

Только одна из камер этой зоны была в оффлайне, но остальные очень тонко искажали данные. Несоответствия распространялись по всей области, контролируемой Альянсом... но анализ все больше и больше превращал гипотезу московско-

кейптаунской группы в достоверность. Пятно обмана влезало в зону «ДженГена» со скоростью торопящегося пешехода.

Вот! Мелькнула эта девчонка Гу. Аналитики бросились туда, выловили шаги двух пар ног из безмолвной лжи. Значит, у Кролика войск на земле тоже нет.

Мицури --> Брауну, Вазу: <sm> Проклятый заяц! Нам его не остановить, он прет и прет. </sm>

На миг разговор прервался, потом пришло сообщение:

Браун --> Мицури, Вазу: <sm> Я могу его остановить. Могу перекрыть кислород в «Швейцарском кредите». </sm>

Снова долгая пауза. Да. То открытие Гюнберка — что Кролик зависим от одиночного центра сертификации. Вся власть в современном мире над всем — от полетов огромных лайнеров до передачи битов между компонентами одного процессора, — вся она исходит от обмена соответствующими маркерами доверия, как требует Безопасная аппаратная среда. И далеко на вершине всей деятельности Кролика, в конце миллиардов неизвестных путей, находится единственный ее источник — «Швейцарский кредит». Отозвать его авторизацию — значит разоружить Кролика. Это все равно что отрезать ему доступ к самым личным файлам, оставить только то, что находится в его природном разуме (если Кролик вообще не ИскИн — тогда не останется ничего). Но сопутствующий ущерб необозрим. Заглушить центр сертификации верхнего уровня — это, метафорически говоря, означает пустить в ход оружие массового поражения. А ничего другого им не оставалось.

Браун --> Мицури, Вазу: <sm> Этого Кролика надо остановить... я запустил процесс. Через пятнадцать секунд «Швейцарский кредит» приступит к глобальному отзыву сертификатов. </sm>

Мицури --> Брауну, Вазу: <sm> Мне очень жаль, Гюнберк. </sm>

Десять процентов аппарата верификации в Европе погрузятся в хаос на следующие полчаса. Шок встряхнет весь мир. Какие бы еще последствия ни повлекли сегодняшние события, для Гюнберка Брауна это гибельный, окончательный провал.

Альфреду Вазу угрожал провал другого рода. Он нежно лепил надежду пристрелить Кролика — *но только не сейчас!* Альфред заглянул глубоко во вьюпойнты «ДженГена». Удаление Кролика устранило все слабые места его схемы. *И мне это время нужно, чтобы создать себе прикрытие.* Сейчас в его силах были лишь аварийные действия: Альфред вызвал в онлайн еще две секретные группы. Одна будет использовать липовую информацию о дрозofiлах, чтобы отвести глаза той сущности, что останется от Кролика. А другая уничтожит его лабораторию-в-лаборатории, разрушит работу многих лет. Но заодно вынесет его величайший приз наружу через «ДженГеновскую» пусковую установку ЮПИ/Экспресс.

Для Альфреда Ваза еще был возможен успех — в своем роде.

Гу-самый-старший и Гу-самая-младшая шагали по дороге к югу по подземелью Гуэртаса. Контейнеры обрывков и северный вход за спиной уже поглотила темнота. Свет над ними расходился в стороны лишь на несколько ярдов.

— Сколько еще до территории противника? — спросил Роберт.

Мири приложила палец к губам, сделала какое-то движение, и беззвучное сообщение поплыло перед его глазами.

Мири --> Роберту: <sm> Твой файл pdf говорит, что они контролируют лишь малую часть «ДженГена». Но я уверена, что слышат они далеко. Не говори ничего, смингуй. </sm>

Роберт постучал пальцами по коробке у себя на поясе. Дисплей клавиатуры помогал, но все равно ввод был работой кропотливой. Все штучки, которым научил его Хуан, без «Эпифании» оказались почти бесполезны.

Роберт --> Мири: <sm> ОК. </sm>

Мири ступала почти беззвучно, и Роберт старался ей подражать. На самом деле, когда ушел Уинстон и остальные, в стране Гуэртаса стало очень тихо. Возможно, они были здесь одни, как и говорил Таинственный Незнакомец, равно укрытые от врагов и друзей.

Мири читала на ходу, и появлялись новые беззвучные сообщения.

Мири --> Роберту: <sm> Я не знала про «Альфреда». </sm>
Интересно, что насчет Таинственного Незнакомца она не
полюбопытствовала.

Он неловко набрал несколько слов.

Роберт --> Мири: <sm> Что мы можем сделать? </sm>

Мири --> Роберту: <sm> Да вот, этот умник нам целый список дал. </sm>

Она помахала рукой в воздухе, и появилась страница из при-
сланного Незнакомцем файла.

Стр. 17

Что вы можете сделать, чтобы победить Альфреда.

Прежде всего никто, даже я, ваш таинственный друг, не знаю точно, чего хочет Альфред (но я сгораю от любопытства). Вот несколько возможностей:

- 1) Взорвать биолaborатории — классический терроризм. Но вам не кажется, что он слишком много задал себе хлопот, если тако-
ва его цель? Это значило бы очень сильно недоиспользовать та-
лант каждого участника. Если афера в этом, вы станете героями
дня — вы, мои руки, обезвредившие эти маленькие коробочки,
которые вы ставили со своими друзьями, — но слава ваша, весь-
ма вероятно, окажется посмертной. Мои соболезнования!
- 2) Вывести из строя некоторые компоненты лабораторий, может
быть, таким способом, что это проявится лишь в куда более
поздней катастрофе. Это почти так же глупо, как (1).
- 3) Установить (или прикрыть) какие-то дьявольски хитрые програм-
мы вида «Человек в контуре», которые отдадут Альфреду в фак-
тическое владение результаты исследований, произведенных
в той части лаборатории, которую вы, Роберт, для него инфи-
цировали. Это было бы круто, и мне лично больше всего нра-
вится (см. мои рассуждения о дрозофилах в Главе 3). К несча-
стью для Альфреда, эта затея сорвалась настолько, что я со-
мневаюсь, чтобы она пережила проверки, которые наверня-
ка сейчас посыплются градом. В этом случае вы двое можете
помочь, зацапав все, что еще не спрятал Альфред.

- 4) В случае провала по пункту (3) или в качестве исходного плана Альфред может воспользоваться усилиями вашего заговора и *отправить наружу* интересующие его материалы из лаборатории.

[Схема расположения труб пневмопочты]

[Рисунок пусковой установки ЮПИ/Экспресс, принадлежащей «ДженГен»]

Для какой цели? Ну, возможно, с обычными для террористов целями, но вероятнее всего — для какой-то цели необычной и интересной. Я уверен, что смогу определить такие действия, а вы — мои верные руки — можете физически помешать зарядке и отсылке.

В настоящий момент мы все мало что об этом знаем. Но когда вы войдете в перевербованную зону «ДженГен», я снова смогу с вами связаться. Будьте осторожны, сохраняйте спокойствие, и Ищите Меня в Небе Вашем!

Слова Мири стали рисоваться на тексте раньше, чем Роберт дочитал до конца.

Мири --> Роберту: <sm> Он всегда так скромн... </sm>

Роберт усмехнулся. Потом перечитал сообщение. Вспомнил все разговоры с Шарифом, загадку Истинно-Шарифа, Незнакомца-Шарифа и НФ-Шарифа. *Бог ты мой!*

Роберт --> Мири: <sm> Сколько Шарифа былаты? </sm>

Она подняла на него глаза, и ее напористый взгляд вдруг осветился ослепительной улыбкой.

Мири --> Роберту: <sm> Не знаю точно. Иногда мы все вместе смешивались с реальным Зульфи. Очень смешно было, когда кто-то другой спрашивает, а ты отвечаешь. Но слишком часто меня замораживали, и оставался только Умник. </sm>

Роберт --> Мири: <sm> Таинственный Незнакомец. </sm>

Мири --> Роберту: <sm> Это ты его так называешь? Почему? </sm>

Роберт --> Мири: <sm> Да. </sm>

Из-за волшебства, которое он мне обещал.

Но это Роберт передавать не стал.

Мири --> Роберту: <sm> Ладно, все равно без нас он ничего не стоит. </sm>

Вокруг — вне маленького круга света — все было темно, но стены стали ближе. Они почти вернулись к небесному туннелю.

Роберт --> Мири: <sm> Когда твои родители сюда доберся? </sm>

Дети шпионят за взрослыми и доносят на них правительству. Эта особенность тираний осуществима куда проще, когда вся семья состоит из правительственных агентов.

Мири --> Роберту: <sm> Не знаю. Я им не сказала. </sm>

Вот когда нужна тирания, так ее и нету! Мгновение Роберт не мог придумать, что сказать.

Роберт --> Мири: <sm> Но почему? </sm>

Мири на секунду остановилась и посмотрела на него своим фирменным упрямым взглядом:

Мири --> Роберту: <sm> Потому что ты мой дедушка. И я знаю, что ты никогда не хотел мне сделать больно. Я знала, что у тебя у самого душа болит. И решила, что если смогу помочь тебе с какой-то иной стороны, тебе будет лучше. И ведь тебе стало лучше? </sm>

Роберт заставил себя кивнуть. Мири повернулась и зашагала дальше.

Мири --> Роберту: <sm> Но я все перепутала. Я думала, что мне надо беспокоиться насчет Умника. Я думала, что как только вы вломитесь, тут же поднимется тревога, и тогда мы с Хуаном сможем как-то изменить положение к лучшему. А теперь Хуан </sm>

Она остановилась и крепко стиснула руку Роберта.

Мири --> Роберту: <sm> Хуан ранен, *серьезно* </sm>

Она стиснула его пальцы. Роберт не мог найти иного разумного ответа, кроме как пожать пальцы ей в ответ.

Мири --> Роберту: <sm> Доктор Сянь там, снаружи. Она вызывает помощь. А теперь уже мистер Блаунт должен дозвониться до настоящего 911. Пока что все зависит от тебя и от меня — здесь. </sm>

Почти каждая фраза Мири была для него неожиданной, и если бы он мог говорить вслух или печатать свободно, он бы задал сотню вопросов. Хуан? Сю Сянь? Мири? Столько друзей, изо всех сил старающихся спасти невежественного старого дурака и его товарищей-дураков.

Земля упруго прыгнула им под ноги. Они проходили небесный туннель, возвращаясь на территорию «Джен Ген».

28

ЖИВОТНАЯ МОДЕЛЬ?

Даже в спокойный день за час отзывались тысячи сертификатов. Процесс был хлопотный, но необходимый при обнаружении мошенничеств, выполнении постановлений суда и отказе в кредите. Все отзывы, кроме немногих, представляли собой короткий каскад отказанных транзакций, затрагивающих отдельное лицо и его непосредственный центр сертификации или небольшую компанию и ее центр. Где-то раз в год возникал значительный каскад — обычно, когда большая компания встречала несговорчивых кредиторов и постановление суда направлялось центру сертификации среднего уровня. Еще реже отзыв мог выполняться в рамках военных операций, как случилось при падении Южной Осетии. В теории протоколы отзыва действовали на ЦС любого размера — но до этой ночи ни разу ни одна вершина дерева не производила сертификатов глобального отзыва. А «Швейцарский кредит» был одним из десяти самых больших ЦС в мире. Почти вся деятельность этого центра касалась Европы, но его сертификаты сплетались в паутину неизмеримой сложности по всей планете, определяя взаимодействия людей, не говорящих ни на одном европейском языке.

Сегодня все эти пребывающие в неведении клиенты узнают о своей взаимосвязи.

Отказы распространялись в виде истечения сроков сертификатов от промежуточных ЦС и — там, где действовали верификации, критичные по времени, — в виде прямых извещений. В Европе плавно останавливались поезда и садились самолеты — без единого несчастного случая и единой жертвы. Отмечались миллиарды сбросов, и включались аварийные службы — с разным успехом.

В США Департамент внутренней безопасности отметил отказы и растущий попутный ущерб. Пулы аналитиков США обратились к другим великим державам и стали совещаться по протоколам чрезвычайной ситуации, установленным много лет назад. Общественная безопасность Китая, секретные службы Индо-Европейского Альянса и ДВБ США согласились, что развивается катастрофа категории номер один — по-настоящему серьезный отказ программного обеспечения либо террористическая атака неизвестного вида.

В некоторых подразделениях индоевропейской разведки понимание было более точным. Намного более.

Браун --> Мицури, Вазу: <sm> Итак, я это сделал. Это как-нибудь сказалось на Кролике? </sm>

Пока что в УСД отмечались лишь мелкие отказы, истек срок немногих сертификатов. Этого было достаточно, чтобы представить себе дальнейшее: толпа на сознательном уровне не заметила изменений, но беспорядки в библиотеке близились к резкому и позорному концу. Кролик стоял за этими беспорядками даже в большей степени, чем предполагали аналитики, и сейчас вся поддержка рассыпалась.

Внизу, в лабораториях, Кролик был почти незаметным нарушителем. Подтвердить его *отсутствие* было непросто, но аналитики Альфреда пришли к согласованному выводу.

Ваз --> Брауну, Мицури: <sm> Происходят отказы связи, но не в нашей главной операции. Кролик еще здесь — правда, он теряет гибкость. </sm>

Браун --> Мицури, Вазу: <sm> Теряет гибкость? Черт побери, нам этого мало! А что с его двумя агентами? Они что делают? </sm>

Ваз --> Брауну, Мицури: <sm> Они вышли из нашей зоны.
</sm>

Не совсем правда, но обоих Гу и то, что осталось от Кролика, удалось увести далеко в сторону.

Теперь мне нужно еще всего несколько минут.

Кролику приходилось туго. Он всегда говорил себе, что лучше всего действует, именно когда ему приходится туго, хотя обычно давление бывало не столь непосредственным, а противник — не столь могуществен и не в такой мере лишен чувства юмора. Если не считать нескольких аналитиков низкого ранга, Кролик не знал никого на индоевропейской стороне, кто мог бы понять шутку.

Кролик смотрел через десяток камер — все, что перетянул на себя Альфред в зоне MСog. Его руки вошли в эту зону всего несколько секунд назад, и, может быть, именно это так напугало его противников, что они организовали массовую атаку отзывов. Малой и почти исчезающей частью своего внимания он следил за потрясающими беспорядками возле библиотеки. Эх... Альфред и К° так и не догадались о его связи со Скуч-э-маутом, и все же... Кто бы мог подумать, что они вскроют его привязку к ЦС «Швейцарский кредит»? Или что ЕС обладает такой властью над центром сертификации суверенной страны? Или что его влияние настолько широко, как выяснялось сейчас.

У Кролика были другие вершинные ЦС, хотя и не столь полезные, как «Швейцарский кредит». Их хватит еще на несколько минут. А когда перестанет хватать — есть юридические программы, которые подадут апелляции против наиболее деструктивных отзывов.

Пока что главное: какие цели преследует Альфред? Просто разрушение? Кража интеллектуальной собственности?

Кролик почувствовал, что начинает злиться. Раньше он хотел просто проделать потайной ход в операцию Альфреда. Сейчас — сейчас он собирается похитить ее полностью. Начиная с дрозифил.

Кролик потянулся к своим рукам.

* * *

Это место Роберт помнил. Они снова находились в сердце территории «ДженГена», среди бесконечных рядов серых шкафов, в лесу кристаллов, среди пневматических труб. Но впереди слышался звук как от раздавливаемых картонных ящиков.

Файл незнакомца содержал объяснения сокращений, напечатанных на стенках шкафов:

Dros MСog.

Роберт --> Мири: <sm> Дрозофилы? </sm>

Здесь он оставил почти треть тех коробочек, когда пришлось карабкаться на шкафы и пробираться между ними.

Мири --> Роберту: <sm> Да. Ты прочитал, что говорит про это Умник? Я не верю. </sm>

— Ну, ну, друг мой! — И снова возник Таинственный Незнакомец, которого Мири называла Умником. Кожа у него просто светилась зеленым, даже в тени. Лицо Шарифа, но улыбка не по-человечески широкая. — Разговаривайте свободно. Альфред нас уже несколько минут как обнаружил. — Незнакомец огляделся, будто ожидая увидеть врага. — Так что сейчас мне все равно, слышит он вас или нет. Или меня! Что ты можешь сделать, Альфред? Ты меня отключаешь, но ручаюсь: еще минут-другую я продержусь. А вообще-то можешь прервать и свою операцию, тогда я точно исчезну мгновенно. — Он оглянулся на Мири и Роберта и продолжал вполголоса: — Если он на это пойдет, значит, он в полном отчаянии. И это ему нисколько не поможет, потому что мой файл pdf по-прежнему у вас. *Вы* здесь останетесь, чтобы разрушить его закулисные планы.

Таинственный Незнакомец сделал знак следовать за ним.

— Вы добрались до этого места моего объяснения? — Он показал на шкафы. — Молекулярная биология сознания. MСog. И люди Альфреда создали идеальную животную модель для этих исследований.

— Дрозофилы? — спросил Роберт.

— Не верю, — сказала Мири. — Дрозофилы не способны мыслить. И что ваш «Альфред» — или вы — можете с ними сделать?

Незнакомец разразился этим своим смехом, отмечающим возражения, и Роберт заметил, что Мири передернулась. Может, она лучше справится с этим манипулятором, чем Роберт. В конце концов, не она отчаянно искала помощи.

— Ах, Мири, ты прочла, но ты не понимаешь. Если бы прямо сейчас у тебя был выход в сеть пошире — и несколько сотен часов на поиски, — может, ты бы поняла, что в молекулярной биологии важнее глубина данных и их анализ, чем конкретный вид организма. В этой его *Drosophila melongaster alfredi* — ты их так назвал, Альфред? — мы имеем метаболические пути, являющиеся базовыми для любой познавательной деятельности животных.

Если не считать комментариев, фраза звучала как прямо из файла.

Свернув за угол, они обнаружили источник звука.

— Вуаля! Триста тысяч мушек Альфреда, уложенных в удобные контейнеры для транспортировки. — Лицо и тело Незнакомца все меньше и меньше напоминали исходного Шарифа. — Должен сказать, я знаю, что это за мушки, но я не знаю, что для них планировал Альфред. Конечно, есть некоторые замечательные болезни — когнитивные болезни? — которые могут быть результатом этих исследований. А может, он хочет опередить со старта всех производителей обогащенных наркотиков. Или занимается технологией ТДМВ. Но что мне известно точно...

Контейнеры с мушками складывались на большой транспортный стол, куда больше всех, что бывали на уроках труда у Рона Уильямса. По столу покатались транспортировочные цилиндры, прямо сквозь тело Незнакомца. Он заметил это только через полсекунды, но спрыгнул со стола очень правдоподобно.

— Я знаю, что он собирается их отсюда вывезти.

— Это ты так говоришь.

— Уж поверь мне, мисс Мири. Ты же Альфреда *видела*. Это он пытался убить Хуана Ороско. Этот тип — злобный псих. Не веришь мне — пропингуй этикетки на пакетах.

Да. Этикетки ЮПИ/Экспресс с кодом места назначения. Первые цилиндры уже сползли со стола в сторону ближайшей пневмотрубы.

А Незнакомец теперь перепрыгивал с ноги на ногу.

— Только вы можете спасти человечество! Просто скиньте цилиндры на нижний поддон. Не дайте Альфреду победить!

Это, похоже, убедило Мири. Она метнулась к столу, выхватила пакет из шлюза пневмотрубы и бросила Роберту. Он поймал его, и следующий, и следующий, пока не оказалась полная охапка. Белые цилиндры были легче пены.

Изображение Незнакомца на миг застыло.

— Х-ха! Отличная работа! — Он широким жестом показал на стены. — Видишь, Альфред? С Кроликом лучше не связываться!

Кролик?

Это создание повернулось к Мири и Роберту — видит Бог, он действительно малость походил на кролика.

— Едва все не сорвалось, но я победил! То есть, я хочу сказать, мы спасли человечество. — Он выпрямился, но тело его осталось стоять наклонно. — Чертов Альфред, он меня отключает по кусочкам. Может, я должен уйти, оставив впечатление, как Злобная Ведьма Запада. То есть умирая.

Создание завертелось, издавая театральные стоны, и тело его стало растворяться. Вдруг он остановился.

— Да, кстати, не оставляйте эти цилиндры просто так. Бросьте их на нижний поддон.

Роберт не пошевелился.

— Слушайте, что я говорю! — сказал Незнакомец, и что-то похожее на серьезные интонации послышалось в его голосе. — Если эти мушки — вектор болезни, то вы в эпицентре! С нижнего поддона они полетят в инсинератор, и все будет безопасно и чисто.

Мири покачала головой:

— Нет. Это альтернативный путь к пусковой установке ЮПИ/Экспресс.

— Да посмотри в файле, дурочка! На карте!

— Я смотрела на свою карту, которую скачала сегодня! — Мири торжествующе улыбалась.

Наступила двухсекундная задержка. Потом создание повернулось и посмотрело на Мири почти в упор.

— Ненавижу я тебя, Мири Гу. Ты зараза. Все шло нормально, пока ты не начала влезать. Я тебе за это устрою!

И тут он заорал:

— А пока что я тебе устрою, Альфред! Уж если ты меня со сцены выбросил, то и я тебя! Я на тебя наступчу, я...

Фигура резко остановилась. Наступила секунда молчания, потом Роберт услышал едва различимое:

— ...можете. — И создание исчезло.

Роберт и Мири переглянулись. Остались только они двое — и ряды шкафов.

— Ты думаешь, он действительно исчез, Мири?

— Я... я не знаю.

Мири --> Роберту: <sm> Но если Умник не врал, то этот самый Альфред еще здесь. </sm>

Вслух она робко сказала:

— Может быть, нам следует остаться здесь и ждать полицию?

— О'кей.

Мири плюхнулась на пол. Секунду она пролежала очень тихо — что в открытом режиме, что в закрытом. Роберт опустил пакеты и стал всматриваться в темноту, поворачиваясь из стороны в сторону. Допустим, здесь больше нет роботов противника. Что теперь может сделать Альфред с дрозofiлами? И что он может сделать с Мири и самим Робертом?

Мири --> Роберту: <sm> Это теперь звучит по-другому. </sm>

Роберт посмотрел на нее вопросительно. Мири нарисовала золотую стрелу под прямым углом к коридору, откуда они пришли.

Мири --> Роберту: <sm> Я записывала все, что слышала, когда шла за тобой. Здесь началось что-то новое, скорее всего в мышиных клетках. Ты что-нибудь там сделал по дороге? </sm>

Она осторожно поднялась на ноги.

Роберт наступал на клавиатуре:

Роберт --> Мири: <sm> Там мывсе обрдовние оставли. </sm>

Мири резко подняла голову:

Мири --> Роберту: <sm> Звуки вроде тех, что мы слышали здесь. Кто-то собирает порцию груза к отправке. </sm>

29

ДОКТОР СЯНЬ ПРИНИМАЕТ КОМАНДОВАНИЕ

У Гюнберка, Кейко и Альфреда были свои пулы аналитиков у каждого. Десять секунд назад аналитики согласились: Кролик в качестве активной угрозы более не существует — ни наверху, ни в сети милнет. Вокруг этого мнения висели отличающиеся кластеры, но различия состояли лишь в прогнозе сопутствующего ущерба.

Браун --> Мицури, Вазу: <sm> Волею Божией мы остановили этого монстра. </sm>

Мицури --> Брауну, Вазу: <sm> И получили данные инспекции, за которыми пришли. Теперь самое время сматывать-ся! </sm>

Она вызвала увеличенную картинку дерева последствий. Сейчас они находились на ветке, ведущей к полной потере возможности отрицать. И все же, пока не будут достоверно известны результаты инспекции, необходимо держать американцев в неведении.

Альфред представил свою последнюю схему эвакуации — сроки в ней были чуть-чуть подправлены, чтобы прикрыть его собственную эвакуацию материалов.

Мицури --> Брауну, Вазу: <sm> Восемь минут! Почему так много? </sm>

Кейко все еще прикрывала ситуацию на северной стороне лабораторий. А виды библиотечного бунта показывали, что группа из Болливуда по-прежнему находится возле библиотеки — но дело превращалось в гражданские волнения того типа, который вызывает прямую реакцию полиции. Сейчас пока еще легко внедрить Альфреда в гущу болливудского народа, но очень скоро это станет невозможно.

Ваз --> Мицури, Брауну: <sm> Я срежу каждую секунду, которую смогу, Кейко. </sm>

Мицури --> Брауну, Вазу: <sm> Уж постарайся! Больше пяти минут никак не могу тебе гарантировать. </sm>

В ответ на невежливо сдерживаемую панику Кейко Альфред улыбнулся. Она и Гюнберк будут стараться изо всех сил, и в некотором роде этот хаос даже полезен. Обманывать Гюнберка и Кейко всегда было для Альфреда труднее всего. Если бы не удалось их отвлечь, вывоз материалов был бы для него невозможен.

Прошло две минуты. Три. Его секретная группа почти закончила фальсификацию. Обновили журналы так, чтобы удовлетворить и Альянс, и грядущих инспекторов США. Сейчас шла работа над одной маленькой секцией установок Mus Musculus, его настоящей животной моделью. Альфред прыгал от выюпойнта к выюпойнту, парил над шкафами, похожими на офисные кварталы какого-то безликого утилитарного города. Он мог взять с собой только несколько мышей — всего несколько из зачавших после последнего обновления. Его группа уже оставляла идущие эксперименты и начинала операции уничтожения. Сейчас выбранные установки отсоединили и стали готовить к запуску. Транспортировочные контейнеры уже подавали к пневмопорту над шкафом. В каждый контейнер можно вместить одну упаковку двадцать на тридцать — то есть шестьсот мышей.

Мицури --> Брауну, Вазу: <sm> Альфред! Публичная сеть отказывает. </sm>

Ваз выругался и глянул на анализ ситуации наверху. До крайнего срока, указанному Кейко, еще далеко.

Браун --> Мицури, Вазу: <sm> Это полный отказ системы. Мистер Кролик нас сделал. </sm>

Аналитики булькали противоречивыми гипотезами. Подобные отказы случались пару раз в год где-нибудь в мире — цена, которую цивилизация платит за сложность. Но здесь были более зловещие подозрения: *данный* отказ — сопутствующий ущерб от отзыва. Может быть, магическая власть Кролика над бунтом основывалась на его власти над встроенной компьютерной системой коммунального хозяйства. Сейчас его

сертификаты были отозваны, и начался каскад отказов почти повсюду — как только сертификаты становились недействительными.

Мицури --> Брауну, Вазу: <sm> Альфред! Подчищай хвосты и выбирайся! </sm>

Второй и третий картриджи будут готовы вот-вот. Альфред посмотрел на статус ЮПИ/Экспресс. Пусковая установка находилась вблизи от зоны MCoG, а что еще важнее, управлялась локально, и крах внешней системы ее не затронул. Ваз ввел место назначения в Fватемале и выбрал капсулу, которую поместил здесь заранее. Достаточно хорошо скрытую, чтобы она могла уйти от аэрокосмического обнаружения США.

Ваз --> Брауну, Мицури: <sm> Минуту. Минуту можете мне дать? </sm>

Мицури --> Брауну, Вазу: <sm> Постараюсь. </sm>

Аналитики наверху погрузились в аварийное планирование и оценки вероятностей. В ландшафт УСД повсюду, где проходила операция индоевропейской разведки, вносились тысячи мелких изменений. Присутствие Болливуда там продлится, пока что-то будет происходить.

Альфред заставил себя вновь сосредоточить внимание на лаборатории. Загружался второй картридж. Первый уже летел по пневмотрубе, унося к пусковой установке своих маленьких пассажиров.

Альфред застыл: двое Гу покинули зону дрозофил. Наблюдалось движение в другом окне, с краю ряда шкафов с мышами. Девочка и мужчина бегут к камере. Их не удалось обмануть дрозофилами.

Альфред подался вперед. О'кей, одна минута. Что могут сотряпать его люди за это время?

Кресло Лены не было вездеходом — оно отлично катило по асфальту, даже в гору, и Сю приходилось бежать рысью, чтобы не отстать. Но там, где асфальт был изрезан рытвинами, кресло переходило в шагающий режим. Продвижение замедлилось.

— Ты даже дорогу не видишь, Лена?

Обзорная страница была темна, как естественный вид.

— Нет. Наверное, кто-то отключил весь склон. Побочный эффект бунта, может быть. — Она сдвинулась к середине дороги. — Тсс! Они все еще идут. — Лена махнула рукой Сю, подзывая ее поближе. — Как их остановить? Так или иначе, мы должны выяснить, что происходит.

— Роберт тебя увидит.

— Черт побери! /

Действительно, неразрешимая дилемма.

— Вернись к обочине. В любом случае мне безопаснее их останавливать.

— Ха! — фыркнула Лена, но отодвинулась.

Секунду Сю стояла неподвижно. Слышались далекие звуки фривея. С вершины другого холма доносился шум, похожий на скандирование. А вблизи только верещали насекомые, ощущался прохладный ночной воздух. Под ногами — неровная каменная дорога. По скальному выходу рядом с Сянь скользнул свет фар.

— Я их слышу, Сю.

Сю тоже слышала хруст камешков под шинами, а теперь уже и тонкое пение электромоторов. Таинственный автомобиль наконец приближался из-за невидимого поворота дороги, и Сю подобралась, готовясь отпрыгнуть с его пути.

Но на этой дороге машина быстро ехать не могла. Фары ее медленно опустились на Сю.

— Уступите дорогу, уступите дорогу!

Слова звучали громко, а обзорная страница в руке ожила, мигая предупреждениями о наказаниях за препятствование работе дорожного патруля в штате Калифорния.

Сю было подалась в сторону, но тут же подумала:

Я же как раз хочу говорить с дорожным патрулем!

Она махнула машине, требуя остановиться. Автомобиль еще сильнее сбросил скорость, потом повернул и попытался объехать ее слева.

— Уступите дорогу, уступите дорогу!

— Нет! — крикнула Сю и снова прыгнула перед машиной. — Стойте!

Машина еще больше замедлила ход.

— Уступите дорогу, уступите дорогу!

И попыталась объехать Сю с другой стороны. Сю снова прыжком преградила ей путь, на сей раз размахивая рюкзаком, будто им можно было нанести машине какой-то вред.

Автомобиль попятился на ярд-другой и повернулся исподтишка, будто готовясь сбегать. И Сю подумала, готова ли она снова встать на пути того, что будет дальше.

С каждым ударом сердца Томми пронизывала боль. Он не сразу понял, что это *хороший* признак. Подняв голову, он увидел, что лежит на сиденье легкового автомобиля. Лицом к нему сидели Уинстон и Карлос.

— А где Роберт и девочка?

Уинстон Блаунт покачал головой:

— Остались там.

— Мы разделились, профессор Паркер.

Вернулись обрывочные воспоминания.

— Да... да. Где мой лэптоп? Надо позвонить 911.

— Мы позвонили, Томми. Все в порядке, это машина дорожного патруля.

В голове еще клубился туман, но это явно была бессмыслица.

— Она не похожа на патрульную.

— На ней эмблемы, Томми.

Впрочем, голос Уинстона звучал неуверенно.

Томми спустил ноги с сиденья и заставил себя наполовину сесть. Боль стиснула грудь, хлынула в руки. Он чуть не отключился снова и упал бы, если бы не Карлос.

— Держи... держи меня!

Томми посмотрел вперед. Фары у машины включены. Дорога — крутая и узкая, с остатками асфальтового покрытия — такие бывают в Восточном округе или на коротких участках у побережья — остаток заброшенного пути. Машина то и дело тормозила, переезжая глубокие темные рытвины. Кусты задевали кузов. А впереди Томми увидел человека, стоящего посре-

ди дороги. Машина остановилась в пяти ярдах от... от молодой женщины.

— Уступите дорогу, уступите дорогу!

Машина повторяла эти слова вновь и вновь, пытаясь объехать женщину то слева, то справа.

Женщина прыгала из стороны в сторону, преграждая путь. Она что-то кричала и размахивала солидным рюкзаком.

Автомобиль попятился на несколько футов, и Томми услышал тихое жужжание конденсатора, готовящегося к чему-то решительному. Колеса повернулись на несколько градусов — и женщина снова прыгнула, загородив путь. Лицо ее освещали фары. Красивое азиатское лицо... Если добавить к нему лет тридцать, получалось смутное воспоминание о фотографии из противного времени рубежа веков, из статьи в сборнике «Безопасные вычислительные среды». Вот уж кого он не ожидал увидеть в игре «Встань на пути танка на площади Тяньаньмэнь».

Фары погасли, машина рванулась вперед. Тут же сработали тормоза, и автомобиль наполовину съехал в кювет. Прозвучал приглушенный взрыв — конденсатор сам себя пережег, наверное. Дверцы по обе стороны со щелчком распахнулись, и Томми наполовину вывалился на свежий ночной воздух.

— Как вы, профессор Паркер? — прозвучал прямо за ним голос Карлоса.

— Не сдох еще.

На дороге послышались шаги, вспыхнул фонарь в маленькой руке, и женщина громко сказала:

— Это Уинстон Блаунт и Карлос Ривера, и... — уже более нормальным тоном, — ...Томас Паркер. Вы, наверное, меня не знаете, доктор Паркер, но я восхищена вашей работой.

На это Томми не нашел ответа.

— Дайте нам проехать, — потребовал Уинстон. — Это срочно!

Его прервал звук колес — но не от другой машины. И голос из темноты спросил:

— Где Мири? Где Роберт?

— Они остались внутри, — сказал Карлос. — Они пытаются помешать... мы боимся, что кто-то захватил управление лабораториями.

Взвыли моторы. Это было инвалидное кресло, а на нем — кто-то съездившийся в комок. Но голос звучал сильно и с раздражением.

— Черт побери, охрана лабораторий не дала бы этого сделать!

— Может быть, и нет. — Уинни говорил, будто жевал битое стекло. — Нам кажется, что кто-то... взломал охрану. Мы вызвали 911. И тут вы вмешиваетесь.

Он показал на машину, неподвижно уткнувшуюся в кювет. Томми посмотрел на темный легковой автомобиль.

— Нет, — сказал он. — Это липа. Пожалуйста... позвоните 911.

Инвалидное кресло подъехало ближе.

— Я пытаюсь! Но тут какая-то мертвая зона. Надо спуститься с холма, найти что-то, за что зацепиться, понять.

— Du! — сказал Карлос. Он все оглядывался по сторонам, как оглядываются дети, когда пропадает их собеседник.

Грозная доктор Сянь повела фонариком, и свет с тенями метнулся возле нее. Странно. Какое-то в ней ощущалось... колебание? Доктор С. Сянь была одним из истинных Плохих Парней прошлой эпохи, или, по крайней мере, одной из тех, кто сделал возможными режимы Плохих Парней. А по виду никогда не скажешь. Она притушила свет и секунду постояла молча.

— Я... я не думаю, что это местная мертвая зона.

— А что же еще! — возмутился Уинни. — Я в носимых, и ничего не вижу, кроме реала. Надо выбраться на фривей, или хотя бы туда, откуда фривей виден.

Теперь Томми припомнил, что говорила внучка Гу. Может быть, местные узлы обмануты. Но у Сянь была другая теория:

— Я хочу сказать, что мертвая зона не только здесь. Прислушайтесь.

— Да ничего я не слышу... а!

Были слышны только какие-то тихие звуки — может быть, насекомые. Из-за холмов доносились едва различимые крики. Ладно, это там отвлекающий маневр кружков веры. Еще что? А, странно звучал фривей: не постоянный пульсирующий звук колес по дороге, а лишь едва слышный, умирающий вздох. С таким Томми никогда не сталкивался, но знал, как это бывает.

— Отключение по отказу, — сказал он.

— Повсюду? *Полная остановка?* — В голосе Карлоса нарастал ужас.

— Ага...

Боль в груди у Томми пошла крещендо. *Эй, дайте хотя бы дожить, чтобы узнать, что это!*

Голос с кресла произнес:

— Пусть даже мы не можем дать знать, но кто-нибудь заметит.

— Может, и нет, — просипел Томми.

Если отключение масштабное и нестабильное, похожее на стихийное бедствие, это значит, что под землей действительно происходит что-то серьезное.

— И мы ничего не можем сделать? — спросил Уинстон.

— Может, и нет. — Сянь эхом повторила слова Томми, но голосом задумчивым, далеким. Посветила фонариком на рюкзак. — Я тут хорошо развлеклась на уроках труда. Сейчас можно делать такие интересные штуки.

— Ага. И все они строго подчиняются закону, — сумел выговорить Томми.

С. Сянь тихо рассмеялась.

— Этот факт можно обернуть против них, особенно если участники не знают общей картины.

Многие из друзей Томми говорили такие вещи — в основном в порядке пустого трепя. Но сейчас это говорила С. Сянь.

Она вытащила какой-то неуклюжий прибор, напоминавший древнюю банку с кофе, открытую на конце. Сю направила прибор так, чтобы ему была видна обзорная страница.

— Куча устройств еще работает, просто они не могут найти достаточно узлов, чтобы создать маршрут наружу. Но тут к северу есть большая военная база.

— Кэмп-Пендльтон милях в тридцати в ту сторону, — доселось с кресла.

Наверное, был еще и жест, но его Томми видеть не мог.

Сянь повернула банку, будто проводя лучом по беззвездному небу.

— Глупость какая-то, — сказал Уинстон. — Откуда вы знаете, что там, куда вы смотрите, узлы есть?

— А я и не знаю. Я просто хочу подать сигнал светом в дымке неба. И вызвать морпехов.

Она заговорила со своей обзорной страницей.

Боб Гу и его морпехи больше времени проводили в тренажерах, чем в бою или на дежурствах. Инструкторы славились своим умением создавать невероятные чрезвычайные ситуации — и вводить в них что-нибудь еще более невероятное.

Сегодня реальность превзошла самых безумных инструкторов.

Элис отвезли в отделение интенсивной терапии. Боб поехал бы с ней, если бы ее свалило окончание действий противника, а не сами действия.

Дисплей аналитиков выдавал новые узлы и десятки далеких ассоциаций: «Швейцарский кредит» только что отрубился — колоссальная катастрофа для Европы. Отзыв сертификатов сказался даже в Калифорнии. Боб присмотрелся внимательнее. Катастрофа «Швейцарского кредита» была столь внезапной, что это не могло не быть умелой атакой. *Так что служило отвлекающим маневром — и от чего?*

Сейчас уже в работе участвовала смена глобального наблюдения Минобороны/ДВБ. Сегодняшние действия могли оказаться чем-то новым — актом Большого Террора, выполняемым одновременно в США и в Индо-Европейском Альянсе с использованием зазоров, созданных национальными суверенитетами. Просматривая мелькающие сверху анализы, Боб видел лишь

широкомасштабные штрихи, но было явно, что все секретные службы США, Альянса и Китая работают вместе, стараясь выследить источник угрозы.

На юго-западе континентальных штатов новая начальница аналитиков старалась изо всех сил. Пул аналитиков пока не восстановился, но люди уже разговаривали продуктивно. Структуры гипотез и выводов росли. Новая начальница обрела голос:

— Полковник, буря отзыва сертификатов очень интенсивна в УСД.

Дисплей трафика показывал, что демонстрация вокруг библиотеки остановилась довольно резко. Новые отказы не были связаны с перегрузкой магистральных роутеров — участники теряли сертификацию тысячами. Миллионы поддерживающих программ заклинило. Даже само по себе это показывало, что массивное иностранное присутствие в сегодняшних празднествах не было глюком обкурившихся аналитиков. То, что поразило Европу, здесь тоже участвовало на глубинном уровне.

Но биолaborатории по-прежнему показывали зеленый цвет. Даже присутствие ночных смен на демонстрации возле библиотеки обернулось к лучшему. Может быть, производительность и скорость для этой смены будут понижены, но это уже коммерческий вопрос. Фактически уход людей упростил ситуацию в лабораториях — там осталась только автоматика, а автоматика показывала, что все в порядке.

— ФБР снова просит разрешения взять дело на себя.

Боб раздраженно покачал головой:

— Отказать. По тем же причинам.

Хм. Тем временем все больше участников беспорядков лишались сертификатов. Три аналитика из коммунальных служб Южной Калифорнии сообщили об отказе инфраструктуры в зоне кампуса. А почему это местная инфраструктура зависит от сертификатов «Швейцарского кредита»?

— Корреляция системных отказов с бурей отзывов — девятью пять процентов, полковник.

Не до шуток. Даже если в лабораториях все чисто, какое-то очень серьезное вмешательство все равно имеет место. Боб ввел команду, над которой размышлял последние несколько минут:

ТРЕВОГА ЗАПУСКА.

— Аналитикам обновить аварийный вариант номер девять и выдать мне метку запуска, — приказал он.

Пауза — запрос рассматривался всемирной сменой Минобороны/ДВБ. Собственная смена Боба после срыва Элис оказалась на очень коротком поводке.

Ответ пришел через пять секунд.

Боб едва ли заметил, как надулся противоперегрузочный модуль. Он вылетит последним, так что будет на что посмотреть.

ЗАПУСК ЗАПУСК ЗАПУСК

— Запуск беспилотных машин.

На дисплеях возникли тридцать жестянок боевых сетевых роботов, запущенных высоко в южнокалифорнийскую ночь. Запустили их с северной стороны базы в двадцати километрах отсюда. Дальше к югу, с авиабазы морской пехоты «Эдвардс», поднялось в небо более примитивное оружие. На борту у него был каталог крайних возможностей: спасательные копы (500), туманы подавления повреждения (100), высокоэнергетические ИК-лазеры (10), термальные стрелки/переменная изоляция (100)... и три последних, кошмарных — диспенсеры стерилизационного тумана (10 на 10), патроны стрельбы по площадям высокоэнергетическими радиационными полями (20 на 20 на 4), стратегические ядерные патроны (10 на 10 на 2). *Аналитикам платят, чтобы учитывали самый худший вариант... но боже ты мой!* Единственным поводом для обращения к этим орудиям были биолaborатории.

Хотя по правде — если не учитывать отсутствие оборудования для последующих действий — вполне обычный набор современных экспедиционных сил. Три раза за время службы Боба такие запуски завершились настоящим боем. Но это было за полмира отсюда: в Алматы, в Сюдад-Хенераль-Ортес и в

Асунсьоне. Самое страшное оружие никогда не применялось, хотя в Асунсьоне такое едва не произошло.

Сегодня он все это железо нацеливает на своих соседей, всего за тридцать миль от Кэмп-Пендльтона. Полная мощь в городской зоне — это все равно что поливать в кухне крыс из крупнокалиберного пулемета.

Мири, не высовывайся!

— ФБР снова просит дать ему контроль над ситуацией.

— Отказать. Ситуация становится напряженнее.

На данный момент — дай бог, только на данный момент. Если полиция и спасатели смогут восстановить систему, то взлет всего этого железа в небо Южной Калифорнии окажется лишь дорогостоящими учениями. Но что хорошо, когда сидишь запертый и готовый к запуску, это то, что можно хапнуть намного больше ресурсов: Гу привлек группы аналитиков по всей стране и сбросил на них всю информацию разведки и сенсоров. Главные вопросы: защищены ли лаборатории в Сан-Диего, каков прогноз для имеющихся системных отказов?

А тем временем запущенные Бобом снаряды достигли вершин своих траекторий. Он поднял заряды Эдвардса еще выше, создав их отставание от железа из Пендльтона. Если в самое ближайшее время ничего не разрешится, ему придется включить двигатели беспилотных аппаратов. *Ребята, мне нужны ответы!*

Но толпа аналитиков все еще занималась соединением миллиардов точек, выискивая системы и заговоры. А потом все изменило единственное событие. Какая-то фанатичка наблюдений за погодой сразу получила невероятно высокий приоритет.

— Двадцать секунд назад я заметила импровизированные сигналы на облачном фоне над *вот этой* зоной.

И она нарисовала эллипс над южным округом Сан-Диего, покрывающий приличный кусок Кэмп-Пендльтона. Кто-то подавал сигналы, просто мигая фонарем в облачное небо! Большая ось эллипса рассеяния показывала прямо на УСД. Перед глазами Боба поплыли слова перехваченного сообщения.

Сю Сянь --> всякому, у кого хватит соображения заметить сигнал: <sm> Автоматика лабораторий «ДженГена» повреждена. Система атакует всякого, кто выступает против нее. Это не игра. Это не шутка. Что? Да, я им скажу. В лаборатории остались еще два человека. Это свои! Они пытаются помочь. </sm>

Аналитик метеослужбы высказался поверх плывущих слов:

— Сообщение передано односекундным импульсом, повторено двенадцать раз. То, что вы видите, — восстановлено после очистки от помех.

Это было достаточно ясно. Пальцы Боба Гу задержались в перчатках, давая приказ морпехам.

Потом напрягся его противоперегрузочный модуль, и...

...на миг Боб Гу перестал обращать внимание на что бы то ни было — просто не мог. Логика боя бросала командующего операцией в гущу событий. В этом случае запуск выбросил его модуль из Пендльтона почти горизонтально.

Может, и не самое удачное решение, — подумал он.

Но такие мысли всегда возникали у него при вылете с направляющих под перегрузкой в двадцать g.

Сейчас надо было собраться с мыслями и понять контекст. Люди и оборудование работали строго по расписанию. Немыслимые Последние Средства еще висели над головой, гибкие до самого конца. Сетевое оружие уже было в УСД. А биолaborатории *все еще* светились зеленым, мирные и в полной безопасности.

Посадочный модуль Боба был в нескольких секундах полета от УСД.

Случилось еще что-то важное, вот в последние секунды. Сю Сянь? Воспоминания нахлынули на Боба тут же, как только аналитики ДВБ выдали собственное озарение. Сю Сянь. Не такое уж редкое имя, но в Южной Калифорнии его носят вряд ли больше трех-четырех человек. И одна из них жила в «Конце радуг» с Леной Гу.

Внезапно Боб очень хорошо понял, кто находится в перекрестье прицела всех сил, которыми он командует.

30

ГДЕ КОНЧАЕТСЯ СЕТЬ

Библиотека сделала свой выбор.

На миг Тимоти Юнх и вся ночная смена лишились дара речи. Толпы реальных людей затихли, и даже миллионы виртуалов влились в координированную тишину.

Библиотека выбрала — и она выбрала скучистов.

Видно было, как осознание поражения распространяется по рядам гачекистов. Победа была реальной. Как примут это гачекисты? В конце десятых годов было несколько разгромов, когда большие структуры верований выдавали некое ужасное искусство. Настолько ужасное, что сами кружки распадались и погибали. Кто сейчас знает о Стальных Когтях или о Зонах Мысли? Но сегодня гачекисты потерпели поражение от рук других и должны сделать хоть что-то... может быть, даже что-то милосердное.

Безмолвная тишь толпы продержалась еще секунду. Потом Опасное Знание вдруг отвернулось от библиотеки и обвело всех гневным взором. В конце концов, роль разгромленного в его репертуаре предусмотрена не была. Но у того, кто управлял всем этим творчеством, гибкость имелаась. Секунду спустя Опасное Знание приятно улыбнулось и снова повернулось к библиотеке.

— Мы склоняемся перед желаниями Библиотеки. Ты победил, о Скуч-э-маут.

Среди гачекистов поднялся негодующий вой, но Опасное Знание, подняв руку, продолжало:

— Мы отказываемся от всех своих претензий. Мы остаемся всего лишь гостями.

Шейла --> Ночной смене: <sm> У гачекистов идет дискуссия с администрацией университета. Они выпрашивают все остатки, что смогут выпросить. </sm>

Большой Скуч-э-маут оказался великодушным победителем, хотя и не отошел прочь от объятий библиотеки.

— Вы всегда будете желанными гостями в библиотеке *настоящих* книг.

Хенсон --> Ночной смене: <sm> Админ визжит на эту тему, но паблисити окупится дополнительной площадью. Ребята, мы победили! </sm>

Несколько минут все шло отлично. Окончание беспорядков без стычки с полицией или без физических разрушений не дало ожидаемой разрядки, но вдохновители бунта предусмотрели для этого дополнительные спецэффекты. Кэти Розенбаум собрала все пауэчи роботы вместе и послала их к механизмам Юнха для причудливого «танца мира» — который случайно убрал почти весь мусор этой ночи. Тим ощутил идущие переговоры сторон, уступки и обещания. Опасное Знание отступило в небо, и обе стороны стали забавляться спецэффектами, которых раньше не было.

Но теперь, когда все должно было пойти гладко, возникли проблемы с сетью. То там, то здесь та или иная служба становилась невероятно медленной или ненадежной. Это портило весь вид. Скуч-э-маут все еще стоял, обнимая колонну библиотеки, которая «пришла» к нему. Героический жест, затянувшийся слишком надолго, превращается в дурацкий. Юнх глянул на табло статуса механизмов — скучи не обновлялись уже семь секунд. И никак нельзя было управлять ни одним механизмом.

Юнх --> Хенсон: <sm> Эй, Шейла, кто там гоняет Большого Скуч-э-маута? </sm>

Хенсон --> Юнху: <sm> Не знаю. Играл он отлично, но сейчас бросил мяч. Ну ладно, мы сворачиваемся. Возьми на себя управление и уведи робота. О красивом виде можно больше не заботиться. </sm>

Потом она просминговала всей ночной смене, пытаясь навести порядок и увести людей и роботов «ДженГена» туда, где они должны находиться.

Юнх подогнал погрузчик к механизму Большого Скуч-э-маута, подошел сзади и стал придумывать, как увести эту парочку с поля. Туман Коллективного Разума, окутывающий его робота, уже не соответствовал движениям, и выглядело все дерьмо-

во. Ну ладно. Он сейчас возьмет на себя управление Большим Скуч-э-маутом, роботы последний раз хлопнут друг друга по рукам в воздухе и вместе погромыхают прочь. Нормально, пусть и не совсем.

А может, это и не важно. Проблемы с сетью становились куда серьезнее. Отмечались странные задержки — возможно, даже в реальных разделах. Блоки виртуальной пубрики работали на кэше. Одношаговые соединения в основном действовали, но с маршрутизированной связью дело обстояло плохо. Юнх отступил на несколько футов в сторону и сумел найти хороший диагностический ресурс. Происходил отказ сертификатов на самых низших уровнях — такого он никогда не видел.

И даже сеть локализаторов отказывала.

Вокруг, как дыры в плетении ковра, проступали пятна реальности, проглатывая туманы и толпы, открывая армии будничных лабораторных механизмов. Там, где стояли сотни виртуальных участников, обнаруживались проплешины темного газона и маленькие толпы ошеломленных реальных людей.

— Тим, погрузчик!

Это был реальный звук — кричала Шейла Хенсон, стоящая неподалеку.

Юнх повернулся к библиотеке. Он потерял контакт с Коллективным Разумом!

Тимоти побежал к механизму. Погрузчик автономно прошел еще пару шагов, но тут был не гладкий пол лаборатории, а сеть локализаторов отключалась. Робот споткнулся о камень бордюра, окружавшего террасу, закачался, теряя равновесие и рассылая запросы о локализации во все стороны. Но сеть не работала, и погрузчику приходилось плохо. Его бортовые системы были рассчитаны на ликвидацию нестабильности: аварийный режим состоял в том, чтобы быстро шагнуть в сторону падения, понижая центр тяжести, и выпустить стабилизирующие ноги. В теплой среде лаборатории это бы помогло. Здесь же бросок поставил автомат на край северной террасы — а сети локализаторов, которая предупредила бы об обрыве, не было. Стабилизаторы уперлись в воздух, и погрузчик свалился за край.

Послышались крики.

Юнх выбежал на поле битвы роботов. Эпические наведенные картины исчезли, но локальную координацию роботы сохранили. Они откатывались с пути, только Юнх это едва замечал — все его внимание сосредоточилось на погрузчике. Вот, есть прямой контакт! Он пробежался по камерам погрузчика... и ему стало нехорошо. Кто-то оказался внизу, под машиной. И женщина эта все еще кричала. Ее нога выше колена была раздавлена корпусом робота.

Кто-то спускался вниз рядом с ним — Шейла. Она протиснулась под вилами погрузчика, нагнулась, чтобы взять женщину за руку.

— Мы вас сейчас вытащим, не волнуйтесь, вытащим.

— Да! — подтвердил Тим.

Теперь он полностью взял автомат под контроль. Перескучаясь между собственным зрением и камерами, он видел, как упал робот и где придавлена женщина. *Не суетись, и все будет о'кей*. Погрузчик перенес вес на те колени, которые не касались женщины. Жесткая поддержка, без неожиданностей. Слышно было, как под вилами погрузчика Шейла успокаивает пострадавшую.

О'кей, значит, просто сдвинуть вес назад, перевести машину в низкосидящую позицию. Просто...

Но послышались другие крики, шум бегущих людей.

Смейл --> Юнху: <sm> Тим, помоги! </sm>

Юнх посмотрел через камеру на другом конце погрузчика. Робот, который был Большим Скуч-э-маутом, все так же стоял возле библиотеки, но центр тяжести задрал до идиотизма высоко, и кто-то снял все ограничители безопасности, чтобы робот мог *упереться* в ближайшую колонну. Опорные площадки машины ввинчивались в бетонное покрытие террасы. Слышен был звук моторов, работающих в аварийном режиме, но в почти музыкальном ритме включения/выключения. Робот походил на ребенка, который пытается подхватить падающую этажерку.

Юнх задрал камеру вверх, вверх... на висячий шестой этаж, почти прямо над головой. В бетоне виднелись щели, были мес-

та, где этажи качались и кренились. Зданию хватало интеллекта, чтобы стабилизировать себя, даже чуть подвинуть. Только сейчас этот интеллект был отрезан от информации об общем состоянии. Как и погрузчик Тимоти Юнха, библиотека из всех сил старалась остаться на ногах... и тоже терпела поражение.

31

БОБ РАССМАТРИВАЕТ ВОЗМОЖНОСТЬ КОВРОВОЙ АТОМНОЙ БОМБАРДИРОВКИ

Боб летел над кампусом УСД, и его посадочный модуль был теперь так же медлен и тих, как сетевые заряды, падавшие дождем с неба. Это было классическое нападение захвата сети при отсутствии существенных оборонительных средств. Нужно сделать многое, и всего лишь за секунды, но в эти считанные секунды у Боба возникло парадоксальное ощущение безопасности. В современном мире редко бывают случаи, когда человек так самодостаточен — пусть только временно, — как когда он командует подобной атакой. Экспедиционная группа Боба Гу имела собственную сеть, собственные источники питания, собственные сенсоры. Если бы даже исчезли его удаленные аналитики, операция морпехов все равно могла бы продолжаться.

В этот момент тысячи штурмовых узлов внедрялись в деревья и кусты, прицеплялись к машинам, карнизам и стенам домов. И еще до приземления перехватывали приоритет у оборудования гражданских сетей, которое пока работало. Захват был практически полным. Боб уже получил доступ почти ко всем встроенным контроллерам в этой зоне. В бою локальные сис-

темы часто не подлежали восстановлению. Сейчас за несколько секунд интенсивного допроса была получена авторизация ДВБ, и Боб взял на себя контроль. Автомобили и носимые, медицинские центры, выюпойнты, финансовые и полицейские системы — все отвечали. Полицейские и спасатели восстанавливали связь через боевую сеть. Боб уже слышал голоса вступающих в операцию. Если чуть повезет, людских потерь не будет — только очень серьезное и странное отключение сети. Боевую сеть он оставит на месте, как в операции за границей. В последующие дни она будет заменена — не административной силой, а постепенной передачей функций гражданской системе.

И все это было не важно.

— Лаборатории отвечают?

— Да, сэр, — сообщил Патрик Уэстин. Он был на земле с первой группой, возле главного входа в «ДженГен». — Мы получили доступ к резервной системе охраны лабораторий. Она согласна с основной и говорит, что подземелья защищены и никаких признаков вмеша...

Тревога состояния гражданской структуры: *Отказ здания.*

Буквы летели на периферии поля зрения. Университетская библиотека рушилась. В бою случается всякое, но сегодня причина выглядела как дурость плюс невезение — сперва демонстранты заставили библиотеку «танцевать», потом отключение сети вывело из строя ее интеллектуальные элементы. Какова бы ни была причина, тем, кто погибнет, на нее плевать.

Боб сбросил проблему резервной команде, которая сейчас находилась на четыреста метров выше и спускалась с различной аппаратурой — в том числе спасательными копьями. Он смутно отметил, как канистры копий выпускают плавники, целясь остриями в библиотеку. Вспыхнули сотни мелких ракет, и столько же закаленных узлов ударили вниз, к бетону и стали старого здания. Действия внутри будут быстрее, чем любые действия людей — композитные стрелы проведут себя между стенами, изо всех сил стараясь минимизировать повреждения инженерных узлов, соединенных в старом стиле проводами. Оказавшись на месте, они отключат коды управления умирающих систем и постараются установить контакт

с серводвигателями стабилизации. Волны вычислений и пере-
вычислений плескались на табло состояния группы. Успех
зависел от того, что именно уцелело и насколько быстро оно
сможет зацепиться за локализационную сеть морпехов.

Но не спасение было главной задачей. Внимание Боба со-
средоточилось на Патрике Уэстине...

— Понял вас, — сказал Гу. — Доведите до сведения руко-
водства и автоматики: немедленно прекратить работы, лабора-
тории опечатать. Никакого движения ни внутрь, ни наружу.

— Предупреждение и эмбарго. Есть, сэр.

Может быть, сообщение от Сянь — какая-то странная фаль-
шивка?.. Ага, размышлялся.

Боб передал Уэстину еще одну группу и подключил поли-
цейский резерв. Инспекторы Центра контроля над заболева-
ниями прибудут из Денвера минут через тридцать и подумают
насчет безопасного входа в лабораторию.

Боб плыл по пологой дуге над южным краем кампуса. Пора
было приземляться вместе с третьей группой. Только где?

Если это — действия противника, то на стороне врага дол-
жен быть Местный Хончо. Боб вызвал список подозреваемых.
Стандартный список иностранных студентов. Тех, кто пред-
ставляет интерес, допросят к вечеру. Гуляния у библиотеки
стали для прессы полным сюрпризом — так как получилось,
что контингент из Болливуда оказался в городе и на месте?
Конечно, Индо-Европейский Альянс ничего по-настоящему
деструктивного затеять не мог. Но коллапс европейской сис-
темы сертификатов, похоже, случился в самом сердце разру-
шений здесь, в Сан-Диего. Аналитики и интуиция самого Боба
поставили болливудскую группу во главе списка интересую-
щих лиц.

Он посадил свой модуль на полянке посреди эвкалиптов.
Захрустели сухие ветки, зашуршали опавшие листья. Третья
группа опустилась с двадцатиметровыми интервалами к восто-
ку и к западу от места его приземления. На ведущем к библио-
теке склоне холма слышались крики, мелькали огни. Здание все
еще стояло наклонно, но сервомоторы стабилизации включи-
лись и — если больше ничего не откажет — удержат здание, не

дав ему упасть. Ожили полицейские машины, их динамики выдавали успокаивающие объявления. Если все получится, может быть, удастся скрыть, что армия отреагировала на события. Местная гражданская оборона сможет погладить себя по головке и похвалить за исправление редких, но, увы, неизбежных системных глюков...

Прямо перед Бобом находилась группа геймеров и киношников из Болливуда. Они уже получили предупреждение оставаться на месте, но никто и не пытался покинуть место действия.

Леди и джентльмены, нам нужно всего лишь перемолвиться с вами несколькими словами.

«ДженГен» сообщал, что лаборатории опечатаны, готовы принять соответствующие власти — когда?

Ха! Инспекторы ЦКЗ опережали график — они как-то попали на суббаллистический транспорт. Будут на земле через десять минут.

Поддержка Боба расширялась вверх по цепочке командования. И вниз тоже. Какис-то очень большие и очень грамотные группы просчитывали шансы, что лаборатории превратились в фабрику смерти. Все были согласны, что вероятность ниже одного процента — то есть попросту научная фантастика.

Пул аналитиков разросся неимоверно — Боб Гу такого никогда не видел — примерно пятнадцать процентов от всей аналитической мощности секретных служб США. Такая поддержка должна бы успокаивать, но оставались места, где связи казались непрочными. Может быть, так протекают ассоциации, когда кризис полностью нестандартный.

И другим это тоже казалось странным — Боб видел много параноидальных цветов.

Наконец кто-то просто отчаялся:

<к порядку> Санитарная проверка. С момента начала атаки отзывов мы потеряли связь с пятью процентами наших исходных аналитиков. Такое не предполагалось возможным. </к порядку>

Все аналитики — из спецслужб США. Если для поддержания их на связи были необходимы сертификаты «Швейцарского кредита», то это в лучшем случае ошибка проектирования... или же враг среди персонала поддержки Боба.

Немедленно последовал контраргумент:

<к порядку> Не путайте потерю связи с потерей возможности доверять. </к порядку>

И пул аналитиков завяз в этих противоречиях, распутать которые быстро мог бы только гений — *а Элис сейчас в госпитале.*

Еще один сигнал тревоги замигал где-то внизу поля зрения. Боевая сеть Боба уже пролегла через весь кампус, и она не только поддерживала связь. Сеть представляла собой аппарат слежения шириной в две тысячи метров и выдавала доклад:

Принадлежащая «ДженГену» пусковая установка ЮПИ/Экспресс только что перешла в состояние готовности.

Счетчик показывал шестьдесят секунд до передачи на борт груза из лабораторий.

Даже когда морская пехота видела сенсорами, как заряжается конденсатор запуска, собственная сеть «ДженГена» продолжала уверять мир, будто все наглухо закрыто.

Кто-то пытался вырваться из «ДженГена».

Уж слишком это похоже на Асунсьон.

Боб посмотрел на бомбы, на диспенсеры смертельного тумана, на генераторы высокочастотных полей и мощные инфракрасные лазеры, спускающиеся с 10 000 метров. Журналисты видели всего лишь обычные аэроботы — но подполковнику Роберту Гу-младшему эти аэроботы давали физическую возможность аннигилировать *любую* угрозу в этом уголке США.

Так какой же будет Минимально Достаточный Ответ?

Тридцать секунд до запуска ЮПИ/Экспресс. В стане аналитиков по-прежнему хаос.

Достоверный контакт с Минобороны/ДВБ утерян.

Иногда решения приходится принимать на месте одинокому недотепе, лишенному связи.

32

**МИНИМАЛЬНО ДОСТАТОЧНЫЙ
ОТВЕТ**

Mus MCog.

Файл Незнакомца говорил, что Mus — это сокращение от Mus musculus. Мыши! Стойки с мышами тянулись вдаль, уходя в темноту. Почему-то помещение казалось больше, чем когда Роберт был здесь в первый раз. Так куда идти?

Мири колесилась не больше секунды, а потом бросилась туда, где шум был громче всего. Они с Робертом пробежали два пролета вниз, потом еще один... Да! Там стоял шкаф с настежь распахнутыми дверцами. И пневмотрубы доставляли белые цилиндры в лес кристаллов на крышке.

Перед открытыми дверцами Мири затормозила. Внутри шкафа были стеклянные стойки, как в каком-то древнем автомате для закусок. Слоты за стеклом напоминали серебристые соты — сотни идеально шестигранных ячеек. И сотни мордочек выглядывали из шкафа. Мордочки с розовыми глазками на пушистых белых головках. Даже сквозь стекло доносился пронзительный писк.

— Они не могут двигаться, туго заклинены, — сказала Мири. — Задние части наверняка одеты в... — она замолчала, ища, очевидно, в своем локальном КЭШе, — во что-то вроде памперсов. — Для девочки, которая интереса к животным не проявляла, голос ее был слишком печален. — Это на самом деле стандартный способ.

Мири отвела взгляд от рядов пишущих мордочек.

— В каждом таком ящике ячейки для мышей — двадцать на тридцать на десять. За слоем, который мы видим, еще девять. Слышишь этот хруст? Друзья Умника их упаковывают для пересылки.

— Но где?

Вроде бы ни одна из мышинных ячеек не шевелилась.

— Наверное, сзади...

Раздался звук, будто разбился бокал. Из леса кристаллов поплыл цветной туман. Роберту он едва зацепил лицо, но Мири стояла прямо рядом с ящиком, и Роберт отдернул ее назад. Наверху разламывались остатки сосудов с жидкостью, и плыл слабый запах нестираных носков. Роберт отодвинулся, увлекая внучку за собой, наступая на битое стекло.

— Мири, это может быть нервно-паралитический газ.

Мгновение Мири молчала, затем уверенно ответила:

— Они нас пугают. Этот сектор лаборатории не предназначен для простых ядов.

Но Роберт припомнил транспортные картриджи, только что прибывшие сюда.

Нас заманили, чтобы мы остановились здесь.

Мири вышла у него из-за спины и обошла лабораторный шкаф.

— Ха, смотри, а тут-таки есть транспортная платформа!

Когда он подошел, Мири уже поливала платформу аэрозольным клеем. Моторчики взвыли, не в силах оторвать платформу от шкафа. Мири протянула руку, погладила почти невидимые границы геля. Еще секунда — и хрустящие звуки в ящике затихли один за другим.

— Отсюда никто никуда не поедет!

Они постояли, прислушиваясь... знакомый звук подготовки грузов доносился со всех концов подземелья.

— Сколько здесь таких контейнеров с мышами, Мири?

— Было восемьсот семнадцать, когда я кэшировала описание лаборатории. — Она посмотрела на Роберта. — Но друзья Умника никак не могут использовать больше нескольких штук. Тут столько секретности, да еще и масса других проектов...

Звуки подготовки груза сделались громче. Десятки шкафов затевали игру «Останови меня». Мири отступила на шаг и вгляделась в даль. Лаборатория представляла собой город в миниатюре, с прямоугольной сеткой улиц, уходящих в темноту из-под света единственного фонаря.

— У меня есть хорошая карта, но... Роберт, что мы можем сделать?

Роберт посмотрел на ее карту.

— Я здесь проходил с Томми. В некоторые шкафы мы ставили устройства.

— Ага! В какие именно?

Роберт посмотрел на плавающую в воздухе карту. Подземелье было лабиринтом, и заговорщики пришли сюда с другой стороны.

— Я, гм... — В 2010 году Роберт заблудился на парковке возле молла. Прошел час, а он никак не мог найти машину — в конце концов пришлось обратиться к охраннику. Это было первое неопровержимое проявление его умственной деградации. *Но новый я должен вспомнить просто на раз!* — Ближайший за два ряда вон в ту сторону, потом направо.

Они пробежали два пролета вперед, потом один направо. Почти у всех шкафов дверцы были распахнуты, транспортные платформы готовили груз. Мири показала на пневмотрубы, ветвившиеся над шкафами.

— Смотри, отсюда ничего не вывозится. Где следующее место?

И снова они побежали, по догадке Роберта.

Впереди на фоне потолка виднелось что-то большое. Пусковая установка «ДженГена».

Мири резко остановилась и стала трясти банкой с клеем.

— Роберт, который?

Все шкафы вокруг вели себя подозрительно.

— Еще два ряда, потом пять шкафов вниз.

— Но ты вроде говорил... да нет, не важно.

Мири миновала еще два ряда, Роберт за ней.

— Я... я не уверен.

Роберт вглядывался поверх шкафов, стараясь сориентироваться по пусковой установке, форсировать память.

Мири в нерешительности тронула его за руку.

— Все в порядке, Роберт. Иногда бывает, что не можешь вспомнить. А потом все проходит.

— Погоди, — сказал он. — Вот это точно правильно.

Пневмотруба за ближайшим шкафом приняла транспортный картридж. Коробки с мышами грузились на борт.

— Так это значит... — Мири отпустила руку Роберта, огляделась, потом посмотрела на него: — Где мы?

Может, это был не нервно-паралитический газ, а кое-что похуже. *И Мири получила дозу побольше.* Пневмолюк над шкафом закрылся, и картридж с приглушенным стуком унесся прочь.

В канал над шкафом врывался уже другой картридж. Очередная упаковка мышей выкатывалась ему навстречу. Роберт посмотрел на Мири, изо всех сил стараясь улыбаться и на ходу сочиняя ложь:

— Это мы на экскурсии, Мири. А смотри, можешь залезть на крышу этого шкафа?

Она посмотрела мимо него:

— Роберт, я уже не маленькая. Я не залезаю на чужие шкафы.

Роберт улыбнулся, стараясь сохранить улыбку.

— Но, Мири, это же... это же просто игра. И смотри: если мы остановим вон ту белую штуку твоим вот этим... игровым оружием, мы выиграем. Ты же хочешь выиграть?

Теперь она улыбнулась, дерзко и разумно.

— Ну конечно! Что же ты сразу не сказал, что это игра? Так, это похоже на какую-то биологическую лабораторию. Интересно. — Она глянула туда, где на транспортную платформу грузились коробки с мышами. — Так что я должна сделать?

Пока она окажется наверху, она снова все забудет.

— Я тебе скажу, когда будешь вон там. — Он поднял ее под мышки. — Хватайся! Руками за край, я подсажу.

Мири захихикала, но подняла руки, и Роберт подтолкнул ее. Она пролезла в щель под полозьями. Банка находилась в паре дюймов от транспортной платформы.

— И что теперь?

Ага, что теперь? Ты все эти хлопоты себе задал, чтобы что-то сделать, и забыл что. Но только в этот раз он знал, что это очень-очень важно. Он внутренне заметался, впадая в панику:

— Кара, я не знаю...

— Эй, я не Кара! Меня зовут Мири!

Это не моя сестра, это моя внучка!

Роберт отступил от шкафа, стараясь собраться с мыслями.

— Мири, ты просто стреляй из своей банки по всему, что движется.

— О'кей, запросто!

Звук, который был болью, острием ударил ему в голову. Над шкафом мелькнула странная дыра, развалившая бок запускаемого аппарата. *Мири здесь ни при чем!*

Он едва осознал эту мысль, падая на спину.

Первый ящик уже был в корабле! Запускаемый аппарат типа «стелс» вполне мог бы проскочить через кордон США незамеченным. Ящик второй? Камеры Альфреда показали, что его план относительно парочки Гу сработал. Им как-то удалось найти один из важных шкафов Mus, но импровизированная газовая атака подействовала. Эти двое сейчас двигались с бесцельной неуверенностью.

Есть время подготовить второй груз, и он вывезет оба!

Мицури --> Брауну, Вазу: <sm> Электронная разведка морпехов обнаружила в лабораториях разогревающийся баллистический аппарат! Альфред, что это может быть? </sm>

Проклятые морпехи! Аналитики Альфреда не ожидали от американской электронной разведки такой резвости.

Ваз --> Брауну, Мицури: <sm> Просто не повезло. Пусковая установка «ДженГен» выполняет ночную калибровку. </sm>

Это ложь, но у Альфреда уж была готова история. Он выпустил на группы Кейко и Гюнберка вихрь липового анализа, дождь заключений. А потом он свалит этот вихрь на взбунтовавшегося Кролика.

Мицури --> Брауну, Вазу: <sm> Но поверят ли в это американцы? </sm>

Она вызвала несколько окон — свои оценки, как и когда может морская пехота ответить на подготовку запуска.

На третий картридж времени нет. Пусковая установка «ДженГена» заряжена, конденсатор в пределах сорока пяти се-

кунд для запуска. Только бы американцы еще чуть-чуть проводились...

Ваз --> Брауну, Мицури: <sm> Я закончил заметать следы. Иду на randevu. </sm>

Альфред огляделся в последний раз. Все его чек-листы наконец-то стали зелеными. У дальней стены комнаты мирно спит этот мальчик, Ороско. Он ничего не будет помнить об этой ночи, а его личный журнал уже искусно подделан.

Альфред вышел из комнаты и зашагал по коридору. Слишком много локального освещения — такое бывает при массивном отказе системы. Ага! Морпехи наконец-то обнаружили его сеть. И прикончили аэробот-стелс. Но у него оставался контакт с полудюжиной мобилей, рассеянных в кустах к северу. Они сидели тихо, стараясь соблюдать молчание, и по-прежнему поддерживали сеть. Штурмовая сетка американцев прочесывала местность, уничтожая их по одному. Роботы морской пехоты спускались с неба черным снегом, незаметные людям и возникающие в поле зрения его роботов только в последний момент перед уничтожением.

Он поднялся по лестнице на первый этаж. Главный вход впереди.

Пять секунд до запуска ЮПИ/Экспресс! Он представлял себе, какой хаос воцарился у американцев, когда в самый разгар кризиса они потеряли своего главного аналитика. Это был снайперский удар, выполненный в условиях современной войны, и еще три секунды задержки...

Милнетовские контакты вдруг резко потеряли прозрачность, и Альфред лицом ощутил жар. Он бросился к двери. Когда ударила взрывная волна, здание покачнулось, едва сумев без связи с внешним миром сохранить стабильность конфигурации. Альфред остался лежать на полу, наблюдая.

Это был луч высокоэнергетичного инфракрасного лазера, ударившего прямо сквозь крышу в лаборатории «ДженГен» с высоты примерно две тысячи метров. У Альфреда был единственный прямой вид — силуэты деревьев на фоне почти жемчужного сияния, поднимающиеся клубы пара и тумана. Час-

тично туман возник из сожженной растительности. А в основном это был туман подавления повреждений, созданный, чтобы поглощать острие отраженной смерти. Меньше чем за секунду американцы сделали тридцать выстрелов. Вспышки этих взрывов расплескались на километры во все стороны, невидимые невооруженным глазом, но способные этот самый глаз ослепить и обжечь.

В онлайне показался другой выюпойнт. Бывший мишенью склон выглядел, как атолл Мауна-Лоа в миниатюре — река расплавленного камня, стремящаяся по склону вниз. Вспышками света отмечалась идущая работа термальных флешеттов. Гремел гром.

Значит, ответ американцев оказался быстрым и решительным. Выжечь и запечатать зону пусковой установки с минимальным ущербом. *И все мои мечты в прах.*

Снова вернулась прозрачность контактов. Альфред встал и бросился прочь из Пильчнер-Холла.

Впереди клубились в панике люди, сперва оглушенные падением сети, а теперь ослепленные вспышками инфракрасного лазера. *Смешаться с толпой.* И хотя сейчас он был с людьми плечом к плечу, впервые за этот вечер Альфред почувствовал себя по-настоящему одиноким. Люди — кто смотрел вверх, кто страдал временной слепотой, кто плакал. Другие давали разумные советы: прикройся, опусти глаза, не смотри в сторону отражающих поверхностей. В разгар падения сети эти люди были в буквальном смысле ограничены миром устного слова. Но мир расширялся. Все больше и больше людей понимали, что всего лишь в третий или четвертый раз в новейшей истории их страна подверглась военному нападению. Пока что никто не высказал догадки, что это дело рук их собственных военных.

Альфред опустил голову, прикрывая лицо. Эта поза не казалась подозрительной — так защищали глаза сотни людей. Свою связь он сократил до неясных помех, которые передавали лишь несколько битов в секунду и маршрутизировались хаотично через его собственных роботов. Его оперативное

оборудование было плотно экранировано; для зондов морской пехоты оно показалось бы обычной «Эпифанией», пытающейся как-то справиться с внезапным отказом публичной сети.

Все это может выиграть ему еще десять минут. А задолго до того пул аналитиков ДВБ оправится после выхода Элис из строя и пробежится *ретроспективным наблюдением* по местным видеопотокам. Аналитики, одержимые выборкой данных столь малой, бывают чертовски эффективны. Он представил себе их радостную погоню: видите, как роботы противника сгрудились у Пильчнер-Холла? А ну-ка, прокрутим назад, посмотрим, кто там вообще был возле этого здания? Смотри-ка, туда входит дочка Гу, а несколько минут назад вошел кто-то, похожий на индееца. Крутим вперед; никаких действий до минуты назад, когда выбежал все тот же индеец. Проследи-ка его вперед до настоящего момента — слушай, вот же он, изо всех сил прикидывается, будто просто проходил мимо!

В любом случае сегодняшняя индоевропейская операция уже вне всех возможностей отрицания. И это еще полбеды. На несколько секунд Альфред Ваз впал в несвойственное ему отчаяние. *Вот тебе и «годы планирования». Вот тебе и «спас мир».*

Он достаточно слышал, чтобы знать: обвинения Кролика в файле pdf, переданном на паркеровский лэптоп. Альфред никогда не завершит свою исследовательскую программу. Да, Кролик *оказался* Следующей Большой Бедой. Ботва морковки в Мумбае об этом прямо говорила, *но я не хотел видеть очевидного, так надеюсь осуществить свой план...*

И все же... что теперь с этим Кроликом? Вполне возможно, что его *вещественные* доказательства — просто нерасшифровываемый мусор. Предположительно, умы, стоящие за этим образом, свелись к невежеству. *Тогда, быть может — только быть может, — при моем влиянии во внешней разведке, я доживу до того, чтобы попытаться еще раз.*

Альфред снова сдвинулся к краю толпы и осторожно попробовал найти свою сеть. Связь с ней он потерял в лаборатории. Полминуты слышались только мертвенные шелчки, зву-

чавшие у него в ушах и означающие планомерное истребление его маленькой армии.

А, вот. Маршрут по уцелевшим устройствам обратно в Пильчнер-Холл. Всплывали крошечные окошки, и... он обнаружил вьюпойнт, одиночную лабораторную камеру, пережившую налет инфракрасных лазеров и глядящую вниз на ящик с клетками Mus. Камера глючила, целые дорожки пикселей заедало, но рассмотреть было можно.

Сопутствующие разрушения иногда бывают на руку — здесь не могло остаться ничего, что подтвердило бы обвинения Кролика! Атака американцев на пусковую установку перевернула его самый главный ящик, и мыши оттуда валялись рядом. А самое удачное — термические бомбы этих янки залили всю площадь вокруг установки расплавленной лавой. Эта лава заткнула дыру, сделанную атакой, как и было задумано, но на том не остановилась. Пылающий смолистый прилив лился по проходам и кое-где застывал слоем до двух метров. Дальние языки его захлестнули упавший шкаф и закрыли так, что только уголок остался от этой последней партии мышиных клеток.

Обоих Гу не было и следа. Перед лазерной атакой они стояли чуть в стороне от этого разрушения. Будь у него другие вьюпойнты, он мог бы их отследить — но какая разница? Их перепутанная память может, конечно, представлять угрозу, но тут уж ничего не поделаешь.

Внезапно Альфред понял, что улыбается. Как ни странно было это чувство посреди катастрофы, но приятно, что два его наиболее упорных противника — *не считая Кролика, чтоб ему гореть в аду* — скорее всего уцелели.

Сейчас он был ближе к библиотеке. Гражданские спасатели уже работали, но поддержку сети, вероятно, осуществляли морпехи. Группы допроса еще не действовали. И ему удалось найти для трансляции резервный аэробот! И даже получить свежее сообщение, до того, как робота он тоже потерял:

Мицури --> Вазу: <sm> Анализ Гюнберка почти закончен. Дай нам, пожалуйста, прикрытие еще на несколько минут.

Морская пехота пока сосредоточена на лабораториях. У тебя есть чистый проход к твоей группе из Болливуда. </sm>

Она отметила на карте положение съемочной группы, у северного края толпы, в эвкалиптах. Болливудская группа и ее автоматы были отлично подготовлены к сегодняшней операции, хотя люди на месте не знали о своем участии.

Альфред последний раз проверил обстановку, сделал несколько шагов между деревьями... и оказался посреди своей болливудской команды.

— Мистер Рамачандран! У нас вся связь потеряна. — У видеотехника глаза вылезали из орбит. — Все было хорошо, а теперь просто ужас!

Участники группы были экспертами по зрелищному, но не по реальному.

Альфред быстро переключился на личность замученного хлопотами кинорежиссера.

— У вас же есть кэшированные видеоматериалы? Вы передавали домой прежние контексты?

— Да, но...

Они хотели бежать из деревьев, помогать раненым возле библиотеки. Это и к лучшему. Через несколько секунд Ваз снова станет одним из группы. Может быть, аналитики ДВБ до сих пор в состоянии хаоса. Забавно (и приятно), если с таким прикрытием он сможет миновать кордоны морпехов и покинуть Калифорнию. Выходя вместе с киногоруппой на открытое пространство вокруг библиотеки, Ваз сохранил только одну связь со своим милнетом. Избавляться от этой последней улики было уже поздно.

Но поток данных по ней все еще шел. Страшные слова, холодящие кровь — бремя, которое Альфред никогда бы не познал, не останься у него эта связь.

— Пожалуйста, не надо с ней так! Она же еще ребенок.

Лу. Альфред лихорадочно всмотрелся в последний оставшийся вид. А физически — споткнулся.

Видеотехник подхватил его под локоть, удержал.

— Мистер Рамачандран! Что с вами? Вас ослепило при атаке?

Альфреду хватило присутствия духа не стряхнуть его руку.

— Извините. Нет, просто весь этот ужас... надо помочь несчастным.

— Да! Но вы сами должны оставаться в безопасном месте.

Техник провел его туда, где остальные участники группы уже помогали спасателям. Альфреду удалось скрыть, как пристально всматривается он в свой подпольный व्यюпойнт. Повреждения камеры частично самоустранились, залипшие пиксели замигали, и теперь было видно чуть слева от упавшего шкафа...

Им придавило старшего Гу. Боже мой, а вторая-то где?

Я этого не хотел. Не надо было ничего говорить, но тело его не послушалось.

Аноним --> Роберту Гу: <sm> Где девочка? </sm>

— Кто это? — завопил голос у него в ухе, и потом тише и безнадежнее: — Она вот здесь. Без сознания. *И я не могу ее отодвинуть с дороги.*

Аноним --> Роберту Гу: <sm> Мне очень жаль. </sm>

Ничего другого Альфреду в голову не приходило. Смерть этих двоих вряд ли могла бы существенно улучшить его собственные перспективы. Он мрачно отвернулся от व्यюпойнта. *Чтоб меня черт побрал!* Ничего он сегодня не добился, только хороших людей погубил. Но как же их спасти, не рискуя собой?

— Прошу вас, просто вызовите полицию. Не дайте ей сгореть!

Еще несколько дыр в магистрали высокого давления, звук тысяч бьющихся хрупких предметов, тяжелые звуки разрыва пластика, хруст раздавленных костей. Роберт ничего этого почти не слышал. Кости раздавлены — это отвлекало. И даже следующие взрывы и жар он почти не заметил.

Роберт очнулся от интроспекции, но с тем же успехом мог оставаться без сознания, разве что теперь болело куда сильнее. Мири стояла перед ним на четвереньках и редела.

— Деда! Деда! Скажи что-нибудь, пожалуйста, дедушка!

Он дернул рукой, и Мири за нее схватилась.

— Ой, прости, пожалуйста! Я не хотела ничего опрокидывать! Тебе очень больно?

Один из тех вопросов, на которые ответить просто. В левой ноге сидела боль размером со слона.

— Да... — Остальные слова заглушило наплывом боли.

Мири плакала навзрыд — совсем на нее не похоже. Она повернулась и пыталась столкнуть шкаф, прижимавший его к земле.

Роберт сделал глубокий вдох, но результатом было только головокружение.

— Шкаф слишком тяжелый, Мири. Не подходи к нему.

Отчего воздух такой горячий? Ровный свет исчез, что-то вроде открытой печи светилось возле перевернутой аппаратуры, оттуда доносились звуки — что-то с шипением лопалось.

— Кара... *Мири!* Отойди оттуда!

Девочка застыла в нерешительности. Под шкафом лежали обломки контейнера с мышами, который было пошел на погрузку. Теперь он уже никуда не пойдет. Мири сунула руку в битое стекло. Роберт изогнул шею и увидел глядящие на него крошечные глазки — мышка освободилась из вакуумного капкана.

— Ой! — пискнул голос Мири. — Привет, малыш! — Смех пополам со всхлипыванием. — И ты тоже. Все вы свободны.

Перед Робертом мелькали еще мордочки — Мири освобождала других мышей. Мотались крошечные головки. Они вроде бы его не видели, и почти сразу замечали нечто более важное в мышинном миропорядке — свободу. Огибая руки девочки, мыши убегали от жара.

Теперь Роберт видел его источник. Плавающий белый ком сиропа сочился среди валяющихся обломков, шипел и краснел, сползая по стенке опрокинутого шкафа.

Кара испуганно вскрикнула и бросилась к нему:

— Что это?

Шипение и треск. Если оно переливается через барьер, значит, скопилось у дамбы высотой в несколько футов.

— Не знаю, но ты должна отсюда уйти.

— Да! Вперед!

Девочка потащила его за плечи, он помогал ей, отталкиваясь, не обращая внимания на рвущую боль в ноге. Им удалось его подвинуть на четыре-пять дюймов, потом он застрял еще прочнее, чем раньше. Теперь жар отвлекал даже больше, чем раздавленная нога. Мысли прыгали от одного ужаса к другому, но он пытался сохранить здравый рассудок.

Роберт взглянул на плачущую сестру.

— Прости, что заставил тебя плакать, Кара. — Она только зарыдала сильнее. — Теперь тебе надо убежать.

Она не ответила, но перестала плакать. Непонимающе посмотрела на него, отодвинулась от жара пекла. *Иди! Иди!* Но она сказала:

— Что-то мне нехорошо...

И легла рядом, так что ему не дотянуться.

Роберт оглянулся на оплывающий камень. Он сползал со дна шкафа. Еще дюйм-другой — и шлепнется на сестренку. Он протянул руку, схватил здоровенный осколок — керамики, что ли? — и заклинил им пылающий прилив.

Раздались еще взрывы, уже негромкие. Поблизости слышались запахи и звуки, будто что-то жарят. Он попытался вспомнить, как попал сюда. Кто-то же сделал такое с ним и с Карой, и наверняка этот кто-то слушает.

— Пожалуйста! — сказал он в пылающую темноту. — Пожалуйста, не надо с ней так! Она же еще ребенок.

Никакого ответа, только эти ужасные звуки и боль. А потом случилось странное: в воздухе перед ним поплыли буквы.

Аноним --> Роберту Гу: <sm> Где девочка? </sm>

— Кто это? Она вот здесь. Без сознания. *И я не могу ее отодвинуть с дороги.*

Аноним --> Роберту Гу: <sm> Мне очень жаль. </sm>

Он ждал, но больше ничего не увидел.

— Прошу вас, просто вызовите полицию. Не дайте ей стогреть!

Но молчаливого наблюдателя не было. Кара лежала неподвижно. *Неужто она жара не чувствует?*

Все его силы уходили на одно — держать обломок на месте. И вдруг.

— Профессор Гу? Это вы?

Какой-то назойливый студент! Очень многое плыло перед глазами, трудно понять, но кто-то здесь был, наполовину погруженный в расплавленную гущу.

— Это я, сэр, Зульфи Шариф!

Имя было знакомо — какой-то пронирующий наглый студент. Только кожа у него зеленая. Это что-то должно значить?

— Я несколько часов пытаюсь связаться с вами, сэр. Никогда так плохо не было. Я... я боюсь, что меня и в самом деле захватили. Я очень виноват.

Он был почти весь погружен в пылающий расплавленный камень. Призрак.

— Вы ранены! — сказал призрак.

— Полицию вызовите, — ответил Роберт.

— Да, сэр! Но где вы? Ничего, ничего, я вижу! Я тут же пошлю...

Пылающий камень закапал поверх самодельной плотины Роберта, на руку. И он провалился в колодец безумной боли.

33

СВОБОДА НА ОЧЕНЬ ДЛИННОМ ПОВОДКЕ

Новому зданию клиники Крика было едва ли пять лет, но там царил дух прошлого столетия, когда больницы были местом больших надежд, и люди приходили туда за шансом выжить. Какая-то необходимость в таких местах еще оставалась: отделения интенсивной терапии не свернешь в аптечку первой помощи и не доставишь каждому на дом. И конечно, всегда бывали трагические случаи неизлечимых болезней, и какая-то

часть человечества всегда заканчивает жизнь в домах призрения.

Новое здание служило иным целям. Это приходило в голову подполковнику Роберту Гу-младшему каждый день, когда он въезжал на территорию больницы. Каждый день после катастрофы в УСД он останавливался на развязке у клиники, выходил и смотрел вдоль обрывов и берегов в сторону Ла-Джоллы. Клиника располагалась на склоне холма, чуть выше самых фешенебельных курортов в мире. На несколько миль в глубь суши расположились биолобатории, окружающие УСД, — самый, быть может, престижный в мире источник медицинского волшебства. Конечно, они могли с тем же успехом находиться на той стороне земного шара, потому что функционально это было безразлично. Но психологически и по традиции такое сочетание курортной роскоши и магии медицины приманивало самых богатых жителей земли.

Жена, дочь и отец Боба Гу попали сюда не потому, что были богаты. Миновав шикарный — и настоящий — главный вход, здесь можно было найти уединение. В данном случае оно обеспечивалось обычной архитектурой клиники, а также тем, что у Дяди Сэма в некоторых пациентах была своя заинтересованность.

Где можно лучше укрыть таких секретных пациентов от лишних контактов, как не в курортной больнице? Репортеры сновали вокруг под стенами и строили догадки — но не имели оснований возбуждать насчет гражданских свобод. Отличное прикрытие.

Боб задержался перед главным входом.

Ох, Элис! Годами он жил в страхе, что СО до нее доберется. Годами они вели ожесточенные споры о том, каковы пределы долга и чести и что значит Чикаго. Теперь давно воображаемое худшее произошло... и он оказался совершенно не готов.

Каждый день Боб навещал ее. Врачи не горели оптимизмом. Элис Гу застряла под большим числом слоев СО, чем все, с кем им приходилось иметь дело. Так что они могли знать?

Она была в сознании. Она разговаривала с ним — несла полную отчаяния бессвязицу. Он держал ее в объятиях и умолял

вернуться. Потому что в отличие от отца и Мири Элис не была задержана федеральными властями. Она оказалась заключенной внутри собственного разума.

Сегодня у Боба было в больнице Крика официальное дело. Последний из допросов задержанных — точнее, последний из *сеансов извлечения информации* — уже закончился. Отец должен был очнуться в полдень, Мири — на час позже. Боб мог провести с ними некоторое время в виртуальном обществе Евы Мэллори, офицера ДВБ, которая возглавляла группы расследования.

В 12.00 Боб стоял перед весьма старомодного вида деревянной дверью. Теперь он знал, что такие вещи в этой больнице никогда не подделывали. И если он хочет войти, надо повернуть дверную ручку.

Ева --> Бобу: <sm> Это интервью нам более чем интересно, полковник. Но постарайтесь покороче. Держитесь пунктов нашей записки. </sm>

Боб кивнул. И целую минуту не знал, на кого больше злитесь — на отца или на этих недоумков из ДВБ. Для разрядки он потянул на себя дверь без стука и резко вошел в больничную палату.

Роберт Гу-старший ходил по комнате без окон, как посаженный в камеру подросток. Ни за что не скажешь, что недавно у него одна нога была раздавлена, а другая сломана: здешние доктора такие штуки чинить умеют. А прочее — ну, ожоги были скрыты медицинской пижамой.

Старик сердито глянул, когда вошел Боб, но в словах его звучало больше отчаяния, чем злобы:

— Сын, как там Мири?

Ева --> Бобу: <sn> Говорите, полковник. О своей дочери вы ему можете рассказать все. </sm>

— Мири в порядке, па.

Он махнул рукой в сторону плюшевых кресел у стены, но старик продолжал рысать по комнате.

— Слава Богу, слава Богу! Последнее, что я помню — это жар, и лава ползет к ней...

Он посмотрел на свою пижаму, и вдруг она будто очень сильно его отвлекла.

— Пап, ты в Ла-Джолле, в больнице Крика. Мири от огня не пострадала. А у тебя левая рука была почти уничтожена.

Мясо прогорело местами до кости, а внизу левого предплечья руку прожгло *насквозь*.

Роберт-старший тронул болтающийся рукав.

— Да, мне доктора сказали. — Он повернулся и рухнул в кресло. — А больше ничего почти и не говорили. Ты уверен, что Мири здорова? Ты ее видел?

Старик еще никогда так себя не вел. И взгляд у него напряженный. *А может, это выражение моего лица на него так действует.* Боб сел в кресло напротив отца.

— Я ее видел. Потом еще сегодня с ней поговорю. У нее главная проблема — помрачение ума насчет того, что было в лаборатории.

— А! — и тише: — А. — Отец переварил новость и снова засуетился: — Сколько времени я был в отключке? Боб, я тебе столько должен рассказать... может, тебе стоит сюда позвать кое-кого из твоих приятелей, из правоохранителей.

Ева --> Бобу: <sm> Так он не помнит, как из него вынимали информацию? Не думала, что мы так хорошо сработали. </sm>

— Нет нужды, па. Могут возникнуть какие-то уточняющие вопросы по отдельным пунктам, но мы все эти мерзкие мелкие тайны вычерпали до дна. Ты несколько дней был под допросом.

Глаза отца слегка расширились. Какое-то время он сидел неподвижно, потом кивнул:

— А, все эти жуткие сны... То есть ты тогда знаешь... знаешь и про мои проблемы?

— Да.

Роберт отвернулся.

— Негодяи здесь какие-то странные, Боб. Этот Таинственный Незнакомец — тот, что захватил Зульфи Шарифа, — он все время занимался мною. Никогда еще никто мной так не умел манипулировать. Ты можешь представить себе кого-то,

кто все время находится у тебя за плечом и говорит, что тебе делать?

Ева --> Бобу: <sm> Лучшее всего было бы не таскаться за этим Кроликом. </sm>

Боб кивнул. Кролик — это имя выскочило от индоевропейцев — вполне мог оказаться чем-то новым под солнцем. Он, Кролик, сумел обдурить БАС. К индийцам, европейцам и японцам было много вопросов, но проделки Кролика могли бы не обнаружиться, если бы они не начали против него атаку отзыва сертификатов. Только как этот Кролик проделывал свои фокусы? И что он еще умеет делать?

Вопросы были жгучие, но не такие, чтобы обсуждать их с вероломным отцом.

— Мы тут подчищаем хвосты, па. А пока что у тебя есть результаты и последствия, с которыми еще надо разобраться.

— Да. Последствия. — Правая рука Роберта нервно играла на гладкой обивке стула. — Тюрьма?

Ева --> Бобу: <sm> Ни в коем случае. Нам он нужен на свободе. </sm>

— Срока не будет, па. Официально считается, что ты и твои приятели участвовали в демонстрации в кампусе, которая выплеснулась из берегов. Менее официально — слух, который мы распространяем, — что вы помогли сорвать акцию террористов в лаборатории.

Эту работу отлично проделают всегда полезные «Друзья приватности».

Роберт покачал головой:

— Помешать Злодеям — это было, в частности, на уме у Мири.

— Было. — Он посмотрел на отца с каменным лицом. — Я в ту ночь был дежурным офицером.

Ева --> Бобу: <sm> Осторожнее, полковник. </sm>

Но предупреждение было излишним. Планировщики допроса согласились, что частично Роберт должен узнать факты. Вопрос только в том, как сообщить это отцу, чтобы не было как кулаком в рыло.

— Здесь? В Сан-Диего?

Боб кивнул:

— По всем юго-западным континентальным штатам, но действия шли здесь. А моим главным аналитиком была Элис. — Он остановился, пытаясь сдержать гнев. — Ты вообще догадывался, что это она не дала мне вышибить тебя из дому сапогом под зад?

— Я... — Он пригладил рукой непослушные волосы. — Она всегда была такой... отстраненной...

— Ты знаешь, па, что такое залипание СО?

Быстрый кивок.

— Да. Карлос Ривера залипает иногда в китайском. Он как? — Старик поднял глаза, и тут его лицо сделалось смертельно бледным. — *Элис?*

— Элис свалилась как раз в разгар вашей авантюры. И у нас есть свидетельства, что...

Ева --> Бобу: <sm> Пожалуйста, без подробностей. </sm>

Боб чуть споткнулся и договорил:

— Она все еще не выбралась.

— Боб... я ничего дурного не хотел, я просто был в отчаянии... но может, может быть, это я ее подставил.

Он глянул в глаза Бобу — и тут же отвел взгляд в сторону.

— Па, мы знаем. Выяснили на твоих допросах. Да, ты ее действительно подставил.

ДВБ обследовало дом Гу и его личные журналы, как и вообще все в УСД. Были даже фотографии того робота, которого отец установил в ванной внизу. *Но мы до сих пор не знаем точно, что он делал.* Индия, Япония и Европа валили все на Кролика, а от самого Кролика остались только слухи да отрывочные следы.

Ева --> Бобу: <sm> Ладно, с этим мы разберемся. Сетевая атака против биологически подготовленной жертвы — слишком интересная технология, чтобы оставить ее без внимания. </sm>

Отец сидел, низко опустив голову.

— Боб, прости меня. Прости.

Боб резко встал. Ему не без труда удалось сохранить спокойный и ровный голос.

— Тебя сегодня к вечеру выпишут. Пока ты получишь кое-какую одежду, чтобы узнать, что делается в мире. Какое-то время поживешь еще с нами в Фоллбруке. Чтобы ты нагнал... до того уровня, когда прервался. Я скажу Мири про Элис...

— Боб, это не получится. Мири никогда не простит...

— Вполне возможно. Но она узнает сокращенную версию. В конце концов, твое участие в акции против Элис было не сознательным. И спрятано оно за таким барьером секретности, который даже Мири Гу вряд ли преодолеет. И я... настоятельно предлагаю... чтобы ты с ней об этом не говорил.

Подполковник Роберт Гу-младший выполнил задачу, которая перед ним была поставлена, и мог уходить. Он встал, направился к двери. Но что-то заставило его остановиться и оглянуться.

Роберт Гу-старший сидел и смотрел глазами, исполненными муки. Бобу случалось видеть такое выражение — на других лицах. За годы бывали случаи, когда кто-нибудь из молодых в его команде полностью проваливал работу. Молодые ребята — они склонны отчаиваться. Им случается творить вещи страшные, идиотские, эгоистичные — с катастрофическими последствиями.

Но это же мой старик!

Никакое отчаяние, никакая неопытность не могут его оправдать.

И все же... Боб смотрел видеоматериал группы Центра Контроля над Заболеваниями, снятый, когда ребята шли по указаниям Шарифа вниз, в лаборатории. Он видел своего отца и свою дочь на полу, совсем рядом с кратером, оставшимся от пусковой установки. Он видел, как Роберт держит вытянутую руку, и эта рука сдерживает поток расплавленной лавы в дюймах от лица Мири. И вопреки чудовишным последствиям поступка отца, еще кое-что необходимо было сказать.

— Отец, спасибо, что спас ее.

«Нагнать до того уровня, когда прервался», — сказал Боб. В Фэрмонте это было почти выполнимо. Хуан и Роберт уже написали выпускные экзаменационные работы, а потом был пе-

рерыв от Рождества до Нового года. Теперь работа школы возобновилась. Для большинства учеников настало самое страшное время семестра: демонстрация групповых проектов в Родительский Вечер. Проблемы жизни, смерти и ужасающей вины, посвященные беспокойству, как бы не выставить себя дураком перед горсточкой детишек и их родителей.

Забавно, что Хуан Ороско продолжал с ним разговаривать. Мальчик не знал точно, что произошло в УСД. Его память выпотрошили еще более систематически, чем память Мири. Сейчас он складывал картину из обрывков в новостях, очень стараясь отделить правду от лжи «Друзей приватности».

— Ничего не помню с той минуты, как мы с Мири попали в кампус. А ту одежду, что тогда на мне была, полиция до сих пор не отдает. Я даже не могу посмотреть последние несколько минут в своем дневнике!

Мальчишка вскинул руки с таким же отчаянием, какое Роберт у него видел в день первой встречи.

Роберт похлопал его по плечу:

— Журнал Мири тоже у них.

— *Знаю!* Я ее спрашивал. — В глазах мальчишки выступили слезы. — Она тоже не помнит. Мы уже начинали дружить, Роберт. Мы не пошли бы за тобой вместе, если бы она не могла мне доверять.

— Понятно.

— Ну а сейчас она ко мне относится, как когда мы первый раз встретились. Она думает, я тогда струсил, и потому ей одной пришлось тебя искать. А я *не помню!*

Лена --> Хуану, Сю: <sm> Дай ей время, Хуан. Мири сильно ошеломлена тем, что произошло, особенно с ее матерью. И она винит в этом себя, а может, и всех нас. Я точно знаю, что ты бы не струсил. </sm>

Лена --> Сю: <sm> А вот зачем он ищет сочувствия у этого старого мерзавца — мне не понять. </sm>

Хуан на секунду отвернулся от Роберта, постепенно, похоже, беря себя в руки.

Роберт неуклюже потрепал мальчишку по плечу. Утешать ближних — это явно не входило в его прежнее резюме.

— Она оклемается, Хуан. Там, под землей, она не обзывала тебя трусом. И очень о тебе беспокоилась. Ты ей только дай время. — Он поискал взглядом, чем бы отвлечь Хуана. — Но ведь не стоит гробить работу, которую мы делали весь семестр? Есть же еще ребята в Бостоне и на Юге. Надо как-то догнать с подготовкой нашей презентации.

Лена --> Сю: <sm> Ты этому хмырю веришь? Он просто хочет у пацана выдурить для себя помощь. </sm>

Попытка поднять настроение вышла у Роберта довольно жалкой, но Хуан поднял глаза и изобразил почти правдоподобную улыбку.

— Ага. Ладно, займемся важными вещами!

Боб и Мири не поехали в Фэрмонт на демонстрации классов профессионального обучения. По крайней мере физически их не было видно — а Роберт не сомневался, что Хуан искал как следует.

— Мири в клинике Крика, Хуан. Ее мать сегодня оттуда выписывают.

И Боб явно был не менее счастлив оттого, что у Роберта в этот вечер оказались другие дела.

Мальчишка просиял:

— Может, она сюда заглянет?

На самом деле для Фэрмонта это было действительно важно, но не по серьезным причинам. Популярная пресса нагородила кучу спекуляций вокруг событий в УСД, и ложь «Друзей приватности» громоздилась вокруг этих спекуляций теориями нескончаемых заговоров. Слухи вились вокруг всех и вся, как-то связанных с этой ночью. Роберт черпал из общедоступных источников: сперва чтобы узнать, что с ним случилось тогда, в подвалах УСД, а потом — чтобы посмотреть, что об этом думают люди. Почти во всех теориях фигурировали Роберт и его товарищи-заговорщики, и часто, как предсказал Боб, в качестве живописных героев. Про Тимоти Юнха Роберт никогда не слышал, но некоторые журналисты утверждали, что все события этой ночи — на демонстрации и под землей — были срежессированы Юнхом и Робертом.

Роберт отлично наострился блокировать почту от папарацци, но дурная слава его ширилась: его рейтинги за пять дней ушли на полжизни назад. Он много времени проводил в Фэрмонте, где школьные правила запрещали наиболее назойливые визуальные образы.

И сегодня, во время демонстраций, этот запрет действовал. Трибуны были забиты посетителями с билетами — родственники учеников, их гости, в том числе виртуальные. Большинство гостей Робертом Гу не интересовались, но если заглянуть в сетевую статистику, то были и те, кто наблюдал невидимо. И их было много.

Программа профориентации не являлась жемчужиной в короне Фэрмонта. Мало кто из детей мог освоить последние самые передовые программы (а отстающие — тем более); с другой стороны, Чамлиг утверждала, что родители предпочитают именно демонстрацию профтехклассов, в основном потому, что это они понимают как-то лучше.

Группы состояли из двоих-троих учеников, но им позволялось использовать решения, взятые где угодно. Вечер демонстраций начинался после заката, и потому устранить наложения с реальностью было относительно просто. Чамлиг не стала бы давать такой костыль обычным своим ученикам. Демонстрации, как правило, продолжались два дня — и начинались только через неделю после того, как ученики профтехклассов делают что смогут. Гуманный перерыв — позволяющий профтехам целую неделю греться в лучах своих достижений.

Сегодня публика расположилась на западной стороне футбольного поля, оставив восточную свободной для самых грандиозных образов.

Роберт сидел с Хуаном Ороско возле самого поля, с другими выступающими. Порядок казни — пардон, выступлений — был известен всем. Личные выюпойнты висели значками над полем, показывая, сколько осталось времени данной презентации и кто будет следующим. Демократия в выборе порядка выступлений полностью отсутствовала. У Луизы Чамлиг и других учителей были по этому поводу собственные соображения, и командовали они. Роберт про себя

улыбался — в этом стариковская мудрость его не покинула. Даже не зная деталей каждого проекта, он понимал, у кого проект сильный, а у кого нет. И догадывался, кто больше всех боится выступать на публике... Чамлиг тоже это знала. И порядок устанавливала со смыслом, чтобы не напрягать никого выше предела прочности.

Любопытно, что такой порядок в результате дал отличный спектакль.

Начали близнецы Рэднеры. Этим двоим восточной стороны кампуса оказалось мало. У них был какой-то навороченный подвесной мост — похожий на знаменитый железнодорожный мост через реку Форт в Шотландии, только куда больше — стальные опоры опускались по обе стороны трибун, а потом поднимались выше и выше к северо-востоку, исчезая вместе с уходящим дневным светом. Прошла секунда — и та же конструкция появилась на юго-западе — шедевр архитектуры девятнадцатого века описал виртуальный оборот вокруг Земли. Гвоздем программы стали проходящие с ревом по небу огромные поезда на паровой тяге. Трибуны сотрясались от мощи локомотивов.

— Ха! — сказал Хуан, толкнув Роберта локтем. — Вот это ново. Наверное, им пришлось кое-что выяснить насчет протоколов поддержания того строения.

Если Рэднеры раньше не были мишенью слухов по поводу беспорядков в библиотеке, то теперь стали. Роберт подумал, что близнецы только обрадуются.

В основном в презентациях участвовали художественные, видимые предметы, но некоторые ученики создавали приборы. Дорис Шлей и Махмуд Квон соорудили наземный экипаж, умеющий ходить по ступеням трибун. Они пересвалили его через верхний ряд — раздался звук взрыва, и машина приземлилась, ничего не сломав. Хуан встал с места — посмотреть собственными глазами. Крикнув что-то приветственное Шлей и Квону, он сел на место.

— Ух ты, наземный парашют! Но спорить могу, им миз Чамлиг больше «В» не поставит. — И он очень похоже передразнил

голос Луизы Чамлиг: — «То, что вы сделали — это же почти готовое существующее промышленное устройство».

Хуан продолжал улыбаться — они с Робертом знали, что «В» — намного лучше, чем получают авторы всех живых картинок.

Были даже детки, пытавшиеся сотворить нечто совсем современное вроде проскотов друзей Мири, про которые она рассказывала. Были и две демонстрации новых материалов — невероятно эластичная лента и какой-то водяной фильтр. Лента не производила особого впечатления, пока вдруг все не сообразили, что это не визуальный фокус. Демонстрацию вели двое ребят, которых Роберт вроде бы не знал. Они встали в двадцати футах друг от друга, раскачивая между собой большую куклу. Манекен висел на пряди их волшебной резинки. И эта прядь была не просто крепким композитом. Каким-то образом ребятам удавалось изменять физические характеристики, нажимая на концы разными способами. Иногда лента вела себя как гигантская пружина, щелчком возвращая куклу на центральную линию, а в другие моменты она растягивалась, словно ириска, и кукла летала по широкой дуге. Эта презентация получила самую большую поддержку зрителей.

А демонстрация водяного фильтра представляла собой просто увеличенное изображение садового шланга, подающего в фильтр воду. У себя над головой две ученицы повесили огромный график, показывающий, как их программируемый цеолит умеет реагировать на указанные пользователем примеси. Никаких звуковых эффектов, графика примитивная и с медленным движением. Роберт глянул в небо, потом опять на девочек.

— А вот это «А»?

Хуан качнулся на локтях:

— Ага. Вот такие штуки Чамлиг любит. — И добавил с присущей ему честностью: — Лизу и Сэнди не очень интересовало, как отшлифовывать графику, зато я слышал, они нашли на этот фильтр *покупателя*. И спорить могу, из всех выпускников профтехкласса только они на своей презентации заработали реальные деньги.

* * *

— Детка, мы следующие, — сказал Роберт.

Единственным признаком, что Хуан его понял, был застывший взгляд на часы, видимые им двоим.

Сю --> Хуану: <sm> Отлично справляешься, Хуан. </sm>

Хуан --> Сю: <sm> Мири смотрит? </sm>

Роберт с Хуаном остались последними — единственный момент расписания, который избежал контроля Чамлиг. И не потому что пара Хуан—Роберт была такой уж умной, а как следствие факта, что их презентация завязана на внешние группы, у которых свои проблемы с расписанием.

Хуан еще чуть-чуть помедлил, потом выбежал на поле, взмахами рук строя фантомный помост параллельно трибунам. Исполнители вступали на помост с обеих сторон. Изображение было согласованно, без невозможных наложений. Реальные люди с реальными музыкальными инструментами. Хуан добавил усиление, обращаясь к публике.

— Привет, привет, привет! — выкрикнул он с энтузиазмом зазывалы, и, как показалось Роберту, паникуя до безумия.

Роберт мог бы справиться с ролью конференсье, можно было записать представление, а Хуан говорил бы под фонограмму — но это тоже способ потерять баллы у Чамлиг. И потому Хуан выступал вживую, говоря дрожащим голосом, с паузами, но вымученно бодро.

— Леди и джентльмены! Встречайте «Оркестр Двух Америк», созданный сегодня специально для вас из оркестра и хора школы «Чарльз-Ривер» вживую по чипнету из Бостона, и... — он взмахнул рукой налево, — Гимнасиа Класико де Магаланес, тоже вживую по чипнету из Пунта-Аренас, Чили!

Обе стороны помоста уже были заполнены, двести учеников в школьной форме — красной у северян и зеленой в клеточку у южан, — которым тоже надо было соответствовать требованиям о «дальней координации действий». Вместе они составили два оркестра и два хора, отстоящие друг от друга за семь тысяч миль, и соединяла их только сеть чипнет. Уговорить их на эту авантюру само по себе было чудом. Успех для посторон-

них наблюдателей выглядел бы буднично, а провал — вполне вероятен. *Хотя на репетициях все было путем.*

— А теперь, — Хуан жестом подчеркнул еще большую важность своих слов, — а теперь, леди и джентльмены, «Оркестр Двух Америк» исполнит собственную адаптацию Гимна ЕС Бетховена! Слова Ороско и Гу, сетевая синхронизация — Гу и Ороско!

Он отвесил напыщенный поклон, отбежал к боковой линии и сел рядом с Робертом. Пот струился по его побледневшему лицу.

— Отлично выступил, мальчик, — сказал Роберт.

Хуан только кивнул. Его трясло.

Сводный оркестр заиграл. Теперь все было в руках этих ребят и алгоритма устранения дрожи, составленного Робертом. От юных музыкантов Бостона донеслось звучание виолончелей и контрабасов, подхваченное таким же звучанием с другой стороны света. Темп был быстрее, чем в обычном гимне ЕС. И каждая нота выходила с сотнями скачков случайно меняющихся условий сети, с задержками до нескольких сотен миллисекунд.

Та же проблема синхронизации, из-за которой хор Уинни в библиотеке казался таким неприятным шумом.

Послышались стихи Хуана — хор с севера исполнял английский вариант, с юга — испанский. Сотрудничающие ученики создали гибкую систему собственного интерфейса, и она несколько помогала. Ну и музыканты с певцами оказались неожиданно хороши. Но все равно исполнению требовалось волшебство адаптивных задержек, которое схемы Роберта вкладывали в передачу. (Ну и, наверное, более сильное волшебство, называющееся «Бетховен».)

Роберт слушал. Его вклад нельзя было назвать совершенным. На самом деле сейчас было хуже, чем на репетициях. Слишком много оказалось зрителей, и притом слишком *внезапно*. Он заранее боялся, что это может случиться. Роберт посмотрел на график дисперсии, выведенный на свой личный вид. Там отмечалось присутствие нескольких миллионов неожиданно появившихся наблюдателей, так быстро расхватывающих

ресурс, что его бедная прогностическая программа запуталась — и изменила природу зрелища.

И все же синхронизация держалась. Гибрид не распадался на части.

Осталось десять секунд. Музыка дошла до слегка дрожащего крещендо, и тут каким-то чудом на последние две секунды все сошлось. Стихи Хуана закончились, тема затихла.

Сводный хор-оркестр оглядывал публику. Музыканты улыбались, чуть смущенно, быть может, — но они это сделали!

И аплодисменты, полные дикого энтузиазма.

Бедняга Хуан казался полностью опустошенным. К счастью, ему не надо было выходить на поле что-нибудь организовать. Исполнители кланялись и расходились на север и на юг с помоста — по своим уголкам земного шара. Хуан, несколько болезненно улыбаясь, помахал местной публике, и только Роберт услышал его голос:

— Ну и плевать мне, сколько нам поставят! Мы это сделали, и сделали до конца!

34

БРИТАНСКИЙ МУЗЕЙ И БРИТАНСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Школьники бросились с трибун, и едва ли их задержала мысль, что Чамлиг и К° потом просмотрят записи и увидят, кто вел себя недопустимо буйно. Хуан и Роберт помедлили, застряв с другими выступавшими и обмениваясь поздравлениями. Оценки за презентации будут только часов через двадцать, так что у всех еще оставалось время переживать свои ошибки. Но Луиза Чамлиг выглядела весьма жизнерадостно, поздравляя каждого ученика — и парируя все вопросы о том, скажется ли тот или иной недостаток на окончательной оценке.

Ни Мири, ни Боб по-прежнему никак не проявлялись. Вниманию Роберта было занято школьниками, Чамлиг и Хуаном Ороско — Хуан же метался между невероятным облегчением и убежденностью в провале.

И потому это случилось без всякого предупреждения: Роберт оказался лицом к лицу — почти нос к носу — с Уинни Блаунтом. За спиной бывшего декана стояли рука в руке Томми Паркер и Сю Сянь. Вот уж неожиданное следствие авантюры — эта пара! Коротышка улыбался от уха до уха и показывал Роберту большой палец.

Но сейчас все внимание Роберта занимал Блаунт. После той ночи в УСД Роберт мало виделся с Уинни или Томми. Эти двое, да и Карлос тоже, провели какое-то время в клинике Крика. Насколько мог судить Роберт, как и в его случае, были заключены какие-то соглашения. И теперь они оказались на свободе. Официальная версия звучала именно так, как говорил Боб: действия заговорщиков — манифестация протеста, вышедшая из берегов, но лабораторное оборудование они никоим образом ломать не собирались и весьма об этом сожалеют. Неофициальная версия героической жертвы объясняла, почему университет и биологические лаборатории рады были оставить это дело как есть. Если «Кабала стариков» станет держать коллективный язык за зубами, то последствий не будет.

Но вот сейчас на лице Уинни блуждала странная улыбка. Он кивнул Хуану и протянул руку Роберту:

— Хотя я ушел из Фэрмонта, у меня здесь еще остались родственники. Дорис Шлей — моя правнучатая племянница.

— О! Она прекрасно выступила, Уинстон.

— Спасибо, спасибо. А вы... — Уинни замялся. В прошлые годы похвалы, сыплющиеся на Роберта Гу со всех концов света, били по нему, как дубиной. — Вы написали потрясающую вещь, Роберт. Эти стихи. Я представить себе не мог такую штуку, на музыку Бетховена по-английски и по-испански. Это было... искусство. — Он пожал плечами, будто ожидая саркастического шелчка по носу.

— Это не моя работа, Уинстон. — *Может, и получился щелчок по носу, но я этого не хотел.* — Стихи написал Хуан. Мы ра-

ботали вместе целый семестр, но стихи я предоставил ему, только критику наводил в конце. Если честно (а эта Чамлиг — смерть всякой лжи), это работа Хуана.

— Вот как? — Уинни качнулся назад, и тут будто впервые заметил Хуана. И протянул ему руку. — Отлично, сынок. — Он недоверчиво покосился на Роберта. — А знаете, Роберт, это по-своему так же хорошо, как то, что когда-то писали вы.

Роберт ненадолго задумался, послушав стихи Хуана тем же воображением, каким слушал когда-то свои. *Нет, я писал лучше.* Куда лучше. Но не настолько лучше, чтобы это было как в другом мире. Если бы прежний Роберт видел эти стихи... да, прежний Роберт терпеть не мог второсортности. Зацепившись за любой предлог, он бы постарался, чтобы искусство Хуана умерло при рождении.

— Вы правы. Хуан создал отличную вещь. — Он замялся. — Не знаю, что... что сделали годы, Уинстон.

Хуан переводил взгляд с одного на другого. На его лице разгоралось сияние гордости, хотя он вроде бы догадывался, какие слова остались не сказанными между Уинни и Робертом.

Уинни кивнул:

— Да, многое переменялось. — Толпа редела, но в результате дети бегали вокруг еще быстрее. Они сталкивались и еще громче кричали и смеялись. — Но если вы не писали стихи, в чем же был ваш вклад, Роберт?

— А! Синхронизация временных задержек.

Насколько это было возможно.

— Правда?

Уинни старался быть вежливым, но после собственного опыта участия в коллективных трудах это на него не произвело особого впечатления. Ну да, немножко все-таки рваный был звук.

Сю --> Лене: <sm> Лена, Бога ради, скажи ему что-нибудь! </sm>

Лена --> Сю: <sm> Отстань! </sm>

Сю --> Лене: <sm> Ладно, я за тебя скажу. </sm>

Высказав еще несколько любезностей, Уинни двинулся к семье Шлей, Томми и Сю Сянь за ним. Но Роберт увидел оставшийся после Сянь след золотистого текста:

Сю --> Роберту: <sm> Это было потрясающе, Роберт. </sm>
Хуан не видел беззвучного сообщения Сянь.

— Декан Блаунт не понял ваш вклад в проект?

— Нет. Но то, что он понял, ему понравилось. Не важно. Мы с тобой оба выступили лучше, чем считали для себя возможным.

— Это да.

Хуан пошел обратно вдоль трибун, Роберт за ним. Пусть здесь не было Боба и Мири, но родители Хуана были. Приветствия, поздравления, хотя Ороско-старшие не очень понимали, как вести себя с Робертом Гу.

Еще какое-то время родственники и друзья толпились на футбольном поле. И более всего родители были поражены собственными детьми. Они любили этих маленьких нескладех, но знали пределы их возможностей. Чамлиг как-то их преобразила — не в суперменов, но в умных ребят, которые умеют делать такое, чего никогда не умели их родители. Это вызывало гордость — и некоторую неловкость.

Мири все еще нигде не было видно. Бедняга Хуан! *И надеюсь, Элис добралась домой без приключений.* С одной рукой Роберту трудно было проверить это на ходу.

Он вжался в гущу толпы — люди клубились возле Луизы Чамлиг. Вид у нее был усталый и счастливый, и в основном она только отвечала, что все это не ее заслуга.

— Я только показываю своим ученикам, как использовать то, что есть у них, и то, что есть в мире.

Он протолкнулся, сумел взять ее за руку.

— Спасибо.

Чамлиг посмотрела на него и криво улыбнулась. Придержала его руку.

— А, вы! Самый странный из моих детей. Почти обратная проблема к обычной.

— То есть?

— Всех остальных мне надо было заставить понять самих себя, понять, кто они. А с вами... вам надо было оставить свою прежнюю личность. — В улыбке вдруг мелькнула грусть. — Мне

очень жаль того, что вы потеряли, Роберт, но будьте довольны тем, кем вы стали.

Она знала, все время знала!

Тут внимание Чамлиг отвлекли, и она принялась весело уверять всех, что остаток учебного года будет еще интереснее.

Роберт оставил Хуана и других, когда обсуждение перешло к тому, на что похожи нормальные демоны. Дети не хотели верить, что их можно превзойти. Сегодня — не хотели.

Роберт заметил две знакомые фигуры, направляющиеся к круговой развязке.

— Я думал, вы с Уинстоном, — сказал он.

— Мы были с ним, — ответил Томми, — но вернулись. Хотели поздравить тебя с этим фокусом синхронизации музыки.

Сю Сянь кивнула. Из них двоих носила только она. Поздравительный логотип исходил от нее. Бедный Томми по-прежнему таскал с собой лэптоп, хотя все, что осталось внутри, уж точно принадлежало тайной полиции.

— Спасибо. Я этим горжусь, хотя слово «фокус» — весьма точное. На самом деле никому не нужна синхронизация вручную исполняемой музыки через тысячи миль чипнета. И в основном я просто воспользовался рутинной предсказуемостью плюс знание исполняемой музыки.

— Плюс еще временной анализ отдельных исполнителей. Да?

— Да.

— Плюс введенные тобой противовибрационные механизмы, — добавила Сянь.

Роберт ответил не сразу.

— А знаете, это было очень интересно.

Томми засмеялся.

— Тебе нужно немножко сбить самолюбие, Роберт. Твою накладку заметили. Когда я был молодой, ты мог за такую штуку получить патент. А сегодня...

Сю потрепала Томми по плечу.

— Сегодня это будет приличная оценка в профтехклассах средней школы. Нам с тобой много еще надо выучить, Томми.

Томми буркнул:

— Она говорит, что я должен научиться носить. — Он глянул на свою моложавую спутницу. — Мне и во сне не снилось, что С. Сянь будет спасать мне жизнь. Но именно это она и сделала, устроив так, что нас всех арестовали!

Лена --> Сю: <sm> Паркер боится пробовать новое, даже когда хвастает насчет будущего. </sm>

Несколько шагов они шли в молчании. От Сянь снова поплыли золотистые слова — она все лучше и лучше овладевала техникой смингования.

Сю --> Роберту: <sm> <вдох/> Томми стар, и все эти лекарства ему не слишком помогли. Он боится пробовать новое. </sm>

Роберт скрыл изумленный взгляд, который бросил на женщину. С каких пор эта тетка заделалась доморощенным психиатром?.. Но насчет Томми она права.

Томми явно весь этот сминг не заметил, но по его лицу расплзлась знакомая хитрая ухмылка.

— Что такое? — спросил наконец Роберт.

— Просто думаю. Наша операция в УСД была самой масштабной и самой опасной из всех, в которых я участвовал. Но знаешь, оно очень похоже на эти современные... как их там зовут? — да, аффилиации. Мы внесли свой вклад и получили — в некотором смысле, — чего хотели.

Роберт вспомнил обещания Незнакомца.

— Это как?

— Прикрыли проект «Либрареом» Гуэртаса.

— Но все книги библиотеки пошли в расход.

Томми пожал плечами:

— Видение Библиотеки Воинствующей мне даже немножко нравится. Но дело в том, что мы Гуэртасу временно помогли.

— И это победа?

Теперь они шли вдоль круговой развязки, а за ними строился исполненный надежд автомобиль.

— Ага. Прогресс остановить нельзя, но Гуэртаса мы притормозили достаточно надолго, чтобы нам на выручку пришли другие события. — Он посмотрел на Роберта. — Ты не слыхал?

Таскаешь на себе такую навороченную аппаратуру, а за новостями не следишь.

Ответа Томми не ждал.

— Понимаешь, Гуэртас не зря так зверски спешил. Как выяснилось, китайцы сжевали Британский музей с библиотечкой быстрее, чем мы вообще думали. И у китайцев — годы опыта в полунеразрушающей оцифровке. То есть положительно шадящая техника по сравнению со shreddерами Гуэртаса. Из-за них предприятие в Сан-Диего приобрело дурацкий вид, и эти китайцы даже сняли гаптические данные с не книжных экспонатов. Опередили всех на целый круг, в том числе архивы Гугля. Ну, как бы то ни было, а мы тормознули Гуэртаса на несколько дней, и теперь ему ни о каком приоритете не заявить. Получилось достаточно, чтобы китайцы успели заморозить пирог.

Томми полез в карман пиджака и вытащил трехдюймовый квадратик пластика.

— Вот. Это тебе от меня подарок, обошелся мне в девятнадцать долларов девяносто девять центов.

Роберт взял пластик в руку. Похоже на те дискеты, которыми он пользовался для своей персоналки на исходе века. Роберт дал запрос, и в воздухе поплыли надписи: «Карта данных. Емкость 128 Пбайт. Занято 97%». Это было явно еще не все, но Роберт просто посмотрел на Томми.

— А что, до сих пор пользуются вот такими съемными носителями?

— Только пролетарии-старперы-параноики вроде меня. Ломает таскать с собой, но все же у меня в лэптопе есть считыватель.

Конечно.

— Данные все в онлайн, вместе с перекрестным анализом, за который с тебя китайцы еще сдерут дополнительно. Но если даже у тебя нет считывателя, все равно будет интересно подержать в потных ручонках.

— Ага. — Роберт глянул на корневой каталог. Будто стоишь на самой высокой горе. — Так это?..

— Британский музей и библиотека, оцифрованные и помещенные в базу данных Инфомагической коалицией Китая. Дан-

ные гаптики и экспонатов в низком разрешении, чтобы все влезло на одну карту. Зато раздел библиотеки в двадцать раз больше, чем засосал Макс Гуэртас здесь в УСД. Если не считать того, чего никогда в библиотеках не было, то здесь практически вся культура человечества до 2000 года. Весь досовременный мир.

Роберт взвесил карту на ладони.

— Вроде оказывается не слишком много.

— Точно сказано! — засмеялся Томми.

Роберт протянул было карточку обратно, но Томми отмахнулся:

— Я же сказал, это подарок. Повесь на стенку как напоминание: это — все, что мы собой представляли. А если хочешь в самом деле ее увидеть, посмотри в сети. Китайцы ее отлично вывесили. И несколько серверов у них по-настоящему умных.

Томми отступил назад и махнул машине, тащившейся следом. Задняя дверца открылась, и Томми жестом пропустил Сю вперед. На какое-то мгновение он стал похож на старую жердь в обществе симпатичной малышки. Образ из прошлого, не имеющий никакого отношения к истине.

— Значит, Гуэртаса из этого бизнеса уничтожения книг выкинули, а китайцы обещают, что следующие этапы будут еще более щадящими, чем в библиотеке Британского музея. Представь себе мягкие розовые ручонки роботов, терпеливо перебирающие все библиотеки и музеи мира. Они станут проверять тщательно, сканируя аннотации — и давая целым новым поколениям университетских крыс вроде Зульфи Шарифа темы для новых диссертаций. — Он махнул Роберту рукой: — Хей-хо!

Домой в «Конец радуг» Сю Сянь добралась почти к полуночи. Лена еще не ложилась. Она сидела в кухне, готовила какую-то еду. Из-за остеопороза она так наклонялась вперед, что лицо было всего в дюймах от стола. Это производило странное впечатление, но кресло и расположение мебели в кухне давали ей достаточно свободы маневра.

Сю робко вошла, чувствуя себя очень неловко.

— Прости, Лена, что я от тебя отрезалась...

Лена быстро развернулась и посмотрела на нее в упор. Ее лицо перекосило улыбкой:

— Да ладно, срунда. Вам, молодым, нужно уединение.

Она махнула Сю рукой, приглашая сесть и поесть чего-нибудь.

— Ну, Томми на самом деле не так уж молод... — Сю почувствовала, что вот-вот покраснеет. — Не в физическом смысле. В том, что он хочет угнаться за прогрессом, но не может усвоить все, что существенно.

Лена пожала плечами:

— У Томми ум лучше, чем у многих. — Она схватила с тарелки сэндвич и откусила хороший кусок.

— Ты думаешь, к нему вернется прежняя острота?

— Может быть. Наука не стоит на месте. И если даже она не поможет в случае Паркера, мы его можем подтолкнуть в нужную сторону. Тут серьезная проблема в том, что жизнь была для него в молодости слишком легка. И он слишком раздражителен, чтобы браться за что-нибудь, для него по-настоящему трудное. — Она ткнула рукой в сторону Сю: — Ешь давай.

Сю кивнула и потянулась за сэндвичем. Эта тема всплывала не впервые. Если честно, именно такие обсуждения и оживили некоего доктора наук по имени С. Сянь. Но, быть может, она лучше Томми ориентировалась в этой жизни. Ее главная проблема в ближайшем будущем — избежать «предложения работы» от правительства.

Сю впилась зубами в сэндвич. Арахисовое масло с вареньем. Но, в общем, неплохо.

— У тебя был шанс проделать то, что ты задумала, когда вокруг столько народа, сегодня?

— В смысле, сыграть в психиатра? Да, я просмотрела журнал твоей «Эпифании», запостила несколько анонимных консультаций. Совет, который мы дали Карлосу Ривере, был хорош. У него еще остались текущие проблемы, но это жизнь. А Хуан — мы сделали что могли. По крайней мере на данный момент.

Сю улыбнулась с набитым ртом. Она не сразу поняла когда-то, насколько Лена гениальна. В конце концов, психиатрия — специальность довольно расплывчатая. Сама Лена говорила, что Мири любит видеть бабушку в виде лесной волшебницы. Она говорила, что знает это, хотя девочка никогда ничего не говорила вслух. Теперь Сю поняла, что Лена действительно такая, как ее изображает Мири — по крайней мере в переносном смысле. *Я никогда не понимала людей, но Лена смотрит моими глазами и шепчет мне в ухо, и я начинаю понимать.*

Впрочем, еще оставались загадки.

— Я не понимаю, почему твоя внучка отталкивает Хуана. Конечно, они оба не помнят, что на самом деле случилось в Пильчнер-Холле, но мы знаем, что они вот-вот подружились бы. Если бы нам только добыть журналы Мири...

Журналы все еще удерживало правительство.

Лена начала издалека:

— Ты знаешь, что Элис выписали из больницы?

— Да. Я слышала от тебя сам факт, без подробностей.

— Подробностей не будет. «Элис сильно болела, сейчас ей лучше». На самом деле я давно знала, что Элис играет в кости на собственную душу. На сей раз она чуть не проиграла, и это как-то связано с блестящим провалом моего бывшего в УСД. Я думаю, Элис поправится, и это поможет Хуану вернуть расположение Мири. — Лена выпрямилась в кресле — точнее, дала креслу наклониться по-другому: сама по себе Лена не могла бы выпрямиться по-настоящему. — Мы уже об этом говорили. Мири бывает упряма как осел. Это она унаследовала от того паразита, через поколение — Бобу не досталось. И сейчас ее упрямство защелкнулось на глубокое чувство вины: подсознательно Мири понимает, что это они с Хуаном вмешались и довели Элис до такого ужасного состояния.

— Как-то не слишком по-научному звучит, Лена.

— Я избавила тебя от технических подробностей.

Сю кивнула:

— Ты дала результаты. В Фэрмонте теперь многие считают, что я гений в области межличностных отношений. Это я-то!

Лена протянула руку через стол — на несколько дюймов, насколько позволяли искривленные кости. Сю эту руку нежно приняла.

— А хорошая мы команда, правда? — спросила Лена.

— Да.

Не только потому, что Лена умеет обращаться с людьми. Не только потому, что они спасли Томми и его друзей. А еще те темные первые дни в Фэрмонте, когда Сю точно знала, что никогда не вернется — и Лена тоже не была радужно-беспечна. Вместе они выбрались на свет из темноты. Сю смотрела на старую даму — на десять лет моложе нее. *Вместе мы с Леной — нечто замечательное. А порознь?..*

— Лена, я когда-нибудь научусь видеть людей насквозь, как ты?

Лена пожала плечами и едва заметно улыбнулась:

— Ну, не знаю.

Сю склонила голову набок, вспоминая мелкие инциденты за последние месяцы. Лена Гу почти никогда не врала в открытую. Она будто понимала, что это снизит к ней доверие. Но умела обмануть даже в ответ на прямой вопрос.

— Ты знаешь, Лена, когда ты говоришь «ну, не знаю», — и пожимаешь плечами, то на самом деле думаешь: «ни за миллион лет».

Лена широко раскрыла глаза и стиснула пальцы Сю.

— Хм, смотри ты, попала. Может, в этом случае получится быстрее, чем за миллион лет.

— Это хорошо. Потому что я тебе вот что хочу сказать, Лена... я думаю, Роберт уже не тот сукин сын, которого ты знала. Он изменился всерьез.

Лена отодвинула руку.

— Беру свои слова обратно. В твоем случае и миллиона лет недостаточно.

Сю потянулась к ней, но рука Лены уже лежала на коленях. Ладно, не важно. Все равно есть вещи, которые надо сказать.

— Вначале Роберт был груб, но посмотри, как он помог Хуану. У меня есть теория. — Она сыпала цитатами из «Нейчур», это была не ее теория. — У Роберта было... это эквива-

лент масштабной травмы, то, что восстанавливает мировоззрение личности.

— Ты слишком много читаешь научпопа, Сю. Оставь это нам, профессионалам.

— Как будто его полностью переменили. У него сохранились воспоминания, но физически он просто молодой человек. И у него есть второй шанс — шанс начать сначала. Неужто ты не видишь, Лена?

При этих словах Лена вздрогнула и сгорбилась еще сильнее. Она долго молчала, глядя на свое искривленное тело, тихо покачивая головой. Наконец она встретилась взглядом с Сю, и что-то похожее на слезу блеснуло в ее глазах.

— Тебе, моя девочка, еще многому придется учиться. — С этими словами Лена отъехала от стола; ее кресло очень ловко приподнялось и повернуло. — Боюсь, на сегодня я уже все. — И она покатила в спальню.

Сю занялась посудой. Обычно Лена настаивала, чтобы работу на кухне оставляли за ней.

— Это то, что я могу сама сделать руками, — говорила она иногда.

А сегодня не сказала. *И разбирайся я в людях получше*, подумала Сю, *я, может быть, поняла бы почему*.

35

НЕДОСТАЮЩАЯ БУКВА

Зульфикар Шариф не числился более в аспирантуре университета штата Орегон. Роберту выдали очень старомодное сообщение об ошибке: «Такого аспиранта в УШО нет». В списке против фамилии Шарифа торчала отметка «выбыл». Это несколько пугало, и Роберт взялся за розыски. По всему миру нашлось около тысячи соответствий при поиске «З* Шариф». Ни

одно из доступных не указывало на нужного человека, остальные с той или иной степенью умения скрывали свои данные.

Но Зульфи Шариф, которого искал Роберт, оставался в технике тем же тупицей, и через час-другой Роберт выследил его в университете Калькутты.

Шариф был сильно подавлен:

— Профессор Блэндингз меня отчислила.

— Из аспирантуры УШО? В мое время у нас, преподавателей, таких возможностей не было.

— Профессор Блэндингз воспользовалась помощью ваших властей. Несколько недель мне пришлось объясняться с весьма настойчивыми агентами правительственных ведомств США. Они не могли поверить, что я ни в чем не виноват, а мою личность неоднократно похищали.

— Хм-м... — Роберт отвернулся от Шарифа, оглядел окружающий их город. День был жаркий и душный. Чуть поодаль от их столика уже клубился народ, улыбалась и смеялась молодежь. В небе висели профили башен из слоновой кости. Калькутта в современном индийском представлении. На миг Роберту захотелось открыть второй, беззвучный канал и посмотреть, что тут реальное, а что подделка. *Нет, тебе сейчас надо понять, что реально, а что подделка в Шарифе.* — Полагаю, лучшее доказательство, что копы сочли вас невиновным — это то, что вам позволили вернуться в Индию.

— Разумеется, хотя иногда я думаю, не рыба ли я на очень-очень длинной леске. — Он вяло улыбнулся. — Я действительно хотел написать о вас диссертацию, профессор Гу. В самом начале это была академическая охота — вы казались мне трофеем, который я хотел поднести Анни Блэндингз. Но чем больше мы с вами общались, тем больше я...

— И сколько в этой личности было от вас, Шариф? А сколько других?

— Мне тоже это интересно! Кроме меня, было как минимум двое. Сэр, это оказалось весьма неприятное ощущение, особенно вначале. Я вел с вами разговор, задавая вопросы, которые, как я знал, произведут на профессора Блэндингз хоро-

шее впечатление, и вдруг меня просто отодвигали, как постороннего!

— Но при этом вы продолжали слышать и видеть?

— Да, часто бывало и так! Настолько часто, что я думал, меня эти другие используют, чтобы я задавал нужные вопросы, а потом они исказили бы их ради своих целей. В конце — и большая ошибка, что я сознался в этом вашей полиции, — в конце я начал ценить эти странные вмешательства. Мои любезные похитители задавали вопросы, до которых я бы никогда не додумался. Я болтался посреди вашего заговора насчет «Либра-реома», и в итоге уже выглядел как идеальный провокатор со стороны.

— Но если бы вы не были там в ночь беспорядков, моя Мири погибла бы. Что вы видели, Зульфи?

— Что видел? Ну, в тот вечер меня заперли самым тщательным образом. Другие владельцы моей личности имели свою повестку дня, не включавшую никаких литературных дискуссий. Однако я продолжал попытки пробиться. Полиция заявляет, что у меня бы никогда это не получилось без помощи террористов. Как бы там ни было, но на несколько секунд я увидел, как вы там лежите на полу. Вы просили меня помочь, и лава ползла вам на руку... — Его передернуло. — Честно говоря, ничего больше я не видел.

Роберт вспомнил разговор. Один из самых острых камней в неразберихе.

Они с Шарифом, разделенные восемью тысячами миль, сидели несколько секунд молча. Потом индеец с любопытством склонил голову набок:

— Теперь я решительно оставил свои опасные литературные изыскания. И все же не могу удержаться от вопроса: вот вы — в начале своей новой жизни, профессор. Можем мы ожидать чего-нибудь нового под солнцем? Впервые в человеческой истории — новой «Тайны возраста»?

Ага!

— Вы правы, есть место и для нового. Но знаете, некоторые тайны неподвластны выражению даже тех, кто их постиг.

— Но только не вам, сэр!

Роберт обнаружил, что улыбается в ответ. Шариф заслужил правды.

— Я мог бы что-нибудь написать, но это не будут стихи. Новую жизнь я получил, но лечение от Альцгеймера... разрушило мой дар.

— О нет! Я слышал о таких случаях, но честно, даже и не думал, что с вами такое произошло. Единственным положительным следствием всей этой авантюры, я все-таки еще надеялся, станет хоть одна дополнительная строфа «Тайн». Простите ради бога.

— Нет-нет, не извиняйтесь. Я был... не очень приятным человеком.

Шариф на миг опустил глаза и снова посмотрел на Роберта.

— Да, мне говорили. В те дни, когда я не мог к вам пробиться, я интервьюировал ваших бывших коллег в Стэнфорде, даже Уинстона Блаунта, когда он не строил заговоры.

— Но...

— Не важно, сэр. В конце концов я понял, что вы утратили прежнюю садистскую жилку.

— Тогда вы не могли не предположить остальное!

— Вы так думаете? Вы считаете, что ваш талант и ваша злобность шли неразделимым пакетом? — Шариф подался вперед, приблизился — такого не случалось ни в одном из прежних интервью. — Я сомневаюсь. Но исследовать этот вопрос было бы любопытно. Кстати, я давно интересовался, только стеснялся спросить — что именно в вас переменялось? Вы стали приличным человеком после лечения от слабоумия? Или это перемена, как у Диккенса в «Рождественской песни», когда новый опыт делает человека добрее? — Он качнулся назад. — Я мог бы сделать из этого такую блестящую диссертацию!

Его глаза вопросительно смотрели на Роберта.

— Не получится.

— Да-да, — кивнул Шариф. — Такая возможность... я даже забыл о том, что решил твердо и окончательно. Первое — больше никаких действий, способных вызвать недовольство спецслужб. — Он оглянулся, будто на невидимых наблюдателей. —

Слышите меня? Я чист, чист душой, телом и даже моей свежeproжаренной одеждой! — Он снова обернулся к Роберту: — На самом деле я даже сменил академическую специальность.

— Да?

— Да. Понадобится несколько семестров дополнительного обучения, но оно того стоит. Видите ли, университет Калькутты организует новый факультет с новыми преподавателями, энергичными и молодыми. Нам еще предстоит пройти долгий путь, учитывая конкуренцию с университетами Мумбая — но здесь есть люди, которые дают средства, и они хотят видеть новых людей — таких, как я. — Озадаченный взгляд Роберта Шариф встретил полной энтузиазма улыбкой. — Это будет новый институт — Болливудские изыскания! Сочетание кино и литературы. Я стану изучать влияние литературы двадцатого века на современное индийское искусство. И как бы я ни жалел об упущенных возможностях, профессор Гу, я счастлив уйти на новую специальность, которая мне не сулит очередных неприятностей с властями!

В перерыве между семестрами Роберт был по-настоящему занят. Он придумал прием синхронизации, который вывел его на уровень гуру — пусть даже на нижний уровень. Его заметила небольшая компания «Comms-R-Us». В некотором смысле — обычная фирма. Достаточно старая (существовала уже пять лет), три сотрудника с полной занятостью. Пусть она была не так шустра, как некоторые, но уже сумела внести несколько новшеств в существующие коммуникации. «Comms-R-Us» заплатила Роберту за консультации сроком в три недели. И хотя было ясно, что эти «консультации» в основном нужны фирме, чтобы решить, стоит ли вообще Роберт Гу хлопот, Роберт ухватился за шанс.

Впервые с тех пор, как у него съехала крыша, он создавал нечто, ценимое другими.

А в остальном жизнь шла не так гладко. Хуан Ороско уехал — родители увезли его на каникулы в Пуэбла, в гости к прадеду по матери. Хуан время от времени появлялся, но Мири с ним не разговаривала.

— Я пытаюсь не обращать внимания, Роберт. Может, если я перестану ее теребить, Мири позволит мне начать сначала.

Впрочем, у Роберта сложилось впечатление, что мальчишка ночевал бы у них на ступенях, если бы родители его не увезли.

— Я с ней поговорю, Хуан. Обещаю.

Хуан нерешительно на него посмотрел:

— Только пусть она не думает, что это я вас попросил!

— Не подумает. Я аккуратно выберу время.

У Роберта были десятки лет опыта, как выбрать время для удара. Это, конечно же, просто. Мири выдурила для своего проекта оценку «Незакончено». А значит, когда она наконец-то его исполнит, к концу следующего семестра, то сделает это по более высоким стандартам. Пока же она моталась по дому, в основном ухаживая за матерью. Элис Гу стала призрак себя прежней. Сталь последних четырех месяцев их знакомства из нее ушла, и эффект был... чарующий. Чаше всего по вечерам Элис и Мири уходили в кухню, задавая работу современной утвари. Невестка держалась отстраненно, но ее улыбка уже не была бессмысленным рефлексом, как часто казалось прежде.

Потом Боб куда-то уехал, а Мири казалась занятой как никогда. Каждый день она приносила Роберту новые сведения о лечении ожогов и реабилитации конечностей. Очень скоро он должен будет этим воспользоваться, чтобы заставить ее внести ясность относительно Хуана... и себя.

Может быть, как раз сегодня подходящий случай. Вскоре после ужина Элис ушла в кабинет на первом этаже. Сегодня никаких «настольных игр» Мири не будет. Это забавно — чуть ли не самое приятное после той страшной ночи в УСД, — но сегодня Роберт, кажется, увидел наконец решение кое-каких задач для «Comms-R-Us», и, работая над ними, позабыл о времени. Когда он вышел подышать, какие-то результаты уже были, может, даже заказчику показать не стыдно. Отличный выдался вечер!

Внизу стукнула дверь. Глаза Роберта были все еще в работе, но уши слышали, как топает Мири вверх по лестнице. Она пробежала по коридору и скрылась у себя в спальне.

Через несколько минут она вышла. Раздался стук в дверь:

— Роберт, привет! Могу я тебе показать, что нашла сегодня?

— Конечно!

Она влетела в комнату и схватила стул.

— Я нашла еще три проекта, которые могут тебе помочь с рукой.

На самом деле состояние левой руки Роберта Гу с медицинской точки зрения лучше всего характеризовалось словом «отсутствие». До середины предплечья рука сгорела полностью. Возле плеча в двух местах на кости остались только полоски мяса. «Протез» Роберта скорее напоминал старомодную гипсовую повязку. Но что интересно — медики не стали рассматривать вариант вообще оттяпать эту хрень и приспособить какое-нибудь современное чудо. Рид Вебер — помощник врача, который теперь всплыл, когда докторам медицинских наук понадобилось кого-то выставить впереди себя, — объяснил ситуацию, хотя такое объяснение докторам могло бы и не понравиться:

— Вы, Роберт, стали жертвой новой отрасли — «перспективной медицины». Понимаете, у нас есть процессоры с управлением моторами всех пяти пальцев и с долговечностью почти как у настоящей руки. Но они малость тяжеловаты, а сенсорную систему хорошей никак не назовешь. С другой стороны, просматриваются явные тенденции в технике регенерации нервов и костей. И хотя никто точно не знает, как это будет — и будет ли вообще, — есть шанс, что года через полтора научатся выращивать нормальные руки из того, что у вас осталось. И доктора боятся, что, если ампутировать ваш обрубок под протез, последующее решение выйдет намного дороже. Поэтому вам пока что выдали решение, которое не впечатлило бы даже вашего дедушку.

Роберт кивал и не жаловался. Каждый день он воспринимал этот мертвый груз на плече как епитимью, напоминание о том, как из-за его глупости едва не погибли люди.

Мири все это в упор не желала видеть. «Перспективную медицину» она отвергала с порога как явный идиотизм. А верила она в собственные медицинские решения.

— Значит, так, Роберт, есть три группы. Одна полностью вырастила обезьянью лапу, другая занимается протезированием конечности целиком, но это несерьезная контора, а третья кое-чего достигла в нейрокодировании. И я не сомневаюсь, что твои друзья из «Comms-R-Us» тебя легко вставят в программу испытаний в качестве морской свинки. Как тебе?

Роберт потрогал пластиковый панцирь на остатках руки.

— Знаешь, я думаю, что подписываться на обезьянью лапу слишком рискованно.

— Да нет, *тебе* обезьянью лапку не приделают. Обезьянья лапка — это... — Она явно полезла в Гугль. — Роберт! Я тебе не про эти старые сказки, я тебе действительно хочу помочь. И более чем когда-либо. Я у тебя в долгу:

Да, сегодня точно подходящий момент выяснить все и до конца.

— Ты мне ничего не должна.

— Слушай, я сама не помню, но Боб мне рассказал, что он видел. Ты поставил руку на пути расплавленного камня. И держал там. — Ее лицо исказилось от воображаемой боли. — Ты меня спас, Роберт.

— Это да, детка, спас. Но проблему создал я. Это я играл со злом.

Или с чем-то очень странным.

— Ты был в отчаянии. Я знала. Только не представляла, насколько далеко все пойдет. Так что эту неразбериху устроили мы оба.

Самое время встать на колени и просить прощения, но сначала надо было сказать, почему его невозможно простить. А сказать это очень нелегко.

— Мири, ты напортачила, пытаюсь исправить. А я... это я подставил твою маму так, что она едва не погибла.

Так. Высказал.

Мири сидела тихо-тихо. А потом опустила глаза и сказала, тоже очень тихо:

— Я знаю.

Они оба замерли.

— Тебе сказал Боб?

— Нет, Элис. — Мири подняла глаза. — И еще сказала, что никак не сообразит, как то, что ты сделал, могло ее подкосить. Все в порядке, Роберт.

Она вдруг заплакала. Роберт и впрямь опустился на колени. Внучка обхватила его за шею, уже ревя навзрыд и вся дрожа. Она колотила его кулаками по спине.

— Мири, прости меня. Я...

Мири завывала еще громче, но перестала его колотить. Рыдания перешли во всхлипывания и понемногу затихли, и Мири по-прежнему прижималась к деду.

— Я только недавно выяснила... Элис... Элис снова на *Обучении*.

Ох ты!

— Она же еще не выздоровела!

Мири снова начала всхлипывать.

— А что говорит твой отец?

— Боб сегодня вне досягаемости.

— Вне досягаемости? В нашем-то веке?

Мири оттолкнулась от него и стала вытирать лицо рукавом, а потом схватила стоящую рядом коробку салфеток.

— По-настоящему вне досягаемости. Он где-то там, и снова заставляет предметы и местность светиться в темноте. — Она энергично вытерла лицо, и голос ее уже почти не дрожал. — О'кей, может быть, не буквально. Так он говорит, когда должен делать такое, чего ему на самом деле делать не хочется. Но я слежу за слухами, и слежу за Бобом и Элис. И по наблюдению этих объектов умею строить отличные догадки. Иногда Боб исчезает со связи, а я потом читаю, что в какой-нибудь стране случилось что-то поразительное или что-то ужасное. Иногда Элис уходит на Обучение, и я знаю, что кому-то нужна помощь, иначе может случиться что-нибудь очень плохое. Сейчас как раз Боб в отъезде, и *одновременно* Элис снова вернулась на Обучение. — Мири на мгновение закрыла лицо руками, а затем вновь принялась вытирать глаза. — Я п-полагаю, что сейчас самые популярные слухи верны. Что-то страшное случилось во время беспорядков у библиотеки, хуже, чем просто захват «ДженГена». И все сверхдержавы перепугались. Они д-думают,

что кто-то сумел расколоть их системы защиты. Эл-Элис сегодня это признала. Это для нее было *оправдание!*

Роберт снова сел, но на краешек стула. Его великое признание упало в пропасть.

— Тебе надо поговорить с Бобом, когда он вернется.

— Поговорю. И он будет с ней спорить. Ты сам такое слышал. И все равно не сможет ей помешать.

— На сей раз, может быть, он станет действовать через ее голову или заставит врачей его поддержать.

Мири задумалась, и ее будто слегка отпустило.

— Да. На этот раз действительно все по-другому. Роберт, я рада, что могу с тобой говорить.

— В любой момент, деточка.

Она замолчала.

Наконец Роберт спросил:

— Ты там строишь заговоры или в Гугле лазаешь?

Мири покачала головой:

— Ни то, ни другое. Я хотела... позвонить кое-кому... но там не отвечают.

Ага!

— Мири, Хуан сейчас в Пуэбла в гостях у своей прабабушки. Может, он не все время одет.

— Хуан? Я ему не буду звонить. Он не слишком умен, а когда в Пильчнер-Холле стало трудно, от него не было никакого проку.

— Ты не можешь этого знать!

— Я знаю, что в туннелях была одна.

— Мири, я общался с Хуаном почти каждый день с тех пор, как пошел в Фэрмонт. Он бы тебя не бросил. Подумай о том времени, которое ты *помнишь*. Вы вдвоем не могли не сговариваться — причем хорошо сговариваться, — чтобы за мной следить. Держу пари, он играл честно. Он мог бы быть твоим добрым другом, еще одним человеком, с которым можно говорить.

Наконец-то Мири опустила голову.

— Знаешь, не могу я с ним обо всем этом говорить. Я бы и с тобой не смогла, если бы ты не знал.

— Это правда. Есть вещи, которых ты ему сказать не можешь. Но... но мне кажется, он заслуживает лучшего отношения.

Мири подняла взгляд, но промолчала.

— Помнишь, я тебе говорил, что ты напоминаешь мне твою двоюродную бабушку, Кару?

Мири кивнула.

— Тебе было приятно это услышать. Но, думаю, ты знаешь, как я с ней обращался. Как вот в нашем с тобой случае с Эзрой Паундом, и снова, и снова, и так годами. Мне не представилась возможность это искупить — она умерла, когда была немногим старше, чем сейчас Элис.

У Мири в глазах стояли слезы, но она крепко держала салфетки на коленях.

— И вот таким я был всю жизнь, Мири. Я женился на чудесной женщине, которая меня любила. Лена терпела еще больше, чем я вываливал на Кару, и дольше на много лет. И даже когда я ее прогнал, ты знаешь, как она мне помогала в «Конце радуг». А теперь она тоже умерла. — Роберт опустил глаза, и на миг исчезли все другие мысли, кроме мыслей об утраченных возможностях. *О чем это я? А, да.* — Так что... я думаю, ты в долгу у Хуана. Конечно, ты на него не так много вывалила, как я в свое время. Зато у тебя есть шанс все исправить.

Он посмотрел на Мири. Девочка сидела, ссутулившись, и терзала салфетку.

— Мири, ты просто об этом подумай, о'кей? Что-то меня слишком далеко занесло.

И тут она спросила:

— Ты когда-нибудь нарушал торжественное обещание, Роберт?

Это еще откуда?

Но не успел он что-то сказать, как Мири добавила:

— Так вот, я только что это сделала! — С этими словами она подхватила коробку салфеток и выбежала.

— Мири!

Но когда он добежал до холла, Мири уже скрылась у себя в комнате.

На секунду Роберт опешил. Можно подойти и постучать в дверь. Или лучше послать сминг.

Он шагнул к своей комнате, повернулся — и увидел на столе золотистый свет, прямо рядом с местом, где сидела Мири. Это был указатель, с некоторой ограниченной способностью работать с сообщениями. Но у него уже было и такое, и больше для Мири. Роберт открыл золотистый указатель и заглянул внутрь.

Он предназначался для Лены Ллевелин Гу.

Роберт просидел возле указателя почти полчаса. Рассматривал его. Рассматривал документацию. Это было именно то, что он думал. *Лена жива.*

Физического адреса не было, но простенькое сообщение он ей написать мог. У него на это ушло почти два часа. Меньше чем на двести слов. Самых важных слов, написанных Робертом Гу за всю его жизнь.

В ту ночь Роберт не уснул.

Пришло утро, за ним день.

Ответа не было.

Эпилог

Прошло шесть недель.

Роберт теперь чаще смотрел новости: он узнал, что слово может ранить. Они с Мири сравнивали впечатление от увиденного. Рейды на окраинах мира закончились своим чередом. Слухи содержали ту малость, которая была рассекречена. Слухи — и реальные известия — говорили о скандалах в разведках ЕС, Индии и Японии. Все великие державы сильно нервничали насчет возникающих идиотских теорий.

На домашнем фронте — Боб вернулся! Роберт и Мири поняли это так, что некоторые теоретические катастрофы стали куда менее вероятны, зато другие оставались до ужаса правдоподобными. Естественно, Боб на стенку полез, услышав про Элис. Обстановка в доме сделалась крайне напряженной. И Роберт, и Мири ощущали эти сокрушающие сердце битвы взглядов и молчаний. У Мири были годы опыта сопоставления мелочей, и она высказала догадку, что Боб действительно обратился к врачам где-то высоко в командной иерархии. Ничего не помогало — Элис осталась на Обучении.

Где-то посреди всего этого вернулся из Пуэблы Хуан. Мири особо о нем ничего сказать не могла, но они уже разговаривали. Мальчик стал улыбаться чаще.

От Лены... ничего. Она была жива. Сообщения не отвергались, ее указатель оставался доступным. Как будто говоришь с

бездонной пустотой. И Роберт продолжал говорить, каждый день по письму — и гадал, что еще можно сделать.

Сю Сянь из «Конца радуг» уехала.

— Лена меня попросила уехать, — сказала ему Сю. — Может быть, я слишком на нее давила.

Зато теперь я знаю, где она живет! Я могу поехать туда. Могу заставить ее увидеть, насколько я изменился.

А может быть, это докажет, что он изменился лишь во всех тех смыслах, которые не имеют значения.

И потому Роберт не поехал в «Конец радуг», не стал подглядывать через общедоступные камеры. Только продолжал ей писать. И когда бывал на улице, часто думал, что помимо круглосуточного неусыпного наблюдения властей есть еще один наблюдатель, и этот наблюдатель когда-нибудь его простит.

А тем временем он набросился на школьную учебу — столько всего надо было узнать! Остальные часы он проводил в «Comms-R-Us». Его работа там нравилась.

Прошло два месяца после Великого Бунта в Библиотеке, и Роберт вернулся в УСД. С Уинстоном и Карлосом он не виделся — странно, если подумать. Несколько дней заговорщики были спаяны в единое целое, а сейчас не разговаривали. Самым простым объяснением мог служить взаимный стыд. Их использовали, и они, преследуя свои цели, чуть не вызвали гибель многих и многих людей. Это все так, но у Роберта имелось и другое объяснение, куда более жуткое и не менее неприятное: «Кабала» была вроде детской шайки, и единодушные вместе с близостью испарились, когда внимание детишек отвлеклось в сторону. Иногда отчаяние того осеннего семестра казалось ему столь же далеким, как прежняя жизнь в двадцатом веке. Столько существовало такого, что надо было выучить, сделать, чем надо было стать, и все это очень мало имело отношения к тому, что его пожирало раньше.

В конце концов работа в «Comms-R-Us» привела его снова в кампус. Дрожь и запаздывание были серьезными проблемами в видеопотоках, еще более серьезными — в голосовых, а для осязательных интерфейсов — уже не проблемы, а полный гроб. Гаптические роботы становились все лучше и лучше — но

оказывались совершенно бесполезными при работе в сетях. Теперь компания «Comms-R-Us» хотела, чтобы Роберт применил к гаптке свои безумные схемы синхронизации.

После «Либрареома» и бунта администрация УСД вылила на библиотеку золотой дождь. В некотором смысле здешние ощущения осязательных устройств были лучше, чем в коммерческих парках вроде «Пирамид-Хилла». Вопрос в том, как такие вещи передавать по сети? Роберт много чего про это прочел, изучал конструкции осязательных роботов, но пока проблема решена не будет, замены личному опыту тоже нет.

Он взял машину до УСД.

Два месяца. Не слишком долгое время. Серверные сараи на северной стороне Варшавски-Холла слились. На месте факультета разработки ПО возникло футбольное поле. Роберт видел, что это не разрушение, связанное с Библиотечным Бунтом и приземлением морской пехоты — нормальные перемены в современном учреждении.

Он пошел по тропе, ведущей через эвкалиптовую рощу. Как всегда, при выходе из деревьев невооруженному глазу открывалось внезапное зрелище на милях плоской равнины и горы. И здесь, на фоне того же пейзажа, осталась та же Библиотека Гайзела.

Это университетское здание было куда как старше других — из двадцати процентов, восстановленных после землетрясения Каньона Роз. Но полученные тогда повреждения казались ерундой по сравнению с теми, что получило упавшее здание во время бунта, когда спонсоры заговорщиков в буквальном смысле выбили у него почву из-под ног. Любой другой дом после такой травмы снесли бы или же — если б он имел историческую ценность — восстановили. Но с Библиотекой Гайзела не случилось ни того, ни другого.

Роберт обошел здание с северной стороны, двигаясь к грузовочной площадке. У него было семь видов Библиотеки сразу после бунта: перекошенные провисшие полы, подпорки, наспех поставленные пожарными, когда сгорели сервомоторы, терраса, усыпанная обломками бетона двадцатого века.

Этих признаков разрушения уже не было. Нависшие этажи снова выровнялись.

Университет выполнил не просто реставрацию. С запада здание казалось почти не изменившимся, но над погрузочной площадкой имелось заметное искривление, а с восточной стороны изящные колонны *завивались*. Там, где двигались эти колонны, где «шагала» библиотека, теперь установили новые колонны. А внизу были трава и гладкий бетон, и мощеная тропа струилась змеей знаний. Наверху шелковый плющ вился по выступам бетона. Там, где плющ кончался, играли внесенные в материал здания ленты цветных камешков, словно грани напряжения в подсвеченном кристалле. Еще выше шли прямоугольники этажей — каждый следующий чуть повернут над предыдущим.

Из спецификаций конструкции было видно, что некоторые колонны состоят из углеродных волокон, погруженных в легкий композит. И все же здание библиотеки было таким же реальным и прочным, каким казалось невооруженному глазу, и было настоящим, чем любое другое здание в кампусе. Библиотека продолжала жить.

Роберт поднялся по лестнице, оглядываясь на каждом этаже. Зону Гачека он узнал. Там все еще находились Библиотекари Воинствующие. *А я думал, что их кружок отсюда вышибли?* В других местах присутствовало сумасшествие другого рода — скуч-э-маутское. Мифы о скучи были для Роберта эклектичной чушью, которую он никогда толком не понимал. Как они подходят к метафоре библиотеки, тоже непостижимо, но скучисты «победили» в бунте и завоевали здание.

В некоторых местах *оба* кружка верований работали параллельно, и можно было выбрать какой хочешь, или не выбирать ни одного.

Роберт сосредоточился на виде руководства и натуральном варианте. В конце концов, он пришел изучать поддержку осязательных ощущений. Гаптические роботы находились повсюду — не так много, как в «Пирамид-Хилле», но университет впихнул почти столько же параллельных вариаций в несколько

этажей одного здания. На эти устройства УСД потратил чертову уйму денег. Виднелись несколько свободно передвигающихся моделей, но в основном закрепленные. Эти были быстрыми. Настолько быстрыми, что пока Воин Библиотеки тянулся к зрительному образу книги, робот менял положение, регулировал свою поверхность и подставлялся под руку ищущего.

Роберт несколько минут постоял, глядя на эти действия. Вид невооруженным глазом был совершенно не похож на его прежний опыт. Когда студентка — именно студенткой она и была под маской Воина Библиотеки — вертела в руках книгу, гаптика переключалась соответственно, не теряя контакта и не отставая хоть сколько-нибудь существенно от зрительного образа, который поддерживала. Студентка положила книгу на стол — и гаптика немедленно переключилась на другую задачу: поддержку какого-то клиента-скучиста в еще более непонятном маневрировании.

Роберт заметил, что девушка смотрит на него.

— Ох, простите! Раньше я такого не видел.

— Очень театрально, да? — спросила она, широко улыбаясь.

— Ну да, театрально.

Где-то на высоком уровне протокола все это включало в себя книги и содержание книг. А на физическом уровне еще более... завораживало.

Роберт шел дальше, мыслями далеко отсюда, пытаясь себе представить, как причудливый танец гаптики можно реплицировать роботами, находящимися в удаленных точках сети. Если на обеих сторонах будут участвовать люди, трудности станут адскими. Но если сделать сервис асимметричным, может быть...

— Эй, профессор Гу! Я здесь!

Роберт оглянулся. Потолок над ним сделался прозрачным, и тот, что выше — тоже. На него со счастливой улыбкой смотрел Карлос Ривера.

— Много воды утекло, профессор. Не подниметесь сюда?

— Конечно.

Роберт нашел дорогу к лестнице. Там гаптических иллюзий не было...

...Как и на шестом этаже. Но и книг тоже уже не было. Кто-то здесь организовал кабинеты.

Ривера устроил ему экскурсию. Кажется, на этаже они были одни.

— Сейчас вся группа выведена отсюда в разные места. Некоторые работают на новых расширениях, под землей.

— Так что у вас сейчас за работа? Все еще библиотечарская? Карлос замялся:

— Ну, у меня сейчас несколько должностей. Долгая история. Слушайте, зайдем ко мне в кабинет?

Кабинет был в юго-западном углу, окна выходили на Змеиную тропу и эспланады. Именно здесь собиралась несколько месяцев назад группа заговорщиков. Карлос показал Роберту на стул, сел за широкий стол. Сам Карлос... по-прежнему страдал избыточным весом, носил такую же старомодную футболку. Но была и разница. Этот Карлос казался спокойным, энергичным... довольным всем, что делает.

— Я все собирался как-нибудь поговорить, но работы навалилось — не продохнуть. Мы же тут такой хаос устроили...

— Да, я вас понимаю. Нам, Карлос... очень повезло. — Он оглядел кабинет. В современном мире ранг чиновника трудно определить по видимым предметам, но мебель и растения вроде бы были настоящими. — Вы мне хотели рассказать, что у вас за работа.

— Да-да... только я слегка смущаюсь. Я — новый директор по поддержке библиотеки — так называется эта должность в университете. В некоторых кругах это не слишком важная роль. Внизу и по всему миру известны и другие названия — вроде Опасное Знание или Величайший Малый Скуч-э-маут.

— Но это же из разных кругов веры. Я думал...

— Вы читали, что выиграли скучисты, да? Не совсем так. Когда пыль улеглась, образовался какой-то запутанный... нет, «компромисс» — не совсем точное слово. Лучше уж «альянс» или «разделенное слияние». — Карлос откинулся на спинку кресла. — Страшно подумать, как близко мы были к тому, чтобы взорвать этот уголок Сан-Диего. Но успели остановиться в последний момент. И этот сумасшедший бунт сделал больше

денег, чем новый фильм. Что важнее, он привлек деньги и творческие ресурсы со всего мира, и у администрации достало ума не упустить шанса. — Карлос помолчал в нерешительности, голос его стал чуточку печальным. — Вышло так, что каждый из нас провалил все, о чем сообщал другим как о своей цели. Книги уничтожены. Физически. Но Библиотека Гайзела живет, и эти два психованных кружка верований распространяют по свету ее содержимое. Вы ведь это видели, да? Потому сюда и приехали?

— На самом деле я приехал изучить вашу гаптику.

Роберт объяснил свой интерес к дистанционному интерактивному осязанию.

— Боже мой, это же потрясающе! Обе группы мне жуют уши, чтобы мы расширили охват. Но на верхнем уровне: что вы думаете, происходит из-за этого с восприятием библиотеки?

— Ну, Воины Библиотеки выглядят, мне кажется, как обычно. Интерфейс очень интересный, если вы такое любите. А скучисты... я попытался посмотреть, что они делают, но не нашел в этом смысла. Все как-то очень рассредоточено, почти как будто у каждой книги своя консенсуальная реальность.

— Почти как. Скучисты всегда были эклектиками. Сейчас у них есть «Либрарсом», и они строят ощущение игры до очень мелких рубрик, часто до индивидуальных абзацев. Это куда тоньше работы гачекистов, хотя детки ее быстро перенимают. Настоящая сила в том, что скучисты умеют смешивать реальности. Вот это и случилось с ними и с гачекистами. Скучисты приехали отовсюду, даже из государств-неудачников. Теперь они передают туда оцифровку. Там, где это проходит, правят гачекисты. Другие места, другие образы — но все с доступом к библиотеке в целом. И если вы расколете проблему с дистанционным интерактивным осязанием, они станут еще притягательнее. — Карлос оглядел свой кабинет, где заговорщики стремились недавно к совсем другим целям. — Чертова уйма всего переменялась за каких-то два месяца.

— Карлос, как вы думаете, что на самом деле случилось в ту ночь? Бунт должен был отвлечь от того, что мы делали — или это мы должны были отвлечь от него внимание?

— Я много об этом думал. Мне кажется, бунт был отвлекающим маневром, но он вырвался из-под контроля и в результате вызвал огромный... какой будет антоним к «сопутствующему ущербу»? «Сопутствующая выгода»? Шариф Кто-Бы-Он-Ни-Был — для меня чаще всего Кроликом — был веселым психом.

Кролик. Так называли Таинственного Незнакомца те, кто допрашивал Роберта. И так называл себя сам Незнакомец под конец.

— Ну, наша роль в этом деле была темнее. Кролик манипулировал нами всеми, и каждого дергал за его слабости.

— Да, — кивнул Карлос.

— Кролик каждому пообещал исполнение его тайного желания, и кинул нас, когда мы совершили необходимое ему вероломство.

Впрочем, Роберт не сомневался, что этому существу пришел конец. Возможно, останься он жив, все вышло бы по-другому. Пылающая надежда на обещание Незнакомца была движущей силой его предательства. Но все это подернулось пеплом. И слава Богу.

Карлос подался вперед, взгляд его из-под толстых очков был скептическим.

— О'кей, — сказал Роберт. — Может быть, Кролик не каждому что-то обещал. Я думаю, что для Томми его хитроумный план был сам себе наградой.

— Наверное, так...

Однако Карлос не выглядел убежденным.

— Послушайте, мы бы знали, если бы хоть одно обещание исполнилось. Это было бы зрелищно. Я уверен, что Уинстон хотел...

Кстати, где сейчас Уинни?

Роберт искал ответ, но у Карлоса он уже был.

— Декан Блаунт был нанят университетом месяц назад, факультет искусства и литературы.

Роберта пробежал взглядом по результатам поиска.

— Но ведь всего лишь младшим помощником администратора!

— Да, это странно. Сейчас на том факультете декан — Джесика Ласковиц. Тоже успех медицины. Когда-то она была секретарем факультета. Сейчас карьера помощника администратора потолка не имеет, но Уинстон начинает с самого низа — и самая главная сплетня, что они с Ласковиц никогда не ладили.

О Боже мой.

— Я думаю, Уинстон наконец-то нашел компромисс со своими мечтами.

Как и я.

Как бы там ни было, это значит, что Таинственного Незнакомца действительно больше нет, а его заманчивые обещания сдохли. Он посмотрел на Карлоса Риверу — и ощутил вспышку сильного удивления. У Роберта мало осталось прежнего его умения видеть людей насквозь, и теперь порой очевидное обрушивалось на него как кирпич.

— А как... а как вы?

— Вы ничего нового во мне не замечаете, профессор?

Роберт присмотрелся пристальнее, оглядел кабинет с настоящей плюшевой мебелью. Карлос неплохо устроился, но Роберт никогда бы не подумал, что мирской успех — это то, что просил он у Незнакомца.

— Вы кажетесь спокойнее, увереннее, яснее... — *вот оно!* — Вы ни слова не сказали по-китайски. Ни одной проговорки СО! Карлос сиял улыбкой чистой радости.

— Значит, вы утратили язык?

— Нет. Qi shi wo hai keyi shuo zhongwen, buguo buxiang yiqian name liuli le. И у меня уже шесть недель не было ни одного припадка! СО мною больше не владеет. Я теперь этим языком просто наслаждаюсь — и он так полезен при работе с людьми из Китайской Инфомагии. Мы сливаем взятое ими в библиотеке Британского музея с тем, что осталось после банкротства Гуэртаса.

Роберт помолчал почти минуту. А потом сказал:

— Ваше выздоровление может быть случайностью. Совпадением.

— Я... я думал об этом. Есть прорыв в работе медицинских групп из Турции и Индонезии. Ничего общего не имеет с про-

граммами администрации ветеранов или институциональных исследований. Но так обычно и происходят в наши дни проорывы в медицине. И я не получаю злорадных писем от Кролика. Все в открытом доступе, даже если у новостей не очень большие шансы на успех. Понимаете, в основном для страдающих синдромом СО лечение не эффективно. Со мной связались через «Желтые Ленты», потому что я как раз самый подходящий из нужных генотипов. — Он пожал плечами. — Думаю, это могло бы быть совпадением.

— Ага.

Небесное минное поле.

— Но чертовски большое совпадение, — продолжал Ривера. — Я получил то, что просил, всего через пару недель после выполнения своей части сделки. И частично мой прогресс со скучистами тоже кажется странным. На соглашения, которые надо было бы вырабатывать год, уходят недели. Кто-то мне помогает. Я думаю, вы не правы насчет Кролика. Может, он просто затаился. Что, если он не может сразу сделать все чудеса?.. Профессор? Что с вами?

Роберт отвернулся, прижался лбом к прохладному стеклу окна. *Мне это не надо. Я доволен собой новым, какой я есть!* Он открыл глаза и взглянул сквозь слезы. Внизу, на знакомой тропе, вилась по холму к библиотеке змея знаний. Может быть, Таинственный Незнакомец действительно был богом. Или вырос в бога. Проказливого бога.

— Профессор?

— Все в порядке, Карлос. Возможно, вы правы.

Они еще поболтали немного. Роберт не очень замечал, что было сказано, хотя запомнил, что Карлос как-то за него обеспокоился — может, принял чистой воды замешательство Роберта за что-то, требующее вмешательства врачей.

А потом он спустился на лифте, вышел на залитую солнцем площадь. И вокруг него имманентно парили миры искусства и науки, которые строит человечество.

А что, если я могу получить оба мира сразу?

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА АСТ
КАЖДАЯ ПЯТАЯ КНИГА РОССИИ

ПРИБОРАТАЙТЕ КНИГИ ПО ИЗДАТЕЛЬСКИМ ЦЕНАМ
В СЕТИ КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ **буква**

МОСКВА:

- м. «Алексеевская», Звездный б-р, 21, стр. 1, т. 232-19-05
- м. «Алексеевская», пр. Мира, 176, стр. 2 (Му-Му), т. 687-45-86
- м. «Бибирево», ул. Пришвина, 22, ТЦ «Александр Ленд», этаж 0.
- м. «Варшавская», Чонгарский б-р, 18а, т. 110-89-55
- м. «ВДНХ», проспект Мира, владение 117
- м. «Домодедовская», ТК «Твой Дом», 23-й км МКАД, т. 727-16-15
- м. «Крылатское», Осенний б-р, 18, корп. 1, т. 413-24-34, доб. 31
- м. «Кузьминки», Волгоградский пр., 132, т. 172-18-97
- м. «Медведково», ХЛ ТЦ Мытиши, Мытиши,
ул. Коммунистическая, 1
- м. «Новослободская», 26, т. 973-38-02
- м. «Новые Черемушки», ТК «Черемушки», ул. Профсоюзная, 56,
4-й этаж, пав. 4а-09, т. 739-63-52
- м. «Павелецкая», ул. Татарская, 14, т. 959-20-95
- м. «Парк культуры», Зубовский б-р, 17, стр. 1, т. 246-99-76
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, 52/2, т. 306-18-91
- м. «Петровско-Разумовская», ТК «ХЛ», Дмитровское ш., 89,
т. 783-97-08
- м. «Сокол», ТК «Метромаркет», Ленинградский пр., 76, корп. 1,
3-й этаж, т. 781-40-76
- м. «Сокольники», ул. Стромынка, 14/1, т. 268-14-55
- м. «Сходненская», Химкинский б-р, 16/1, т. 497-32-49
- м. «Таганская», Б. Факельный пер., 3, стр. 2, т. 911-21-07
- м. «Тимирязевская», Дмитровское ш., 15, корп. 1, т. 977-74-44
- м. «Царицыно», ул. Луганская, 7, корп. 1, т. 322-28-22
- м. «Бауманская», ул. Спартаковская, 10/12, стр. 1
- м. «Преображенская площадь», Большая Черкизовская, 2, корп. 1,
т. 161-43-11

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
107140, Москва, а/я 140, тел. (495) 744-29-17

ВЫСЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Звонок для всех регионов бесплатный
тел. 8-800-200-30-20

Приобретайте в Интернете на сайте www.ozon.ru
Издательская группа АСТ
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Книги АСТ на территории Европейского союза у нашего
представителя: «Express Kurier GmbH» Tel. 00499233-4000

Справки по телефону: (495) 615-01-01, факс 615-51-10
E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

По вопросам оптовой покупки книг
издательства АСТ обращаться по адресу:
Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж
Тел. 615-43-38, 615-01-01, 615-55-13

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу:
107140, Москва, а/я 140, АСТ – “Книги по почте”

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Виндж Вернор
Конец радуг

Редакторы Е.А. Барзова, Г.Г. Мурадян
Художественный редактор О.Н. Адашкина
Компьютерная верстка: С.Б. Клещев
Технический редактор О.В. Панкрашина
Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры
Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.60.953.Д.007027.06.07 от 20.06.07 г.

ООО «Издательство АСТ»
141100, Россия, Московская обл., г. Щелково, ул. Заречная, д. 96
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

ООО Издательство «АСТ МОСКВА»
129085, г. Москва, Звездный б-р, д. 21, стр. 1

Отпечатано с готовых диапозитивов
в типографии ООО «Полиграфиздат»
144003, г. Электросталь, Московская область,
ул. Тевосяна, д. 25

...Близкое будущее.

Эра расцвета нанотехнологий и генной инженерии.

Эпоха хрупкого равновесия, установившегося наконец между новыми «хозяевами мира» — гигантскими сверхдержавами.

Но теперь это равновесие вот-вот рухнет...

В секретных американских лабораториях разрабатывается уникальный вирус, позволяющий зомбировать миллионы людей.

Правда ли это?

Расследование начинают трое агентов спецслужб Индоевропейского альянса...

«Ни один современный фантаст не умеет создавать столь яркие и достоверные картины будущего, как Вернор Виндж, и эта книга — новое тому подтверждение».

Дэвид Брин

«Возможно, лучший из романов Вернора Винджа, в котором увлекательный детективный сюжет достигает абсолютного равновесия с масштабными футуристическими картинами».

Грегори Бенфорд

ISBN 978-5-17-044901-9

9 785170 449019